

p-93
186222

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ

П. Н. РЫБНИКОВЫМЪ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Е. Грузинскаго.

Въ трехъ томахъ.

Съ портретомъ, біографіей и указателемъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе фирмы „СОТРУДНИКЪ ШКОЛЬ“.

МОСКВА — 1909.

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ

П. Н. Рыбниковымъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Е. Грузинскаго.

Въ трехъ томахъ.

Съ портретомъ, біографіей и указателемъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Издание фирмы „СОТРУДНИКЪ ШКОЛЪ“.

МОСКВА — 1909.

186222

В. Р. С. Н. И.
Р. 93 + 1/2

В. Р. С. Н. И.

В. Р. С. Н. И.

В. Р. С. Н. И.

В. Р. С. Н. И.

В. Р. С. Н. И.

В. Р. С. Н. И.

В. Р. С. Н. И.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнерева и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА — 1909.

ФОТОГ. П. ПАВЛОВА.

Н. Песков

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	III
П. Н. Рыбниковъ	VII—LX
Замѣтка собирателя.	LX—CII

БЫЛИНЫ.

I.

К И Ж И.

I. РЯБИНИНЪ.

1. Самсонъ богатырь	4
2. Святогоръ	8
3. Вольга и Микула	10
4. Илья и Соловей разбойникъ	15
5. Илья Муромецъ и дочь	23
6. Илья Муромецъ и Идолище	33
7. Илья, Ермакъ и Калина царь	35
8. Добрыня и Василій Казиміровъ	43
9. Дунай-сватъ	70
10. Иванъ Годиновичъ	79
11. Михайла Потыкъ	82
12. Тоже	83
13. Сорокъ каликъ	89
14. Ставеръ	90
15. Хотень Блудовичъ	94
16. Дюкъ	98
17. Василій Буслаевъ	111
18. Садко	114
19. Грозный царь Иванъ Васильевичъ	115
20. Скопинъ	122
21. Два королевича изъ Крякова.	124
22. Горюшко	133

Стр.

II. ЧУКОВЪ.

23. Жевитьба Владиміра	142
24. Илья и Идолище	146
25. Добрыня и Змѣй	147
25 bis	156
26. Добрыня въ отъѣздѣ	162
27. Алеша Поповичъ и Тугаринъ.	172
28. Михайло Потыкъ	173
28 bis	182
29. Дюкъ	189
30. Ставеръ	202
31. Грозный царь Иванъ Васильевичъ	213
32. Земскій Соборъ	218
32 bis	221
33. Настасья Политовская	223
33 bis	227
34. Царь Саламанъ и купецъ темный	230
35. Неразсказанный сонъ	233
36. Царство подсолнечное	247
37. Девять братьевъ и сестра	256

III. КУЗЬМА РОМАНОВЪ.

38. Вольга	258
39. Илья, Ермакъ и Калинъ царь.	264
40. Добрыня и Змѣй	268
41. Добрыня въ отъѣздѣ	270
42. Дунай	277
43. Потыкъ и Сорокъ каликъ	287
44. Хотень Блудовичъ	292
45. Наѣздъ Литовцевъ	296
46. Императоръ Петръ	300
47. Молодецъ и худая жена	303
48. Горюшко и Упавъ молодецъ	307
49. Царь Саламанъ	314
50. Сонъ Саламанова отпа	316

Стр.

Стр.

IV. ЛЕОНТІЙ БОГДАНОВЪ.

51. Святогоръ и Илья	318
52. Потыкъ и Сорокъ калякъ	323
53. Хотень Блудовичъ	326
54. Садко	332
55. Грозный царь Иванъ Василье- вичъ	335
56. Ванюша ключничекъ	342
57. На чужой сторонѣ	343
58. Князь Голицынъ	344
59. Сынъ Стеньки Разина	345
60. Поѣздка по морю	346

V. ѲЕДОТОВЪ (ДУТИКОВЪ).

61. Илья и Соловей разбойникъ	348
62. Илья Муромецъ и Идолище	352
63. Дюкъ	355
64. Василій Буслаевъ	368
65. Смерть Василя Буслаева	374
66. Садко	376
67. Гришка-Разстрижка	379
68. Птицы	381

VI. ТЕРЕНТІЙ ІЕВЛЕВЪ.

69. Микула	383
70. Дунай	384
71. Хотень Блудовичъ	391
72. Василій Буслаевичъ	398
73. Кострюкъ	402

VII. ЩЕГОЛЕНОКЪ.

74. Илья, Ермакъ и Калинъ царь	406
75. Ставеръ	407
76. Молодецъ и худая жена	414
77. Птицы	418

VIII. КОРНИЛОВЪ.

78. Микула	423
79. Настасья Микулична	424
80. Илья и Сокольникъ	425
81. Василій пьяница	431

IX. САРАФАНОВЪ.

82. Илья и Соловей разбойникъ	434
83. Дунай	437
84. Смерть Чурилы	443
85. Хотень Блудовичъ	447

X. ДМИТРИЕВА.

86. Святогоръ	453
87. Илья и Идолъ богатырь	454
88. Юнка (Дюкъ) Степановичъ	455
89. Оника воинъ	458

XI. МОЛОДИЦА ИЗЪ КИЖСКОЙ ГУБЫ.

90. Смерть Чурилы	461
91. Гришка-Разстрижка	463
92. Митрій Васильичъ и Домна Александровна	464

XII. ЮХОВА.

93. Иванъ Годиновичъ	467
94. Саламанъ и Василій Окулье- вичъ	469

XIII. ВАСИЛЬЕВЪ.

95. Кострюкъ	480
96. Кастрюкъ (Великогуб.погость)	483

XIV. ИВАНОВЪ.

97. Иванъ Гостинный сынъ	486
------------------------------------	-----

XV. РѢЗИНЪ.

98. Птицы и Небывальщины	492
------------------------------------	-----

XVI. БАЙНИНЪ.

99. О птицахъ русскихъ и замор- скихъ	500
100. Князь Михайло (Деревянский погость)	503
101. Молодецъ и худая жена (дер. Середки)	507
102. Горе (Петрозаводск. у.)	511

Предисловіе редактора.

Сборникъ былинъ П. Н. Рыбникова, вышедній въ 4 томахъ въ 1861—1867 гг., давно уже представляетъ библиографическую рѣдкость, и нѣкоторые томы его очень трудно добываются даже антикварнымъ путемъ; между тѣмъ цѣнность его для серьезныхъ занятій народной поэзіей до сихъ поръ очень велика. Взявъ на себя редактированіе новаго изданія, мы стремились по возможности освободить его отъ тѣхъ недостатковъ, которые дѣлають подчасъ неудобнымъ пользованіе первымъ изданіемъ. Главные недостатки этого послѣдняго порождены тѣмъ, что оно печаталось по мѣрѣ составленія сборника, на протяженіи 7 лѣтъ, подъ руководствомъ разныхъ лицъ (первые два тома редактированы П. Безсоновымъ, третій—самимъ Рыбниковымъ, четвертый—О. Миллеромъ). Отъ этого накопились поправки, дополненія къ вышедшимъ томамъ, рядъ обозначеній и приуроченій могъ быть сдѣланъ болѣе точно или исправленъ лишь послѣ знакомства съ «Замѣткой» собирателя, которой естественное мѣсто было въ главѣ сборника, но которая появилась лишь въ третьемъ томѣ. Затѣмъ былины въ первомъ изданіи были расположены по сюжетамъ, при чемъ и этотъ планъ по необходимости проводился для каждаго тома отдѣльно, такъ что ориентироваться въ сборникѣ можно было лишь при помощи особаго указателя по сюжетамъ. Между тѣмъ, теперь считается болѣе естественнымъ и удобнымъ располагать народныя произведенія по мѣстностямъ, а былины вмѣстѣ съ тѣмъ и по пѣвцамъ. Самъ Рыбниковъ уже понималъ важность объединенія репертуаровъ каждаго сказителя ¹⁾. Редакторъ IV тома, правда, при-

---

¹⁾ См. „Замѣтку“ О. Миллера (IV т. 1-го изд.).

ложили нѣсколько указателей, которые облегчили пользованіе сборникомъ, но въ нихъ не вездѣ введены поправки и дополненія, данныя собирателемъ въ III т., и не изучена достаточно его «Замѣтка», наконецъ, они не свободны отъ пропусковъ и опечатокъ; а главное, не приложено предметнаго указателя, который въ такихъ изданіяхъ справедливо считается очень важнымъ, прямо необходимымъ. Появленіе Гильфердинговскаго сборника, записаннаго въ томъ же краѣ и часто отъ тѣхъ же пѣвцовъ, въ свою очередь дало много поправокъ и разъясненій къ неточнымъ или глухимъ указаніямъ Рыбникова. Наконецъ на сборникъ Рыбникова лежалъ тяжелый грузъ изслѣдованій Везсонова, которымъ здѣсь просто было не мѣсто, не говоря о ихъ научной несостоятельности, а между тѣмъ они поражаютъ громоздкостью («Замѣтка» при II томѣ занимаетъ около 350 страницъ!).

Высказанными соображеніями опредѣлились задачи редактора 2-го изданія. Теперь матеріалъ расположенъ по мѣстностямъ и сказителямъ; приуроченія отдѣльныхъ былинь къ пѣвцамъ провѣрены и дополнены на основаніи внимательнаго изученія всѣхъ поясненій перваго изданія и указаній Гильфердинга; о каждомъ сказителѣ дана замѣтка, сводящая вмѣстѣ свѣдѣнія Рыбникова и Гильфердинга (иногда дополненныя) и устанавливающая отношеніе репертуаровъ пѣвца у обоихъ собирателей. Вообще оба сборника, естественно примыкающіе другъ къ другу, поставлены въ близкую связь нутемъ ссылокъ (что было отчасти уже сдѣлано Гильфердингомъ). Результатомъ этой работы явилось значительное уменьшеніе глухихъ или неполныхъ приуроченій 1-го изданія и увеличеніе совпаденій сравнительно съ «Онежскими былинами»: въ первомъ изданіи не прикрѣплено къ точному имени пѣвца болѣе 70 №№, въ настоящемъ—менѣе 30; академическое изданіе Гильфердинга даетъ 62 ссылки на Рыбникова, настоящее изданіе отмѣчаетъ совпаденіе болѣе чѣмъ въ ста случаяхъ.

Въ текстъ былинь введены всѣ поправки и дополненія, сдѣланныя собирателемъ при I и II тт. Примѣчанія собирателя напечатаны безъ подписи; Безсоновскія обозначены буквой *В* (нѣкоторыя изъ нихъ, слишкомъ своеобразно окрашенные, вы-

пущены); примѣчанія редактора настоящаго изданія вездѣ оговорены. Оставлены въ сторонѣ «Замѣтки» Безсонова изъ I и II тт. Къ послѣднему тому прилагается предметный указатель.

Изданіе дополнено нѣсколькими письмами Рыбникова и расчитано на три тома: первый обнимаетъ собою былины Петро-заводскаго уѣзда (почти всѣ изъ Кижей), во второй войдутъ былины изъ Пудожскаго, Повѣнецкаго и Каргопольскаго у., въ третьемъ сосредоточенъ будетъ весь не былинный матеріалъ.

Биографія составлена съ привлеченіемъ новыхъ матеріаловъ.

Портретъ П. Н. Рыбникова воспроизведенъ г. П. Павловымъ, фотографомъ въ Москвѣ, съ стариннаго дагерротипа, сохранившагося у родныхъ.

Помимо добраго участія семьи собирателя, настоящее изданіе многимъ обязано стараніямъ и заботливости племянницы его, Е. А. Телешовой.

Москва,
апрѣль, 1909.

П. Н. РЫБНИКОВЪ.

(1831—1885 гг.).

Рыбниковъ, произведшій въ 60-хъ годахъ сборникомъ Олонецкихъ былинъ цѣлый переворотъ въ дѣлѣ изученія народной поэзіи и открывшій своими четырьмя томами впервые возможность широкихъ научныхъ работъ въ этой области, былъ во многихъ отношеніяхъ личностью выдающеюся. Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ удовлетворительной его біографіи. Самымъ цѣннымъ, хотя очень краткимъ источникомъ для нея служила до сихъ поръ поминальная рѣчь В. Модестова въ засѣданіи Этнограф. Отд. Географич. Общества 17 дек. 1885 г. (напечатанная черезъ недѣлю въ газетѣ «Новости»); на ней главнымъ образомъ основаны посвященныя Рыбникову страницы 61—65 II т. «Исторіи русской этнографіи» А. Пыпина. Если прибавить къ этому краткія свѣдѣнія въ V вып. «Обзора» Д. Языкова, то больше нечего указать цѣльнаго, заслуживающаго вниманія.

При составленіи настоящаго очерка мы, кромѣ того, пользовались: 1) нѣсколькими письмами самого Рыбникова и разныхъ лицъ къ нему, а также черновыми рукописями трехъ не законченныхъ его статей,—все это получено отъ его семьи; 2) воспоминаніями его сестры, С. Н. Карзинкиной, записанными по нашей просьбѣ; 3) документами изъ архива Московскаго университета; 4) матеріалами, извлеченными нами изъ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1859—1866 гг., а также изъ Памятныхъ книжекъ и «Сборниковъ» Олонецкой губ.; 5) воспоминаніями о нѣкоторыхъ университетскихъ товарищахъ Рыбникова, любезно сообщенными намъ проф. А. Н. Веселовскимъ; 6) воспоминаніями, которыми подѣлился съ нами Е. В.

Барсовъ; 7) статьями С. Приклонскаго и К. Петрова (напечат. въ «Сѣверн. Вѣстникъ» 1886 и 1887 гг.); 8) статьей М. С—скаго въ журналѣ «Трудъ» 1890 г. Мы перечислили лишь новые или по крайней мѣрѣ впервые привлекаемые для біографическихъ цѣлей матеріалы; ссылки въ дальнѣйшемъ изложеніи покажутъ нашъ матеріалъ въ полномъ объемѣ.

I.

Павелъ Николаевичъ Рыбниковъ родился въ Москвѣ въ 1831 г. ¹⁾, въ старинной купеческой семьѣ. Отецъ его былъ, если и не особенно богатымъ, то во всякомъ случаѣ очень зажиточнымъ купцомъ ²⁾; онъ умеръ, когда Павлу Николаевичу было 4—5 лѣтъ. Семья отличалась, очевидно, нѣкоторой развитостью и умѣньемъ цѣнить образование: старшіе братья П. Н. учились въ Практической академіи, одинъ изъ нихъ по воспоминаніямъ сестры очень любилъ театръ и отлично читалъ стихи; самъ П. Н. прошелъ черезъ гимназію и университетъ; наконецъ, засвидѣтельствованное прекрасное знаніе имъ нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ еще на гимназической скамьѣ, конечно, должно было имѣть корни въ домашней обстановкѣ. Съ другой стороны, Рыбниковы въ прошломъ были старообрядцами; В. Модестовъ, знавшій Рыбникова въ Петрозаводскѣ, говоритъ въ своей статьѣ: «У него хранился, какъ

¹⁾ Пыпинъ указываетъ на 1832 годъ, воспоминанія сестры Р—ва даютъ „1830—32 гг.“; но въ архивѣ Москов. университета „дѣло о принятіи въ число студентовъ Павла Рыбникова“ содержитъ подлинное метрическое свидѣтельство Моск. дух. консисторіи отъ 10 авг. 1836 г. Здѣсь значится: „у купца 3-й гильдіи Ник. Абрамова Рыбникова и законной жены его Елены Петровой въ 1831 г. ноября 24 дня родился сынъ Павелъ, крещенъ 2 декабря“.

²⁾ Объ этомъ говорятъ сохранившіяся въ памяти сестры Р—ва имена ихъ родственниковъ: Шевелкиныхъ, Сушкиныхъ, Третьяковыхъ; въ гимназіи Рыбниковъ водилъ компанію съ Прове и Варгинимъ; это все видные, солидные купеческіе дома. Послѣ отца осталось на 100 тысячъ векселей, по которымъ онъ имѣлъ обычай не взыскивать денегъ. Наконецъ, въ III т. Барсуковскаго Погодина мы нашли Рыбниковыхъ въ числѣ крупныхъ жертвователей на борьбу съ холерой 1830 г.

нѣкая святыня, портретъ казеннаго при Петрѣ князя Мышецкаго, котораго онъ считалъ какъ-то себѣ родственникомъ». Повидимому, нѣкоторыя связи въ московскомъ старообрядчествѣ у Рыбниковыхъ продолжали сохраняться; на это указываетъ знакомство съ К. Т. Солдатенковымъ (о чемъ будетъ рѣчь ниже), объ этихъ связяхъ слышалъ и другой петрозаводскій знакомецъ Р—ва, К. Петровъ ¹⁾. Этими отношеніями нѣсколько объясняется рано появившійся и довольно устойчивый интересъ П. Н. къ расколу, а также вообще вниманіе и уваженіе къ старымъ національнымъ особенностямъ, къ исконному быту и укладу народной жизни; въ домашней и семейной обстановкѣ, несмотря на отмѣченныя выше черты новой культуры, легко могли сохраняться такіе ростки мысли и чувства, которые послѣ отозвались и въ интересѣ либеральнаго студента къ знакомству съ Хомяковымъ, съ Аксаковыми, и въ горячемъ увлеченіи собирателя народно-поэтическаго матеріала по глухимъ Олонецкимъ дебрямъ. Прибавимъ, что есть указанія на раннее знакомство Рыбникова съ былинами еще въ дѣтствѣ, черезъ няньку.

Такимъ образомъ, духъ Рыбниковской семьи представлялъ собою интересное соединеніе разнородныхъ струй, которое должно было давать много духовной пищи для даровитой личности. П. Н. какъ разъ былъ одаренъ прекрасными способностями. Въ 1844 г. на 13 году Рыбниковъ поступилъ въ 3-ю Московскую гимназію на Лубянкѣ, очевидно, прямо во второй классъ, такъ какъ черезъ 6 лѣтъ онъ окончилъ семилѣтній курсъ; это указываетъ на заботливую домашнюю подготовку.

Гимназіи наши тогда доживали послѣдніе годы по уставу 1828 года и готовились къ разгрому своей классической основы, наступившему съ 1847 г.; третья гимназія (называвшаяся реальною, такъ какъ ея старшіе классы имѣли кромѣ классическаго и реальное отдѣленіе) управлялась директоромъ П. Погорѣльскимъ, опытнымъ и не зауряднымъ педагогомъ, котораго цѣнили всѣ входившіе съ нимъ въ общеніе; среди учителей не переводились лица съ литературной или ученой репутаціей (на-

¹⁾ „Сѣверн. Вѣстникъ“ 1887 г. № 4, ст. „Провинціальныя статистики и писатели“.

зовемъ изъ періода 1844—1850 гг. П. Перевлѣскаго, В. Класовскаго, С. Шестакова, Б. Ордынскаго, М. Н. Капустина). Наконецъ, въ числѣ преподавателей гимназіи между 1841—1846 гг. былъ Ѳ. И. Буслаевъ, какъ разъ въ это время выработывавшій и на младшихъ классахъ провѣрившій свою книгу «О преподаваніи отечественнаго языка». Рыбниковъ кончилъ курсъ въ 1850 г. по классическому отдѣленію съ серебряной медалью при *очень хорошихъ* успѣхахъ по математикѣ и *отличныхъ* по закону Божію, русскому, греческому, латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, по физикѣ, математической географіи, всеобщей и російской исторіи, географіи и статистикѣ ¹⁾.

Для прекрасно окончившаго курсъ гимназиста съ опредѣленной способностью и склонностью къ языкамъ и литературѣ ²⁾ прямой и естественной дорогой было продолженіе занятій въ аудиторіяхъ филологическаго факультета. Онъ такъ и сдѣлалъ, но далеко не сразу. Здѣсь въ біографіи П. Н. есть не вполнѣ освѣщенный пунктъ. Извѣстно, что онъ приблизительно въ эти годы ѣздилъ за границу. Пыпинъ пишетъ: «Его университетскій курсъ шелъ какъ-то неправильно; еще до окончанія его онъ дѣлалъ путешествіе за границу и окончилъ курсъ только въ 1858 году»; въ этихъ словахъ есть неточность или неясность, которой Пыпинъ могъ бы избѣжать, больше довѣрившись разсказу Модестова, изъ котораго онъ самъ на послѣдующей страницѣ цитируетъ слова о «заграничномъ путешествіи, предпринятомъ еще до университетскихъ студій». И дѣйствительно сестра Рыбникова пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Окончивъ курсъ гимназіи, онъ ноѣхалъ какъ переводчикъ (такъ какъ отлично зналъ языки) за границу съ Солдатенковымъ и Н. П. Боткинымъ; вернувшись, поступилъ въ университетъ на историко-филологическій факультетъ» ³⁾. Побудительной причиной путе-

¹⁾ Аттестатъ за № 223 въ дѣлѣ архива Московскаго университета.

²⁾ Греческій языкъ преподавался лишь желающимъ; въ выпускѣ 1850 г. было только двое такихъ—Рыбниковъ и Острогоскій.

³⁾ Здѣсь надо сдѣлать одну оговорку. Солдатенковъ, весьма вѣроятно, нуждался въ переводчикѣ, но къ Н. П. Боткину это не можетъ относиться: онъ очень часто ѣздилъ за границу, началъ путешествія свои раньше 1850 г. и прекрасно зналъ языки. См. „Анненковъ и его друзья“.

пешствія помимо стремленія увидать западную Европу легко могло быть желаніе заработка; положеніе семьи послѣ смерти отца должно было пошатнуться,—сестра недаромъ отмѣчаетъ, что П. Н. задолго до окончанія гимназическаго курса (она пишетъ: «съ младшихъ классовъ») началъ давать уроки. Но важнѣе было бы выяснить характеръ самой поѣздки; у насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, прямыхъ указаній на этотъ счетъ. Модестовъ, черпавшій свои данныя изъ дружескихъ бесѣдъ съ Рыбниковымъ въ Петрозаводскѣ, отводитъ опредѣленно (хотя безъ подробностей) этому путешествію извѣстное мѣсто въ высокой образованности П. Н., которая его изумляла; очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ краткой поѣздкой туристскаго характера. Но мы не знаемъ, гдѣ былъ Р—въ за границей и сколько времени провелъ онъ въ путешествіи; память сестры не сохранила никакихъ свѣдѣній объ этомъ ¹⁾. Но изъ дѣлъ университетскаго архива мы знаемъ точно, что въ число студентовъ филологическаго факультета Рыбниковъ былъ принятъ лишь въ 1854 г. ²⁾. Сколько изъ этихъ четырехъ лѣтъ проведено за границей, остается не выясненнымъ.

Въ эту знаменательную пору общественнаго, литературнаго и научнаго оживленія, на переломѣ двухъ эпохъ, наканунѣ обновленія Россіи, Московскій университетъ стоялъ во главѣ русской науки. Филологическій факультетъ блисталъ цѣлымъ рядомъ крупныхъ научныхъ звѣздъ, изъ которыхъ однѣ скоро исчезли, другія только всходили. Рыбниковъ засталъ еще на кафедрѣ Грановскаго, слушалъ Кудрявцева, Соловьева, былъ ученикомъ Шевырева, Буслаева, Бодянскаго, въ его время появился Тихонравовъ; наконецъ по классической древности руководителями его были Леонтьевъ и Шестаковъ. Вступивъ въ университетъ послѣ прекрасно пройденнаго гимназическаго курса,

1) Въ одной ненапечатанной статьѣ (о которой рѣчь будетъ ниже) Рыбниковъ мимоходомъ обронилъ указаніе, что онъ „довольно долго жилъ въ Италіи“.

2) „Дѣло совѣта И. М. У. о принятіи въ число студентовъ Павла Рыбникова № 289“. Здѣсь подписанное Рыбниковымъ прошеніе отъ 16 іюня 1854 г. на имя ректора Альфонскаго съ приложеніемъ: 1) метрическаго свидѣтельства 2) свидѣтельства гимназіи о награжденіи серебряной медалью отъ 18 ноября 1850 г. и 3) аттестата объ окончаніи курса, выданнаго 17 декабря 1851 года.

послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ, очевидно, не безплодно, успѣвшій много увидать за границей, 23-лѣтній отлично одаренный студентъ естественно могъ серьезно и солидно воспользоваться университетскими годами. Университетскіе отчеты за 1854—1858 гг. не разъ отмѣчаютъ успѣхи Рыбникова на различныхъ курсахъ; такъ на первомъ же году оказались «заслуживающими упоминанія» переводы изъ Тацита, представленные проф. Леонтьеву студентомъ I курса Павломъ Рыбниковымъ; на второмъ курсѣ у проф. Шевырева «въ классическиххъ бесѣдахъ» А. Котляревскій и Павелъ Рыбниковъ «читали свои работы о II томѣ Мертвыхъ Душъ». Въ іюнѣ 1858 г. Рыбниковъ былъ утвержденъ въ званіи кандидата.

Обратимся къ внутренней исторіи его студенчества.

Время тогда было такое, что во всѣхъ областяхъ жизни двигались незаурядные люди; немало было ихъ и въ московскомъ студенчествѣ. Въ одно время съ Рыбниковымъ черезъ филологическій факультетъ проходили: А. Козловъ, извѣстный послѣ профессоръ философіи, А. Котляревскій, Александръ Веселовскій, братъ его Ѳедоръ, рано умершій, серьезный классикъ, Н. И. Стороженко, талантливый переводчикъ Разсидинъ. Это была даровитая, живая молодежь, жадно воспринимавшая новыя общественныя вѣянія, полной грудью вдыхавшая свѣжій воздухъ, которымъ послѣ Николаевской замурованности такъ отрадно вѣяло во внутреннихъ дѣлахъ, въ публицистикѣ, въ литературѣ, въ наукѣ. Перечисленные выше юноши формировались и выходили въ жизнь, обращенные уже въ то время всего болѣе въ сторону серьезной науки, но тогда и наука не шла, не могла итти изолировано отъ общихъ основъ міровоззрѣнія, отъ живыхъ вопросовъ эпохи. Занятія, положимъ, народной поэзіей или старой русской письменностью неизбежно связывались для ученаго съ необходимостью опредѣлить такъ или иначе свое отношеніе къ идеѣ народности, къ общему ходу историческихъ судебъ русскаго народа, къ вопросу о самобытности развитія, къ западничеству и славянофильству. Если Буслаеву, О. Миллеру и нѣкоторымъ другимъ, уже твердо ставшимъ на научную дорогу, приходилось иной разъ ощутить вторженіе въ ихъ мирныя ученыя занятія настойчиваго и требовательнаго

элемента общественности, то естественно, что среди неустоявшейся и не опредѣлившейся молодежи было много метанья и бурливыхъ исканій въ разныхъ направленіяхъ. Она шумѣла, говорила на сходкахъ, уясняла себѣ духъ времени, выработывала новыя основы свободнаго міровоззрѣнія, иной разъ просто веселилась на шумныхъ товарищескихъ собраніяхъ, — однимъ словомъ, реагировала ярко на жизнь и на собственную молодость.

Конечно, она нерѣдко при этомъ обращала на себя неблагоклонное вниманіе начальства; изощренный долговременной практикой въ 40-е годы глазъ хозяина Москвы, гр. Закревскаго подозрительно устремлялся на шумливые кружки и въ его канцеляціи составлялся и росъ знаменитый «Списокъ подозрительныхъ лицъ 1859 г.» Здѣсь среди цѣлаго ряда извѣстныхъ лицъ, попавшихъ на замѣчаніе—одинъ за то, что членъ «тайнаго политическаго общества славянофиловъ», другой за то, что «западникъ и демократъ», третій за то, что «другъ Кокорева», четвертый за то, что «желаетъ переворотовъ и готовъ на все»,—среди Аксаковыхъ, Самариныхъ, Хомяковыхъ, Щепкиныхъ и др. мы встрѣчаемъ троихъ изъ названныхъ выше лицъ, только что покинувшихъ университетъ и занявшихся на первыхъ порахъ учительствомъ. Это—Козловъ, Котляревскій и Разсадинъ; полицейская характеристика ихъ неблагонадежности неожиданна и таинственна: «изъ числа вертепниковъ», гласитъ списокъ, прибавляя о Котляревскомъ: «но принималъ въ ономъ(!) участіе менѣе другихъ», а о Разсадинѣ—сакральную формулу: «готовъ на все» ¹⁾. Мы не будемъ разгадывать кабалистику списка, да это и не важно; очевидно, веселыя товарищескія собранія и кое-что въ образѣ жизни нѣкоторыхъ членовъ кружка (Котляревскій по видимому даже не былъ близокъ съ двумя другими) дали какъ-нибудь поводъ къ дикому названію. Весь списокъ дышитъ такой юмористической нескладицей, что удивляться ему не приходится; интересно здѣсь то, что онъ отмѣтилъ своимъ неуклюжимъ удареніемъ молодую группу, разумѣется, случайно одну изъ нѣсколькихъ, въ которыхъ чуялось новое, живое,

¹⁾ „Русск. Архивъ“, 1885, № 7.

необычное и eo ipso подозрительное. Такою и должна была естественно быть вся выдающаяся молодежь конца 50-х годовъ.

Переходя къ Рыбникову, отмѣтимъ прежде всего то, что сохранилось въ памяти сестры о его студенческихъ годахъ. Она пишетъ: «Онъ часто говорилъ на сходкахъ и все время былъ подъ надзоромъ полиціи. Сначала П. Н. жилъ съ матерью и сестрой, а потомъ изъ боязни обыска, чтобы не пугать мать, уѣхалъ и жилъ то съ Козловымъ, то съ Свириденкомъ и съ Власьевымъ». Здѣсь кое-что, вѣроятно, надо понимать лишь какъ общее впечатлѣніе, но опредѣленно устанавливается его близость къ нѣсколькимъ товарищамъ. Сестра при этомъ называетъ ихъ «соціалистами», а Козлова даже «анархистомъ»; эта слишкомъ современная терминологія рисуетъ живо впечатлѣніе отъ знакомыхъ брата, отъ ихъ свободныхъ, крайнихъ взглядовъ. Изъ этихъ товарищей П. Н. мы всего меньше знаемъ о Власевѣ. Университетскіе отчеты говорятъ лишь, что Владиміръ Власевъ, дворянинъ, послѣ домашняго образованія поступилъ на юридическій факультетъ; въ 1855—6 гг. (когда Рыбниковъ былъ на 2 курсѣ) Власевъ уже кончилъ и держалъ экзаменъ на степень магистра уголовныхъ законовъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ мы не могли собрать. (Характерно для зрѣлости Рыбникова, что онъ дружилъ со старшими: Козловъ тоже кончилъ нѣсколькими годами раньше его, въ 1856 г.)

О М. Я. Свириденкѣ извѣстно нѣсколько больше. Проф. Алексѣй Ник. Веселовскій, любезно подѣлившійся съ нами своими воспоминаніями (Рыбниковъ былъ нѣсколько старше его по курсу и онъ успѣлъ узнать не всѣхъ его товарищей), сообщаетъ: «Матвѣя Свириденко встрѣчалъ у Котляревскаго; у меня осталось впечатлѣніе очень типическаго и по рѣчи, и по костюму, и по любви къ родинѣ украинца; ему не везло въ жизни, и въ началѣ 60-хъ годовъ онъ, помнится, долженъ былъ удовлетвориться мѣстомъ приказчика въ книжномъ магазинѣ извѣстнаго тогда издателя Кожанчикова въ Петербургѣ». Тотъ же авторъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ А. Котляревскомъ («Кіевская Старина» 1888 г.) говоритъ, что Свириденко имѣлъ связи съ петербургскими кружками и былъ

однимъ изъ такихъ лицъ, при посредствѣ которыхъ въ московской молодежи того времени устанавливалось единомысліе съ тѣмъ, что тогда проповѣдывала передовая журналистика. Л. Пантелѣевъ въ своей книгѣ «Изъ воспоминаній прошлаго» (Спб. 1905, стр. 280) говоритъ о Свириденкѣ: «Управлялъ магазиномъ Кожанчикова, съ университетскимъ образованіемъ, большой пріятель Костомарова и для своего времени очень интересная личность; умеръ въ концѣ 1864 г.». Наконецъ изъ воспоминаній Н. А. Лейкина о П. И. Якушкинѣ (Соч. П. Якушкина. Спб. 1884 г.) узнаемъ, что Свириденко жилъ въ каморкѣ при магазинѣ, былъ общимъ знакомымъ всей тогдашней пишущей братіи, собиралъ съ интеллигентной молодежи, во множествѣ [посѣщавшей магазинъ, пожертвованія на воскресныя школы и на поддержку бѣдныхъ студентовъ. Онъ былъ пріятелемъ П. Якушкина и удерживалъ его отъ запоя; Якушкинъ часто привиталъ у него, когда появлялся въ Петербургѣ, и въ его каморкѣ на отдѣльныхъ клочкахъ бумаги написалъ свои очерки «Великъ Богъ земли [русской]». Изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній все же складывается нѣкоторый образъ личности незаурядной, захваченной новыми идеями, живой и въ общемъ симпатичной, съ своеобразнымъ пошибомъ и общечеловѣчности, и народолюбія, но почему-то съ неудачной судьбой. Мы сочли не лишнимъ дать здѣсь всѣ, какія удалось собрать, свѣдѣнія объ этомъ мало извѣстномъ пріятелѣ юношескихъ лѣтъ Рыбникова.

Особо стоитъ гораздо болѣе крупная личность А. А. Козлова. Выдающійся философъ - спиритуалистъ во второй половинѣ своей дѣятельности (съ 1876 г. профессоръ Кіевскаго университета, умеръ въ 1901 г.), онъ прошелъ очень сложную линію развитія. Въ главныхъ чертахъ переломы этой линіи извѣстны: первые 10 лѣтъ послѣ университета педагогическая дѣятельность въ Москвѣ и усиленные занятія политической экономіей и социальными вопросами, второе десятилѣтіе (съ 1866 г.) удаление «по независящимъ обстоятельствамъ» изъ Москвы и дѣятельность агронома, интересъ къ естественнымъ наукамъ и переходъ отъ нихъ къ философіи; здѣсь сперва Кантъ и позитивизмъ, затѣмъ вліяніе Шопенгауэра и Гартмана и изу-

ченіе Канта. Тутъ научные интересы Козлова окончательно фиксируются на философіи метафизическаго характера и онъ получаетъ кафедру въ Кіевѣ. Первый періодъ его дѣятельности, который особенно занимаетъ насъ по связи съ Рыбниковымъ, оказался всего менѣе освѣщенъ въ существующихъ источникахъ, какъ и вообще самая личность Козлова. Приводимъ интересную характеристику этой оригинальной фигуры, данную въ письмѣ къ намъ проф. А. Н. Веселовскимъ, знавшимъ его какъ разъ на передомъ 60-хъ годовъ.

«Некрасивый, желтоволосый, съ мочальной бородой (которая, говорятъ, въ старости превратилась въ длиннѣйшую бѣлую бороду патриарха), онъ и даромъ слова какъ будто не обладалъ, но отъ этого умнаго, убѣжденнаго и, главное, увѣреннаго въ себѣ чловѣка несомнѣнно шелъ токъ, которому мало кто могъ противостоять,—особенно женщины. Былъ ли онъ «анархистомъ»? ¹⁾ Конечно, нѣтъ; но преимущественно въ области нравственныхъ понятій, семейнаго, брачнаго строя, свободы привязанностей и союзовъ онъ обладалъ базаровскою смѣлостью до Базарова. Его освобождающія, разрушительныя теоріи очаровывали женскій слухъ. Студентомъ онъ неудачно женился на какой-то, кажется, прислугѣ, но когда въ помѣщичьей семьѣ, гдѣ онъ одно время былъ учителемъ, его рѣчей заслушалась молодая дѣвушка, онъ позвалъ ее съ собой, да такъ и прожилъ съ нею, невѣнчанный, всю жизнь. Въ свое время на нихъ указывали въ Москвѣ, какъ на образецъ счастливаго свободного союза, и Козловъ съ своей подругой, очень неглупой, подъ стать къ нему, былъ въ интеллигентныхъ кругахъ лицомъ замѣтнымъ... Конечно, его новаторство и проповѣдь обновленія и переустройства не ограничивались семейнымъ или женскимъ вопросомъ. Обще-соціалистическая окраска его воззрѣній несомнѣнна, и тутъ приходится указать на успѣхъ его діалектики не у однѣхъ только женщинъ. Увлеченный имъ, богатый землевладѣлецъ изъ купцовъ, помнится, Хлѣбниковъ, придумалъ для его обезпеченія дать ему мѣсто своего главного

---

¹⁾ Мы передали А. Н. Веселовскому приведенныя выше слова сестры Рыбникова.

управляющаго, и хотѣлъ итти еще дальше на этомъ пути, но внезапно умеръ ¹⁾). Словомъ, тогдашній Козловъ рисуется мнѣ, на большомъ разстояніи, представителемъ сильно поднявшейся соціально-критической мысли; съ нимъ вмѣстѣ шли и другіе люди (напримѣръ братья Орфано ²⁾). Были въ Москвѣ и другіе кружки, гдѣ общественные вопросы изучались превыше всего, — напр. кружокъ, въ которомъ главнымъ лицомъ былъ здравствующій нынѣ извѣстный статистикъ В. И. Покровскій».

Кружокъ, въ которомъ вращался Рыбниковъ въ студенческіе годы, несомнѣнно отличался передовыми и даже, новидимому, довольно крайними возрѣніями; по крайней мѣрѣ кое-кто въ Петербургѣ зналъ о такой репутаціи его членовъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ воспоминаніяхъ своихъ Л. Пантелѣевъ рассказываетъ, что въ 1862 г., когда возникала политическая организація «Земля и Воля», то «господинъ въ пенснэ», отправляя автора въ организаціонную поѣздку на сѣверъ, рекомендовалъ ему въ Петрозаводскѣ войти въ сношенія съ Рыбниковымъ, прибавивъ: «черезъ него вамъ будетъ открытъ весь Олонецкій край, да навѣрно и Новгородскій» ³⁾. «Господинъ въ пенснэ» былъ вообще мало основателенъ, по отзыву Пантелѣева, а въ данномъ случаѣ прямо дурно осведомленъ, — Пантелѣевъ тотчасъ же навелъ справки у Свириденки и тотъ далъ о Рыбниковѣ «такую аттестацію, которая мало подавала надеждъ» ⁴⁾; но ясно, что «господинъ въ пенснэ» повторялъ ходячій слухъ, чужое мнѣніе, сложившееся гдѣ-то помимо его; до высылки Рыбникова оно могло быть болѣе близкимъ къ истинѣ.

Не смотря на такую репутацію, мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ основаній приписывать и всему кружку, и, особенно, лично Рыбникову склонность къ активной политикѣ или конспираціи. Ничего этого, конечно, и не было; было широко

¹⁾ Очевидно, здѣсь и лежитъ объясненіе даннаго нами выше глухаго указанія біографій Козлова на его агрономическую дѣятельность. Любопытно сходство этого эпизода съ подобнымъ же приключеніемъ въ „Рудинѣ“.

²⁾ Изъ нихъ болѣе извѣстенъ М. И. Орфано или Орфановъ, писатель-народникъ; его литературный псевдонимъ *Мишпа*.

³⁾ Изъ воспоминаній прошлаго I, 263.

⁴⁾ Ibidem. стр. 280.

тогда распространенное свободомысліе, серьезное образовательное чтеніе, и главные интересы направлялись не на политическіе, а на социальныя вопросы. Собственно у Рыбникова, очевидно, къ этому быстро присоединились вниманіе и любовь къ русскимъ національнымъ особенностямъ въ исторіи, въ бытѣ, въ народномъ творчествѣ, — не даромъ онъ прочнѣе другихъ привязался къ А. С. Хомякову, съ которымъ у кружка въ то время какъ-то завязалось знакомство.

Эти отношенія представляютъ большой интересъ и важны для характеристики обѣихъ сторонъ; къ сожалѣнію, о нихъ извѣстно очень мало въ печати. Мы знаемъ, что Рыбниковъ студентомъ сталъ давать уроки дѣтямъ А. С. и лѣтомъ жилъ въ его Тульскомъ имѣніи Богучаровъ ¹⁾; знакомство началось очевидно съ первыхъ временъ университетскаго курса, такъ какъ Козловъ въ своей статьѣ послѣ смерти Хомякова (о ней сейчасъ будетъ рѣчь) въ 1860 г. относитъ сближеніе къ времени за пять, за шесть лѣтъ назадъ, т. е. къ 1854—1855 годамъ. Оригинальное сближеніе одного изъ крупнѣйшихъ столповъ славянофильства, пятидесятилѣтняго человѣка съ группой студентовъ «крайнихъ возрѣній» бросаетъ особый свѣтъ прежде всего на личность самого Хомякова. Біографъ его, В. Лясковскій, отмѣчаетъ, какъ одну изъ характерныхъ чертъ А. С., его склонность сходиться съ молодежью и умѣнье не только подчинять ее своему вліянію, но и отъ нея заимствовать кое-что. И раньше въ разное время къ нему были очень близки люди гораздо моложе его: К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, Д. Валувъ, А. Поповъ; та же черта очевидно сказалась и здѣсь, при чемъ условія жизни Хомякова ко второй половинѣ 50-хъ годовъ благопріятствовали ея проявленію. Разсказавъ о цѣломъ рядѣ потерь, перенесенныхъ имъ на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1852 по 1857 г. умерла его жена, Гоголь, И. и П. Кирѣевскіе, наконецъ мать), біографъ говоритъ: «Вокругъ А. С. не оставалось почти никого изъ ближайшихъ его друзей: од-

¹⁾ Такъ помнитъ сестра Рыбникова; о томъ же говорятъ сохранившійся въ университетскомъ архивѣ отпускной билетъ, № 1207, выданный «окончившему курсъ ученія своекоштному студенту Павлу Рыбникову на проѣздъ въ Тульскій уѣздъ 4 іюня 1858 г.» и явленный 7 іюля въ Тульскомъ Земскомъ Судѣ.

нихъ не стало, другіе ушли на практическое дѣло. Но общеніе, проповѣдь, споръ были для него необходимы. Въ послѣдніе годы жизни мы видимъ его то въ состязаніяхъ съ раскольниками въ Кремлѣ, то въ частыхъ спорахъ съ университетской молодежью, особенно съ представителями крайнихъ мнѣній среди нея, каковы были въ то время Рыбниковъ, Козловъ и нѣкоторые другіе ¹⁾.»

Характеръ интересующихъ насъ отношеній хорошо выясняется въ упомянутой некрологической статьѣ А. Козлова ²⁾. Указавъ на рѣдкую терпимость Хомякова къ чужому образу мыслей, вытекавшую столько же изъ искренней преданности его своимъ убѣжденіямъ, сколько изъ уваженія къ человѣческой личности вообще, авторъ продолжаетъ: «Назадъ тому лѣтъ пять-шесть въ Москвѣ было нѣсколько студентовъ, которые время отъ времени собирались къ одному изъ своихъ товарищей потолковать и поспорить между собой о разныхъ философскихъ и научныхъ вопросахъ... Студенты эти были люди бѣдные, неизвѣстные, но искренно преданные наукѣ. Когда съ однимъ изъ нихъ случайно познакомился Хомяковъ, то ни на минуту ни задумался пріѣзжать къ этимъ молодымъ людямъ на вечеръ каждую недѣлю. Онъ, помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, человѣкъ, принадлежавшій къ высшему обществу, имѣвшій почетное имя въ литературѣ, просиживалъ за полночь въ душной мансардѣ, въ обществѣ бѣдняковъ, у которыхъ на десять стакановъ чаю переходила изъ рукъ въ руки одна чайная ложечка. Всѣ эти молодые люди въ своихъ воззрѣніяхъ на науку не сходились съ покойникомъ, поэтому въ спорахъ съ нимъ были иногда слишкомъ рѣзки, относились къ нему безъ церемоній, какъ къ товарищу. Несмотря на всю эту невзрачную обстановку, несмотря на то, что въ обществѣ могли бы находить странными сношенія Хомякова съ юношами-студентами, онъ долгое время продолжалъ свои посѣщенія и сохранялъ всегда глубокое сочувствіе къ своимъ горячимъ и непримиримымъ соперникамъ».

Въ то время, когда умеръ Хомяковъ (сентябрь 1860 г.) и

¹⁾ В. Лясковскій, «А. С. Хомяковъ», стр. 63.

²⁾ Напечатана въ «Московскомъ Вѣстникѣ», 1860 г. Нижеслѣдующую цитату заимствуемъ у Барсукова («Погодинъ», XII, 449).

одинъ изъ членовъ молодого кружка писалъ о немъ вышеприведенныя строки, другой участникъ бесѣдъ и споровъ съ покойнымъ, самъ Рыбниковъ, уже болѣе года жилъ въ Петрозаводскѣ. На извѣстіе о смерти А. С. Хомякова онъ отозвался письмомъ къ его сыну, гдѣ говорилъ между прочимъ: «и для нашего времени «миръ твоему праху» можетъ означать, напр., окончаніе борьбы. Но я, расходясь съ А. С. въ убѣжденіяхъ, сходилъ съ нимъ въ вѣротерпимости и видѣлъ въ немъ благороднаго представителя одного изъ извѣстныхъ міровоззрѣній, на которыя люди раздѣлены по необходимости, а потому мнѣ не нужна эта формула. Я иначе поминаю вашего отца. — По просьбѣ Ю. О. С. я записываю смыслъ его бесѣдъ со мною. Такимъ образомъ личность А. С. постоянно присутствуетъ въ моей мысли, еще вліяетъ на нее, и я невольно повторяю слова Тацита: *Quicquid ex A. S. amavimus, quicquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporum, fama rerum*».

Изъ этихъ свидѣтельствъ самихъ дѣйствующихъ лицъ ясенъ характеръ отношеній между Хомяковымъ и молодымъ кружкомъ, который мы называли «Рыбниковскимъ» (хотя Козловъ игралъ въ немъ, быть можетъ, и болѣе важную роль); отношенія эти отмѣчены были духомъ внутренней свободы: молодые люди не отказывались отъ своихъ воззрѣній и не подчинялись вполне идейному вліянію Хомякова,—очевидно, у нихъ многое было хорошо продумано и прочно сложилось,—но они сумѣли оцѣнить въ своемъ оппонентѣ искреннюю убѣжденность, отсутствіе узкаго сектантства и нравственную привлекательность личности. Крупнѣйшимъ пунктомъ ихъ разногласія, конечно, долженъ былъ служить тотъ индивидуалистическій характеръ міровоззрѣнія, который явственно даетъ себя знать въ кружкѣ и который плохо мирился съ кореннымъ славянофильскимъ принципомъ растворенія личности въ общемъ, соборномъ началѣ. Это разногласіе неминуемо выступало, разумѣется, и въ религіозныхъ, и въ философскихъ, и въ нравственныхъ вопросахъ, также какъ напр. въ пониманіи русской исторіи и будущихъ путей народнаго развитія. Ниже еще будутъ случаи, гдѣ у Рыбникова даетъ себя знать характерное для 60-хъ гг.

ученіе о самоутвержденіи личности. Есть однако указанія на то, что именно на Рыбникова славянофильская атмосфера имѣла извѣстное вліяніе; не даромъ онъ вошелъ до нѣкоторой степени въ кругъ близкихъ Хомякову лицъ: мы видѣли, что Юрій Самаринъ обращался къ нему въ Петрозаводскъ съ просьбой, вызванной смертью А. С.; сестра Рыбникова вспоминаетъ, что К. Аксаковъ бывалъ у ея брата еще въ Москвѣ,—это косвенно подтверждается фактомъ Петрозаводской переписки Рыбникова съ К. С. и И. С. Аксаковыми ¹⁾).

Эту большую близость, конечно, надо объяснить тѣмъ, что для Рыбникова къ концу университетскаго курса несомнѣнно сталъ выясняться его интересъ къ народному творчеству и старому быту; вспомнимъ, что онъ былъ сосланъ едва годъ спустя по окончаніи курса и къ моменту ареста имѣлъ уже большое количество собраннаго матеріала ²⁾. Быть можетъ, въ первое время этотъ интересъ не былъ чисто литературнымъ и осложнялся соціальной окраской кружка; на это наводятъ сохранившіяся, правда очень общія, свидѣтельства: Рыбниковъ въ Черниговской губ. ходилъ по старовѣрческимъ слободамъ, «изучалъ расколъ», охотно развивалъ свою точку зрѣнія на него, какъ на крупное общественное явленіе, въ близкомъ кругу и позднѣе, въ Петрозаводскѣ; но этотъ соціальный наклонъ его вниманія къ народной жизни и въ первое время не поглощалъ литературно-этнографическихъ интересовъ: удѣлѣвшія Черниговскія записи хоропроводныхъ пѣсенъ опредѣленно говорятъ о томъ. Во всякомъ случаѣ здѣсь, въ области изслѣдованія стараго быта и духовной жизни русскаго народа лежалъ главный пунктъ соприкосновенія и сближенія тогдашняго Рыбникова и московскихъ славянофиловъ; начавшіяся послѣ смерти Петра Кирѣевскаго заботы объ изданіи его собранія, дѣятельность П. Якушкина, одно время стоявшаго у этой работы, появленіе въ Хомяковскомъ кружкѣ какъ разъ въ это время П. Шейна изъ Симбирской губ. съ сборничкомъ былинъ и историческихъ пѣ-

¹⁾ Ко II т. былинъ было приложено извлеченіе изъ письма Рыбникова къ К. Аксакову отъ лѣта 1860 г. Письма П. Аксакова были въ нашихъ рукахъ.

²⁾ Онъ былъ весь уничтоженъ (см. объ этомъ ниже), кромѣ случайно уцѣлѣвшаго десятка пѣсенъ изъ Черниговской губ., напечатанныхъ въ III томѣ.

сенъ (напечат. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей въ 1859 г.), интересъ К. Аксакова къ былинамъ—все это должно было стимулировать Рыбникова, вызывать наружу его собственныя влеченія и симпатіи. Участіе Хомякова и его друзей въ этнографическихъ интересахъ П. Н. можно прослѣдить съ самыхъ первыхъ шаговъ его собирательской дѣятельности: въ Черниговскую губ. въ 1859 г. онъ беретъ съ собой рекомендательное письмо Хомякова; въ Петрозаводскѣ, еще почти не имѣя собственныхъ былинныхъ записей, и не подозревая, какое богатство откроется вскорѣ передъ нимъ, но получивъ въ свое распоряженіе Бутеневское собраніе и начавъ печатать его въ «Олонецкихъ Губ. Вѣдомостяхъ», онъ уже имѣетъ надежды (очевидно отъ того же Хомякова) на изданіе отдѣльнаго сборника ¹⁾; первыя тетради своихъ записей онъ посылаетъ въ Москву къ Хомякову и тотъ рѣшаетъ тогда же напечатать сборникъ ²⁾.

Характеризуя кружокъ Рыбникова и его связи, мы не выдѣляли до сихъ поръ особо духовную личность самого П. Н. Мы не располагаемъ матеріалами для подробнаго раскрытія его внутренней жизни за это время, но общій обликъ Рыбникова, его развитіе и кругъ умственныхъ интересовъ тотчасъ по окончаніи курса довольно живо переданы В. Модестовымъ въ названномъ выше некрологѣ. Модестовъ, тогда бывший молодымъ учителемъ гимназіи, послѣ—извѣстнымъ профессоромъ классической филологіи, могъ, конечно, вполне оцѣнить Рыбникова. Вотъ набросанный имъ портретъ:

«Это былъ въ то время высокій, стройный, сильный, очень красивый мужчина лѣтъ 26—27, обращающій на себя вниманіе петрозаводскаго общества и своимъ блестящимъ образованіемъ, и своимъ интереснымъ положеніемъ (онъ жилъ въ ссылкѣ). Мы

¹⁾ Первая поѣздка Рыбникова, открывшая ему сразу цѣлый рядъ пѣвцовъ и давшая больше 80 записей, началась въ маѣ 1860 г., но уже 2 апрѣля «Олон. Губ. Вѣдом.» въ редакціонной замѣткѣ писали: «собраніе былинъ, стиховъ и пѣсенъ г. Р-ва, сколько намъ извѣстно, предназначается къ изданію особымъ сборникомъ, который займетъ видное мѣсто въ нашей ученой литературѣ».

²⁾ Какъ извѣстно, въ исполненіе воли отца, сыновья А. С. дали средства на изданіе первыхъ двухъ томовъ.

сошлись очень скоро, черезъ мѣсяцъ были на *ты*, видѣлись каждый день, мѣсяца два или три сряду вмѣстѣ обѣдали въ его квартирѣ... Сношеній между нами было достаточно, чтобы я могъ вполне понять и изучить замѣчательную личность своего петровзаводскаго друга. Прежде всего я долженъ сказать, что Рыбниковъ былъ человѣкъ высокаго образованія, какое рѣдко было и въ то время между молодыми людьми, а теперь еще рѣже. Образование это онъ частью получилъ въ московскомъ университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ, въ блестящую еще пору послѣдняго, частью въ заграничномъ путешествіи, предпринятомъ имъ еще до университетскихъ студій, частью въ кругу образованнѣйшихъ въ то время въ Москвѣ лицъ, между прочимъ, въ кружкѣ Хомякова, частью—и это главное—посредствомъ чтенія, широкаго и плодотворнаго. Онъ былъ знакомъ съ исторіей философіи и ближайшимъ образомъ съ Гегелемъ, ему была хорошо извѣстна экономическая литература Франціи и Германіи, особенно направленія, такъ сказать, лѣвой стороны; онъ имѣлъ въ древней классической литературѣ познанія, которыя приводили меня въ изумленіе. Независимо отъ этого онъ былъ хорошій знатокъ богословской литературы (вліяніе Хомякова), особенно русской сектантской, зналъ хорошо бытъ раскольниковъ, усердно занимался статистикой и изучалъ народную жизнь во всевозможныхъ направленіяхъ... Онъ былъ горячій любитель народнаго быта, исповѣдывалъ въ философіи и политической экономіи довольно передовыя ученія ¹⁾, но революціонеромъ въ какомъ бы то ни было

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ авторъ прибавляетъ, что ихъ бесѣды и споры часто вращались вокругъ именъ Фейербаха, Макса Штирнера, Луи Блана и Прудона, на ряду съ которыми впрочемъ были другія, какъ Гегель, Вико, Монтескье. Въ частности относительно Штирнера слѣдуетъ прибавить, что его индивидуалистическая философія повидимому не осталась безъ вліянія на Рыбникова: ея слѣды можно видѣть напр. въ уцѣлѣвшемъ изъ юношеской поры наброскѣ стихотворенія, гдѣ между прочимъ читаемъ:

Въ пучинѣ минутныхъ явленій
Одно устойчиво—я,
Въ хаосѣ реальныхъ мгновений
Реальна—дума моя.

И далѣе:

Богъ можетъ сразить меня волей,
И можетъ власть умирить,

смыслъ онъ не былъ никогда и, повторяю, не могъ быть ни въ какомъ случаѣ». Модестовъ прибавляетъ: «Смѣло могу сказать, что никому изъ лицъ, съ которыми раньше или позже мнѣ приходилось сталкиваться, я не былъ обязанъ, посредственно или непосредственно, своимъ умственнымъ развитіемъ въ такой степени, какъ Рыбникову. Во многихъ письмахъ, которыя я писалъ тогда въ изобилии въ Петербургъ къ университетскимъ товарищамъ, вѣроятно, найдется не мало строкъ, посвященныхъ Рыбникову, и полныхъ восторженныхъ о немъ отзывовъ. Цѣлые вечера, иногда даже цѣлыя ночи мы проводили съ нимъ въ разговорахъ»...

Этотъ очеркъ даетъ довольно ясное представленіе о личности Рыбникова въ періодъ, очень близкій къ катастрофѣ, нарушившей спокойный ходъ его развитія. Переходимъ теперь къ внѣшней исторіи этого событія.

Состояніе источниковъ не даетъ возможности представить эпизодъ ареста и ссылки со всей полнотой, но общій ходъ исторіи устанавливается довольно отчетливо изъ сопоставленія воспоминаній сестры Рыбникова и свѣдѣній, сообщенныхъ Модестовымъ и К. Петровымъ, которые получили ихъ отъ самого П. Н. ¹⁾. На основаніи этихъ источниковъ дѣло представляется въ такомъ видѣ. Черезъ Хомяковыхъ Рыбниковъ познакомился съ семьей помѣщиковъ Жеребцовыхъ ²⁾. У этихъ Жеребцовыхъ онъ гостилъ въ черниговскомъ имѣніи Лаврики (или Лаврентьево), когда знакомился съ расколомъ и записывалъ пѣсни въ

Замучить, стараться неволей
Мой духъ себѣ покорить.

Ну, умеръ, замученъ, въ темницѣ...
Коль трупъ—такъ это не Я;
Въ темницѣ сіяетъ денницей
Свободная мысль моя.

¹⁾ К. Петровъ работалъ вмѣстѣ съ Рыбниковымъ въ Петрозаводскомъ статистическомъ комитетѣ.

²⁾ Повидимому, къ этой семьѣ прикосновененъ Н. Жеребцовъ, одно время виленскій губернаторъ, много ѣздившій по Европѣ, усердный, но узкій славянофилъ, плохой писатель, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, частью писанныхъ по-французски и изданныхъ за границей, въ томъ числѣ известной *Histoire de la civilisation en Russie* въ 2 томахъ, которую Добролюбовъ подвергъ уничтожающей критикѣ.

тамошнихъ старовѣрческихъ слободахъ. Модестовъ пишетъ, что «своими связями съ старообрядческимъ купечествомъ онъ возбуждалъ противъ себя неудовольствіе духовныхъ властей, а затѣмъ и полиціи», упоминая, со словъ Рыбникова, о какомъ-то неумѣстномъ его спорѣ съ черниговскимъ архіереемъ. Замѣтимъ, что помимо этого, самое «хождение въ народъ» образованнаго челоуѣка, да еще въ «русскомъ» платьѣ должно было казаться подозрительнымъ даже въ тѣ времена и само по себѣ могло вызвать полицейскія мѣропріятія; самъ Рыбниковъ косвенно подтверждаетъ это слѣдующими словами своей «Замѣтки»: «Неужели, скажутъ иные, для собиранія этнографическихъ данныхъ нужно переряжаться въ русское платье и подражать внѣшности простолудина. Переряживанье и подражаніе, разумѣется, никуда не годятся. А можно носить русское платье, и тогда это не бесполезно для изученія народнаго быта въ великорусскихъ областяхъ. По крайней мѣрѣ мнѣ лично это помогало въ сношеніяхъ съ черниговскими слобожанами, хотя и повлекло за собою важныя неудобства» ¹⁾. Другую серьезную причину неблагоклоннаго вниманія черниговской полиціи къ молодому этнографу открываетъ сообщеніе К. Петрова о томъ, что Рыбниковъ по неопытности житейской отправился въ слободы «безъ паспорта, съ однимъ только письмомъ Хомякова». Всего этого оказалось вполне достаточно для задержанія и высылки подозрительной личности. По разсказу сестры, Рыбниковъ былъ взятъ изъ деревенскаго дома Жеребцовыхъ, и госпожа Жеребцова французскимъ письмомъ извѣстила его мать объ арестѣ и о томъ, что она сожгла всѣ его бумаги ²⁾.

Тотчасъ послѣ того, какъ Рыбникова взяли и повезли въ Петербургъ въ III Отдѣленіе, начались хлопоты о смягченіи его участи;

¹⁾ Неясныя на первый взглядъ слова: „переряживанье не годится, а можно носить русское платье“ мы толкуемъ такъ, что Рыбниковъ не для собиранія пѣсенъ специально надѣлъ поддевку и высокіе сапоги, а носилъ ихъ въ ту пору, какъ привычный костюмъ, подъ вліяніемъ славянофильскаго кружка. Объ этомъ говорить и сестра его, наконецъ другимъ подтвержденіемъ тому могутъ служить слова К. Петрова, что Рыбниковъ уже въ Петрозаводскѣ продолжалъ дома носить русскую рубаху и высокіе сапоги (loc. cit., стр. 82—83).

²⁾ К. Петровъ пишетъ: „Онъ собралъ весьма много матеріаловъ, но все собраніе погубило безслѣдно“.

Хомяковы пустили въ ходъ свои связи и очевидно кое-чего добились. Прежде всего матери и сестрѣ было дано свиданіе, что дѣлалось далеко не часто. Вотъ разсказъ сестры объ этомъ: «Послѣ полученія письма (отъ Жеребцовой) мамаша пошла, кажется, къ Хомякову или кому-то другому изъ славянофиловъ¹⁾; намъ дали письма къ Шеншиной, очень знатной вдовѣ, другу Тютчевой, воспитательницы великой княжны²⁾. Мы съ мамашей поѣхали въ Петербургъ и утромъ же пошли къ Шеншиной. Она уже знала, сейчасъ же приняла насъ, молодая красавица, недавно овдовѣвшая, обласкала насъ и сказала, что будетъ хлопотать о свиданіи. Не помню уже, на другой или на третій день мы поѣхали въ третье Отдѣленіе. Провели въ длинную залу; вышелъ братъ. Тутъ же былъ дежурный офицеръ, очень деликатный—и не смотрѣлъ на насъ, и не слушалъ... Потомъ мы были второй разъ, прощались съ братомъ, передали ему вещи, которыя были ему нужны. Тютчева просила Государыню, говорила, что онъ ничего не сдѣлалъ, и что онъ опора семьи. И братъ поступилъ на службу. Безъ дѣла онъ былъ съ полгода».

II.

Трудно опредѣлить точно, когда именно Рыбниковъ былъ арестованъ и доставленъ въ Петрозаводскъ. Въ началѣ июня 1859 г. онъ уже былъ зачисленъ на службу (см. ниже объ этомъ); итакъ, если память не измѣнила сестрѣ, то прибытіе его на сѣверъ надо отнести къ зимѣ или къ началу весны³⁾.

¹⁾ Повидимому, именно къ Хомякову, онъ былъ близокъ съ молодымъ Н. В. Шевшинымъ, умершимъ какъ разъ въ 1858—59 гг.

²⁾ Рѣчь очевидно о фрейлинѣ г. А. Ф. Тютчевой, дочери поэта, на которой позднѣе женился И. С. Аксаковъ.

³⁾ Къ осени 1859 года вѣсть о высылкѣ успѣла долетѣть въ Лондонъ къ Герцену; въ № 51 отъ 1 сентября „Колоколъ“ помѣстилъ замѣтку: „Мы были бы очень благодарны, если бы намъ сообщили подробности, за что сосланъ въ Петрозаводскъ г. Рыбниковъ. Намъ пишутъ, что онъ сосланъ за то, что, изучая въ Черниговской губ. промышленность, онъ ходилъ въ *русскомъ*, а не въ *нѣмецкомъ* платьѣ. И это не при Биронѣ, не при Николаѣ!“ Дальнѣйшихъ извѣстій въ „Колоколѣ“ мы не нашли.

К. Петровъ сообщаетъ, что первое время въ Петрозаводскѣ онъ бѣдствовалъ и знакомства его ограничивались небольшимъ кружкомъ учителей. Нѣкоторыя подробности о началѣ Петрозаводской жизни Рыбникова находимъ въ статьѣ С. Приклонскаго, служившаго въ половинѣ 70-хъ годовъ въ Петрозаводскѣ, гдѣ, конечно, еще свѣжа была память о Рыбниковѣ ¹⁾. Онъ пишетъ: ... «живо доставили молодого человѣка въ Петрозаводскъ въ томъ самомъ костюмѣ, который «повлекъ за собою важныя неудобства». И здѣсь, такъ же какъ и въ Черниговской губ., этотъ костюмъ привелъ въ ужасъ весь чиновничій міръ, къ которому, замѣтимъ кстати, принадлежитъ все безъ исключенія культурное населеніе Петрозаводска. На молодого человѣка пальцами показывали на улицахъ, чиновники нарочно ходили смотрѣть на него, а чиновницы пугали имъ малыхъ дѣтей. Словомъ, положеніе молодого человѣка было самое непріятное». Можетъ быть, въ этой картинѣ, писанной съ чужихъ словъ, кое-что преувеличено; мы видѣли, что Рыбниковъ не былъ послѣ ареста предоставленъ собственной участи, тѣмъ не менѣе, вполнѣ допустимо, что на первыхъ порахъ онъ терпѣлъ и отъ матеріальныхъ стѣсненій и отъ оскорбительнаго любопытства провинціаловъ—жителей глухого угла. Во всякомъ случаѣ Рыбниковъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые легко затираются въ подобной обстановкѣ; онъ очень быстро долженъ былъ выдвинуться и заблестѣть крупнѣйшей звѣздой на Петрозаводскомъ горизонтѣ, за это говорить его умъ, [молодая энергія и большая, разносторонняя образованность. Съ другой стороны, вліятельныя хлопоты дѣлали свое дѣло и помогли ему быстро пріобрѣсти и приличное служебное положеніе. Тѣ далекія времена въ одномъ отношеніи были лучше позднѣйшихъ: административная ссылка вовсе не имѣла цѣлью обречь «неблагонадежнаго» на положеніе паріи въ мѣстномъ обществѣ и на ужасъ полуголоднаго существованія; зачастую высланный

---

¹⁾ На свѣдѣнія С. Приклонскаго («Сѣверный Вѣстникъ», 1886 г. № 3 „Судьба губернскихъ статистиковъ“), не вездѣ точныя, считаемъ все-таки возможнымъ опираться, такъ какъ они были проверены очевидно: его статья вызвала годъ спустя воспоминанія К. Петрова, который, исправляя одно, молчаливо првзвалъ другое.

немедленно опредѣлялся на службу и входилъ въ мѣстную жизнь полноправнымъ членомъ общества; если примѣры Герцена или Салтыкова еще можно считать за счастливыя исключенія, объясняющіяся богатствомъ и связями, но на ряду съ ними найдутся другіе, къ которымъ такое объясненіе неприменимо ¹⁾. Разумѣется, протекція и тогда значила много, а матеріальныя средства сглаживали пути, какъ и всегда, но важно, что случаи высылки были рѣдки и для нихъ не было выработано общаго «положенія»; многое зависѣло отъ мѣстной власти. Наконецъ, то было время новыхъ вѣяній, правительство само будило общество, особенно по крестьянскому вопросу, и идеѣ «прогресса» весьма нечужды были даже многіе администраторы.

Олонецкимъ губернаторомъ въ то время былъ генералъ Н. П. Волковъ. Онъ былъ по всѣмъ признакамъ не лишенъ гуманной просвѣщенности и рано отозвался на старанія правительства двинуть впередъ крестьянскій вопросъ; намъ извѣстно, что онъ еще въ 1858 г. подалъ цѣлый проектъ эмансипаціи; открытый при немъ 22 февраля 1859 г. Олонецкій губернский дворянскій комитетъ по крестьянскому дѣлу былъ настроенъ прогрессивно, работалъ дружно и быстро пришелъ къ соглашенію. Закрывая 4 іюня комитетъ, губернаторъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ между прочимъ: «Привѣтствую васъ и какъ истинно русскій дворянинъ, которому дорого всякое общественное преуспѣяніе, который твердо убѣжденъ и исполнѣ сознаетъ, что идея эмансипаціи крестьянъ есть первая и необходимая для насъ реформа въ ряду внутреннихъ улучшеній, озабочивающихъ наше правительство, ибо безъ нея нѣтъ настоящаго прогресса для общества, это—*conditio sine qua non* будущаго совершенствованія любезнаго нашего отечества». Въ концѣ рѣчи онъ съ трогательною увѣренностью восклицалъ: «А если еще найдется въ отдаленныхъ углахъ земли нашей нѣсколько упорныхъ защитниковъ старины и рутины, которые будутъ отрицать осязательныя благодѣянія этой мѣры, то оставимъ этихъ слѣпорожденныхъ коснѣть въ ихъ заблужденіяхъ».

¹⁾ Какъ разъ передъ Рыбниковымъ чиновникомъ особыхъ порученій олонецкаго губернатора былъ нѣкто Болассогло, невидный чиновникъ Азіатскаго департамента, высланный по слабой прикосновенности къ дѣлу Петрашевцевъ. О немъ намъ придется упомянуть дальше.

При этомъ Волковъ 10 іюня 1859 г. Рыбниковъ былъ опредѣленъ на службу «въ число канцелярскихъ служителей канцеляріи начальника губерніи», 14 іюля въ московскій университетъ былъ направленъ запросъ по дѣлу о его производствѣ въ чинъ ¹⁾, а 30 ноября Павелъ Рыбниковъ, уже дѣлопроизводитель губернскаго статистическаго комитета, былъ утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря. Съ этихъ поръ его служебное положеніе развивалось и крѣпло для поднадзорнаго ссыльнаго очень быстрымъ темпомъ ²⁾. За 7 лѣтъ пребыванія въ Петрозаводскѣ онъ видѣлъ трехъ губернаторовъ ³⁾, и всѣ они относились къ нему, какъ видно, не плохо, особенно послѣдній, Арсеньевъ. Разумѣется, въ первое время Рыбниковъ внушалъ извѣстныя опасенія; особенно должно было казаться подозрительнымъ его стремленіе пользоваться служебными разъѣздами для «якшанья» съ народомъ и склонность застрѣвать въ деревняхъ (а это началось уже съ декабря 1859 г.); по крайней мѣрѣ онъ писалъ въ апрѣлѣ 1861 г. П. Безсонову: «Вы въ Москвѣ полагаете, что я по крайней мѣрѣ здѣсь свободенъ и разгуливаю, гдѣ хочу и какъ хочу. Между тѣмъ до послѣдняго времени всякое мое путешествіе было соединено съ большими препятствіями, а три первыхъ и даже отчасти пятое оставили за собой непріятности... Въ Каргополѣ въ ту же поѣздку (рѣчь идетъ о лѣтней поѣздкѣ 1860 г.) я собралъ бы многое, да меня воротили ⁴⁾. Но послѣ выхода въ свѣтъ I и затѣмъ II тома былинъ въ немъ увѣри-

¹⁾ Рыбникову не везло въ мелочахъ; запросъ былъ вызванъ недействительностью его аттестата: въ университетѣ при выдачѣ забыли приложить къ нему печать.

²⁾ Приводимъ этапы его службы по „Олонец. Губ. Вѣдомостямъ“, откуда нами почерпнуты почти всѣ данныя для этого періода жизни: 1860 г.—младшій помощникъ правителя канцеляріи губернатора; 1861 г.—секретарь статистическаго комитета и младшій чиновникъ особыхъ порученій; 1862 г.—старшій чиновникъ особыхъ порученій; 1863 г.—совѣтникъ губернскаго правленія; 1866 г. декабрь — переведенъ на службу въ Царство Польское (вице-губернаторомъ въ г. Калишъ, гдѣ и умеръ въ ноябрѣ 1885 г. въ той же должности.)

³⁾ Волкова ненадолго замѣстилъ А. А. Философовъ, а послѣдніе четыре года управлялъ губерніей Ю. К. Арсеньевъ, сынъ К. Арсеньева, когда-то профессора Петербургскаго университета, пострадавшаго въ 20-хъ годахъ вмѣстѣ съ Галичемъ и Раупахомъ и бывшаго потомъ по выбору Жуковского учителемъ Наслѣдника.

⁴⁾ Изъ писемъ Р—ва; см. въ III томѣ настоящаго изданія.

лись; изъ приведенныхъ словъ можно вывести, что уже въ 1861 г. онъ сталъ чувствовать себя свободнѣе въ этомъ отношеніи¹⁾.

Ссылка не оказала на Рыбникова сильнаго угнетающаго вліянія, не подорвала его душевныхъ силъ. По натурѣ онъ былъ человѣкъ, полный жизненной энергіи, любилъ людей и умѣлъ съ ними сходитьсѣ, съ открытой душой и бодрымъ настроеніемъ шелъ на встрѣчу жизни и интересовался разнообразными ея проявленіями, не лишенный чуткѣ къ ея практическому смыслу; ничего болѣзненнаго, замкнутаго, мечтательнаго въ немъ не коренилось; это была здоровая, уравновѣшенная личность, съ умомъ яснымъ, чистымъ и конкретнымъ. Много значить, что ссылка захватила его еще не успѣвшимъ окончательно выяснитъ свою дорогу и сдѣлать по ней рядъ закрѣпляющихъ шаговъ, а то, что въ немъ болѣе или менѣе опредѣлилось (мы разумѣемъ интересъ къ народной жизни), скоро нашло себѣ обширное примѣненіе и въ новыхъ условіяхъ жизни. Поэтому Рыбниковъ очень быстро ориентировался среди этихъ новыхъ обстоятельствъ и нашелъ себѣ живую, разнообразную дѣятельность. Служба, необходимая по внѣшнимъ условіямъ положенія, разумѣется, не могла стать цѣлью жизни высоко развитого человѣка, и онъ цѣнилъ въ ней лишь тѣ ея стороны, которыя соприкасались такъ или иначе съ его интересами или давали для нихъ удобную обстановку.

---

¹⁾ Характеренъ впрочемъ случай, относящійся къ 1863 году. Когда Наслѣдникъ Николай Александровичъ въ іюнѣ былъ въ Петрозаводскѣ, рѣшено было показать ему и народнаго пѣвца былиня. Во время прогулки въ подгородное село Соломенное, красиво стоящее на высокой горѣ надъ Онежскимъ озеромъ, слѣпой сказитель Козьма Романовъ спѣлъ для Наслѣдника нѣсколько былиня. Ученикъ Буслаева съ большимъ интересомъ слушалъ пѣніе, разговаривалъ съ пѣвцомъ; объясненія давалъ учитель гимназіи (позднѣе кievскій профессоръ) И. П. Хрущовъ. Естественно было ожидать, что здѣсь первое мѣсто займетъ Рыбниковъ, но такъ не вышло. Почему? Хрущовъ въ своей статьѣ, посвященной этому случаю („Сборникъ статей“. Спб. 1901 г., стр. 291), изображаетъ, что весь эпизодъ вышелъ случайно, мысль показать К. Романова Наслѣднику явилась у автора вдругъ, меньше чѣмъ за часъ до поѣздки, онъ бросился къ гр. Строганову, получилъ согласіе и едва успѣлъ захватить пѣвца на пароходъ. Все это, очевидно, было; но Е. В. Барсовъ, жившій тогда въ Петрозаводскѣ, рассказывалъ намъ, что была рѣчь о приглашеніи Рыбникова, но это было найдено неудобнымъ въ виду его „неблагодѣльнаго“ положенія.

Уже первую служебную свою поѣздку въ Повѣнецкій уѣздъ на большую ярмарку въ Шунгѣ (декабрь 1859 г.), гдѣ Рыбниковъ въ качествѣ дѣлопроизводителя статистическаго комитета долженъ былъ собрать свѣдѣнія о торговыхъ оборотахъ, онъ использовалъ насколько могъ, и въ этнографическихъ цѣляхъ и для знакомства съ мѣстной жизнью въ различныхъ отношеніяхъ. Такъ это было и потомъ. Онъ былъ чутокъ и къ природѣ края, интересовался бытомъ, правами и общимъ положеніемъ населенія; во всѣ особенности жизни, начиная съ обычаевъ и вѣрованій, кончая промыслами, торговлей и ея условіями, онъ вникалъ, все давало ему матеріалъ для общихъ сужденій о народѣ, для выясненія великой коллективной народной фizioноміи. Разнообразіе интересовъ, съ которыми онъ подходилъ къ крестьянской жизни на сѣверѣ, отражается въ любопытныхъ (къ сожалѣнію немногихъ) сохранившихся письмахъ его изъ Шунги къ одному сослуживцу, А. В. де-Сенъ Лорану (мы помѣщаемъ ихъ цѣликомъ въ третьемъ томѣ); иногда здѣсь явственно звучитъ голосъ шестидесятника-народолюбца, иногда просто образованнаго человѣка того времени, иногда видны черты внутренней личности. Вотъ нѣсколько выдержекъ оттуда.

«Войдите въ крестьянскую избу съ промерзшими углами, съ занесенными окнами, съ ея угаромъ и чадомъ и осмотритесь кругомъ: передъ вами налицо трудовая жизнь крестьянина. Цѣлое семейство сбилось въ кучу въ одной комнатѣ, потолокъ застланъ вѣковой сажей, свѣтъ чуть-чуть проходитъ черезъ щели оконныхъ ставень, на полкахъ запасъ лучинъ и дровъ, у печки тускло горитъ, нагораетъ и гаснетъ лучина. Темнота, холодъ, нечистота. Поработавъ цѣлый день на морозѣ съ утра до вечера, сюда торопится крестьянинъ, похлебааетъ щей изъ ячменной крупы съ вяленой говядиной, а чаще поѣстъ одного хлѣба съ пескомъ или толокна и заснетъ тяжелымъ сномъ въ этомъ угарѣ и удушѣ. Сегодня онъ снесъ подати, а завтра надобно отдавать сына или брата въ солдаты, послѣ завтра давать отвѣтъ передъ судомъ за порубку дровъ для топлива. Впереди вѣчное изгнѣбаніе передъ сильными и, пожалуй, тюрьма за то, что крестился по старому и вмѣсто Іисуса выговаривалъ Іеусъ. Лѣтомъ скотскій падежъ, зимой долги и недостатокъ хлѣба.

« Не по силушкамъ крестьянчикамъ работушка,
« Не по размыслу крестьянчикамъ заботушка».

«Впрочемъ, что жъ намъ горевать о ихъ судьбѣ. Вѣдь ихъ трудомъ и усталостью мы покупаемъ себѣ удобства нашей цивилизованной жизни.

«Но несмотря на эту тяжелую обстановку, крестьянинъ искреннѣе въ своихъ чувствахъ и послѣдовательнѣе въ своихъ поступкахъ насъ, цивилизованныхъ людей. Если онъ дошелъ самъ собою до убѣжденія, что какая-нибудь неправда истинно неправда, а глупость въ самомъ дѣлѣ глупость и помѣха, такъ ужъ ничѣмъ не заставишь его идти по старымъ слѣдамъ, по нелюбой торной дорогѣ. Конечно, у него выходъ изъ стараго свой, но за то какой рѣшительный и безвозвратный. Если онъ ненавидитъ недруга, онъ изведетъ его; если полюбилъ, а родные стали поперекъ его счастья, или любимая дѣвушка не отвѣчаетъ на его любовь,—такъ онъ идетъ въ монастырь; если усумнился въ истинѣ преданія и значеніи обрядности,—создаетъ свою религіозную и философскую систему, распространяетъ ее между братьями и стоитъ за нее, не боясь тюрьмы и ссылки; если созналъ, что гнетъ сверху превосходить всякую мѣру,

« схватить шалыгу подорожную...

« И видитъ князь Владиміръ стольно-кѣвскій,

« Что пришла бѣда неминучая».

«Да, мы, образованные люди, не умѣемъ уже такъ освобождаться отъ своихъ кумировъ и пугалъ».

Мы привели цѣликомъ эту обширную выдержку, очень характерную и для эпохи и для человѣка; здѣсь заложено зерно цѣлаго міровоззрѣнія, это въ извѣстной степени *profession de foi* народничества переходнаго времени, гдѣ можно различить, какъ вскормленный эпохой нашего пробужденія, некрасовскій реализмъ сливается съ воспринятымъ въ Хомяковскомъ кружкѣ романтизмомъ славянофильства. Вотъ отрывокъ иного характера, гдѣ уже апопееозъ развитой личности, а не народа:

«На второй станціи я сбросилъ шубу, легъ на снѣгъ и долго смотрѣлъ въ небо. Вотъ Марсъ съ своимъ вѣчнымъ краснымъ

мерцаніемъ, Венера невольно манитъ къ себѣ своими чарующими синими лучами, свѣтлыя пятна разрѣшаются, когда въ нихъ всматриваешься, во множество звѣздъ. И всѣ эти звѣзды—міры, всѣ повинуются тѣмъ же законамъ бытія, какъ и наша земля: однѣ еще не достигли расцвѣта органической жизни, другія пережили ее, на третьихъ уже живетъ и дѣйствуетъ царственный человѣкъ, смотритъ въ звѣздное небо и постигаетъ устройство мірозданія. Но знаетъ ли на иныхъ земляхъ человѣкъ, что эта природа не что-нибудь чужое ему, а родная мать, что въ немъ и единственно въ немъ она достигаетъ сознанія? Или, быть можетъ, и тамъ онъ пугается величія своего разума и чувства, падаетъ во прахъ передъ явленіями природы и обожаетъ разныхъ куколъ, созданія своего страха и благодарности?»

Но довольно выдержекъ, которыя помогли намъ нѣсколько вскрыть духовную личность европейски образованнаго дѣлопроизводителя Олонецкаго статистическаго комитета; посмотримъ, какъ проявлялъ онъ себя среди мѣстныхъ условій дѣятельности, въ томъ краѣ, куда его забросила судьба.

Рыбниковъ, какъ сказано, отдалъ много силъ и вниманія нуждамъ Олонецкой губерніи. Его имя стоитъ подъ многими работами (часто довольно обширныхъ размѣровъ), посвященными практическимъ потребностямъ мѣстной жизни; работы эти были связаны съ его ролью секретаря статистическаго комитета и появлялись въ «Олонец. Губ. Вѣдомостяхъ», переходя затѣмъ въ «Памятныя книжки Олон. губерніи». Назовемъ два описанія большой Шунгской ярмарки, статью «О разведеніи льна въ Пудожскомъ уѣздѣ» и обстоятельную записку «О рыболовствѣ и охотѣ въ Пудожскомъ уѣздѣ»; наконецъ, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петрозаводска въ 1866 г. на прощанье съ Олонецкой губ. онъ помѣстилъ въ «Губ. Вѣдомостяхъ» замѣтку о положеніи Тивдійскихъ мраморныхъ ломокъ.

Мы не говоримъ объ обработкѣ разныхъ статистическихъ таблицъ или результатовъ подворной переписи Петрозаводскаго населенія,—это требовалось по службѣ,—но несомнѣнно его добровольной инициативѣ принадлежатъ, напр., данныя въ 1864 г. таблицы сравнительнаго спроса въ губерніи на журналы

съ газетами и на игральныя карты; этотъ опытъ «духовной» статистики очень интересенъ по самой идеѣ. Умственные потребности мѣстнаго населенія вообще нерѣдко были предметомъ его заботъ; по личному опыту знавшій, какъ важенъ въ глухой провинціи всякій лишній духовный ресурсъ, Рыбниковъ на самые различные лады дѣйствуетъ въ этомъ вопросѣ.

Никому другому, кромѣ него, не могъ по нашему убѣжденію принадлежать фельетонъ въ № 40 «Губернскихъ Вѣдомостей» за 1859 г., написанный по поводу любительскаго спектакля; за 8-9 лѣтъ просмотрѣнной нами газеты ни до того, ни послѣ ни разу не видѣли мы здѣсь такого языка и такихъ мыслей. Спектакль былъ для автора фельетона ¹⁾ только поводомъ передать навѣянные этимъ событіемъ мысли, и о самомъ представленіи сказано двѣ-три строки въ концѣ; авторъ все время говоритъ о скудости и неосмысленности глухой провинціальной жизни, о томъ, какъ легко опускается и грубѣетъ среди такихъ условій личность, о значеніи литературы и искусства для поддержанія высокаго строя души. Фельетонъ написанъ глубоко культурнымъ человѣкомъ, въ пору тоскливаго раздумья, на мигъ развѣяннаго спектаклемъ; появился онъ приблизительно въ октябрѣ 1859 года, когда Рыбниковъ, недавній и невольный жилецъ Петрозаводска, естественно долженъ былъ всего сильнѣе томиться. А спустя три мѣсяца, въ январѣ мы читаемъ объ открытіи въ городѣ публичной библіотеки по частному почину кружка лицъ, первыхъ ея подписчиковъ, «по желанію которыхъ библіотекаремъ избранъ П. Н. Рыбниковъ». Очевидно, это было продолженіе мысли фельетона. Инициатива и руководство Рыбникова здѣсь ярко сказались въ опубликованномъ списокѣ выписанныхъ въ библіотеку журналовъ и газетъ ²⁾;

1) Фельетонъ подписанъ „П—ъ“, что могло означать начало и конецъ имени или имени вмѣстѣ съ фамиліей; напомнимъ, что и свои былинныя, и другія вещи въ „Губ. Вѣд.“ Рыбниковъ обыкновенно подписывалъ одними инициалами.

2) Вотъ этотъ любопытный списокъ (изъ № 5 „Губ. Вѣд.“): „Современникъ“ (2 экз.), „Отечественныя Записки“ (2 экз.), „Русскій Вѣстникъ“, „Библіотека для чтенія“, „Свѣточъ“, „Семейный кругъ“, „Разсвѣтъ“, „Художественный Листокъ Тимма“, „Искра“; газеты: „Русскій Миръ“ (Стоюнина), „Московский Вѣстникъ“ (2 экз.), „Le Nord“, „Le Voleur“, „Augsburg. Allgem. Zeitung“, еще три иностранныхъ газеты и польскій иллюстрированный „Tygodnik“.

это былъ новидимому первый опытъ просвѣтительнаго учрежденія въ Петрозаводскѣ; поставленная сразу на довольно широкую ногу, библіотека очевидно не могла быть поддержана небольшимъ кружкомъ лицъ, которыя умѣли оцѣнить пользованіе ею, и въ 1862 г. захирѣла. Но Рыбниковъ не бросилъ идеи. Въ 1864 г. вышли правила, по которымъ съ разрѣшенія попечителя округа въ библіотеки при учебныхъ заведеніяхъ могли получать доступъ частныя лица на правахъ подписчиковъ за плату; въ Петрозаводскомъ уѣздномъ училищѣ тотчасъ же воспользовались этими правилами и открыли пріемъ подписчиковъ, а вскорѣ и особое отдѣленіе для учащихся. Библіотека уѣзднаго училища въ 1865 г. объявляла, что въ ея дѣлахъ принимаетъ участіе П. Н. Рыбниковъ, помогаетъ въ выборѣ и выпискѣ книгъ, жертвуетъ туда свои газеты ¹⁾; библіотека получала всѣ лучшіе журналы, очевидно, по его выбору ²⁾.

Такъ разнообразно отзывался Рыбниковъ на практическія и культурныя нужды края, съ которымъ связала его судьба; его широкій и свѣтлый взглядъ, солидная образованность и привлекательныя нравственныя свойства нерѣдко даютъ о себѣ знать на страницахъ официальной газеты, которой мы обязаны всѣми приведенными свѣдѣніями ³⁾. Особо заслуживаетъ быть отмѣченъ одинъ случай, относящійся къ послѣднему году пребыванія Рыбникова на сѣверѣ. Новыя судебныя учрежденія только что были введены въ Олонецкой губ. и въ мартѣ 1866 г.

¹⁾ „День“, „Петербургскія Вѣдомости“ и „Allgemeine Illustrirte Zeitung“.

²⁾ „Отеч. Записки“, „Современникъ“, „Русское Слово“, „Эпоху“, „Библіотеку для чтенія“, „Филологическія Записки“, „Учитель“. — Характерно отсутствіе „Русскаго Вѣстника“.

³⁾ Приведемъ еще одинъ мелкій фактъ. 5 іюня 1863 г. въ губернаторскомъ домѣ былъ устроенъ первый въ Петрозаводскѣ литературно-музыкальный вечеръ въ пользу бѣдныхъ учащихся; для характеристики времени интересно отмѣтить, что здѣсь читались вѣщи Некрасова и Шевченка. Рыбниковъ читалъ на этомъ вечерѣ былинку изъ своего сборника и стихотвореніе Хомякова. Затѣмъ врядъ ли безъ его участія и помощи могъ быть выполненъ праздникъ лѣтомъ 1865 г., данный губернаторомъ въ Каргополѣ французскому послу графу Перигору, гдѣ „каргопольскіе мѣщане пѣли лучшія русскія пѣсни и представляли на лодкахъ (на р. Онегѣ) разныя сцены изъ стариннаго народнаго быта и изъ жизни русскихъ сказочныхъ богатырей“.

Петрозаводску предстояло впервые видѣть уголовный процессъ по новому закону. Была ограблена сельская церковь, при чемъ изъ двухъ сторожей одинъ оказался убитъ; по докладу состоялось Высочайшее распоряженіе вести дѣло военно-полевымъ судомъ. Обвинялся другой сторожъ. Процессъ велся при открытыхъ дверяхъ; когда предсѣдатель обратился къ публикѣ съ вызовомъ, не желаетъ ли кто принять на себя защиту подсудимаго, Рыбниковъ заявилъ о своемъ согласіи и произнесъ большую рѣчь, очевидно, изучивъ дѣло предварительно; онъ по пунктамъ доказалъ неосновательность уликъ, шагъ за шагомъ воспроизвелъ картину преступленія, объяснилъ сбивчивость показаній подсудимаго, при чемъ подробно вникъ въ душевное состояніе этого болѣзненного, забитаго старика, къ тому же корела, плохо понимавшаго русскій языкъ. Сторожъ, которому угрожала смертная казнь, былъ оправданъ.

Всего крупнѣе и нагляднѣе сказались результаты знакомства Рыбникова съ сѣвернымъ краемъ, разумѣется, въ области народной литературы и старины. Здѣсь, кромѣ собиранія былинъ, пѣсенъ и повѣрій, о чемъ будетъ сказано особо, мы должны отмѣтить еще, что онъ собралъ изрядное количество духовныхъ стиховъ, которые передалъ Безсонову, затѣмъ составилъ порядочный сборникъ мѣстныхъ словъ, не вошедшихъ въ Областной словарь ¹⁾; и, наконецъ, въ послѣдній годъ петрозаводской жизни напечаталъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» небольшой словарики «билямскаго» языка (профессіональный языкъ стекольщиковъ Ладвинскаго погоста, Петрозав. уѣзда). Кромѣ того, Рыбниковъ доставляетъ въ Археологическое Общество и коллекцію каменныхъ орудій, и старинныя стеклянныя отливки-копіи съ античныхъ ониксовъ ²⁾, и монеты, и рукописи.

¹⁾ Этотъ сборникъ состоитъ почти изъ 500 словъ, часто сопровождаемыхъ толкованіями; онъ не совпадаетъ съ словаремъ, приложеннымъ къ былинамъ и былъ напечатанъ въ VI выпускѣ Этнограф. Сборника Импер. Русск. Геогр. Общества.

²⁾ Относительно этой коллекціи читаемъ въ „Извѣстіяхъ Импер. Археолог. Общества“ за 1862—63 гг., что Д. В. Полѣновъ передалъ въ Общество собраніе изъ 75 рѣзныхъ камней, найденныхъ въ Бережно-Дубровскомъ погостѣ Пудожскаго уѣзда, что это оказались не подлинныя рѣзные камни (ониксы), а литые изъ стекла по античнымъ образцамъ. Въ числѣ сюжетовъ Полѣновъ на-

Относительно послѣднихъ надо сказать, что среди нихъ не было цѣнныхъ для науки пріобрѣтеній и часто интересъ ихъ—чисто мѣстный¹⁾. Мѣстную старину Рыбниковъ усердно разыскивалъ и по его вызову въ «Губ. Вѣдомостяхъ» кое-что было доставлено; въ 1866 г. онъ въ цѣломъ рядѣ №№ газеты печаталъ «Петрозаводскіе сѣверные вечера» нѣкоего Баландина, записавшаго рассказы своего дѣда, шихтмейстера при Петрѣ, о первоначальномъ заселеніи Петрозаводска.

Если мы прибавимъ, что въ томъ же году Рыбниковъ далъ интересное описаніе одной изъ своихъ послѣднихъ поѣздокъ по губерніи²⁾, то мы исчерпаемъ все, что далъ онъ о сѣверномъ краѣ. Намъ предстоитъ теперь нѣсколько остановиться на исторіи собиранія былинъ и другихъ произведеній народной поэзіи.

зываетъ: Палладу со славой, сидящаго Меркурія, Гермафродита, Дискобола, Энея, несущаго отца, жертвоприношеніе Пріапу, Сократа, Тиверія и др. Мѣстность, гдѣ найдены вещи, входила въ составъ торговаго пути Европы съ древней Біарміей. Предположено, что если отливки привезены были на продажу, то это могло быть въ половинѣ XVI в. Общество постановило просить академика Стефани дать свое заключеніе. Намъ неизвѣстно, было ли это исполнено.

¹⁾ Въ имѣющемся у насъ письмѣ къ Рыбникову И. С. Аксакова 1862 г. говорится впрочемъ еще объ одной партіи рукописей, присланной Аксакову, и послѣдній пишетъ: „говорятъ, очень замѣчательны и рѣдкы по полнотѣ своей Кіевскій Патерикъ“. Но вотъ и все, что сказано о Патерикѣ, съ прибавкой указанія, что рукопись ветха и что она попала къ Безсонову.

²⁾ Статья эта вошла изъ „Губ. Вѣд.“ въ Памятную книжку 1867 г. Въ ней интересны картины дикихъ красотъ природы (скалы, пороги Суны), описаніе глухихъ, едва доступныхъ мѣстъ, гдѣ чиновнымъ властямъ (поѣздка была служебная) приходилось пробираться лѣтомъ на саняхъ и на волокахъ, и въ носилкахъ, прикрѣпленныхъ между двумя лошадьми. Но самое интересное—это описаніе Данилова и Лексы—остатковъ огромнаго безпоповскаго центра, такъ называемыхъ Выгорѣдскихъ скитовъ. Разоренные въ 1855 г. по приказанію правительства, Даниловъ и Лекса по обширности, богатству и разнообразію формъ дѣятельности едва ли уступали Соловкамъ.

III.

Какія побужденія руководили Рыбниковымъ въ его упорномъ и нелегкомъ трудѣ собранія народныхъ произведеній? На основаній цѣлаго ряда данныхъ можно утверждать, что тутъ прежде всего извѣстную роль игралъ непосредственный интересъ къ поэтическому творчеству народа, пробужденный еще въ дѣтствѣ и удовлетворявшій художественнымъ склонностямъ натуры, а затѣмъ общее чувство нѣкоторой близости и симпатіи къ народу, поддержанное въ сознательную пору извѣстными принципальными соображеніями. Рыбниковъ рано попалъ въ атмосферу народной поэзіи, узналъ ее и полюбилъ; его петрозаводскій знакомецъ, академикъ Д. В. Полѣновъ, писалъ съ его разсказовъ Срезневскому: «Будучи происхожденія чисто русскаго, купческаго, онъ еще въ малолѣтствѣ слышалъ многія былины отъ своей няни и счастливо удержалъ ихъ въ памяти, если не цѣликомъ, то въ главномъ содержаніи. Это послужило къ тому, что, начавши разспрашивать о своемъ предметѣ, самъ онъ первый показалъ знаніе и тѣмъ сразу внушилъ къ себѣ довѣріе» ¹⁾. Это личное знакомство съ эпосомъ видно и въ разсказѣ самого Рыбникова о первой встрѣчѣ съ Т. Рябининымъ (въ «Замѣткѣ»), и въ словахъ его письма къ П. Безсонову: «Я самъ пѣлъ и разсказывалъ крестьянамъ, что знаютъ»; во многихъ мѣстахъ «Замѣтки» сквозитъ также и чуткость его къ художественной сторонѣ былинъ. Выше указывалось уже на общую любовь Рыбникова къ народу, а также на тѣ вліянія, подъ которыми складывалось его умственное развитіе и которыя должны были сообщить особый, съ одной стороны,—общественный, въ духѣ 60-хъ гг., съ другой—славянофильскій оттѣнокъ его народолобію. Этотъ стимуль опредѣленно выраженъ В. Модестовымъ (въ отвѣтѣ на запросъ того же Срезневскаго), желавшимъ охарактеризовать общее отношеніе Рыбникова къ народу и къ его творчеству: «Съ одной стороны, твердое убѣжденіе, что социальная наука въ Россіи, до сихъ поръ большей частью чуждая русской жизни, чувствуетъ крайнюю

¹⁾ Извѣстія 2-го Отдѣл. Академіи, т. X, стр. 249—250.

нужду въ ближайшемъ знакомствѣ съ міросозерцаніемъ, нравами и обычаями простого народа, составляющаго ядро нашей національности, съ другой—представленіе, что періодъ самостоятельнаго народнаго творчества доживаетъ послѣдніе дни: вотъ причины, побудившія г. Рыбникова, при горячей любви его къ народу, съ ревностью взяться за дѣло собиранія народныхъ сказаній, которому онъ и предался сряду по выходѣ изъ Московскаго университета» ¹⁾). Въ этой нѣсколько тяжеловѣсной формулѣ прекрасно схвачены многія черты Рыбниковскаго отношенія къ вопросу. Слѣдуетъ только добавить, что выставленная здѣсь «общественная» окраска его научныхъ и иныхъ влеченій къ народу въ общемъ міросозерцаніи Рыбникова умѣрялась не менѣе явственной нотой индивидуализма. Отмѣчавшаяся бѣгло и раньше авторитарность личности была для него не менѣе законна, чѣмъ власть коллектива, и здѣсь лежитъ граница вліянія на него славянофильскихъ воззрѣній. Ниже мы увидимъ, какъ прилагалъ Рыбниковъ эту точку зрѣнія къ объясненію хода русской исторіи.

Изъ приведеннаго матеріала, а также изъ живого разсказа самой «Замѣтки» видна и общая манера Рыбникова обращаться съ народомъ; его открытый и свободный подходъ къ населенію, отсутствіе официальности, очевидная симпатія, интересъ и нѣкоторое знаніе условій крестьянской жизни быстро создавали довѣрчивыя и простыя отношенія съ пѣвцами. Припомнимъ, напр., случай, когда онъ верхомъ догоняетъ «сказителя», знавшаго за собой грѣшокъ (порубку) и при видѣ чиновника опрометью кинувшагося въ лѣсъ: дѣло кончилось тѣмъ, что едва «чиновникъ» успѣлъ придти въ себя отъ одышки и душившаго его смѣха, какъ тутъ же, присѣвъ на пенечкѣ, сталъ записывать, что уже пѣлъ ему успокоенный пѣвецъ. Все это необыкновенно содѣйствовало и количественному, и качественному успѣху собиранія.

Что касается внѣшней исторіи знакомства съ пѣвцами и обстоятельствъ, при которыхъ записывались былины, то мы не будемъ излагать всего этого въ связномъ видѣ, чтобы не повто-

---

¹⁾ Ibidem, стр. 251.

рять «Замѣтки», но попытаемся дать нѣчто вродѣ маршрута поѣздокъ Рыбникова и дневника его записей, насколько это оказывается возможнымъ на основаніи указаній его «Замѣтки», помѣтъ при былинахъ, писемъ II тома и «свѣдѣній о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ» въ «Олонец. Губ. Вѣдомостяхъ». Эти свѣдѣнія помогутъ полнѣе представить себѣ картину постепеннаго накопленія и провѣрки матеріала, а также разобраться въ разсказѣ «Замѣтки», не вездѣ хронологически ясномъ.

Въ письмѣ къ Безсонову 11 апрѣля 1861 г. Рыбниковъ насчитываетъ уже пять путешествій съ этнографическими результатами, при чемъ сообщаетъ такія подробности: «Въ первыя два путешествія выдалось у меня пять свободныхъ дней ¹⁾: въ это время я записалъ бытовыя пѣсни, заплачки, свадебныя пѣсни и духовные стихи, собралъ разные рукописные матеріалы. Въ третью поѣздку въ два съ небольшимъ мѣсяца записалъ болѣе осьмидесяти былинъ, а долженъ былъ между тѣмъ возиться въ сельскихъ, волостныхъ правленіяхъ, со становыми и исправниками. И, наконецъ, въ четвертую поѣздку въ одинъ день записалъ послѣднія былины». О пятой поѣздкѣ нѣтъ ничего. Эти пять поѣздокъ могутъ быть возстановлены, особенно точно—третья, самая важная, которая одна и изложена, собственно говоря, въ «Замѣткѣ»; дальнѣйшія поѣздки и записи не разсказаны авторомъ нигдѣ, но и тутъ многое устанавливается опредѣленно по помѣткамъ при отдѣльныхъ былинахъ и др. матеріаламъ. Итакъ, вотъ послѣдовательный ходъ поѣздокъ и записей.

1860 г.

I. Январь. На Шунгскую ярмарку, оттуда черезъ Онежское озеро въ Пудожскій уѣздъ (безплодные поиски пѣвца Бутылки).

II. Мартъ. На Шунгу.

Оба раза запись духовныхъ стиховъ, причитаній и пѣсенъ.

III. Май—іюнь. Кижи, Пудога, Кенозеро, Усть Моша, Каргополь. Слушалъ (и записывалъ) *въ Кижахъ*: Л. Богданова, Тр. Рябинина, К. Романова, В. Щеголенка, П. Юхову, молодицу

¹⁾ Извѣстно, что Рыбниковъ для собиранія пользовался разъѣздами по дѣламъ службы.

изъ Кижской губы, старуху изъ Великой губы. *На Пудожъ*: крестьянина изъ дер. Большой Дворъ, Н. Прохорова (Утку), Шальскаго лодочника, А. Сорокина (лично записана только часть), 90-лѣтняго старика изъ Колодозера, М. Богданова (Тряпицина), калику Латышова, старушку на р. Онегѣ, Кенозерскаго цѣловальника (Лядкова-Кропачева), крестьянина съ вариантомъ о Чурилѣ.

Къ этому же году должна относиться успѣвшая попасть въ I томъ (подписанъ къ печати 18 марта 1861 г.) запись отъ Дмитріевой, кр. Святизерской вол. (на западъ отъ Петрозаводска).

1861 г.

IV. Январь. На Шунгу. Здѣсь отъ слѣпноты Ивана (Өепонова) былина о Батыгѣ. Оттуда черезъ Онего искать Бутылку (снова напрасно). Затѣмъ былъ у К. Романова въ Сѣнной Губѣ.

V. Январь. Въ Каргополь (на ревизію съ губернаторомъ); здѣсь запись отъ калики изъ дер. Красныя Ляги ¹⁾.

7 мая. Помѣчена запись изъ погоста Деревянскаго (западный берегъ Онего, южнѣе Петрозаводска).

Лѣто. Былъ между прочимъ въ Пудожск. у., гдѣ провѣрилъ чужую запись отъ Сорокина.

Сентябрь. Былъ въ дер. Середкѣ (на Кижяхъ), слушалъ Т. Іевлева въ избѣ у Л. Богданова.

1862 г.

Январь. Былъ на Шунгѣ. Быть можетъ, въ этотъ разъ, или позднѣе, былъ снова на Кижяхъ, слушалъ С. Корнилова (но записать поручилъ кому-то).

26 августа. Помѣта записи отъ кр. Н. Байнина Деревянскаго погоста.

12 декабря. Тоже относительно кр. Рѣзина Ладвинскаго погоста (на юго-западъ отъ Деревянск. пог.).

---

¹⁾ Далѣе не номеруемъ отдѣльныхъ поѣздокъ по трудности за ними услѣдить.

1863 г.

Июнь. Запись въ Петрозаводскѣ отъ Г. Оедотова (Дутикова) и Бутылки (Чукова); кромѣ того слушалъ К. Романова (часто ѣздившаго въ Петрозаводскъ за пособіемъ).

Октябрь. Запись тамъ же отъ кр. А. Иванова.

1864 г.

Январь. На Шунгѣ.

Июнь (2—15) былъ въ Каргопольскомъ у. (и вѣроятно, въ Повѣнецкомъ). Сюда повидимому, слѣдуетъ приурочить записи отъ Савинова (Пудожск. у.), Никитина и кореляка Лазарева (оба Повѣнецкаго у.), помѣщенные въ IV томѣ (одна былина отъ Лазарева помѣчена 1864 годомъ).

1865 г.

Февраль—мартъ. Въ Лодейномъ Полѣ (здѣсь, повидимому, собраны обрядовыя пѣсни IV тома). Поѣздка повторена была и въ 1866 году.

Таблица помимо точныхъ приуроченій ясно говоритъ и о повторныхъ носѣщеніяхъ одного и того же района, и о неоднократномъ выслушиваніи однихъ и тѣхъ же пѣвцовъ для проверки прежнихъ своихъ записей и для полученія по возможности исчерпывающихъ репертуаровъ отдѣльныхъ сказителей.

Обращаясь теперь къ составу Рыбниковскаго сборника, находимъ, что изъ 230 приблизительно №№, отнесенныхъ въ первомъ изданіи къ былинамъ, мы должны скинуть со счета по крайнемъ мѣрѣ 5, списанныхъ съ рукописи, не принадлежащихъ совершенно къ былинамъ ¹⁾; изъ остальныхъ послѣ всѣхъ попытокъ приуроченія у насъ набралось 15—20 №№ съ общими и глухими обозначеніями, не идущими дальше уѣзда, и 200 слишкомъ могли быть отнесены сколько-нибудь опредѣленно къ селенію или лицу. Точныя указанія мѣста жительства и имени имѣются относительно 29 пѣвцовъ, изъ которыхъ отъ 21 Рыбниковъ записалъ лично (или по крайней мѣрѣ лично

¹⁾ Это—два сказанія о старцѣ, бой знаковъ зодіака, повѣсть о градѣ Іерусалимѣ и подпись подъ портретомъ Пугачева.

провѣрилъ чужую запись); а отъ 8 получилъ запись изъ вторыхъ рукъ ¹⁾. Личная запись отъ точно обозначенныхъ пѣвцовъ дала Рыбникову около 140 былинъ, а чужая—около 40. За указанными 29 пѣвцами идетъ еще 9 лицъ, не носящихъ имени, но обозначенныхъ помимо мѣста какими-нибудь личными примѣтами, вродѣ: «Калика изъ д. Красныя Ляги», «90-лѣтній стирикъ изъ Колодозера», «Шальскій лодочникъ»; отъ такихъ записано лично Рыбниковымъ около 30 былинъ (изъ нихъ только одна чужая). Такимъ образомъ устанавливается, что приблизительно три четверти всего былиннаго матеріала записано самимъ собирателемъ. Откуда было получено остальное?

Здѣсь прежде всего надо указать на собраніе начальника Олонецкихъ горныхъ заводовъ, Н. Ѳ. Бутенева, поступившее въ распоряженіе Рыбникова еще до его поѣздки; мы не знаемъ ни состава, ни объема этого собранія, но Рыбниковъ, начавъ печатать его въ 1859 г. въ «Олон. Губ. Вѣд.», называлъ его «значительнымъ»,—самъ онъ обозначилъ лишь 5 былинъ I тома полученными «отъ Н. Ѳ. Б.». Затѣмъ если упомянуть переданныя ему чиновникомъ Шкалинымъ изъ Людейнопольскаго уѣзда три былины, Обручевымъ изъ Вытегорскаго уѣзда—четыре, Миролубовымъ—двѣ и Прозоровскимъ—одну, то мы исчерпаемъ все, что было записано, быть можетъ, безъ инициативы нашего собирателя; остальные чужія записи были сдѣланы (большей частью волостными писарями) по его заказу, иногда при его личномъ знакомствѣ съ тѣмъ или инымъ пѣвцомъ, когда что-нибудь мѣшало Рыбникову записать самому.

Наличность Бутеневского собранія указываетъ на то, что въ Олонецкой губ. и до появленія Рыбникова былъ интересъ къ былинамъ; онъ самъ подтверждаетъ это въ письмѣ къ Безсонову, говоря: «Возьмите въ соображеніе, что здѣсь любителей бывало много, и начальниковъ горныхъ заводовъ, и губернаторовъ: всѣ

---

¹⁾ Личныя записи ясны изъ таблицы, чужія сдѣланы: съ *Кижскихъ* отъ Корнилова, Сарафанова и Васильева; съ *Повънецкомъ уездѣ* отъ Лукина (Калинина); съ *Пудожскомъ уездѣ* отъ Проф. Романова, Амосова, Потахина (Антонова) и съ *Каргопольскомъ уездѣ* отъ поромскаго старика (Сивцева).—Вторыя фамиліи въ скобкахъ означаютъ поправки (по Гильфердингу) невѣрно переданныхъ у Рыбникова именъ сказителей.

они собирали, а что явилось въ свѣтъ? одна старина въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Эта «одна старина», которая была извѣстна Рыбникову (воспользовавшемуся ею въ III томѣ), напечатана въ 1857 г. (о Соловьѣ Гудиміровичѣ) безъ подписи доставившаго, но съ помѣтой: «изъ бумагъ А. П. Б.» ¹⁾. Подъ этими инициалами скрывался еще одинъ любитель, отчасти похожій своей судьбой на Рыбникова; это — А. П. Боласогло (или Болассоглу), одинъ изъ Петрашевцевъ, высланный въ Петрозаводскъ и бывший въ 50-хъ гг. чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ ²⁾. К. Петровъ, статья котораго (въ «Сѣв. Вѣстникѣ») мы обязаны указаніемъ, придаетъ большое значеніе собранію Боласогло и дѣятельности учителя гимназіи, Ѳ. И. Дозе, въ руки котораго оно попало послѣ сумасшествія владѣльца; сообщивъ, что Боласогло «записалъ и собралъ весьма многое», онъ пишетъ: «Очень жаль, что собраніе утратилось въ цѣломъ, но частями оно сохранилось въ трудахъ олонецкихъ гимназистовъ. Дозе былъ человѣкъ образованный, любилъ свой предметъ преподаванія, любилъ учениковъ своихъ и многихъ изъ нихъ направилъ на путь изученія края во всѣхъ отношеніяхъ». Далѣе г. Петровъ передаетъ, что Дозе раздавалъ гимназистамъ записанныя пѣсни, причитанія, обряды, поговорки и они писали на основаніи ихъ сочиненія, которыя послѣ «въ передѣланномъ видѣ» появились или въ «Губ. Вѣдомостяхъ» или въ «Русскомъ Дневникѣ» Мельникова. «Гимназисты начали записывать сами—явилось дополненіе къ «Областному Словарю» и впослѣдствіи много статей въ повременныхъ изданіяхъ. Самъ Дозе напечаталъ только былинну о Соловьѣ Гудиміровичѣ съ объясненіями, но повторяю, что онъ принесъ неоцѣнимую пользу, натолкнувъ другихъ на трудъ». Разсказъ заканчивается словами: «Дозе, а не П. Н. Рыбниковъ, пробудилъ дремавшую

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ: мы нашли въ „Губ. Вѣд.“ 1856 г. еще былинну о Васиіи и Батыгѣ, безъ всякихъ поясненій; она очень близка къ Корниловской (нашъ № 81).

²⁾ „Александръ Пантелеймоновичъ Болассоглу, надворный совѣтникъ, служить въ Азіатскомъ департаментѣ“, какъ гласитъ донесеніе Липранди о лицахъ, посѣщавшихъ собранія Петрашевскаго. Противъ него не было серьезныхъ обвиненій и онъ не значится въ спискѣ преданныхъ суду, но, какъ видно, его совсѣмъ въ покоѣ не оставили. Передъ 1856 г. онъ сошелъ съ ума.

Олонецкую губернію». Сообщенныя свѣдѣнія интересны, но отъ гимназическихъ сочиненій пользы для науки мало, такъ что и послѣ нихъ приходится повторить слова Рыбникова: «А что явилось на свѣтъ? одна старина въ «Губ. Вѣд.». И онъ имѣлъ полное право прибавить вслѣдъ за этимъ: «Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь къ народу и отвѣтное расположеніе съ его стороны, чтобы въ короткій срокъ, узнавая чутьемъ мѣстность и людей, собрать такія рѣдкости». Мы сказали бы кромѣ того, что не менѣе важно было обладать научной подготовкой и пониманіемъ роли собирателя. Это даетъ намъ поводъ перейти къ вопросу о приемахъ работы Рыбникова.

Пыпинъ пишетъ, что появленіе I тома былинъ вызвало въ ученомъ мірѣ цѣлый переполохъ. «Передъ тѣмъ русская этнографія знала, въ отдѣлѣ былинъ, только Киршу Данилова, немногія пьесы въ «Памятникахъ великорусскаго нарѣчія» ¹⁾; думали, что былинъ должно искать гдѣ-нибудь въ Сибири,—и когда цѣлый огромный запасъ ихъ найденъ былъ въ недалекомъ сосѣдствѣ Петербурга, то первымъ впечатлѣніемъ ученаго міра было изумленіе, а потомъ у иныхъ недоумѣніе и даже недовѣріе» ²⁾. Извѣстно, что это недовѣріе, подкрѣпляемое отсутствіемъ объяснительной статьи собирателя, не только высказано было Срезневскимъ въ рецензіи на I томъ въ «Извѣстіяхъ втораго Отдѣленія Академіи» (т. X), но побудило автора ея навести справки на мѣстѣ. Срезневскому представлялось, что Рыбниковъ могъ и прикрасить и присочинить многое, и онъ обратился съ запросомъ къ двумъ солиднымъ въ его глазахъ олонецкимъ жителямъ—члену - корреспонденту Академіи, Д. В. Полѣнову и В. И. Модестову; отвѣты ихъ Срезневскій включилъ въ свою рецензію,—они совершенно успокоили сомнѣнія осторожнаго ученаго. Въ отвѣтномъ письмѣ Модестова, уже цитированномъ нами выше, есть цѣнныя указанія и на приемы Рыбникова какъ собирателя. «Если небывалая до сихъ поръ въ сборникахъ такого рода свѣжестъ народнаго слова и точность удержанія малѣйшихъ мѣстныхъ видоизмѣненій былины

¹⁾ Пыпинъ не считалъ разбросанныхъ по періодическимъ изданіямъ отдѣльныхъ текстовъ.

²⁾ А. Пыпинъ. Ист. Русск. Этнографіи, II, 63.

по языку и содержанию недостаточно свидетельствуют о строгой добросовѣстности труда собирателя, то я считаю долгомъ свидѣтельствовать, какъ человѣкъ, имѣвшій случай повѣрить собственными глазами, убѣдиться изъ факта, что большая добросовѣстность, чѣмъ та, съ которой относился къ дѣлу Рыбниковъ, едва ли можетъ существовать»... Далѣе Модестовъ рассказываетъ, какъ онъ слушалъ въ квартирѣ Рыбникова пѣвца Кузьму Романова ¹⁾. «Старикъ пѣлъ тогда про Дуная Ивановича, про Добрыню Никитича, про Вольгу Буслаевича и про Горе—злочастіе. Рыбниковъ сидѣлъ съ тетрадью, въ которой были прежде записаны эти сказанія отъ того же пѣвца... Старикъ пѣлъ долго и много. Иногда онъ забывалъ и останавливался, но тотчасъ же продолжалъ, какъ Рыбниковъ подсказывалъ ему слѣдующія слова... Въ одинъ изъ случаевъ, когда старикъ забылъ, что дальше слѣдуетъ, я невольно посмотрѣлъ въ тетрадь, находившуюся въ рукахъ Рыбникова, и когда старикъ снова запѣлъ, мнѣ показалось интереснымъ прослѣдить, не отступаетъ ли онъ въ иныхъ мѣстахъ отъ прежде пѣтаго имъ текста. Я слѣдилъ долго и тогда-то убѣдился, въ какой степени точно до малѣйшихъ подробностей записаны Рыбниковымъ пѣсни этого старика. Кузьма Ивановичъ не отступалъ отъ записаннаго текста ни на шагъ; но случалось, что онъ пропускалъ иногда по забывчивости стихъ или два, и это, сколько помнится, большею частью было въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ повторялся нѣсколько разъ уже пропѣтый стихъ ²⁾... Рыбниковъ говорилъ, что каждая былина тогда только считалась имъ годной къ печати, когда она была повторена однимъ и тѣмъ же лицомъ разъ или больше. При этомъ онъ считалъ нужнымъ удерживать всѣ особенности мѣстнаго выговора, чтобы быть какъ можно вѣрнѣе народному слову. Слушая одну и ту же былинку отъ нѣсколькихъ лицъ, онъ не сводилъ слышанное къ одному знаменателю, не составлялъ изъ него одной былины, а оставлялъ каждую отдѣльно» ³⁾.

¹⁾ Это могло быть въ 1861 или 1862 году; „Извѣстія Академіи“ вышли въ августѣ 1863 г.

²⁾ Повидимому Модестовъ говоритъ здѣсь о невыдержанности эпическихъ повтореній.

³⁾ „Извѣстія второго Отд. Академіи“, т. X, стр. 251—253.

Всѣ приведенныя свѣдѣнія, а также многія отдѣльныя мѣста «Замѣтки» позволяютъ съ достаточной убѣдительностью установить фактъ дѣйствительно большой тщательности и осторожности, какія проявлялъ Рыбниковъ въ приемахъ записи и получения точнаго текста. Безспорно, техника собиранія съ 60-хъ годовъ сдѣлала извѣстные успѣхи, но надо признать, что цѣнность результатовъ въ этомъ дѣлѣ, даже при пользованіи всѣми новѣйшими способами (не исключая фонографа), и сейчасъ очень сильно зависитъ отъ внутреннихъ свойствъ собирателя. Конечно, Гильфердинговскій способъ записывать съ медленнаго пѣнія въ огромномъ количествѣ случаевъ сохранилъ намъ подлинный стихъ былины, но не слѣдуетъ забывать, что и неторопливое вырабатываніе текста при помощи повторнаго исполненія, гдѣ только возможно, практиковавшееся Рыбниковымъ, въ извѣстной мѣрѣ сглаживало недостатки его первыхъ набросковъ съ пересказа, такъ что у лучшихъ его пѣвцовъ и сейчасъ на протяженіи цѣлыхъ страницъ къ тексту можетъ быть прямо подведенъ тотъ или другой мотивъ, извѣстный намъ теперь въ совершенно точномъ видѣ. Рыбниковъ проводилъ свои приемы не ощупью или случайно, а вполне сознательно; онъ не только отдавалъ себѣ отчетъ въ разницѣ текста спѣтаго и пересказаннаго, но опредѣленно разбирался въ мелкихъ вариантахъ, вносимыхъ пѣвцомъ при каждомъ новомъ исполненіи, и умѣлъ отличить личныя черты каждаго сказителя, его, такъ сказать, индивидуальный стиль, такъ же какъ и манеру исполненія. Въ своихъ наблюденіяхъ надъ особенностями нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сказителей, въ настойчивомъ совѣтѣ перечитывать былины по пѣвцамъ ¹⁾, онъ уже близко подходилъ къ выдвинутому послѣ вопросу о «школахъ», о которомъ Гильфердингъ далъ нѣсколько цѣнныхъ, но слишкомъ общихъ и неполныхъ указаній. Матеріалъ по этому вопросу найдется въ разбросанныхъ замѣчаніяхъ Рыбникова, а несравненно большее количество его должно быть извлечено изъ самого сборника путемъ сравнительнаго изученія его прежде всего съ Гильфердинговскимъ; эта работа, можно сказать, почти еще и не начата. Не гово-

¹⁾ См. въ „Замѣткѣ“ О. Миллера.

римъ уже о громадномъ запасѣ эпическаго содержанія сборника, такъ какъ съ этой стороны онъ оцѣненъ былъ прежде всего и до сихъ поръ больше всего.

Мы не касались теоретическихъ, научныхъ взглядовъ Рыбникова на устное творчество народа, на тотъ самый матеріалъ, который онъ въ такомъ неслыханномъ изобиліи впервые доставилъ наукѣ. Объ этомъ почти нечего и сказать: научный, спеціальный интересъ не былъ замѣтнымъ стимуломъ его собирательской работы. Онъ, конечно, воспринялъ изъ университета, на лекціяхъ Буслаева общія основы миеологической теоріи, которыя сквозятъ кое-гдѣ въ его письмахъ къ К. Аксакову, Д. А. Хомякову и къ Безсонову въ началѣ собиранія; тамъ же видно намѣреніе предпослать I тому „обстоятельную статью о былинахъ“, для которой Рыбниковъ желалъ имѣть подъ руками Гримма, Лахмана и Киршу Данилова, но планы эти быстро разбились о невозможность работать въ Петрозаводской дали, безъ книгъ, а еще болѣе о внутреннія препятствія, лежавшія въ самой личности Рыбникова. Элементовъ теоретика - ученаго было слишкомъ мало въ его натурѣ, даровитой и богатой, но обращенной больше всего къ жизни, къ дѣйствительности и ея живому синтезу. Безсоновъ справедливо писалъ ему по поводу плановъ о статьѣ: «Всѣ разсужденія и выводы о богатыряхъ и ихъ эпохѣ, объ ихъ личностяхъ, характерахъ и т. п., то-есть все, что можно сдѣлать, сидя въ кабинетѣ надъ готовымъ матеріаломъ, предоставьте намъ, тюремнымъ сидѣльцамъ. Вы соприкасаетесь съ народомъ непосредственно, съ глазу на глазъ, вы собиратель (пока), вы практикъ»¹⁾ и далѣе набрасываетъ планъ статьи, которую онъ желалъ бы получить отъ Рыбникова и которой никто другой не могъ бы написать.

Совѣтъ Безсонова не только подходилъ къ обстоятельствамъ, но и вообще былъ наилучшимъ для Рыбникова, и онъ послѣдовалъ ему, сразу и навсегда, ни разу послѣ не обнаруживъ желанія попасть въ «тюремные сидѣльцы» и, очевидно, не считая, что на него было произведено внѣшнее и чуждое давленіе. Собираніе Рыбникова было результатомъ его любви къ пѣснѣ,

¹⁾ Изъ неизданнаго письма, бывшаго въ нашемъ распоряженіи.

къ поэзіи, къ народу, плодомъ національнаго строя его души, напедшаго себѣ выходъ въ этой области подѣ замѣтнымъ вліяніемъ общественныхъ настроеній той поры, когда складывался онъ самъ. Весенній характеръ эпохи и молодость личности дѣйствовали дружно въ одномъ направленіи, и сдѣлано было большое дѣло, сдѣлано хорошо, вдумчиво и съ увлеченіемъ, съ жаромъ. Насталъ другой періодъ жизни, міровоззрѣніе отложилось, воніло въ берега; съ перваго поля жатва была снята и жнецъ оглянулся кругомъ себя: ему было уже 35 лѣтъ, онъ былъ человѣкъ съ служебнымъ опытомъ и профессиональной складкой, семьянинъ, съ думой объ упроченіи будущаго. Рыбниковъ оставилъ бы собираніе былинъ, если бы его и не перевели въ другой край съ повышеніемъ — это наше глубокое убѣжденіе; онъ нашелъ бы себѣ другіе интересы.

Въ чемъ же были эти его интересы 'за послѣдній періодъ жизни? Принято думать, что онъ весь ушелъ въ службу, что чиновникъ растворилъ въ немъ интеллигентную, культурную личность. Посмотримъ, такъ ли это.

IV.

Въ декабрѣ 1866 года Рыбниковъ простился съ Петрозаводскомъ, переведенный, какъ упомянуто было, вице-губернаторомъ въ Калишъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ онъ былъ обязанъ болѣе всего своимъ московскимъ славянофильскимъ связямъ: въ нашихъ рукахъ было письмо къ нему Ив. С. Аксакова отъ 10 мая 1866 г., гдѣ стоитъ: «Не удастся вамъ обратиться оттуда! Самаринъ нѣсколько разъ писалъ объ этомъ Черкасскому и Милютину. Теперь, послѣ 4 апрѣля, все это стало опять затруднительнѣе и многимъ досталось въ чужомъ пиру похмелье». Но едва прошло три мѣсяца, какъ хлопоты друзей увѣнчались успѣхомъ; въ концѣ августа Рыбниковъ уѣзжаетъ на мѣсяцъ въ Петербургъ, вызванный по этому поводу: кн. Черкасскій приглашалъ его къ себѣ на службу въ Варшаву. Работать при Милютинѣ и Черкасскомъ, конечно,

Рыбникову было пріятно, но, повидимому, ему сразу не очень улыбнулась перспектива смѣнить одну окраину на другую, отрѣзывавшую его совсѣмъ отъ русской жизни и русскаго народа, этнографическій интересъ еще не совсѣмъ умеръ въ немъ, и онъ искалъ другого исхода, компромисса. Такъ, по крайней мѣрѣ, приходится толковать сохранившееся въ его бумагахъ рекомендательное письмо А. Θ. Гильфердинга къ какому-то превосходительному Константину Петровичу¹⁾, относящееся какъ разъ ко времени пребыванія Рыбникова въ Петербургѣ. Здѣсь Гильфердингъ, указавъ на приглашеніе подателя кн. Черкасскимъ къ себѣ на службу, говоритъ: «Но по моему убѣжденію было бы жалъ отрывать подобнаго дѣятеля отъ русской почвы, и его настоящее мѣсто было бы въ Западномъ краѣ, гдѣ вмѣстѣ съ пользою по службѣ онъ можетъ оказать неоцѣненные услуги изученію тамошней народности русской.» Въ заключеніе Гильфердингъ горячо рекомендуетъ Рыбникова вмѣсто себя въ большую экспедицію Географ. Общества въ Западный край, которая снаряжалась въ 1862 г., но была остановлена событіями въ Польшѣ²⁾. По какимъ-то причинамъ письмо осталось не переданнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Рыбниковъ попалъ не въ Варшаву.

Перспективѣ работать подъ руководствомъ двухъ просвѣщенныхъ дѣятелей не суждено было осуществиться: въ декабрѣ 1866 г., когда Рыбниковъ поѣхалъ къ новому мѣсту службы, Милютина сразилъ нервный ударъ, вслѣдъ за нимъ ушелъ и кн. Черкасскій. Какія бы ошибки ни усматривать въ ихъ государственной дѣятельности въ Польшѣ, все же необходимо признать, что послѣ нихъ воцарились порядки неизмѣримо худшіе: исчезло проведеніе обдуманнаго плана, лучшія стороны ихъ системы были искажены, а недостатки выросли и подчеркнулись.

Рыбниковъ не былъ слѣпъ и къ ошибкамъ самихъ руководителей, которыхъ уважалъ и цѣнилъ, тѣмъ менѣе могъ онъ быть внутренне солидаренъ съ тѣмъ, что начало тогда твориться въ Польшѣ. Правда, онъ остался на службѣ, и мы, не

¹⁾ Побѣдоносцеву?

²⁾ Повидимому, эта экспедиція и была проведена Чубинскимъ въ 1872—78 гг.

зная всѣхъ обстоятельствъ, затрудняемся объяснить причины, сдѣлавшія это для него возможнымъ, но какъ онъ понималъ задачи Россіи въ краѣ, намъ извѣстно положительно. Въ его бумагахъ уцѣлѣло нѣсколько листовъ, на которыхъ набросано нѣчто въ родѣ двухъ статей по польскому вопросу; связанная форма ихъ и слѣды обработки даютъ право думать, что авторъ могъ имѣть въ виду оглашеніе ихъ какимъ-либо способомъ въ печати. Одна изъ этихъ статей даетъ бѣглый историческій обзоръ польскихъ «аспирацій» съ начала XIX вѣка, другая—анализируетъ всѣ возможные комбинаціи политическихъ отношеній между русскими и поляками. Основныя мысли автора таковы.

Начиная съ послѣдняго раздѣла Польши до самой франко-прусской войны знаменемъ польской интеллигенціи было возстановленіе независимой Польши въ границахъ 1772 года; упорнымъ преслѣдованіемъ этой цѣли объясняется недовольство поляковъ и Наполеоновскимъ Варшавскимъ Герцогствомъ и Польскимъ Королевствомъ 1815 г., отсюда и 1830 и 1863 годы. Событія 1870 года окончательно разрушили мечты и надежды прежнихъ лѣтъ; образовалась несокрушимая Германская имперія, Франція, въ которой Польша до сихъ поръ видѣла или думала видѣть опору, отступила на задній планъ, и польскому обществу волей неволей пришлось замѣнить прежнее знамя другимъ. Новый лозунгъ поляковъ по взгляду Рыбникова гласить: «Сохранимъ польскій духъ. Оставаясь вѣрными подданными тѣхъ государствъ, которымъ насъ подчинила судьба, мы хотимъ сохранить нашу народность, нашъ языкъ, нашу религію, наши обычаи, нашу вѣру въ независимую личность, короче, тѣ особенности, благодаря которымъ поляки являются въ исторіи представителями западнаго славянства, какъ русскіе—представителями восточнаго». Ниже этихъ требованій не можетъ, не долженъ спускаться народъ, въ которомъ есть чувство національной личности. Между тѣмъ объединительная система, въ главѣ которой стояли Милютинъ и Черкасскій, послѣ нихъ постепенно и незамѣтно превратилась въ обрусѣніе, «т.-е. въ подведеніе польской народности подъ особенныя требованія великорусскаго племени, и именно московской его разновидности».

«Развѣ обрусѣніе имѣли цѣлью Александръ II и Милютинъ, давая самостоятельность крестьянскому сословію? Развѣ обрусѣніе имѣлъ въ виду безпощадный къ полякамъ кн. Черкасскій? Онъ хотѣлъ примѣнить къ Польшѣ старинный московскій приемъ объединенія: снять верхній слой народа и замѣнить его заѣзжими русскими людьми. Предполагалось при этомъ, во-первыхъ, что освобожденное отъ гнета шляхетскихъ тенденцій крестьянство окажется въ состояніи возродить польскую національность на какихъ-то новыхъ началахъ, во-вторыхъ, предполагалось дать Польшѣ все, что дано Россіи. Но 17 лѣтъ минуло со времени печальныхъ событій 1863 года, а здѣсь еще нѣтъ ни городскихъ, ни земскихъ учреждений, ни маломальской свободы прессы, ни суда присяжныхъ, ни свободы учрежденія промышленныхъ, торговыхъ, ссудо-сберегательныхъ, потребительныхъ ассоціацій. Чтобы дать крестьянству возродить народность, заѣзжіе люди должны были дать ему полнѣйшую самостоятельность и соблюдать строжайшую законность... Этого перваго условія правильнаго общежитія здѣсь не было. Какъ же могло возродиться крестьянское сословіе?». Сейчас ¹⁾ край спокоенъ, онъ имѣетъ съ Россіей общіе интересы въ торгово-промышленномъ отношеніи, но связь его съ государствомъ чисто внѣшняя, механическая, «здѣсь живетъ населеніе подневольное и недовольное, оказывая лишь вынужденную и потому лицемѣрную покорность силѣ». Все это не только создаетъ въ настоящемъ внутреннія осложненія и непріятности для Россіи, но и грозитъ бѣдой въ будущемъ, при неизбѣжномъ (какъ думаетъ авторъ) столкновеніи ея съ Германіей и Австріей. Тогда наши польскія отношенія могутъ стать нашей ахиллесовой пятой. «Австрія, сложенная изъ разныхъ народностей, старается удовлетворить, насколько понимаетъ и можетъ, требованіямъ этихъ народовъ; не только Венгрія получила автономію, но и Галиція: за это галиційскіе поляки выражаютъ Францу Іосифу искреннюю и глубокую благодарность. Самый опасный врагъ Россіи и Польши—Пруссія, но и тамъ поляки могутъ въ рейхстагѣ и земскихъ собраніяхъ высказывать свои нужды,

---

¹⁾ Писано около 1880 г.

въ литературѣ и журналистикѣ проводить свои идеи и идеалы. Только въ бывшемъ королевствѣ Польскомъ царствуетъ молчаніе гроба».

Приведеннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что и послѣ двадцати лѣтъ «чиновничьей» службы передъ нами вовсе не человѣкъ, незамѣтно позволившій жизни подмѣнить свое живое, личное міровоззрѣніе на карьеризмъ или на тупое и бездушное мышленіе, не идущее дальше словъ и официальной бумаги. Жизнь, конечно, поломала цѣльность личности, загородила пути къ естественному, полному согласію стремленія и дѣйствія — исторія, у насъ весьма обыкновенная, — но человѣкъ сохранилъ свои убѣжденія, справляясь, какъ могъ, съ противорѣчіемъ, быть можетъ, страдая и испытывая по временамъ непреодолимую потребность исповѣдать свою внутреннюю личность. Самое возникновеніе нашихъ статей свидѣтельствуетъ объ этой потребности, и мы не станемъ утверждать, что Рыбниковъ не пытался ихъ напечатать, не напечаталъ... Во всякомъ случаѣ можно утверждать положительно, что на своемъ посту онъ далеко не былъ усерднымъ слугой «русскихъ началъ» въ томъ видѣ, какъ они понимались тогда въ официальныхъ сферахъ; вѣроятно, этимъ и объясняется его въ сущности скромная и глухая чиновничья карьера, замершая и остановившаяся какъ-то сразу и навсегда.

Не находя въ службѣ внутренняго удовлетворенія, Рыбниковъ продолжалъ жить разнообразными духовными интересами. Прежде всего онъ удержалъ въ извѣстной мѣрѣ связи съ ученымъ міромъ, которыя были вызваны его сборникомъ былинъ. Послѣдній томъ печатался въ 1867 г., когда Рыбниковъ былъ уже въ Царствѣ Польскомъ; онъ поручилъ это дѣло О. Миллеру, горячо привѣтствовавшему первые томы и признававшему (въ письмѣ къ собирателю), что имъ онъ «обязанъ былъ поворотной точкой въ занятіяхъ и отчасти въ воззрѣніяхъ»; дружественныя отношенія съ О. Миллеромъ удержались. Затѣмъ Рыбниковъ посылалъ свой сборникъ по мѣрѣ выхода Авг. Шлейхеру, и на этой почвѣ они обмѣнивались письмами; изъ очень плохо уцѣлѣвшей переписки Рыбникова въ наши руки попало два письма Шлейхера. Въ первомъ (1865 г.) знаменитый уче-

ный, называя сборникъ «одной изъ самыхъ важнѣйшихъ книгъ новѣйшаго времени» ¹⁾, относить его «къ очень рѣдкимъ книгамъ, которыя открываютъ читателю новый, до сихъ поръ незнакомый свѣтъ», и сообщаетъ, что для своихъ занятій выпи- сываетъ «старинныя и вообще занимательныя формы, находя- щіяся въ этихъ пѣсняхъ». Онъ нашелъ также много важнаго для славянской грамматики въ статьѣ объ особенностяхъ Оло- нецкаго подрѣчія: «Русскія нарѣчія до сихъ поръ мнѣ только извѣстны изъ статьи Даля въ I т. его словаря; подробное опи- саніе одного изъ нихъ я въ первый разъ узналъ изъ вашей статьи. Для славянскаго языкознанія эти нарѣчія необходимы». Во второмъ письмѣ (1868 г.) Шлейхеръ, благодаря за 4-й томъ, сообщаетъ, что занятъ составленіемъ возможно полной грамма- тики полабскаго нарѣчія, очень важнаго для славянскаго язы- кознанія; это—предварительная работа для обширной сравни- тельной грамматики славянскаго языка, которой ученый соби- рается посвятить послѣднюю часть своей жизни. «Самый луч- шій изъ моихъ учениковъ, Др. Авг. Лескинъ... между тѣмъ докончить начатую мною грамматику языка собранныхъ вами памятниковъ словесности русскаго народа». Въ заключеніе Шлейхеръ сообщаетъ, что выпишетъ рекомендованную ему Рыб- никовымъ книгу Некрасова о значеніи формъ русскаго глагола.

Изъ русскихъ ученыхъ Рыбниковъ повидимому долѣе всѣхъ сохранилъ отношенія съ Буслаевымъ; мы имѣли въ рукахъ письмо послѣдняго отъ 30 дек. 1875 г. ²⁾.

¹⁾ Письма писаны по-русски; цитируемъ буквально.

²⁾ Изъ него видно, что Рыбниковъ послалъ Буслаеву въ подарокъ изд. Герберштейна; по этому поводу Буслаевъ пишетъ: „Приходило ли вамъ въ голову, что эта книга, можетъ быть, рѣшаетъ вопросъ о Вольгѣ Святослави- чѣ? Помните, что еще Безсоновъ сближалъ его съ древлянскимъ Олегомъ. Но въ этомъ сближеніи недоставало твердаго связующаго звена. Звено это далъ Герберштейнъ. Древняго Олега онъ называетъ *Olech*, св. Ольгу—*Olha*, но сына Святославова—именно *Olega* и склоняетъ: *Olegae*, *Olegam* (стр. 5), вѣроятно, съ такимъ удареніемъ: *Olegà*, что съ придыханіемъ и будетъ *Вольга* (ê = ѣ). Слич. *Ольговичъ*, т.-е. *Олеговичъ*. Слѣд. Новгородскаго *Вѣлжа* (откуда *Волж*—овъ рѣка) приравнивать съ *Вольгидо* нельзя... Во всякомъ случаѣ Герберштейнъ въ этомъ историческомъ преданіи черпалъ изъ такого источника, въ которомъ значилось *Olegà* (*Ольга*), а не *Olegъ*“.—Затѣмъ Буслаевъ сообщаетъ о выходѣ новой работы Ягича и благодаритъ за присылку Рыбниковымъ своего портрета, который „красуется у меня въ альбомѣ вмѣстѣ съ моими лучшими друзьями“.

Но эти сношенія вытекли изъ прошлыхъ интересовъ собирателя, теперь отодвинутыхъ, и не могли быть живы и содержательны,—Рыбниковъ не возвращался на покинутое поле древней русской поэзіи. Теперь его вниманіе было, повидимому, гораздо болѣе сосредоточено на новой русской литературѣ и ея текущихъ крупныхъ явленіяхъ. Въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ его сильно заинтересовалъ Левъ Толстой. Есть свѣдѣнія (идушія отъ семьи), что въ это время у него въ домѣ часто бывалъ молодой М. С. Громека (тогда учитель Калишской гимназіи), увлекавшійся Толстымъ и писавшій свою книгу объ Аннѣ Карениной; работа его по частямъ читалась у Рыбниковыхъ. Самъ Рыбниковъ добывалъ и читалъ появлявшіеся тогда за границей вещи Толстого, какъ «Исповѣдь» и «Изложеніе Евангелія». Слѣды этого интереса дошли до насъ въ видѣ черновика большого письма къ Толстому по поводу «Евангелія» и довольно обширной статьи, озаглавленной: «О послѣднихъ произведеніяхъ Толстого». Обѣ статьи Рыбникова даже въ незаконченномъ видѣ представляютъ интересъ по самой постановкѣ вопроса или по точкѣ зрѣнія и даютъ возможность (особенно вторая) еще полнѣе представить себѣ духовную фizioномію нашего автора; въ виду этого мы позволимъ себѣ нѣсколько на нихъ остановиться.

Мы не знаемъ, было ли окончено и отправлено по адресу письмо къ Толстому, но оно носитъ слѣды долгой и серьезной предварительной работы: въ немъ много ссылокъ на евангельскій текстъ славянскій и греческій, цитатъ изъ еврейскихъ книгъ. Работа осталась далеко незаконченной, трудно даже сказать, какая ея часть передъ нами, и она интересна всего болѣе характернымъ для автора пониманіемъ вопроса и подступомъ къ нему. Приводимъ важнѣйшія мѣста письма. Оно начинается такъ:

«Недавно я прочелъ въ июльскомъ номерѣ *«La nouvelle Revue»* вашу статью: *Exposé de l' Evangile*. Предметъ ея такъ серьезенъ, что долженъ глубоко заинтересовать каждого мыслящаго человѣка, въ особенности русскаго. Въдѣ дѣло въ сущности идетъ о цѣломъ нашемъ міросозерцаніи, обсуждается развязка роковой борьбы, которая происходитъ или происходила въ

умахъ современнаго и нарастающаго поколѣнія между цѣльнымъ развитіемъ духа и раціоналистическою односторонностію. У кого изъ насъ при знакомствѣ съ наукою не падала съ глазъ повязка суевѣрія, и какъ у немногихъ уцѣлѣла вѣра въ свободно творящаго духа»... «Вы пришли къ непреложному для васъ выводу, что въ христіанствѣ до сихъ поръ на первомъ планѣ стояла личность Спасителя, его небесная и земная исторія, что его ученіе было отодвинуто назадъ съ первыхъ временъ христіанства и заслонено ученіемъ церкви или церквей, не имѣющихъ съ первоначальнымъ ученіемъ ничего общаго. Эту первоначальную «благую вѣсть» вы задумали передать намъ словами Евангелія.

«Какъ поклонникъ вашего дарованія, я предпочелъ бы, чтобы вы рассказали намъ жизнь Спасителя»... По мысли Рыбникова слѣдовало бы, вооружившись матеріаломъ современной науки, нарисовать историческій фонъ въ условіяхъ мѣста и историческаго момента и дать на немъ личность Христа. «Особенности вашего дарованія помогли бы вамъ, болѣе чѣмъ Штраусу и Ренану, соединить въ одно цѣлое историческія черты, уцѣлѣвшія о жизни Спасителя (напр., черты глубокаго личнаго милосердія къ пороку или черты минутнаго раздумья о своей судьбѣ) и возсоздать живой Его образъ со всею Его творческою дѣятельностію, какимъ Онъ явился въ началѣ нашей эры»... Отмѣтивъ основныя черты обаятельной личности Христа, Рыбниковъ переходитъ къ главной своей мысли. «Въ связи съ личностію вамъ пришлось бы угадать точныя черты Его первоначальнаго ученія, сравнить ихъ съ тогдашними вѣрованіями евреевъ и растолковать намъ, какимъ образомъ Его именно личность превратила сухую, расплывчатую *аподу* въ евангельскую проповѣдь, фарисейское ученіе о добродѣтельности страждущаго идеала въ ученіе о живомъ Искупителѣ, взявшемъ на себя грѣхи міра... Для всего этого вы несомнѣнно были бы вынуждены опредѣлить, въ чемъ состояло подлинное ученіе Спасителя;—но этого нельзя было бы сдѣлать механическимъ сводомъ стиховъ изъ синоптиковъ и Іоанна. Въ трудѣ вашемъ, какъ онъ по крайней мѣрѣ задуманъ и выполненъ, по вашему же объясненію, для читателя всегда будутъ цѣнны и инте-

ресны: ваша исповѣдь съ филиаціей идей, приведшею васъ къ убѣжденію въ истинѣ Христова ученія, и анализъ христіанскихъ доктринъ. Что касается анализа Христова ученія и изложенія истинной христіанской доктрины, то они основаны на сводѣ Четвероевангелія, и я недоумѣваю, какъ такой сводъ можетъ изображать собою первоначальное евангельское ученіе». Далѣе авторъ характеризуетъ особенности каждого евангелія и приходитъ къ выводу, что ихъ соединеніе не можетъ вести къ цѣли. «Если не признать, что евангелія служили камеръ-обскурой, въ которой отражались перемѣны христіанскихъ воззрѣній, невозможно согласить противорѣчій между самими синоптиками, между ими и Іоанномъ, не только относительно историческихъ подробностей о жизни Христовой, но и (что для вашей цѣли особенно важно) о Его вѣроученіи».

Письмо обрывается при началѣ подробнаго вскрытія такихъ противорѣчій.

Въ довольно большой статьѣ о Толстомъ (свыше печ. листа) Рыбниковъ изъ анализа «Войны и Мира» и «Анны Карениной» старается вывести философію художника, находя, что онъ стремился здѣсь «угадать полускрытый доселѣ смыслъ жизни русскаго народа и общества, объяснить намъ, чѣмъ живутъ люди вообще и русскіе въ особенности». По мысли нашего автора, въ сочиненіяхъ Толстого царить міросозерцаніе, проникнутое убѣжденіемъ въ ничтожествѣ отдѣльной личности и въ могучей силѣ народа, направляемой не человѣческимъ усмотрѣніемъ, а высшей волей. Пьеръ Безуховъ не можетъ отыскать на землѣ какой-нибудь разумной причины всему, что совершается вокругъ него, и начинаетъ прислушиваться къ народному голосу, который ведетъ его къ идеѣ предопредѣленія; въ Аннѣ Карениной аналитически разъясняется вопросъ, отчего даже лучшіе русскіе люди, если вздумаютъ жить собственнымъ своимъ умомъ и отбросить традиціи, непременно подвергаются раздумью, недовѣрію къ себѣ, унынію и преждевременной гибели, если не откажутся отъ личнаго пути и не сольются съ общимъ, съ народнымъ. Сжатый отвѣтъ на тотъ же вопросъ даетъ легенда «Чѣмъ люди живы». Авторъ находитъ, что воззрѣніе большей части русскаго народа на свои отношенія къ

міру и людямъ, воззрѣніе здоровой части русскаго общества несомнѣнно таково, какъ его понялъ и выразилъ Л. Толстой, но онъ ставитъ далѣе вопросъ на историческую почву и показываетъ, что философія эта не можетъ считаться исконной принадлежностью всего русскаго народа, а воспитана исторіей одной его части; это—философія великорусскаго племени, притомъ «московской его разновидности». Прослѣдивъ сжато исторію сложенія Московскаго государства, авторъ заключаетъ: «Весь строй русской жизни сталъ абсолютистскимъ, высшее сословіе превратилось въ служилыхъ людей, явилось проклятіе крѣпостного права. Куда было дѣться самостоятельной личности, что она могла значить передъ силой сложившихся вещей? Политическая и общественная жизнь замерла, умственная еще не народилась, оставалась открытой единственная сфера религіозная, въ ней и сосредоточило великорусское племя свои духовные помыслы, но вслѣдствіе паденія гражданской и общественной жизни понизило религію, съ одной стороны, до обрядности, съ другой, до фатализма» ¹⁾.

Дальше читаемъ: «Вотъ почему образованной русской личности тяжело жить въ великорусской жизни. Если она выходитъ изъ традиціонныхъ рамокъ, ее гонитъ въ бесплодное отрицаніе нигилизма; если она приобщается своему племени, ей надобно наложить на себя печать смиренія, вступить въ казенную церковь, подчиниться безусловно всякой обрядности, начиная съ постнаго масла, и отказаться отъ всякой самостоятельной дѣятельности, отъ всякаго самостоятельнаго мышленія».

«Да, личности негдѣ развернуться въ великорусской жизни. Оттого гр. Толстой и выводитъ только приниженныя личности,

---

¹⁾ Своей мыслью о великорусско-московскомъ происхожденіи даннаго міровоззрѣнія авторъ видимо дорожитъ и въ дальнѣйшемъ не упускаетъ случаевъ отмѣтить, что въ сѣверно-русскомъ племени (новгородцахъ и ихъ потомкахъ-поморахъ), а до татаръ и на югъ Россіи было живо чувство свободы личности и отсутствовало „приниженное подчиненіе“ року или обстоятельствамъ. Впечатлѣнія отъ Олонецкаго населенія, очевидно, придавали увѣренность его словамъ, что „предки нашего поморянина, когда плыли во флотъ короля Свейна въ Англію, навѣрное понимали пѣсни викинговъ“; выдержки изъ былинъ неразъ подкрѣпляютъ его мысль. Припомнимъ, что аналогичное впечатлѣніе отъ крестьянской личности на сѣверѣ вынесъ и Гильфердингъ.

которыя покорны судьбѣ, и обходить въ своихъ романахъ маломальски самостоятельныя и свободно развившіеся характеры: ихъ или не уложить въ готовые рамки великорусской жизни, или надобно немедленно предать злой смерти. Возьмемъ «Войну и Миръ». Пьеръ Безуховъ—непокрытая вода: тараканъ напалъ, муравей нализалъ, муха падала; онъ могъ застрять въ квіетизмъ и семейномъ счастьи, а Болконскаго пришлось умирить. И будто въ эпоху 12-го года уже совсѣмъ не было даровитыхъ и самостоятельныхъ личностей, которыя не успокаивались въ обрядности. Былъ же Мордвиновъ, Ермоловъ, гр. Сиверсъ, Лунинъ, Чаадаевъ; но они не укладывались въ рамки романа».

Героевъ «Анны Карениной», не исключая Левина, Рыбниковъ тоже считаетъ за людей, лишенныхъ всякой внутренней силы характера и инициативы, слегка подсмѣиваясь надъ тѣмъ, что Левина «къ счастью спасъ встрѣчный мужикъ». «Но—говорить онъ—это вѣрно съ общимъ характеромъ жизни великорусскаго общества, оттого тамъ и жить такъ тошно».

Далѣе отмѣчается ничтожность вліянія на общество науки и искусства. «Вотъ почему перемѣна въ воззрѣніяхъ Безухова и Левина совершается не путемъ самостоятельнаго умственного развитія, не вліяніемъ высоко одаренной личности, а черезъ появленіе *deus ex machina*. Когда Фаустъ, послѣ долгихъ заблужденій, находитъ въ любви къ человѣчеству высшее наслажденіе, то «вѣдь это—мудрецъ, знающій, что добрый человѣкъ въ своемъ темномъ стремленіи все-таки сознаетъ, гдѣ настоящая дорога, а для обращенія Безухова и Левина понадобился солдатикъ Платоша и встрѣчный мужикъ». Въ заключеніе авторъ припоминаетъ, какъ и къмъ рѣшался вопросъ «чѣмъ люди живы» въ Платоновскомъ «Пирѣ». Послѣднія слова его такія: «Вотъ какъ древній философъ силою діалектическаго процесса, не въ избѣ сапожника, не въ разговорѣ съ аѳинскимъ солдатикомъ или мужикомъ, а въ бесѣдѣ съ величайшими талантами своего времени вывелъ христіанскую идею всеобнимающей любви».

Мы изложили главныя мысли статьи Рыбникова, воздержаваясь отъ всякой критики, которая была бы здѣсь неумѣстна.

Важень не взглядъ его на Толстого, вѣрный или ошибочный (въ извѣстной свѣжести и самостоятельности точки зрѣнія ему отказать нельзя),—важно то, что по поводу сочиненій Толстого Рыбниковъ развилъ здѣсь нѣкоторыя существенныя основы своего міровоззрѣнія полнѣе, чѣмъ мы могли это прослѣдить раньше, и вскрылъ итоги всѣхъ своихъ размышленій надъ русской жизнью. Здѣсь открывается, какой содержательной и сложной работой былъ занятъ духъ этого «бросившаго умственные интересы и ушедшаго въ службу вице-губернатора», какимъ принято было считать Рыбникова послѣдней поры. Его истинное, внутреннее отношеніе къ службѣ очень ясно видно въ словахъ, какими онъ рисуетъ здѣсь Карениныхъ: «Мы въ мірѣ бюрократовъ, которые въ петербургскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ составляютъ доклады о всевозможныхъ предметахъ по даннымъ европейской науки и рапортамъ губернаторовъ, архіереевъ и жандармскихъ штабъ-офицеровъ. Надобно знать на дѣлѣ всю пошлость канцелярской жизни, всю тщету канцелярской переписки, чтобы оцѣнить изображеніе неустанной и ревностной дѣятельности Каренина на этомъ поприщѣ».

А какъ долженъ былъ временами чувствовать себя Рыбниковъ въ условіяхъ своей дѣятельности, легко вывести изъ другого мѣста статьи, гдѣ онъ объясняетъ теорію приниженія личности изъ матеріальной необходимости и противопоставляетъ ей, какъ идеаль, признаніе «свободно творящаго духа, который требуетъ свободной человѣческой личности: онъ не насилуетъ ея, а вызываетъ въ ея умѣ, чувствахъ и волѣ свободное съ собою духовное единеніе».

Широта умственныхъ интересовъ и здоровый, трезвый складъ натуры, конечно, сильно должны были помогать Рыбникову не терять равновѣсія, но недаромъ, конечно, вырвались у него слова: «въ великорусскомъ обществѣ тошно жить развитому человѣку».

А. Е. Грузинскій.

ЗАМѢТКА СОБИРАТЕЛЯ ¹⁾.

Пошелъ Добрынюшка во почетный пиръ,
Садился Добрынюшка на упеченку,
Началъ въ гусли наигрывать,
Первый разъ игралъ отъ Царяграда,
Другой разъ игралъ отъ Іерусалима,
Третій разъ сталъ наигрывать,
Все свое нохожденьице разсказывати.

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ первой части до меня стали доходить отъ многихъ любителей народной поэзіи настоятельныя просьбы объяснить, какъ и отъ кого записывалъ я былины, что за люди современные пѣвцы, въ какой степени былевая поэзія сохранилась у народа въ Олонецкой губерніи и какъ передается отъ одного поколѣнія къ другому. Я понималъ всю справедливость этихъ требованій, но не могъ удовлетворить имъ тогда потому, что, по разнымъ причинамъ, мои свѣдѣнія

---

¹⁾ Начало статьи, приуроченное къ III тому, при которомъ она напечатана, и содержащее краткую характеристику новаго тома, печатаемъ подъ строчкой, выпустивъ лишь перечисленія былинъ, да утратившія свое значеніе ссылки на первые два тома.—*Ред.*

Третья часть этого сборника заключаетъ въ себѣ былевые пѣсни, заплочки и бытовые пѣсни.

Изъ вариантовъ былинъ многіе болѣе или менѣе извѣстны; но въ дѣлѣ собиранія памятниковъ народнаго эпоса еще такъ мало сдѣлано, что я считаю необходимымъ печатать цѣликомъ пересказы, лишь бы они были интересны въ какомъ-нибудь отношеніи. Изъ печатаемыхъ въ III ч. иные замѣчательны по своей художественности (напр. 10, 13, 14, 15, 16, 24, 27, 29 и др.), иные содержатъ извѣстные эпизоды или по крайней мѣрѣ передаютъ подробности, которыя даютъ средства къ опредѣленію первобытнаго вида былинъ и прибавляютъ новыя данныя къ содержанію ея и всего цикла, къ которому она относится. — Такъ въ пересказѣ о Хотенѣ (№ 23) поединокъ за Офимью Часовичну происходитъ между девятью Часовичами и паробкомъ Хотена, а самъ богатырь во время боя спитъ себѣ въ шатрѣ. Такое представленіе борьбы за Часовичну повело въ своемъ развитіи къ насмѣшливому вообще

о сказителяхъ были еще очень отрывочны и ограниченны, выводы изъ нихъ были бы преждевременны и односторонни, а между тѣмъ не представлялось возможности скорѣ запастись матеріалами для разъясненія сомнѣній. Во-первыхъ, поѣздки мои были слишкомъ рѣдки и непродолжительны, а пѣвцы индѣ разсѣяны на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Матеріалы для цѣлаго 1-го тома и части второго были собраны въ теченіе какихъ-нибудь 9 или 10 недѣль, въ продолженіе которыхъ пришлось проѣхать болѣе 2000 верстъ отъ Петрозаводска черезъ Заонежье до границъ Архангельской губерніи на сѣверъ и Вологодской губерніи на востокъ. Во-вторыхъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что русскій человѣкъ не любитъ, чтобы на первыхъ порахъ знакомства слишкомъ интересовались его личностью; потому я довольствовался тѣмъ, что мнѣ сказывали былины, и не вдавался въ разспросы пѣвцовъ о ихъ житѣй-бытѣй. Въ-третьихъ, само собой бросалось въ глаза, что лучшіе изъ пѣвцовъ уже старые люди и дряхлѣютъ не по днямъ, а по часамъ. Учителя ихъ, которые, по ихъ же рассказамъ, знали о богатырствѣ больше и лучше ихъ, почти всѣ перемерли, и та же участь каждую минуту грозитъ лучшимъ представителямъ теперешняго поколѣтія сказителей. Я понималъ, что драгоцѣнныя сказанія могутъ не нынче-

---

взгляду на Хотена: въ вариантѣ, напечатанномъ въ извѣстіяхъ II отд. Импер. Академіи наукъ, Хотень является не могучимъ героемъ, отъ одного удара котораго цѣлый теремъ слетѣлъ по окнамъ прочь, а трусоватымъ нѣженкой, за котораго въ минуту опасности вынужденъ дѣйствовать его наперсникъ. Два варианта (№ 15 и 52) были уже напечатаны въ 1-й части; я ихъ перепечатаю снова, потому что на этотъ разъ успѣлъ записать ихъ съ живой рѣчи пѣвца, а вслѣдствіе этого объяснились инныя непонятныя выраженія, № 15 дополнился важными подробностями (ст. 175—245) и № 52 возстановился во всей своей художественности. Нѣкоторые изъ печатаемыхъ вариантовъ, хотя и близки къ напечатаннымъ прежде, однако именно вслѣдствіе этого могутъ послужить пособіемъ къ разрѣшенію вопросовъ объ участіи личнаго творчества въ былевой поэзіи и о томъ, въ какой степени сохранился въ наше время первобытный видъ былинъ.

Второй и третій отдѣлы этой части, помимо своего значенія для этнографіи края, покажутся, быть можетъ, любопытными и для изслѣдователей вообще народнаго быта. Если былевая поэзія переноситъ насъ въ далекое прошлое и открываетъ намъ народное земское представленіе о русской исторіи и о тѣхъ идеалахъ, которые созданы ея теченіемъ въ сознаніи на-

завтра навсегда погибнуть, и торопился записывать уцѣлѣвшее. Наконецъ признаюсь, я самъ былъ подавленъ богатствомъ собираемаго матеріала, мной завладѣли новые для меня народные образы, какъ будто спѣшившіе на смѣну одинъ другаго,—и памятники былевой поэзіи заслонили отъ меня тогда ихъ хранителей и передатчиковъ. Теперь я болѣе прежняго освоился съ предметомъ, ближе познакомился съ пѣвцами, и, что могъ узнать о нихъ и о ихъ жизни, передаю читателямъ. Чтобы наглядно представить, какъ я собиралъ и записывалъ былины, расскажу со всей подробностью ¹⁾ о знакомствѣ моемъ съ первыми сказителями, съ которыми я столкнулся.

Въ теченіе 1859 г. изъ разговоровъ съ Петрозаводскими старожилами я узналъ, что въ сельскомъ населеніи Олонецкой губерніи сохранилось много любопытнѣйшихъ и древнихъ обычаевъ, повѣрій, преданій, былинь и пѣсенъ. Въ подтвержденіе этимъ рассказамъ указывали на историческія и этнографическія данныя, напечатанныя въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, между прочимъ на двѣ былины о богатыряхъ Соловьѣ Будиміровичѣ и Васильѣ пьяницѣ. Въ томъ же году мнѣ самому довелось прочесть въ рукописи нѣсколько ста-

рода, то заплачки и бытовые пѣсни знакомятъ со взглядомъ русскаго человѣка на явленія его семейной и обыденной жизни. Въ пѣсни исчерпанъ кругъ тѣхъ несложныхъ ощущеній, которыя приходится испытывать крестьянину, какъ члену семьи и общины. Начиная отъ колыбели, пѣсня провожаетъ русскаго человѣка до дѣтскихъ игръ, къ забавамъ молодыхъ лѣтъ, къ первому пробужденію любовнаго чувства; она въ трогательныхъ образахъ представляетъ дѣвущкѣ горькій переходъ отъ дѣвичьей воли къ замужнему безволюю; но она же подсказываетъ мужу и женѣ задушевные рѣчи любви и учитъ ихъ убаюкивать и утѣшать будущаго ребенка; пѣсня оживляетъ тяжелую будничную работу настрадахъ въ непогоду и зной, и въ душевной избѣ при свѣтѣ лучины, и праздничный отдыхъ въ хороводѣ или на бесѣдахъ. Подростутъ у крестьянъ дѣти, и та же пѣсня проводить сына на службу государеву и дочь на чужую сторону, и старика отпа со старухою матерью, съ которыми дѣти разстанутся навсегда въ этомъ свѣтѣ.

Въ концѣ части я счелъ нужнымъ помѣстить, кромѣ дополненій и поправки къ первымъ двумъ частямъ, объясненіе непонятныхъ и областныхъ словъ.

¹⁾ Этотъ эпизодъ цѣлѣнокъ моихъ былъ напечатанъ отчасти въ губ. Олонец. вѣдомостяхъ и въ „Днѣ“.

ринъ, записанныхъ (какъ я узналъ впоследствии) со словъ крестьянскаго портного Бутылки, родомъ изъ Пудожгорскаго погоста Повѣнецкаго уѣзда.

Съ зимы 59—60 года я принялся самъ собирать памятники народной поэзіи, но сначала удавалось записывать только бытовые пѣсни, заплачки и духовные стихи. Къ записыванію этихъ матеріаловъ представила удобный случай первая поѣздка моя на Шунгскую ярмарку, Повѣнецкаго уѣзда (въ декабрѣ 59-го и въ январѣ 60-го года), куда я отправился для собранія статистическихъ свѣдѣній. Здѣсь мнѣ рассказали, что въ старое время на эту ярмарку постоянно приходило много каликъ: они садились, бывало, у погоста и пѣли духовные стихи, а толпы проѣзжихъ собирались ихъ слушать и подавали имъ посильную милостыню. Но съ 50-хъ годовъ, неизвѣстно почему, земская полиція стала гонять убогихъ пѣвцовъ съ погоста и не позволяла имъ больше пѣть на улицахъ. Только по особенному моему настоянію сотеній съ великимъ трудомъ отыскалъ двухъ каликъ (одинъ изъ нихъ, слѣпой Иванъ, былъ родомъ изъ Купецкой волости, Пудожскаго уѣзда, другой изъ Кузаранды, Петрозаводскаго уѣзда) и привелъ ихъ на мою квартиру. Когда они пообогрѣлись и поразговорились, я началъ просить ихъ спѣть, что умѣютъ. Они сперва было все отпѣкивались; но, когда я самъ прочелъ имъ по памяти изъ «книги Голубиной», то и они завели сперва одинъ стихъ, потомъ другой, и спѣли все, что знали. Въ эту поѣздку, въ мартѣ 60 года и частью въ январѣ 61 года записалъ я отъ нихъ Алексія Божія человѣка, Агрикова сына Василья, книгу Голубиную, Осипа Прекраснаго, Егорія Храбраго и т. п. ¹⁾. Разспрашивалъ я своихъ каликъ про былины, но они не умѣли ихъ пѣть. Впрочемъ, Иванъ изъ Купецкой волости пообѣщался выучиться старинѣ о Васильюшкѣ Игнатьевичѣ и передать мнѣ ее, и дѣйствительно сдержалъ свое слово впоследствии, уже въ январѣ 61 года. Исполняя просьбу каликъ, я упросилъ

¹⁾ Все это помѣщено въ „Каликахъ переходящихъ“ г. Безсонова. Впоследствии въ Петрозаводскѣ, со словъ жены монастырскаго служителя изъ г. Пудожы, я составилъ небольшой сборникъ духовныхъ стиховъ, отличающихся аскетическимъ складомъ рѣчи.

еще въ 60 году земскаго исправника прекратить на нихъ гоненіе: съ тѣхъ поръ они опять показались на ярмаркѣ, на своемъ мѣстѣ у погоста, и снова стали пѣніемъ стиховъ испрашивать мірское подаваніе.

Въ ту же поѣздку я познакомился съ Шунгской «вопленицей» или плакальщицей. Вопленица—это въ Повѣнецкомъ Заонежѣ ¹⁾ такое же официальное общественное лицо въ бытовой сферѣ, какъ «уставщикъ» въ религіозной. Уставщикъ наблюдаетъ за чистотою религіознаго обряда и порядкомъ, а вопленица блюдетъ чистоту бытового обряда, обычая и порядка: она руководитъ ходомъ свадебъ, похоронъ, поминокъ. Когда невѣсту въ день порученья подводятъ «ко столу», плакальщица идетъ сзади ея и поетъ жалобныя заплачки, въ которыхъ высказываетъ всю горестъ разставанья молодой дѣвушки съ родителями, родомъ-племенемъ, и весь страхъ неизвѣстности при переходѣ къ «чужимъ чужанинамъ», «на остудушку чужую на сторонушку». Плакальщица провожаетъ невѣсту къ ея роднымъ, у которыхъ она тоже должна выплакать свое горе; плакальщица слѣдитъ за соблюденіемъ всѣхъ подробностей вѣковѣчнаго обычая на свадьбѣ, оберегаетъ невѣсту отъ глаза, наговора, и окончивъ свое дѣло, оборонивъ насколько слѣдовало красную дѣвицу «отъ полоненья», какъ бы по необходимости продаетъ ее «измѣнѣ-разказу, большему свату-тысяцкому». Въ дни похоронъ и поминокъ, она же подсказываетъ вдовамъ и сиротамъ жалобныя заплачки и высказываетъ «жалкимъ голосомъ» тяжесть разлуки съ милою «семяушкою», «яснымъ соколомъ-брателкомъ» и другими дорогими «покойничками».

Моя знакомка была извѣстна по всему околотку подъ именемъ «правителя свадебъ». Заплачки ея имѣли такую славу, что ее приглашали даже въ Толвую, т.-е. въ Петрозаводское Заонежье, гдѣ населеніе живое, воспріимчивое и съ поэтическимъ даромъ слова, гдѣ поэтому обыкновенно плакальщицы не играютъ важной роли: тамъ всякая почти женщина можетъ

¹⁾ Въ Повѣнецкомъ Заонежѣ уваженіе къ обрядности доведено до крайней степени, вслѣдствіе сильнаго развитія старообрядчества и близости Выгорѣцкихъ обществъ.

выплакивать свое горе въ импровизаціи ли, подъ вліяніемъ собственнаго настроенія, или въ передѣлкахъ заплачекъ, переходящихъ изъ роду въ родъ и извѣстныхъ почти каждой большухѣ и старухѣ. Отъ этой Шунгской вопленицы записалъ я въ январѣ и мартѣ 60 года и въ январѣ 61 г. превосходныя свадебныя и похоронныя заплачки. Въ той же мѣстности на бесѣдахъ или вечеринкахъ мной были записаны пѣсни бесѣдныя.

Но о былинахъ покамѣстъ до меня доходили только слухи. Я слышалъ на ярмаркѣ отъ разныхъ лицъ, особенно отъ пріѣзжихъ торговцевъ, что въ Олонецкой губерніи есть дѣйствительно люди, умѣющіе пѣть и сказывать былины; но мои Шунгскіе знакомые мало интересовались этимъ родомъ народной поэзіи. Чиновникамъ мое любопытство казалось празднымъ, торговцы знать ничего не знали, кромѣ своего дѣла, а Шунгскіе туземцы смотрѣли на старины даже не совѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно разовьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь настолько, насколько они причастны религіозной области и насколько они поддерживаются обычаемъ, возымѣвшимъ силу съ XVII вѣка.

Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры большею частию относятся съ тѣмъ же настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатанинскихъ ни пѣти и мірскихъ людей не соблажнять». Поэтому въ Повѣнецкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей. Если въ другихъ мѣстностяхъ Олонецкаго края сохранилось столько остатковъ богатырскаго эпоса, то тому причиною поэтическая природа жителей и ихъ поселенія на украинѣ между Корелою и Чудью, гдѣ они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славномъ Киевскомъ и Новгородскомъ прошедшемъ. Впрочемъ, въ ту же поѣздку я слышалъ про отличнаго Повѣнецкаго переходжаго пѣвца Бутылку, родомъ изъ Пудожгорскаго погоста, ремесломъ крестьянскаго портного. Мнѣ сказывали, что Бутылка ходитъ

по всему Заонежью, занимаясь портняжествомъ то въ той деревнѣ, то въ другой, и во время работы постоянно поетъ былины. Въ ту пору ему должно было бы находиться или въ Великой губѣ, или въ Сѣнной губѣ. Страстно желая отыскать этого пѣвца, я бросилъ почтовый трактъ и рѣшился воротиться въ Петрозаводскъ чрезъ Заонежье проселочными дорогами и черезъ Онежское озеро. На пути я завертывалъ и въ Великую губу, и въ Сѣнную губу; но, къ крайнему сожалѣнію, вездѣ слышалъ, что Бутылка уже ушелъ. Три раза впослѣдствіи я преслѣдовалъ Бутылку: два раза изъ-за него мнѣ приходилось въ лютую зиму переѣзжать черезъ Онего по льду, а лѣтомъ 60 года переплывать въ дрянной лодченкѣ озеро изъ Кижей до Пудожгорскаго погоста, и все понапрасну. Уже въ 63 г. я успѣлъ познакомиться съ нимъ и со словъ его исправить то, что отъ него же было записано прежде другими лицами.

Лѣтомъ 60 года я получилъ отъ мѣстнаго начальства официальное порученіе—собрать данныя объ источникахъ, изъ которыхъ составляются вѣдомости статистическаго отчета. Командировка эта представляла мнѣ возможность не только побывать въ уѣздныхъ городахъ Олонецкой губерніи, но и заглянуть въ деревенскій бытъ. Рѣшившись воспользоваться ею для собранія этнографическихъ матеріаловъ, я рассудилъ оставить почтовый трактъ и ѣхать по губерніи проселочными дорогами и водою. Это давало мнѣ средства всмотрѣться въ бытъ крестьянъ и отчасти избавляло отъ официальности. Извѣстно, какъ трудно добиться какихъ-нибудь вѣрныхъ свѣдѣній отъ народа «барину», и тѣмъ болѣе чиновнику. Его званіе, дорожная, вся обстановка его ѣзды какъ-то не внушаютъ къ нему народнаго довѣрія; крестьянинъ всегда склоненъ къ подозрѣнію, что у чиновника есть, пожалуй, какое-нибудь «касательное» до него дѣло, а если касательнаго дѣла и нѣтъ, то самая личность чиновника, его понятія, его привычки дѣлаютъ его чужимъ для крестьянина. Неужели же, скажутъ иные, послѣ этого для собранія этнографическихъ данныхъ нужно переряжаться въ русское платье и подражать внѣшности простолюдина. Переряживанье и подражанье, разумѣется,

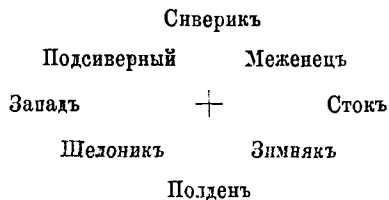
ни куда не годятся. А можно носить русское платье, и тогда это не бесполезно для изученія народнаго быта въ великорусскихъ областяхъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ лично это помогало въ сношеніяхъ съ черниговскими слобожанами, хотя и повлекло за собою важныя неудобства. Но главное дѣло не въ платьѣ: надо носить въ себѣ уваженіе къ самостоятельности религиозныхъ вѣрованій народа, къ особенностямъ его быта, къ тяжкому труду землепашца, работника и ремесленника, и отбросить въ сторону нѣкоторыя кабинетныя предразсудки и барскія замашки. Тогда крестьянинъ не откажется признать своего брата и въ человѣкѣ, получившемъ университетское образованіе, и охотно расскажетъ ему, что нужно.

Итакъ, въ свѣжее майское утро отправился я на общественную пристань въ Петрозаводскѣ и сталъ приискивать лодку для переѣзда на Пудожскій берегъ. Хотя ледъ еще не вполне потонулъ на озерѣ, однако у пристани виднѣлось уже много соймъ и лодокъ. На нихъ пріѣхали Заонежане, Повѣнчане и крестьяне съ Пудожскаго побережья. Эти безстрашные мореходы, какъ только дождутся того, что ледъ на озерѣ поломается, тотчасъ же отправляются въ Петрозаводску за мукою, и съ собою привозятъ мясо, масло, яйца, рыбу и другіе припасы. Гребцы у нихъ не наемные: и на поѣздѣ, и на возвратномъ пути хозяева берутъ въ гребцы родныхъ и знакомыхъ соседей, которые за свою работу пореѣзжаютъ даромъ до города или до дому. На этотъ разъ изъ Пудожскаго побережья была только одна сойма. Устроена она была не совсѣмъ-то ладно; вмѣсто палубы на ней былъ навѣсъ изъ плохо сколоченныхъ досокъ, помѣщеніе подъ навѣсомъ было сырое и грязное, паруса сшиты изъ лохмотьевъ, руль налаженъ кое-какъ, весла самодѣльные. Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемѣны вѣтра совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разбѣянно множество «лудъ» (мелей) и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы, Иванъ изъ «Пестьянъ» (Песчанской волости), понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостію, и я скоро уговорилъ его перевезти меня въ Пудожгорскій приходъ. Плату за провозъ онъ выпросилъ самую

ничтожную (3 р. с.), да и та предназначалась имъ для гребцовъ. Долго-долго дожидался я «повѣтери»: нѣсколько дней, какъ нарочно, дулъ стокъ, зимнякъ и меженецъ, а намъ нуженъ былъ шелоникъ, западъ, или полдень ¹⁾. На четвертый день вѣтеръ стихъ, и лодочники рѣшились пуститься въ путь на греблѣ, а ихъ было трое мужчинъ и одна женщина. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ баженнымъ (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся «стрѣтный» вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ черезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-наволоку, пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска.

На островѣ стоитъ закопченная «фатера», домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и «фатера» народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была черезчуръ смрадна и грязна, и, хотя было очень холодно, но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кострюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ; меня разбудили странные звуки: до того я много слыхалъ и пѣсенъ, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхивалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ,

¹⁾ Вотъ названіе главныхъ вѣтровъ въ Онежскомъ краѣ:

что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатыи старикъ съ окладистою бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухавшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ, и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ спрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Середки, Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михаила Потыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буславьевича, про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варианты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ. Потому я напечаталъ въ послѣдствіи только тѣ изъ его былинъ, которыя дополняли своими подробностями другіе варианты, или представляли совершенно новое содержаніе. Впрочемъ на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я въ послѣдствіи слышалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные налѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варианты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтя на Шуй-наволокъ.

На разсвѣтъ около костра собралось много проѣзжихъ, большею частію изъ-за Онеги: народъ все былъ привѣтливый, радушный, велъ веселую бесѣду, держалъ себя съ удивительнымъ тактомъ и, по врожденной вѣжливости, при первомъ свиданіи не спрашивалъ о цѣли моей поѣздки. Я имъ самъ объяснилъ, что вотъ де ѣду по губерніи по ученому дѣлу: — для правительства нужны вѣрныя свѣдѣнія о числѣ народонаселенія, о его прибыли и убыли, о его здоровьѣ и долговѣчности, наконецъ о его благосостояніи, и вотъ я за тѣмъ ѣду, чтобъ повѣрить, какъ эти свѣдѣнія собираются въ нашей губерніи. Кре-

стьяне не только поняли мои слова, но даже одинъ изъ нихъ, грамотный крестьянинъ съ Пудожскаго берега, тутъ же объяснилъ мнѣ, что этихъ дѣловъ у нихъ изъ волости ежегодно требуютъ и становой, и окружной. «Ну, говоритъ, нашъ писарь (старшина-то нашъ неграмотенъ) сейчасъ и отпишетъ имъ, что слѣдуетъ».—Да откуда же онъ знаетъ?—«Нашему да писарю не знать: у него есть тоже подначальные писаря. Вотъ онъ съ ними посоветуетъ, да и отпишетъ, какъ ему надобно.»—Ну, а какъ ты полагаешь: пишетъ-то онъ правду?—«А кто его вѣдаетъ: по другимъ то дѣламъ онъ рѣдко пишетъ правду» ¹⁾. Когда крестьяне убѣдились, что у меня до нихъ никакого касательнаго дѣла нѣтъ и что я совсѣмъ не полицейскій чиновникъ, то сдѣлались еще разговорчивѣе и сами повели рѣчь о разныхъ народныхъ повѣрьяхъ: въ короткое время можно было составить себѣ понятіе о цѣлой Заонежской демонологіи ²⁾. Имъ совсѣмъ не казалось страннымъ, отчего я ихъ разспрашиваю про ихъ бытъ и повѣрья, потому что они убѣдились, что мнѣ хорошо извѣстны многіе ихъ обычаи и сказанія.

Пока мы бесѣдовали у костра, совсѣмъ разсвѣло, а попутнаго вѣтра все не было. Мои новые знакомцы стали меня уговаривать—проѣхать съ ними въ Заонежье ³⁾ и оттуда уже переправиться къ Пудожъ-горѣ. «Сойма у насъ славная,—ласково говорили они мнѣ,—насъ цѣлыя три перемѣны гребцовъ, и мы тебя къ вечеру же представимъ въ Кижи». Такой радушный,

¹⁾ Впослѣдствіи, рассматривая статистическіе отчеты сельскихъ и волостныхъ правленій, я убѣдился, что многія цифры вѣдомостей дутыя, и что составленіе ихъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: если полѣнится волостной писарь, то вѣдомости сочиняются сельскими писарями, а волостной ихъ переслываетъ по-своему въ одно цѣлое; или же первоначально сочинитъ волостной писарь, а сельскіе станутъ его произведеніе расписывать между собою. Чѣмъ выше административная уѣздная единица, тѣмъ больше безперемонности въ обработкѣ этихъ самодѣльныхъ статистическихъ данныхъ. О дальнѣйшихъ результатахъ этого объяснено въ статистическомъ отчетѣ за 1862 годъ, напечатанномъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

²⁾ Напечатано въ декабрьскихъ номерахъ „Олонец. губ. вѣд“. 1862 года.

³⁾ Заонежемъ называются расположенные за озеромъ Онегомъ, Петрозаводскаго уѣзда, погосты: Сѣнногубскій, Кижскій, Великогубскій, Типиницкій, Яндомозерскій, Кузарандскій, Космозерскій, Толвуйскій, Вырозерскій, Фоймогубскій, Карасозерскій, Мелогубскій и Повѣнецкаго уѣзда Шунгскій и Челмужскій.

откровенный народъ были эти Кижане, что меня такъ и потянуло побывать у нихъ въ Заонежьѣ. Сама собою у меня сложилась твердая увѣренность, что я найду тамъ много интересныхъ памятниковъ народной поэзіи, и явилась непремѣнная рѣшимость ихъ разыскивать. Не думая долго, я рассчитался съ прежнимъ хозяиномъ и сѣлъ въ сойму къ Ошевневу (такъ звали владѣльца новой соймы). Его лодка была поменьше старой, безъ палубы и вся завалена кулями съ мукою. Гребцы были всѣ изъ сосѣдей или однодеревенцевъ Ошевнева. Одни изъ нихъ работали веслами, другіе закусывали и весело перекидывались съ ними прибаутками, а третьи опочивали на куляхъ. Самъ хозяинъ все хлопоталъ объ угощеніи работниковъ и бабъ. Леонтій Богдановичъ то присосѣдился къ гребцамъ и подзадориваетъ ихъ спѣть пѣсенку, то перейдетъ ко мнѣ и прерывающимся голосомъ заведетъ какую-нибудь старину, то примется болтать съ бабами ¹⁾. Ему ужъ лѣтъ семьдесятъ съ

---

1) Въ № 45 „Оловецъ. Вѣдомостей“ дальше стоитъ слѣдующее мѣсто:
Напримѣръ, они пѣли:

а) Леонтій.

Теща ты, теща моя,
Богоданная моя матушка,
У тебя дочь новыучена,
Девятая весна пришла,
Ставь въ углу,
Устала челнокъ рыщучись,
По деревнѣ утка ищучись,
Сквозь прошести трава растеть,
На хвостѣ цвѣты цвѣтуть.

б) Бабы отвѣчали.

Зятюшко, зятюшко,
Богоданное мое дитятко,
А ты траву выкоси косой,
На печкѣ траву высуши,
На полатину заколину смечи,
Подъ полатиной коня корми.
Зятюшко, зятюшко,
Богоданное мое дитятко,
У тебя нѣту хлѣвущечки,
Ни хлѣвущечки, да ни телушечки,
У тебя нѣту конюшенки,
Въ конюшенкѣ нѣту лошадушки и т. д. — *Ред.*

хвостикомъ, а онъ все еще здоровый, крѣпкій мужикъ. Сосѣди звали его человѣкомъ волокитнымъ, т.-е. бывалымъ и работающимъ. На вѣку своемъ онъ натерпѣлся таки вдоволь: былъ онъ и на посылкахъ у какого-то чиновника, ходилъ и на рыбные промыслы на Ладожское озеро, живаль и въ артельщикахъ въ Петербургѣ и хаживаль „со щетью“ ¹⁾ по деревнямъ. Хорошихъ дней въ жизни у него было немного. «Я голъ какъ соколъ, — говорилъ онъ мнѣ, — а семья-то у меня не малая: съ сыниной семьей десять ртовъ, десять животовъ». Но при постоянныхъ неудачахъ никогда не покидала его веселость. И теперь онъ пѣлъ и заигрываль съ бабами, а у другого бы кошки на сердцѣ скребли. Поѣхаль онъ въ Петрозаводскъ за мукою, и подвернулся ему на грѣхъ «хорошій человѣкъ», и деньги на муку у него пошли «во царевъ кабакъ». Несмотря на это, онъ упорно звалъ меня къ себѣ въ гости, и взялъ слово, что я ни у кого, кромѣ его, не останавлиюсь. «Ты только заверни ко мнѣ, П. Н., — говорилъ онъ, — такъ я и самъ тебѣ былинокъ напою и найду тебѣ такихъ сказителей, что супротивъ ихъ не будетъ въ цѣломъ Заонежѣ. Повезу тебя по всеѣмъ Кижамъ, по всеѣмъ губамъ и по всеѣмъ островамъ. Хошь мѣдную руду покажу, гдѣ она добывается, а захошь, такъ свезу на Святой наволокъ. Тамъ, П. Н., растутъ всякія полезныя травы, въ старое время ихъ и въ Питеръ брали». При дружной греблѣ лодка живо подвигалась по водамъ озера ²⁾, и къ полудню мы дошли къ лудѣ «Монаху», гдѣ считается половина пути отъ Петрозаводска. «Монахъ» — это длинная и узкая мель, едва-едва она поднимается надъ поверхностью воды; посрединѣ она разорвана большою трещиною. Съ девятымъ валомъ волны шумно вливаются въ пропасть и съ шумомъ выливаются обратно въ озеро. Въ бурную погоду много лодокъ погибаетъ у этой мели.

Дорогой мы приставали еще къ островку Яр-наволокъ и Гарницкой лудѣ, а къ вечеру вѣхали въ Кижскую губу. Онегомъ все дули холодные вѣтры, мѣстами еще плавали льдины: было холодно, и мы всѣ кутались. Кромѣ воды и неба ничего

¹⁾ Со щетками для льна. *Ред.*

²⁾ Прошу замѣтить, что Онего вѣдь это цѣлое море.

не было видно: по крайней мѣрѣ, я, по близорукости своей, ничего не могъ разсмотрѣть въ дали, кромѣ длинной полосы берега, который то приближался, то исчезалъ. Но какъ только мы вѣхали въ Кижскую губу, и воздухъ, и окружающая мѣстность измѣнились, какъ будто бы по щучьему велѣнью. Стало тепло, гребцы распоясались и поскидали кафтаны. Узкая полоса залива или, лучше сказать, пролива тянулась въ неизмѣримую даль. По обѣимъ сторонамъ его выступали гористые берега самыхъ причудливыхъ очертаній, они были изрѣзаны небольшими заливами, наполнены островками. Тутъ вдавалась глубоко въ берегъ за́берега, тамъ мы плыли «по тихой по заводи», а гдѣ тихая заводь, тамъ есть и «затресье», только въ маѣ мѣсяцѣ затресья были покрыты не зеленою «трестою», а бѣлою, высохшею отъ мороза и ломавшеюся отъ удара весель. По берегамъ видѣлись деревни, выселки и починки. Избы въ иныхъ мѣстахъ надвинулись къ самой водѣ, и отъ нихъ идутъ въ озеро длинныя «мостовища», куда пристають лодки. И надъ всѣмъ этимъ господствовала угрюмая, величественная сѣверная природа, синева сосенъ, суровое очертаніе скалъ, да извилины озера. Такъ плыли мы къ Кижскому погосту, а Леонтій Богдановичъ пѣлъ въ хорѣ:

Не кукушечка въ сыромъ бору скуковала,
 Ай, не соловьюшко въ зеленомъ садочку жалко свищеть,
 Охъ, добрый молодецъ въ неволюшкѣ слезно плачетъ.
 Разстоскуйся-ко, моя сударушка, да разгорюйся,
 Ужъ я самъ, ахъ, пошелъ, моя сударушка, да сторевался,
 Ужъ пошелъ я, сторевался-стосковался,
 Охъ, малешенекъ сынъ у батюшки приостался.
 Я родной-то своей матушки не вспомню,
 А кто меня, сиротинушку, вспоилъ-воскормилъ?
 Вспоилъ-воскормилъ сиротинушку православный міръ,
 Вспоила добра молодца Волга матушка-рѣка,
 Завила желты кудри красна дѣвица-душа.

Къ ночи мы подѣхали къ деревнѣ Середкѣ. Ошевневъ посадилъ меня тутъ, а самъ поѣхалъ домой. Выходъ на сушу не обошелся безъ приключенія. Спутники разобрали мои вещи,

чтобы перенести ихъ къ Леонтію Богдановичу. Дорожную сумку, гдѣ была записная книжка, немного чаю и нѣсколько пачекъ съ сигарами взяла ветхая старушка; а я ей наказывалъ лучше не брать: «ты, молъ, уронишь». И дѣйствительно, только вступила она на мостовище, какъ сумка вылетѣла у ней изъ рукъ и пала въ воду. Невольно у меня сорвалось съ языка: «Говорилъ тебѣ, бабушка, не брать. Эхъ, унеси ты!» Старуха чуть не взвыла и стала мнѣ выговаривать. «Ахъ ты, мой жадобненькой, красное солнышко! ты зачѣмъ это выговорилъ? Дорожному человѣку нелице кликать лембоа» ¹⁾. Пришлось ее успокоивать, а Леонтій Богдановъ дорогой мнѣ объяснилъ, что заклятіе дорожнаго человѣка дѣйствительно великое дѣло; что вотъ ряпушка въ заливѣ около Кижей лѣтъ 25 не ловится и совсѣмъ нейдетъ въ проливъ, а заклалъ ее тоже дорожный человѣкъ. «Сидятъ это наши старики около костра,—говорилъ онъ,—и хлебають уху. И подходятъ къ нимъ проѣзжіе: вотъ они мѣстечко ему около костра дали, а ухой-то и не попотчевали. Сидятъ они и глотають «вологу» ложка за ложкой, а онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на нихъ, да и говоритъ: «Видно рыбки-то у васъ мало ставится, такъ и будетъ». И съ той поры за ряпушкой ѣздимъ въ большое Онего ²⁾».

«Есть у насъ два такихъ сказителя,—говорилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ Л. Богдановъ,—что супротивъ ихъ не будетъ въ цѣломъ Заонегѣ. Одинъ—Козьма Ивановъ Романовъ, живетъ въ деревнѣ Лонтасы, съ Сѣнногубскомъ погостѣ, а ѣзды къ нему отселева на полчаса времени; другой—Трофимъ Григорьевъ Рябининъ изъ нашей же деревни Середки».—Свези-ка меня завтра же къ этому Рябинину.—«Нѣтъ, П. Н., мнѣ по утру не слободно, да и надо сначала мнѣ къ нему навѣдаться: мужикъ онъ гордый и упрямый. Коли его напередъ не уломать, такъ ты ничего отъ него не добьешься».

Леонтій ушелъ рано изъ дому и, воротившись домой къ пабѣдью, объявилъ, что Рябининъ придетъ сегодня же къ нему въ избу. Днемъ я бродилъ по деревнѣ и перезнакомился съ многими однопоселенцами Леонтія, а вечеромъ они цѣлою гурь-

¹⁾ Неличе—неприлично, лембой—чортъ (корельское слово).

²⁾ Здѣсь оканчивается напечатанное въ „Олонец. Губ. Вѣдом.“. Ред.

бою пришли къ намъ въ гости. Стали они мнѣ передавать разныя мѣстные преданія о панахъ, о Петрѣ Первомъ, какъ черезъ порогъ избы переступилъ старикъ средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ небольшою сѣдѣющей бородой и желтыми волосами. Въ его суровомъ взглядѣ, осанкѣ, поклонѣ, поступкѣ, во всей его наружности, съ перваго взгляда были замѣтны спокойная сила и сдержанность. «Вотъ и Трофимъ Григорьевичъ пришелъ», сказалъ мнѣ Леонтій.

Послѣ обычнаго обряда знакомства, я разсказалъ Рябинину про любовь свою къ стариннымъ пѣснямъ и сталъ убѣдительно просить его спѣть о какомъ-нибудь богатырѣ. «Негоже нонѣ сказывать мірскія пѣсни,—отвѣчалъ онъ,—нонѣ постъ: набѣ стихи пѣть». Тутъ, какъ сумѣлъ, я объяснилъ ему, что если не грѣхъ пѣть стихи, такъ не грѣхъ и былины сказывать. «Въ стихахъ, Т. Г.,—говорилъ я,—поютъ, въ назиданіе слушающимъ, о святыхъ людяхъ; да вѣдь и въ былинахъ сказывается о вѣковѣчной старинѣ, о древнихъ князьяхъ и свято-русскихъ богатыряхъ. Самъ ты знаешь, что въ былинахъ на концѣ припѣвается: «Синему морю на тишину, а всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье». — Или Рябинина убѣдили мои доводы, или ему самому захотѣлось развернуть свое умѣніе передъ внимательнымъ и свѣдущимъ слушателемъ, только онъ тутъ же сталъ мнѣ сказывать о Хотенѣ Блудовичѣ. Онъ выговаривалъ былину пословечно я записывалъ наречно, а когда онъ кончилъ я попросилъ его спѣть, и по пѣтому поправилъ свою запись. Напѣвъ былины былъ довольно однообразенъ, голосъ у Рябинина, по милости шести съ половиною десятковъ лѣтъ, не очень звонокъ; но удивительное умѣніе сказывать придавало особенное значеніе каждому стиху. Не разъ приводилось бросить перо, и я жадно вслушивался въ теченіе разсказа, затѣмъ просилъ Рябинина повторить пропѣтое и не хотя принимался пополнять свои пропуски. И гдѣ Рябининъ научился такой мастерской дикціи: каждый предметъ у него выступалъ въ настоящемъ свѣтѣ, каждое слово получало свое значеніе!

Въ тотъ же вечеръ Рябининъ пропѣлъ мнѣ о Иванушкѣ Годиновичѣ, бояринѣ Ставрѣ, Садкѣ и Михайлѣ Потыкѣ. Въ слѣ-

дующіе дни онъ приходилъ ко мнѣ по вечерамъ безъ зова и самъ вызывался разсказать что-нибудь новое. Обыкновенно я называлъ ему богатырскія имена, какія зналъ, иногда разсказывалъ вкратцѣ подвиги богатыря, а Рябининъ тутъ же припоминалъ былину, или же предлагалъ вмѣсто нея слѣть другую: «Этой я, П. Н., не знаю, а вотъ спою тебѣ про Вольгу Святославича». Бывало и такъ, что онъ подолгу отказывался завести иную былину, потому-де что всея не помнилъ. Напр. изъ старины о Садкѣ и одного варианта о Потыкѣ (№ 35, I ч.) онъ зналъ только начало.

По хозяйству Рябининъ «полномочный крестьянинъ»: у него хорошій участокъ земли; но главный его промыселъ рыболовство, доходами отъ котораго онъ уплачиваетъ подати и кормить большую семью, которой на годъ недостало бы своего хлѣба при скудныхъ сѣверныхъ урожаяхъ. Учителей у Рябина было нѣсколько: инымъ былинамъ онъ научился отъ великаго сказителя, дяди своего Игнатія Иванова Андреева, другимъ отъ какого-то петербургскаго трактирщика Кокотина. Этотъ Кокотинъ, большой охотникъ до былевой поэзіи, читывалъ ему многія былины изъ рукописной тетрадки. Въ ней, напр., было записано, какъ Добрынюшкѣ покрутъ понадобился для князя Владиміра, и какъ этотъ богатырь ѣздилъ въ чужія земли за дорогими шелковыми матеріями. Отъ того же Кокотина Т. Г. слышалъ о Гальякѣ невѣрномъ—Федорѣ Ивановѣ и сынѣ Владиміровомъ ¹⁾. Но главный наставникъ Рябина былъ Илья Елустаевъ, память о которомъ и теперь

---

¹⁾ Гальякъ наѣхалъ на славенъ Кіевъ градъ, грозилъ пожечь его и вызывалъ къ себѣ поединщика. Богатырей въ Кіевѣ не случилось, и вызвался на бой незнаемый молодець. А былъ онъ младшій сынъ Владиміровъ, отъ отца онъ скрывался почему-то и не показывалъ ему патрета (т.-е. не поднималъ забрало у шелома). И говорить онъ отцу: „Владимір князь стольно-Кіевскій! избери-ка мнѣ добра коня богатырскаго, дай доспѣхи крѣпкіе, палицу воинскую, копье мурзамецкое и ножище-кинжалище“. Срядился тутъ богатырь къ бою, выѣхалъ во славное раздольице — чисто поле, сѣхался съ Гальякомъ невѣрнымъ, и начали они между собой драку великую. У нихъ палицы приломались, востры копыя притупились, и бились они боемъ рукопашнымъ, и упали оба наземъ. Какъ Владиміровъ сынъ былъ посуровѣе, то первый скопчилъ на ноги, наступилъ Гальяку на бѣлую грудь и закололъ его ножищемъ. Тутъ онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, заходилъ въ палаты княженецкія къ отцу, своротилъ наконецъ шелома и показалъ отцу патреть.

сохранилась въ Кижской волости. Былъ онъ первый сказитель въ цѣломъ Заонежѣ и во всей Олонецкой губерніи. Зналъ онъ несчетное множество былинъ и могъ пѣть про разныхъ богатырей цѣлые дни. Заонежане любили слушать его и даже платили ему за сказыванье. Соберется бывало сходка,—мужики и говорятъ: «А ну, Илья Елустаѣевичъ! спой-ко намъ былинку». А онъ на мѣсто отвѣтитъ: — Положи-тко полтину, я и спою былинку.—Тутъ кто-нибудь изъ богатыхъ выложить ему полтину, и станеть Илья Елустаѣевичъ сказывать ¹⁾. Занимался онъ, подобно Т. Г., рыболовствомъ и знаніе свое оставилъ, кромѣ Рябинина, Кузьмѣ Романову и сыну своему Іеву. Отъ этого Іева Ильина нѣсколько былинъ перешли въ наслѣдство внуку Ильи, Терентію Іевлеву ²⁾.

Рябининъ въ молодости хаживалъ для рыбнаго промысла на Ладожское озеро и привыкъ тамъ видѣть уваженіе и удивленіе къ своему знанію былевой поэзіи. Въ праздничные дни рыболовы обыкновенно собирались съ разныхъ судовъ въ одинъ кругъ слушать Т. Г. Если даже приходилась очередь Рябинину дежурить у лодки, такъ кто-нибудь изъ слушателей бралъ на себя исполнять его дѣло на соймѣ, а Т. Г. тѣмъ временемъ пѣлъ и сказывалъ былины безъ умолку. «Если бъ ты къ намъ пошелъ, Трофимъ Григорьевичъ, говаривали рыболовы,—мы бы на тебя работали: лишь бы ты намъ сказывалъ, а мы тебя все бы слушали». У себя дома Рябининъ не встрѣтилъ уже такого вниманія, потому что въ Кижской волости Заонежья почти каждый смышленный старикъ знаетъ или, по крайней мѣрѣ, по содержанію помнитъ одну-двѣ старины; сверхъ того и теперь еще живы другіе ученики Ильи Елустаѣева и иныхъ

---

¹⁾ Это обыкновеніе пѣніе было передано Р—вымъ Ив. Аксакову, который изложилъ его въ газ. „День“, 1863 г. (Цитату беремъ изъ перепечатки въ „Олонец. Вѣдом.“). „Одинъ изъ сказителей былинъ, записанныхъ Р—вымъ, крестьянинъ лѣтъ 80 говорилъ ему: не такіе еще, какъ онъ, бывали сказители въ прежнее время; еще онъ помнитъ, какъ бывало цѣлая волость въ нѣсколько тысячъ душъ призывала къ себѣ такого, древняго лѣтами, сказителя и заставляла его сказывать старины, былины и побывальщины и заслушивалась вся отъ мала до велика, по нѣсколькимъ днямъ сряду, забывъ и работы въ полѣ и хозяйство въ дому“.

²⁾ Это неточно: см. Гильферд. II, 208, или нашу замѣтку при этомъ пѣвцѣ. *Ред.*

знаменитыхъ сказителей. Оттого Т. Г., при своемъ гордомъ и неподатливомъ характерѣ, замкнулся подъ старость въ самого себя и поетъ больше про свое семейство. Изъ дѣтей его лучше всѣхъ выучился у него пѣть младшій сынъ, Иванъ.— Вѣроятно изъ той же гордости, Рябининъ не сразу поддался на приглашеніе Леонтія сказывать передъ прїѣзжимъ и впоследствии, несмотря на мои усиленные просьбы, не согласился ничего взять съ меня за науку. Когда я, на разставаньи, подарилъ его большухѣ платокъ, то онъ сейчасъ же отдалъ меня шитымъ полотенцемъ и счелъ нужнымъ объяснить какъ приемъ подарка, такъ и свое отдаренье: «Когда, П. Н., прїатели расстаются надолго, то у насъ въ обычаѣ дарить другъ другу на память даровья» ¹⁾).

На третій или четвертый день прїѣзда своего въ Кизи я сѣзидилъ съ Леонтьемъ Богдановымъ въ Лонгасы и отыскалъ Козьму Иванова Романова. Жилъ онъ со старой работницей въ ветхой избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Съ перваго взгляда въ немъ бросалась въ глаза мягкость характера и дряхлость. Бѣлый какъ лунь, слѣпой, робкій, онъ говорилъ дрожащимъ отъ старости голосомъ и привѣтливымъ тономъ, употребляя самыя ласковыя выраженія. Знакомство наше съ нимъ установилось безъ всякаго труда: когда я передалъ ему, какъ много былинь я перенялъ отъ Рябинина, и предложилъ ему тоже рассказать мнѣ что-нибудь, онъ охотно сталъ пѣть былину за былиною; началъ онъ въ своей избѣ, а кончилъ въ домѣ волостного писаря, куда отправился ночевать.

Козьма Ивановъ будетъ девяноста лѣтъ и трехлѣтній сталъ темень глазами. Старикъ онъ добраго нрава, изрѣдка только

---

¹⁾ Слово гордость не исчерпываетъ характера Рябинина: къ ней присоединяется деликатность, такъ что это свойство въ немъ слѣдуетъ назвать уваженіемъ къ самому себѣ и къ другимъ. Для характеристики этого самоуваженія расскажу здѣсь случай изъ его жизни: одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ прежняго времени попросилъ съ него взятку за какое-то дѣло; Рябининъ не далъ. И случилось чиновнику этому проѣзжать чрезъ деревню Середку. Какъ онъ завидѣлъ Рябинина, такъ и бросился къ нему съ поднятыми кулаками; Т. Г. спокойно отстранилъ его прочь отъ себя и замѣтилъ ему суровымъ голосомъ: „Ты, ваше благородіе, это оставь: я по этимъ дѣламъ никому еще должонъ не оставался“.

капризничаетъ, какъ малое дитя; лѣта свои онъ немного утаиваетъ и, по разговорамъ его, не прочь даже отъ женитьбы: ему-де всего шестьдесятъ годковъ. При этомъ онъ добродушно признается, что онъ гораздо старше Рябинина; а Рябину явныхъ за шестьдесятъ лѣтъ. Козьма Ивановичъ содержитъ себя доходами съ своего участка и ежегоднымъ подавнiемъ изъ Думы въ шесть руб. сер. ¹⁾. Участокъ у него нанимають и даютъ ему въ годъ двадцать пудовъ ржаной муки, пудъ соли, пудъ крупы и три воза сѣна. Козьма Ивановъ даже держитъ для себя корову, за которой ходитъ старая работница. Къ деньгамъ онъ чувствуетъ маленькую слабость и всячески старается скрыть, что у него есть кое-какая сбереженная копейка на черный день. При мнѣ, на моихъ глазахъ, ему въ собственные его руки давали по четыре, по пяти руб. сер., а онъ, въ слѣдующій прїѣздъ, увѣрялъ меня же, что ему «былъ даденъ въ тѣ поры одинъ только рубликъ».

Пѣтъ научился Романовъ отъ рыболова Федора Яковлевича и Ильи Елустаѣевича: отъ послѣдняго онъ перенялъ Вольгу, Горе сѣрое, Хотена, Дуная, Упада добра молодца и Добрынюшку. Въ старину, по рассказамъ его, соберутся бывало старики и бабы вязать сѣти, и тутъ сказители, а особенно Илья Елустаѣевичъ, станутъ пѣтъ былины. Начнутъ они передъ сумерками, а пропоютъ до глубокой ночи. Тутъ и Романовъ повыучился старинамъ.

Къ Рябину Козьма Ивановъ явно ревнуетъ и дивится, гдѣ это и когда это соперникъ его научился столькимъ былинамъ. «Въ прежнее-то время онъ-де зналъ самую малость и хаживалъ даже къ нему, Романову, послушать былинкокъ. А нонѣ люди, поди, толкуютъ, Рябининъ-моль сталъ первымъ сказителемъ». Старикъ совсѣмъ забылъ, что Илья Елустаѣевичъ пѣлъ не про него одного, а про всѣхъ, про цѣлое Заонежье.

Знакомство мое съ Козьмою Романовымъ и Рябининымъ не кончилось этимъ разомъ. Хотя въ слѣдующія поѣздки мнѣ удавалось быть въ Заонежьѣ рѣдко и только проѣздомъ, однако я всегда успѣвалъ видѣться съ старыми моими знакомцами, и

---

¹⁾ Пособіе это было назначено по ходатайству Рыбникова. *Ред.*

не безъ пользы для своего сборника. Такъ въ январѣ 1861 г. я записалъ отъ Романова 5 былинь (№№ 75 I ч., 18, 22, 42, и 54 II ч.). Сверхъ того, оба пѣвца пріѣзжали въ Петрозаводскъ: Рябининъ очень рѣдко для покупки хлѣба, а Романовъ раза два въ годъ и болѣе для получки изъ думы пособія. Всякій разъ оба они заходили ко мнѣ и всегда почти пѣли свои былины «на послушанье» моимъ знакомымъ; а я между тѣмъ провѣрялъ свою запись, пополнялъ пропуски и окончательно устанавливалъ текстъ пѣтыхъ ими вариантовъ.

Теперь, кажется, мною записано все, что только помнятъ Романовъ и Рябининъ. По крайней мѣрѣ, во время послѣднихъ свиданій, какъ ни старался я навести пѣвцовъ на слѣдъ какой-нибудь еще неизвѣстной мнѣ былины или побывальщины, уже не могъ отъ нихъ добиться ничего новаго. Въ 1862 году Романовъ припомнилъ только, что разъ онъ слышалъ отъ Ильи Елустаѣевича старину о томъ, какъ дѣвица Кайдаевна (т.-е. Маринка) вынуждала—взять себя замужъ — Добрынюшку, который загулялъ на ея подворье и заглянулъ въ ея окошечко: «Ежели не возьмешь замужъ за себя, спущу тебя въ чисто поле туромъ-золотыя рога». Припомнилъ онъ еще смутно о борьбѣ Ильи и Идолица. Спрашиваетъ Идолице: «А каковъ у васъ Илейко на святой Руси, по многу ль Илейка хлѣба ѣсть, по многу ль пьетъ зелена вина?» Отвѣтъ держитъ калика переходя: — А ѣсть хлѣба *во славу Божию*, а пьетъ чару *честную*:—И возрадовалось Идолице поганое: «Нѣтъ сильнаго могучаго богатыря!»

Кромѣ этихъ двухъ сказителей, я видѣлся въ первую же поездку съ нѣкоторыми другими и разузналъ про многихъ какъ изъ Заонежья, такъ и изъ иныхъ мѣстностей. Записать былины въ ту пору привелось только отъ четырехъ лицъ: Щеголенкова и его племянницы, отъ одной молодежи и отъ старухи изъ Великогубскаго погоста. Къ первому сказителю, въ дер. Боярщину, меня свезъ Л. Богдановъ. Щеголенковъ, бродячій крестьянскій портной ¹⁾, шилъ въ ту пору платье для Киж-

¹⁾ Онъ сталъ заниматься портняжествомъ, потому что слабъ здоровьемъ для земледѣльской крестьянской работы.

нина въ его избѣ и за работой распѣвалъ былевья пѣсни. Онъ охотно согласился передать мнѣ, что знаетъ, и первый познакомилъ меня съ превосходною былиною: «Каково жить птицамъ на Руси и за моремъ». Онъ же уговорилъ свою племянницу, такъ называемую «монастырку» изъ Данилова, которая пришла въ гости въ ту же избу, спѣть мнѣ о царѣ Саламанѣ, о Васильѣ Буслаевѣ (Иванѣ Гудиновѣ) и о Концѣ Трипетовѣ. Изъ Боярщины я поѣхалъ кататься на сѣверъ, между Кижскимъ островомъ и «горою» ¹⁾, и здѣсь Леонтій завезъ меня къ своему знакомому, «у котораго-де невѣстка кое-что малтаеть». Мы пристали къ берегу и зашли въ избу. И большакъ-свекоръ и мужъ, его сынъ, предложили, по просьбѣ моего путеводителя, молодой женщинѣ спѣть старину. Пѣвица какъ будто застыдилась и сначала отпѣкивалась отъ пѣнія; но скоро ободрилась и, кормя ребенка, рассказала мнѣ о Домнѣ Александровнѣ, Гришкѣ Растрижкѣ и Чурилѣ (№№ 46, 79, 69 I части). Тутъ я въ первый разъ узналъ, что у женщинъ есть свои «бабьи старины», которыя поются ими съ особенною любовію, а мужчинами не такъ-то охотно; по крайней мѣрѣ, Никифоръ Прохоровъ изъ Купецкой волости, Пудожскаго уѣзда, обозвавъ приключенія Ивана Годинова бабьей стариною, началъ мнѣ сказывать про этого богатыря не иначе, какъ послѣ особеннаго упрасиванія. Къ числу такихъ бабьихъ старинъ принадлежатъ былины о Чурилѣ и Катеринѣ Микучинѣ, о Дмитріѣ Васильевичѣ и Домнѣ Александровнѣ, о князѣ Михайлѣ, о Хотенѣ, Иванушкѣ Годиновѣ и Кострюкѣ. Вариантъ о послѣднемъ ²⁾ былъ мнѣ переданъ старухой Великогубскаго погоста, у которой я остановился во время катанья по Кижскому заливу: послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ постояннымъ моимъ спутникомъ Леонтиемъ, она объявила мнѣ, что знаетъ одну старину, и спѣла мнѣ ее, уговорившись напередъ, что получить за это пятиалтынный.

Пѣвицы знали по двѣ, по три былины, больше ихъ былъ свѣдущъ Щеголенковъ, но многіе изъ его вариантовъ не пред-

¹⁾ Материкомъ.

²⁾ Вѣроятно, это—I, № 68.—Ред.

ставляли ничего интереснаго; поэтому я ихъ не напечаталъ. Въ ту же первую поѣздку я узналъ о хорошихъ пѣвцахъ: Терентіи Іевлевѣ, Андреѣ Сарафановѣ, П. И. Корниловѣ, Прохорѣ съ Волкострова и Ѳедотовѣ. Очень мнѣ было интересно пови-
даться съ Терентіемъ Іевлевымъ, внукомъ Ильи Елустафьева, но на этотъ разъ никакъ не удалось: человѣкъ онъ не очень старый, можетъ быть, лѣтъ 50, но угрюмый и своенравный, а незнакомыхъ просто избѣгаетъ. Такая нелюдимость отчасти объясняется тѣмъ, что онъ живетъ гдѣ-то въ Яндомозерѣ или Космозерѣ въ *заживкахъ*, т.-е. въ выселкѣ, устроенномъ имъ самимъ на распаханной подѣлкѣ. Уже въ сентябрѣ 1861 года довелось мнѣ записать отъ него въ избѣ Леонтія отрывки былинъ о Вольгѣ (II, 1), Васильѣ Буслаевѣ (II, 32) и начало о Дунаѣ (II, 12); всѣ эти варианты чрезвычайно любопытны, но изъ Вольги онъ зналъ только нѣсколько стиховъ, Василій Буслаевъ у него какъ-то не ладился, а Дуная онъ не досказалъ, потому-де что усталъ, и пообѣщался выучить концу Л. Богданова. Дѣйствительно, я записалъ конецъ этой былины отъ Леонтія, которому Терентій натвердилъ эту старину въ лодкѣ, на дорогѣ изъ Петрозаводска въ Кижѣ, и который, вѣроятно, старался въ точности передать слова сосѣда. Но Леонтій старъ, забывчивъ, не договариваетъ рѣчи, и все это, вмѣстѣ съ личной его манерой, отразилось въ его пересказѣ. Какая разница въ стилѣ и пошибѣ между началомъ № 12 до 133 стиха и концомъ! Изъ сравненія этихъ первыхъ 132 стиховъ съ № 13 I части оказывается, что Козьма Ивановъ Романовъ ¹⁾ перенялъ Дуная отъ Ильи Елустафьева, такъ что намъ сохранилась въ двухъ пересказахъ былина почти въ томъ же видѣ, какъ ее пѣлъ Елустафьевъ въ XVIII столѣтіи.

Отъ Андрея Сарафанова лично я ничего не добился, потому что не успѣлъ ни разу видѣться съ нимъ, и принужденъ былъ удовольствоваться записью отъ него писаремъ Лысановымъ интересныхъ вариантовъ о Чурилѣ и Хотенѣ (III, 25 и 28) и № № 4 и 21 III части. О личности этого пѣвца знаю только, что

---

¹⁾ Вариантъ Рябинина (№ 31 I части), близкій по содержанію своему съ № 21 III части, вѣроятно, перенялъ Трофимомъ Григорьевичемъ отъ дяди его, Игнатія Андреева.

онъ человѣкъ уже немолодой, не бѣдный, занимается рыболовствомъ и живетъ въ деревнѣ Гарницахъ. Петра ¹⁾ Иванова Корнилова изъ деревни Курганицы я узналъ уже въ 1862 году. Это слѣпой старикъ лѣтъ пятидесяти, живетъ въ своей избѣ съ родными и кормится доходами съ участка, который отдаетъ въ наемъ: участокъ у него очень хорошій и приноситъ ему порядочный доходъ. Пересказы пѣтыхъ имъ былинъ очень интересны; къ сожалѣнію, усталость съ дороги заставила меня замѣнить грамотнымъ родственникомъ Корнилова, который набѣщалъ Леонтію списать все, а прислалъ только три отрывка (№ 60, 61 II ч. и прим. къ № 59 III части) и былины о Сокольникѣ и Васильѣ Игнатьевичѣ (№ 64 и 65 II ч.). Отъ родственника Л. Богданова, Оедотова, въ 1863 г. въ Петрозаводскѣ, у себя на квартирѣ, я записалъ все, что зналъ этотъ пѣвецъ, т.-е. № 6, 7, 30, 39, 40, 42 и 45 III части. Выучился онъ былинамъ у какого-то Конона съ Зяблыхъ Нивъ. До Прохора съ Волкострова я не могъ добраться до сего дня.

Внѣ Заонежья, на Пудожскомъ берегу, три пѣвца были на первый разъ цѣлью моихъ поисковъ: Бутылка изъ Пудожгорскаго погоста, Гаврила Амосовъ изъ дер. Уной губы Уножскаго погоста и старикъ изъ дер. Марнаволока, про котораго мнѣ рассказывали, будто бы онъ знаетъ былинѣ о попыткѣ Рогнѣды отмстить Владиміру за смерть отца ея ²⁾. Поэтому изъ Заонежья я переплылъ въ лодкѣ Леонтія Богданова черезъ Онегу на Пудожское побережье и проѣхалъ водою вдоль послѣдняго до Пудожгорскаго погоста; но не захватилъ ни одного изъ сказителей на мѣстѣ: Марнаволоцкій старикъ уже умеръ, Бутылка и Амосовъ были въ отлучкѣ. Хотя поиски мои были и напрасны, за то во время ихъ я успѣлъ нѣсколько узнать Пудожское побережье и придти къ убѣжденію, что населеніе его одного происхожденія съ Заонежанами и, подобно имъ, сохранило въ своей памяти множество преданій и сказаній, и что слѣдовательно здѣсь можно рассчитывать на интересныя находки по былевой

¹⁾ Петра или Семена, не упомяну хорошенько. (Семена. Ред.)

²⁾ Безъ сомнѣнія, чиновникъ, передавшій мнѣ объ этомъ, подъ вліяніемъ школьныхъ воспоминаній думалъ видѣть Рогнѣдину мѣсть въ какой-нибудь выходѣ княгини Апраксин.

поэзіи. И дѣйствительно, уже въ Песчанскомъ погостѣ, въ дер. Большомъ дворѣ, мнѣ назвали одного крестьянина, какъ бойкаго пѣвца. Я послалъ было его звать къ себѣ; но посланецъ воротился съ извѣстіемъ, что пѣвецъ боленъ и не можетъ выйти изъ дому. Заподозривъ тутъ какое-то недоразумѣніе, я отправился верхомъ къ дому больного и спрашиваю встрѣчнаго мужичка, не тутъ ли живетъ имярекъ; тотъ мнѣ отвѣчаетъ, что имярекъ живетъ здѣсь, но что дома я его не захвачу, потому что, молъ, вонъ онъ утекаетъ въ лѣсъ. Я вдогонку за бѣглецомъ, пересѣкъ ему дорогу, соскочилъ съ лошади и, помирая со смѣху, сталъ расспрашивать, по какому это недоразумѣнію вздумалъ онъ бѣжать отъ меня изъ дому въ лѣсъ. Пѣвецъ мой ¹⁾ повинился, что боялся касательнаго дѣла; «было у него пожгано лѣсу»; за это его судили, и во мнѣ онъ боялся найти исполнителя надъ собою приговора суда. Разумѣется, при первомъ объясненіи, страхъ крестьянина сейчасъ же разсѣялся; я усѣлся на пень, онъ расположился подлѣ меня и пропѣлъ мнѣ тутъ же былинку о Васильѣ Игнатьевичѣ ²⁾, другіе варианты, имъ пѣтые, не представляли ничего особенно интереснаго.

Въ Купецкомъ погостѣ, въ дер. Бураковой, я нашелъ хорошаго пѣвца Никифора Прохорова и записалъ отъ него все, что онъ зналъ, т.-е. около 12 былинъ. Два вечера сказывалъ онъ мнѣ свои старины, и все время изба была полнехонька народа. Старики слушали молча, молодежь тоже сидѣла смирно и изрѣдка развѣ прерывала рассказъ своими восклицаніями: «Ишь ты, на, поди!» и т. п. За то слушатели зашевелились и съ напряженнымъ вниманіемъ подвинулись къ рассказчику, когда Соловниковъ, уже признавъ въ Ильѣ отца, скоро натягиваетъ свой тугой лукъ, вкладываетъ стрѣлочку каленую и стрѣляетъ во Илью скрозь бѣлый шатеръ. Одинъ изъ стариковъ тутъ же счелъ долгомъ разъяснить присутствующимъ «брателкамъ» давно извѣстный всѣмъ имъ фактъ, что Ильѣ-де смерть на бою не писана. Никифоръ Прохоровъ вообще пѣлъ хорошо, только

¹⁾ Имени его я тогда не записалъ, а впоследствии никакъ не могъ припомнить.

²⁾ Разумѣется, очевидно, I, № 29.—*Ред.*

путалъ иногда имена и смѣшивалъ роли: Микулу онъ называлъ Вольгою, а Вольгу Микулою; Соловникова раза два обозвалъ Соловьемъ Будиміровичемъ; но, когда я ему замѣтилъ, что самъ же Соловниковъ говоритъ про себя, что батюшки не знаетъ, то Прохоровъ просилъ меня вмѣсто Соловья вездѣ прописать Соловникова. — По занятію Никифоръ землепашецъ, недавно построилъ избу и попалъ при этомъ подъ слѣдствіе, за то, что перерубилъ 39 деревь.

Были, по слухамъ, и другіе пѣвцы въ обоихъ погостахъ, но имъ было несвободно покинуть домъ въ рабочую пору; мнѣ для свиданья съ ними пришлось бы ѣхать въ сторону верстъ пятнадцать и болѣе, а я принужденъ былъ между тѣмъ спѣшить въ Шалу, а отсюда въ Пудожъ, потому что расшибъ себѣ руку и необходимо было полѣчить ее въ городѣ. Пробираясь верхомъ по камнямъ и по мосткамъ ¹⁾ черезъ болота, я добрался кое-какъ до Шалъ и тутъ пересѣлъ въ лодку. На мое счастье, лодочникъ оказался хорошимъ сказителемъ и спѣлъ мнѣ отличныя былины о двухъ Ливикахъ, о Сухмантіи, о Васильѣ Буслаевѣ и Соловѣ Будиміровичѣ. По словамъ моего кормчаго, въ Шалахъ были пѣвцы и кромѣ него; и дѣйствительно, въ 1863 г. я получилъ изъ этого прихода 5 пѣсенъ, записанныхъ по моей просьбѣ, со словъ крестьянина дер. Гагарской Потапа Трофимова Потахина: — былины эти, по складу и стилю, довольно близки къ записаннымъ мною отъ лодочника, и, вѣроятно, оба пѣвца учились у одного и того же учителя.

Еще въ Петрозаводскѣ тамошніе старожилы рассказывали мнѣ, что въ старое время былевые пѣсни были въ большомъ ходу и большой чести у всего Пудожскаго городского населенія. Лѣтъ 50 тому назадъ не только купцы и мѣщане, но и чиновники сходились по вечерамъ на бесѣды, чтобы слушать былины. Но въ настоящее время старины уже вышли изъ моды въ г. Пу-

---

1) Мостки—это бревна или, лучше сказать, колья, наброшенные на грязь; если они положены поперекъ дороги, такъ еще можно кое-какъ по нимъ ѣхать; но если они постланы вдоль дороги, то нужно быть ѣздокомъ получше меня, сильно полагаться на сноровку лошади, чтобы рискнуть пробираться верхомъ по узенькимъ мостовинамъ, которыя отдѣлены другъ отъ друга добрымъ полуарпиномъ.

дожѣ, о сказителяхъ почти никто не зналъ, за исключеніемъ г. Буторина, который сообщилъ мнѣ, что въ Сумозерскомъ погостѣ, верстахъ въ 15 отъ города, живетъ хорошій пѣвецъ, Андрей Сорокинъ.—Самому мнѣ, по болѣзни, нельзя было съѣздить въ Сумозерскій погостъ, потому я послалъ звать Сорокина въ Пудожъ. На слѣдующій же день онъ пришелъ ко мнѣ и охотно сталъ пѣть былины. Сорокинъ еще молодой парень, перенялъ свое знаніе отъ отца, содержитъ постоянный дворъ и своимъ умѣньемъ сказывать привлекаетъ къ себѣ многочисленныхъ посѣтителей. Заѣдутъ къ нему проѣзжіе съ вечера и часто всю ночь на пролетъ слушаютъ долгіе рассказы Андрея о разныхъ богатыряхъ. Былины его отличаются особенною полнотою, древностью нѣкоторыхъ выраженій и интересными эпизодами. Несносная боль въ рукѣ позволила мнѣ въ то время записать отъ него только 2 былины (64 и 74 I части) и неполный пересказъ о Дюкѣ ¹⁾ и принудила меня просить г. Шиша найти какого-нибудь писца для записки остального. Впрочемъ въ 1861 г., проѣзжая по Пудожскому уѣзду, я провѣрилъ чужую записъ, и она оказалась очень вѣрною.

Отъ Сорокина я развѣдалъ про замѣчательныхъ пѣвцовъ въ Водлозерѣ, на Кенозерѣ и другихъ мѣстностяхъ Пудожскаго уѣзда и могъ бы надѣяться отыскать любопытныя вещи; но мнѣ нужно было торопиться для исполненія офиціальнаго порученія въ Устьмошу, а оттуда въ Каргополь; такимъ образомъ не оставалось времени объѣздить разныя захолустья, какъ бы мнѣ хотѣлось. При томъ, какъ на грѣхъ, рука моя долго не заживала, и это обстоятельство много мѣшало мнѣ въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, потому что самъ я могъ записывать съ большимъ трудомъ. Такъ, въ Колодозерѣ я отыскалъ первостепеннаго сказителя, слишкомъ девяностолѣтняго старика, знавшаго древніе пересказы о Ставрѣ, Чурилѣ, Ильѣ, Дюкѣ, Михайлѣ Потыкѣ, Васильѣ Буслаевѣ: будь я здоровъ, я съ нимъ не разстался бы; а тутъ пришлось записать 5 былинь, и некого было попросить заступить мое мѣсто, потому что даже старшина былъ неграмотенъ. Мнѣ обѣщались, правда, списать

¹⁾ Это—I, № 47.—Ред.

всѣ извѣстные ему пересказы; но обѣщаніе такъ и осталось обѣщаніемъ. Въ 1863 г. я, черезъ г. Шиша, получилъ изъ той мѣстности 7 былинъ, но отъ Трофима Романова изъ дер. Пирзаковской; впрочемъ онѣ по складу близки къ записаннымъ мною въ 1860 г. и, вѣроятно, переняты Романовымъ у того же старика.

Въ Петрозаводскѣ я полагалъ, что именно въ Каргопольской сторонѣ слѣдуетъ искать пѣвцовъ; по крайней мѣрѣ, крестьяне, пѣвшіе былины г. Верещагину и другимъ собирателямъ въ Архангельской губерніи, сказывались Каргополами; но по мѣрѣ того, какъ я подвигался къ рѣкѣ Онегѣ и къ Каргопольскому уѣзду, пѣвцы встрѣчались все рѣже и рѣже, о сказителяхъ не было и слуха, а говорили только о каликахъ, которые, *кромя стиховъ*, умѣютъ пѣть и былины. Впослѣдствіи я разузналъ, что самые калики съ р. Онеги, которые ходятъ въ Архангельскую губернію, одолжены своимъ былевымъ матеріаломъ Пудожскимъ сказителямъ; впрочемъ при этомъ слѣдуетъ оговорить, что калики съ Красноядскаго погоста и съ Мошинской стороны научились былинамъ у мѣстныхъ учителей.—На Кенѣ я слышалъ про знаменитаго сказителя съ Поромскаго острова, знающаго будто бы болѣе 20 старинъ ¹⁾; но чтобы послушать его, пришлось бы вернуться далеко назадъ, а это было для меня невозможно; такимъ образомъ въ этой мѣстности удалось только записать варианты о Добрынѣ и Маринкѣ и о птицахъ отъ крестьянина Михайлы Богданова, простоватаго мужичка изъ Кенозера. Когда я далъ ему нѣсколько денегъ за пѣніе, онъ захотѣлъ получить еще, и для этого принялся припоминать разные обрывки сказокъ, преданій и легендъ, и всячески усиливался сложить изъ нихъ былинку; разумѣется, выходила дичь, и я уличалъ его. Самъ понимая, что дѣло неладно, Богдановъ съ обиженнымъ видомъ уходилъ отъ меня въ кабакъ и, подкрѣпившись тамъ зеленымъ виномъ, возвращался ко мнѣ съ увѣреніями, что онъ теперь припомнилъ *настояще* и запѣвалъ прежнюю же нескладицу. На другой день онъ, вѣроятно, зашелъ

---

¹⁾ Когда этотъ томъ уже былъ въ печати, я получилъ 9 превосходныхъ былинъ, записанныхъ отъ этого пѣвца.

къ кому-нибудь изъ стариковъ-однодеревенцевъ, и тотъ, повидимому, натвердилъ ему старину о Васильѣ Буслаевѣ; къ вечеру онъ явился ко мнѣ и объяснилъ, что знаетъ хорошую пѣсню; дѣйствительно, завелъ было ее, какъ слѣдуетъ, но стиховъ послѣ 10 сталъ путаться, окончательно сбился и ушелъ домой. Этимъ дѣло еще не кончилось: раза два приходилъ онъ послѣ того ко мнѣ съ прежнею путаницей, такъ что я наконецъ прогналъ его совсѣмъ отъ себя.

До сихъ поръ я самъ предлагалъ деньги ¹⁾ за пѣніе, особенно когда отрывалъ крестьянина отъ работы; иные пѣвцы не брали совсѣмъ денегъ, другіе принимали ихъ, какъ подарокъ или какъ вознагражденіе за прогулъ рабочаго времени; но въ Каргопольскомъ уѣздѣ калики стали просить и брать съ меня *плату, заработное*; на свое пѣніе они смотрѣли, какъ на ремесло.

Пока я ѣхалъ по рѣкѣ Кенѣ, мнѣ все говорили, что вотъ на рѣкѣ Онегѣ много хорошихъ каликъ; пріѣхалъ я на рѣку Онѣгу и услышалъ, что здѣсь, напротивъ, былины заносныя изъ Красноярскаго погоста, съ рѣкѣ Мопи и Кены. Пѣвцы всѣ были въ отлучкѣ; наконецъ въ Бережнодубровскомъ погостѣ, въ дер. Кузнецовой, отыскалъ я калику Латышова. У него хоть и былъ свой домишко, однако онъ жилъ въ немъ рѣдко, и съ другими товарищами по ремеслу скитался по ярмаркамъ и торжкамъ, гдѣ за пѣніе духовныхъ стиховъ собиралъ подаваніе. По рѣкѣ Онегѣ живетъ много раскольниковъ, и мірскихъ пѣсень они не любятъ, а божественное слушаютъ охотно. Потому Латышеву рѣдко приходилось сказывать былины въ Каргопольскомъ уѣздѣ; онъ ихъ пѣлъ только въ Архангельской губерніи, гдѣ по деревнямъ богатые крестьяне, а въ уѣздныхъ городахъ купцы и даже чиновники любятъ слушать рассказы о богатыряхъ. Старинамъ Латышовъ научился частію на Кенѣ, а болѣе всего отъ столѣтняго калики Гергуши съ Мошинской стороны. Отъ этого послѣдняго напр. онъ перенялъ побывальщину о дворянинѣ несчастномъ молодцѣ и увѣрялъ меня, что самъ-то Гергуша поетъ ее былиною.

¹⁾ Одна только старуха изъ Великогубскаго погоста сама запросила пятялтынный за былинку; но и тое, вѣроятно, подбилъ на это Л. Богдановъ: „Ты де, сватья, спой только ему, а онъ тебѣ за это денегъ надастъ“.

Уѣхавъ изъ Устьмоши, я странствовалъ по рѣкамъ Лепшѣ и Вералѣ, по такимъ мѣстамъ, которыя у самихъ жителей зовутся задвенными ¹⁾. Кажется, тутъ-то бы и слѣдовало ожидать находокъ; а между тѣмъ каликъ я здѣсь не нашелъ, а слышалъ только про двухъ крестьянъ, *знающихъ* былины, да и тѣхъ не случилось дома. Помня о Гергушѣ, я хотѣлъ было прямо изъ Вералы проѣхать въ Мошинскую сторону, въ Лимской приходъ, волокомъ въ 35 верстъ; но сами крестьяне, привыкшіе къ ужаснымъ мѣстнымъ дорогамъ, стали отговаривать меня отъ этой поѣздки. По ихъ словамъ, тутъ приходилось переѣзжать рѣчку, черезъ которую не было ни моста, ни переброда, а вода была отъ дождей болыная; за рѣчкой начинались красныя янги ²⁾, т.-е. топкія обнаженныя грязи, на которыхъ не растетъ даже кустарника; черезъ эти янги кое-гдѣ положены въ незапамятное время продольные мостки, а гдѣ и мостковъ нѣтъ. Изъ проѣзжихъ этимъ путемъ ѣхалъ будто бы только одинъ исправникъ стараго времени; ѣхалъ онъ лѣтомъ въ саняхъ, а въ сани были запряжены мужики. Когда убѣжденія крестьянъ на меня не подѣйствовали, они позвали къ себѣ священника, а тотъ, вмѣсто довода, привелъ съ собой хромоногаго дьячка, который попробовалъ было въ 59 г. проѣхать черезъ янги, да и сломалъ себѣ ногу. Разумѣется, пришлось отказаться отъ поѣздки и воротиться въ Устьмошу ни съ чѣмъ.

На верховьѣ Онеги, послѣ многихъ поисковъ, мнѣ удалось записать только пѣсню о хмѣлѣ отъ старушки, жившей въ

---

¹⁾ Забвенными, т.-е. забытыми: проѣзжіе бываютъ тамъ очень рѣдко, а чиновники по необходимости. Тутъ сохранились еще въ полной свѣжести преданія о Чуди. На Лепшѣ самая церковь будто бы сложена еще язычниками и прежде была капищемъ; потомъ христіанамъ принадлежала правая сторона, а язычникамъ лѣвая. На Вералѣ цѣла еще часовня, поправленная въ послѣдній разъ въ 7190 г.; въ ней хранятся Евангеліе письма XIV столѣтія, а можетъ быть и древнѣйшее, по крайней мѣрѣ изъ подписей на главномъ листѣ видно, что какая-то Богданова давала Московскую гривну вклада еще въ 7118 г. Сторона эта не знаетъ никакихъ новыхъ порядковъ и крайне бѣдная, такъ что здѣсь въ ходу пословица: „то не бѣда, какъ во ржи лебеда,—то мнѣ бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды“, между тѣмъ какъ во всей остальной Каргопольщинѣ говорятъ: „то мнѣ бѣда, какъ во ржи лебеда“.

²⁾ На болотахъ-пенусахъ растетъ, по крайности, трава и березнякъ, даже райды покрыты мохомъ и обросли хвойными деревьями.

услуженіи у богатыхъ крестьянъ Скорухиныхъ ¹⁾. Она тоже увѣрила меня, что былины нынѣ здѣсь рѣдки, а пѣвались въ прежнее время: она часто слыхала ихъ у покойнаго хозяина, который былъ охотникъ до старинныхъ пѣсенъ. Подвигаясь къ Каргополю, на одной станціи, въ Полуборскомъ погостѣ ²⁾, я разговорился о любимомъ предметѣ съ проѣзжимъ; онъ оказался пѣловальникомъ съ Кенозера и подтвердилъ мнѣ, что въ ихъ сторонѣ много сказителей. Отъ него я услыхалъ пѣсню о Горѣ, былину о Кострюкѣ и отрывокъ отличнѣйшаго пересказа о Дюкѣ. Онъ же отыскалъ мнѣ крестьянина, который спѣлъ вариантъ о Чурилѣ ³⁾.

Въ эту поѣздку я больше не записывалъ былинъ, потому что, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, принужденъ былъ немедленно вернуться въ Петрозаводскъ. Въ 1861 году, бывши на ревизіи въ Каргополѣ вмѣстѣ съ губернаторомъ, я упросилъ его послать за каликою въ Красноярскій погостъ. Явился дряхлый старичекъ, нѣсколько испуганный неожиданнымъ приглашеніемъ начальства, но, когда онъ узналъ, зачѣмъ его звали, то успокоился и пропѣлъ мнѣ 9 былинъ, напечатанныхъ въ послѣдствіи во II части. Какъ всѣ калики, онъ странствовалъ, пока былъ помоложе, изъ деревни въ деревню и промышлялъ пѣніемъ стиховъ, а теперь живетъ на покой у своихъ родныхъ. Былинамъ онъ научился отъ досюльныхъ каликъ, уроженцевъ того же погоста. Нынѣ, по словамъ его, мало кто знаетъ старины, а больше поютъ стихи.

Изъ пѣвцовъ, пересказы которыхъ напечатаны въ этой части, Гаврилы Амосова изъ Уной губы я лично не знаю, Кореляка Василя Лазарева видѣлъ мелькомъ, и мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о Бутылкѣ, настоящее имя котораго Абрамъ Евтиѣевъ (Евтихіевъ) Чуккоевъ. Долго мнѣ доставались одни чужія записи отъ него былинъ, и лично я познакомился съ нимъ въ Петрозаводскѣ уже въ 1863 г. У него есть хорошій участокъ земли въ дер. Горкахъ Пудожгорскаго погоста и все хозяйственное обзаведеніе, но онъ больше промышляетъ порт-

¹⁾ Это—I, № 88. *Ред.*

²⁾ Въ 1-й части онъ по ошибкѣ названъ Тихвиноборскимъ.

³⁾ Пѣсня о горѣ I, № 84, о Дюкѣ—II, № 27, о Чурилѣ—II, № 24. *Ред.*

няжествомъ и, по этому ремеслу, всю почти зиму обходить Заонежскія деревни. Пѣтъ онъ выучился отъ отца своего, который былъ великимъ сказителемъ. Кромѣ Бутылки въ погостѣ есть еще нѣсколько крестьянъ (напр., Петръ Лукинъ), знающихъ былины и перенявшихъ ихъ отъ своихъ стариковъ. Самъ Бутылка, по собственному его признанію, прежде зналъ гораздо больше, а теперь, подѣ старость, сталъ многое забывать. Въ Петрозаводскѣ Бутылка пришелъ ко мнѣ, по моему зову и по собственному желанію; пришелъ, зная напередъ, что будетъ пѣтъ былины, и, такимъ образомъ, не нужно было никакихъ уговоровъ, чтобы понудить его сказывать.—Въ августѣ мѣсяцѣ 63 г., когда текстъ былинъ былъ уже переписанъ и приготовленъ къ печати, Бутылка припомнилъ 2 старины о царствѣ подѣ солнышкомъ и о неразсказанномъ снѣ. Я записалъ ихъ, но, записывая, испытывалъ то же недоумѣніе, которое было возбуждено во мнѣ побывальщиною о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ и которое разсѣялось послѣ статьи П. А. Безсонова, доказавшей мнѣ, что о дворянинѣ этомъ непременно должны были существовать былины. И на этотъ разъ недоумѣніе обусловлено было тѣмъ, что я не зналъ, какъ рѣшить вопросъ: отзвукъ ли это древнихъ до-Владиміровыхъ старинъ, у которыхъ складъ разрушился или разрушается въ побывальщину, или же это послѣдняя, можетъ быть, попытка народнаго творчества построить новыя былины изъ сказокъ, въ основаніи которыхъ лежатъ преданія, общія всему индо-европейскому племени. Если оказалось бы послѣднее, то пришлось бы допустить, что періодъ эпическаго творчества только еще заканчивается; если принять первое, то у насъ окажется особый циклъ пѣсенъ, содержаніе которыхъ не только восходитъ къ доисторическому времени, но и переносить прямо къ эпохѣ, когда славянскія племена не были еще отдѣлены отъ другихъ родственныхъ. Я скорѣе готовъ принять послѣднее, чѣмъ первое, потому что имѣлъ случай неоднократно замѣтить напрасныя усилія лучшихъ пѣвцовъ возстановить былину, когда они ее забыли. Если возстановить былину трудно, то сложить ее вновь въ пору ослабленія эпическаго настроенія почти невозможно.

Напѣвы былинѣ довольно однообразны: напр., у Рябинина ихъ собственно два; но перехваты и колѣна голоса даютъ каждой былинѣ особый характеръ. Одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ Ставрѣ, въ Потыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулушкѣ выходить торжественнымъ ¹⁾. Протяжный напѣвъ звучитъ мужественно въ «двухъ королевичахъ изъ Крякова» и «Ильѣ Муромцѣ» и дѣлается грознымъ въ «Ильѣ и Паленицѣ». У Козьмы Иванова Романова тоже три или два напѣва, и все его пѣніе на какихъ-нибудь трехъ нотахъ но вибраціи голоса удивительно помогаютъ ему разнообразить напѣвы. Повидимому, ни съ того, ни съ сего, старикъ вдругъ ускорить пѣніе и точно расколетъ голосъ, а выйдетъ отлично и совершенно подѣ ладъ содержанію. Напр., въ «Добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой» начало заводится протяжно:

Жилъ былъ у батюшки, у матушки единый сынъ,
Во друкушкѣ былъ у матушки
И во любви былъ у батюшки!
Блѣ сладко, носилъ красно,
Работалъ легко-о...

Еще чувствуешь, бывало, въ ухѣ отголосокъ послѣдняго длиннаго о, какъ Романовъ перехватитъ напѣвъ и какъ-то жалобно скоро станетъ пѣть съ дрожащими переливами:

Похотѣла меня матушка,
Поневолилъ роденъ батюшка
Пожениться удалому дородню добру молодцу;
Поженили отецъ съ матушкою
Не въ простомъ мѣстѣ, во богатомъ, и т. д.

У Бутылки напѣвъ одинъ для всѣхъ былинѣ. Напѣвъ Дюка Степановича, слышанный мною въ Каргопольскомъ уѣздѣ (27 II части), очень близко подходилъ къ подблюдному, только на третьемъ отъ конца слогѣ каждого стиха голосъ возвышался и послѣдующіе слоги соединялись съ слѣдующимъ стихомъ. Вообще теперь я пришелъ къ убѣжденію, что напѣвъ для былинѣ

¹⁾ По выраженію Рябинина, въ Ставрѣ надо пѣть толще, а въ Потыкѣ тоньше.

почти одинъ и тотъ же въ настоящее время; чѣмъ искуснѣе пѣвецъ, тѣмъ больше умѣетъ онъ его разнообразить; усвоить же голосъ какой-нибудь старины со всѣми оттѣнками очень трудно, потому что пѣніе ея составляетъ постоянную *импровизацію* на одинъ ладъ. Еще я замѣтилъ вотъ какой приемъ: передъ тѣмъ, какъ завести былинѣ о Васильѣ Игнатьевичѣ, Песчанскій имярекъ навелъ себя на голосъ такой интродукціей:

Ай тени, тени, тени, спотетени...

Изъ-подъ бѣлыя березки кудреватенькія и т. д.

Выводя *тени*, онъ словно пробовалъ, какой тонъ лучше подойдетъ къ старинѣ.

Пользуясь присутствіемъ въ Петрозаводскѣ Романова, Рябина и другихъ пѣвцовъ, много разъ я пробовалъ положить на музыку нѣкоторые напѣвы былинъ, но дѣло какъ-то не ладилось. Брались за это дѣло знакомые, которые, казалось, хорошо знали музыку, а никакъ имъ не удавалось перенять бѣгучіе напѣвы былинъ.

При ближайшемъ знакомствѣ съ пѣвцами, я замѣтилъ, что они не всегда поютъ былинны совершенно одинаково. Это происходитъ отъ разныхъ причинъ. Сказители не сразу вспоминаютъ иную былинѣ, а старики иногда многое забываютъ: такъ напр., Козьма Романовъ дряхлѣетъ со дня на день и все меньше и меньше помнитъ стиховъ. Далѣе, сказители знаютъ часто одну и ту же былинѣ отъ нѣсколькихъ учителей и, разумѣется, только тогда различаютъ варианты, когда они рѣзко отличаются одинъ отъ другого; когда же варианты очень близки между собой, тогда пѣвецъ поетъ одинъ разъ былинѣ по одному варианту, а другой разъ по другому. Напр., въ 1862 г. Рябининъ пѣлъ у меня на дому былинѣ о Вольгѣ (№ 3 части I) и такъ завелъ ее:

Жилъ Святославъ 90 лѣтъ,
Живучись Святославъ состарился,
Состарился и переставился.
Оставалось чадѣ милое,
Молодой Вольга Святославговичъ.

Это начало, быть можетъ, заимствовано изъ старины о Васильѣ Буслаевѣ, но, можетъ, оно принадлежитъ и особому варианту о Вольгѣ. Наконецъ, у каждого истиннаго сказителя замѣтно его личное вліяніе на складъ былины: онъ вноситъ въ нее свой характеръ, любимыя слова, поговорки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить пересказы Рябинина, Романова и Іевлева. Возьмемъ, напр., былинѹ о Дунаѣ, перенятую обоими послѣдними пѣвцами отъ Ильи Елустаѣева. Чему иному, какъ не характеру Романова, слѣдуетъ приписать, что онъ упомянулъ или внесъ отъ себя столько ласковыхъ выраженій и особенныхъ подробностей, опущенныхъ Іевлевымъ. Почетный пиръ у него *тированье*, солнышко *красное*, онъ предпочитаетъ форму «*вѣки доліе коротати*» ¹⁾, припоминаетъ, что обѣ дочери у короля на *выдаваньи*, что Дунаю поручаютъ свататься *добрыми словомъ*, что Добрыня Никитичъ для другихъ *любимый товарищъ*, что Дунай для короля *прежня слуга, слуга вѣрная*. Самые распросы короля принимаютъ у него мягкую форму: «Скажи, скажи, Дунай, не утай собою.» Даже, когда король сажаетъ Дунаѣ въ погребъ, то въ королевскомъ наказѣ нѣтъ ничего грознаго или злобнаго: «Пусть-ка во Литвы погостить, въ погребѹ посидить, можетъ, Дунай *догадается*». Между тѣмъ какъ у Іевлева король тутъ же выказываетъ замашки неумильныя: «*Возьму-то я тебя за желты кудри*, посажу я тебя въ глубокъ погребъ: пусть-ка Дунай въ хоробры погостить, тошто Дунай *обзумтется*». Въ свою очередь Іевлевъ, какъ зрячій, припомнилъ подробности, которыя были неинтересны для слѣпца отъ рожденія. На пиру «всѣ были за столы посажены, и всѣмъ были кушанья налажены». Послѣ вызова Владиміра, «всѣ за столомъ призамолкнули, всѣ за столомъ пріутихнули, никто-то тутъ никакого словечка не вымолвилъ: большій тулется за средняго, середній тулется за меньшаго, а отъ меньшаго и отговору нѣтъ». Когда Дунай выпросилъ у Владиміра товарища, то просить еще: «двухъ жеребчиковъ неѣзжанныхъ, да и два сѣделышка недержанныхъ, и двѣ узды обѣ недержанные, и двѣ плеточки обѣ не хлыстаны». Наконецъ, Дунай

1) У Іевлева—„долгой вѣкъ коротати.“

разсердился: «здынулъ-то онъ руки выше головы, допустилъ онъ до того стола до дубоваго, питья на столахъ проливаются, альни столъ въ щепья приломается, альни мать-земля да сколыбается» ¹⁾. Если личное вообще вліяніе пѣвца на былину неоспоримо, то, какъ бы ни установился у него пересказъ, какъ бы ни закончились формы, все порою скажется и вліяніе личного *настроенія* минуты: иногда пѣвецъ употребить одни изъ своихъ обычныхъ выраженій и формъ, иногда другія. Наприм., Романовъ сколько разъ пѣлъ у меня одну и ту же былину и всякій разъ пѣлъ съ небольшими варіаціями: то кое-чего не доскажетъ, то сократитъ нѣсколько стиховъ въ одинъ, то вставитъ новый стихъ ²⁾.

Послѣ этого подробнаго разсказа о сказителяхъ считаю излишнимъ перейти къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ о народной поэзіи.

Въ развитіи народной поэзіи слѣдуетъ различать нѣсколько моментовъ. Бываетъ такая пора въ народной жизни, когда поэтическое настроеніе и поэтический матеріалъ составляютъ достояніе цѣлаго народа, и всякая живая, воспріимчивая личность, при первомъ возбужденіи извнѣ, выдѣляетъ свое чувство или представленіе въ поэтический образъ и облакаетъ его сейчасъ

¹⁾ Приведемъ нѣсколько любимыхъ словъ и оборотовъ другихъ пѣвцовъ. У Рябинина: одинакій и одиный [у Романова—единый], одежда, художество [вмѣсто богатство], пословечно выговаривать [у Романова—изъ словъ], славное раздольице чисто поле, охвочъ упиваться въ зелено вино, славный богатырь сяторусскій, силушки чернымъ черно, какъ черна ворона, силушка великая, противность великая, припустилъ онъ коня богатырскаго, къ тымъ рѣчамъ Владиміръ не примется, поотвѣдать силы у поганого, приужахнуться, бить нежалухою, загадки отгадывать [вм. задавать загадки]; у Колодозерскаго старика: у тя есть ли охота, горить ли душа, зрѣть-смотрѣть, не довѣдетъ ти, завелся у князя почестенъ пиръ; у Никифора Прохорова: не дойдетъ сидѣть, сидѣть-высиживать, отдать-повыдать, охаживать, залога великая [вм. закладъ], обрядиться; у Андрея Сорокина: столованье почестенъ пиръ, золото не мѣдѣетъ, серебро не желѣзѣетъ, вязать крѣпки поводы на бедро свое, птица грающая, халуина дворянская [у Рябинина—холопина], маломошица [у Романова—несомношечко], стады стадомъ, рядмы рядомъ.

²⁾ Дальше пропускаемъ поправки къ текстамъ первыхъ двухъ томовъ, сдѣланныя Рыбниковымъ при повторномъ выслушиваніи у себя на дому К. Романова, Т. Рябинина и Бутылки (Чукова). Мы ввели всѣ эти поправки прямо въ текстъ. *Ред.*

же въ поэтическую форму, которая въ ту пору подъ рукою у **каждаго**. Таково, говорятъ, и теперь еще эпическое настроеніе Сербіи. У насъ на Руси, сколько я ее видѣлъ, подобное настроеніе бываетъ только у *женщинъ, лирическое*, и въ *минуты сильнаго горя*. Выраженіе его—*заплачки*, въ которыя чувство выливается само собой на свадьбахъ, при похоронахъ, при отдачѣ дѣтей или родныхъ въ рекруты. Въ Петрозаводскомъ Заонежѣ и на Пудожскомъ побережѣ каждая почти женщина умѣетъ высказать ощущеніе своей скорби, или слагая новую заплачку, или примѣняя къ обстоятельствамъ старую. Въ III части помѣщена заплачка, записанная отъ молодой дѣвушки изъ Пудожскаго уѣзда: умеръ ея двоюродный братъ,—вся семья горько оплакивала его потерю, но скорбь его двоюродной сестры выразилась въ лирической формѣ съ такою силою и свѣжестью, что заплачка эта тотчасъ же получила извѣстность; теперь она уже перенята другими женщинами и поется ими, когда ихъ постигаетъ такое же горе. Въ Повѣнецкой части того же Заонежья, какъ я уже говорилъ выше, заплачки слагаются не всѣми; онѣ образовали уже нѣчто законченное и сохраняются особыми, почти офиціальными лицами, плакальщицами или вопленицами.

Второй моментъ развитія народной поэзіи представляетъ у насъ пѣсня. Она захватываетъ болѣе или менѣе весь кругъ ощущеній, свойственныхъ и дорогихъ русскому человѣку. Оттого почти въ каждой личности изъ народа хранится такой запасъ этихъ пѣснопѣній, что посредствомъ ихъ крестьяне могутъ отозваться на каждое событіе въ жизни, на каждое движеніе въ сердцахъ. Но народнаго творчества тутъ уже нѣтъ, пора его прошла. Вѣзконечный запасъ пѣсенъ большею частью своею принадлежностью прошедшему и потому только доступенъ каждому крестьянину, что прошедшее это въ главныхъ чертахъ сходно съ настоящимъ. Если замѣтны нѣкоторыя измѣненія въ пѣсняхъ вслѣдствіе условій мѣстности и времени, то новыхъ пѣсенъ уже не слагается; я, по крайней мѣрѣ, не знаю такихъ. Слыхивалъ я *новомодныя* пѣсни; но онѣ лишены были всякаго художественнаго достоинства и отзывались харчевнею, кабакомъ и передней, или же составляли явное подражаніе произведеніямъ личнаго творчества.

Переходя къ нашимъ былинамъ, припомнимъ исторію развитія былевой поэзіи у другихъ народовъ индо-европейскаго племени. Вообще образованіе первоначальнаго эпоса происходитъ еще въ то время, когда письмена не изобрѣтены или не въ большемъ употребленіи, когда человѣкъ, желая сохранить прошедшее въ памяти, прибѣгаетъ къ размѣру и напѣву, и когда въ стихотворную форму облакаются не одни преданія и историческія воспоминанія, но и законы, пророчества, предзнаменованія ¹⁾. Сначала подвиги героевъ и событія національной жизни передаются потомству въ коротенькихъ, отдѣльныхъ героическихъ пѣсняхъ. Эти пѣсни мало-по-малу группируются около любимыхъ народныхъ героевъ и образуютъ цѣлые циклы разнаго времени и происхожденія; циклы въ свою очередь, подъ вліяніемъ какого-либо господствующаго міоа или преобладающей нравственной идеи, сближаются между собою и при участіи личнаго творчества сплочиваются въ эпопею.—Затѣмъ народные былевые пѣсни мало-по-малу теряютъ свой поэтический характеръ, частью уступаютъ мѣсто поэмамъ, рыцарскимъ романсамъ, частью переходятъ въ сказки и лирическія пѣсни. На украинахъ цивилизаціи, въ захолустьяхъ, онѣ держатся дольше и, по слухамъ, напр., пѣсни о Сигурдѣ, Брунгильдѣ

¹⁾ Въ Индіи первобытныя пѣсни, отрывки которыхъ сохранились въ Ригведѣ, возникли еще во время поселенія Аріевъ въ области Инда и пяти рѣкъ. По мнѣнію Дункера, начало эпической поэзіи въ Греціи относится къ періоду 800—1000 лѣтъ до Р. Х.; въ Одиссеѣ Демодокъ поетъ уже передъ Одиссеемъ о Троянской войнѣ подъ аккомпаниментъ формикса (большой цитары). Амміанъ Марцеллинъ (XV, 9) приписываетъ въ Галліи начало цивилизаціи, равнѣ съ эвбагами и друидами, бардамъ, которые подъ звуки лиры воспѣвали подвиги героевъ въ героическихъ пѣсняхъ. У германцевъ, по свидѣтельству Тацита, были древнія пѣсни, которыя замѣняли имъ исторію и лѣтописи: такъ, Готескія пѣсни, судя по словамъ Іорнанда (IV, V, XIV), восходили отъ событій V в. до событій древнѣйшаго времени. Въ одной изъ нихъ описывалось, какъ Гунны попали въ плѣнъ въ Британію или на другой какой-то островъ, и выкупились изъ неволи цѣною лошади; въ другихъ прославлялись подвиги древнихъ героевъ: Этеспамары, Ганалы, Фридигерна, Видикулы и иныхъ. Пѣсни эти пѣлись подъ аккомпаниментъ цитары. Единственный образецъ этой древнѣйшей формы германскаго эпоса сохранился въ отрывкѣ о Гадубрандѣ и Гильдебрандѣ. О народномъ творествѣ у германцевъ и франкогалловъ, послѣ принятія ими христіанства, свидѣлствуютъ народныя пѣсни о Гаазѣ, графѣ Нантскомъ, о Роландѣ, которыя существовали во время Турпина.—Латинскій переводъ пѣсни о побѣдѣ Клотара II надъ саксами.

и Гетни сохранились на Фероерскихъ островахъ даже до нашего времени.

Наша эпическая поэзія остановилась на первой ступени развитія, былинахъ, и не успѣла перейти въ эпопею. За то многія былины, смотря по тожеству изображаемаго ими быта и міросозерцанія, сами собою сгруппировались въ циклы: старшихъ богатырей, Владиміровъ, Новгородскій, Московскій и Казацкій. Если взять всѣ варианты послѣднихъ четырехъ цикловъ вмѣстѣ и отдѣлить позднѣйшія вставки, то получится несомнѣнно древняя основа, которая современна или близка по времени воспѣваемымъ былинами событіямъ ¹⁾. Нѣкоторые варианты такъ мало пострадали отъ времени, что пересказы, записанные въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, въ существенномъ не отличаются отъ тѣхъ, которые поются современными намъ пѣвцами ²⁾. Но такъ какъ былины сохранились въ памяти народа исключительно посредствомъ устнаго пересказа, то, естественно, иныя въ формѣ своей и мелочахъ, другія въ самомъ содержаніи подвергались въ теченіе вѣковъ постояннымъ измѣненіямъ. Измѣненія эти разнаго рода. На одни изъ нихъ можно смотрѣть какъ на естественное развитіе былины. Такъ, многія старины дошли до насъ и въ первоначальномъ краткомъ видѣ, и въ длинныхъ пересказахъ, въ которыхъ предметы отдѣльныхъ пѣсенъ стали эпизодами ³⁾. Нѣкоторые варианты о Ильѣ и Добрынѣ разрослись до огромныхъ размѣровъ и обнимаютъ почти всѣ подвиги воспѣтыхъ ими богатырей. Другого рода измѣненія составляютъ анахронизмы, которые неизбѣжно вкрадываются во всякое устное преданіе. Сюда относятся древнія и позднѣйшія вставки въ текстъ новыхъ обычаевъ, учрежденій, названій оружія, чиновъ и проч.—Сюда же принадлежитъ приуроченіе къ времени Вла-

¹⁾ Таково мнѣніе и г. Майкова относительно происхожденія былинъ Владимірова цикла.

²⁾ Сказаніе о семи богатыряхъ, напечатанное въ „Памятникахъ Русской Литературы“ съ рукописи, если даже оставить въ сторонѣ признаки книжной передѣлки, носитъ гораздо больше слѣдовъ вліянія Московскаго періода, чѣмъ былины о Ильѣ и Идолищѣ, содержаніе которыхъ почти одинаково со сказаніемъ.

³⁾ Бой Ильи съ Идолищемъ введенъ какъ эпизодъ въ нѣкоторые варианты о Дюкѣ, женитьба князя Владиміра въ варианты о Дунаѣ.

димира такихъ событій, которыя случились до него или гораздо позже него ¹⁾, и вообще замѣна богатырей старшаго поколѣнія младшими ²⁾. Третьяго рода измѣненіе состоитъ въ томъ, что подвиги богатыря стушевываются и обобщаются до того, что былина дѣлается безыменною, а образъ богатыря общимъ типомъ. Еще шагъ, и старина теряетъ напѣвъ и разрушается. Такое разрушеніе иногда замѣняется переходомъ въ побывальщину, сказку или лирическую пѣсню ³⁾.

Итакъ, наше поколѣніе застало былевую поэзію вполне сложившеюся.—Послѣ Московскаго періода появляются вновь однѣ историческія пѣсни, былины же не слагаются ⁴⁾ вновь, а только сохраняются въ народѣ посредствомъ устнаго пересказа ⁵⁾. Въ сохраненіи народнаго эпоса сначала принимаютъ участіе и городскіе обыватели ⁶⁾, но съ нынѣшняго столѣтія былевая

¹⁾ Такъ Владиміръ и его богатыри являются дѣйствующими лицами въ татарскомъ нашествіи, и, наоборотъ, къ его времени примѣнены порядки Московскаго царства. Эти анахронизмы, а также приуроченіе къ циклу Владимірову старшихъ богатырей Самсона, Сухмантія, Вольги, могли произойти еще въ тотъ періодъ, когда инны былины слагались.

²⁾ Такъ Ермакъ, въ старинѣ о царѣ Калинѣ, просто подставленъ вмѣсто Ильи, который тутъ занимаетъ мѣсто или Самсона, или Святогора, и прежде самъ исполнялъ роль младшаго богатыря; Добрыня (въ вариантѣ № 14 III части) въ извѣстномъ роковомъ боѣ между отцомъ и сыномъ тоже подставленъ вм. Ильи, Касьянъ или Ёма Ивановичъ, въ сорока каликахъ съ каликою, вм. Потяка.

³⁾ Таковы побывальщины о Святогорѣ, Ильѣ и Юнкѣ Степановичѣ въ I части, о Саламанѣ, о дворянинѣ безчастномъ молодцѣ во II, сказки о Микулѣ, Иванѣ русскомъ молодцѣ и проч., пѣсни о Ванюшѣ Ключникѣ (I часть и Сборн. Кир.); о убійствѣ жены княземъ (№ 64 III части и Сборн. Кир.), о горѣ (I часть), о гульбѣ молодца за рѣками Невагою и Перебрагою (III часть).

⁴⁾ Слагаются послѣ этого однѣ историческія пѣсни, и тѣ въ пріемахъ, языкѣ, дѣльных частяхъ своихъ, представляютъ подражаніе прежнимъ образцамъ или даже явную передѣлку ихъ, напр., пѣсня о графѣ Чернышевѣ (въ I части) просто передѣлка пѣсни о Разинѣ.

⁵⁾ Эту законченность народнаго былевого творчества понимаютъ сами хранители ея, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ,дается изъ слѣдующаго полувопроса-полуотвѣта Рябинина: „Скажи мнѣ, П. Н.,—говорилъ онъ, отчего о прежнихъ князьяхъ поютъ на былинахъ, и слава имъ вѣкъ не минуетъ? Какой малецъ мой Ванюха (сынъ Р.), а вѣдетъ въ околицу, запоетъ про ратая, по деревнѣ стонъ стоитъ. А о нынѣшнихъ царяхъ поютъ на пѣсняхъ?“—

⁶⁾ Я говорилъ выше, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія городское населеніе города Пудожа очень любило старины и слушало ихъ на вечеринкахъ.

поззія передається отъ поколѣнія къ поколѣнію исключительно памятью сельскаго населенія и притомъ не по цѣлой Руси, а преимущественно на *украинахъ*, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Пермской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской и Нижегородской.

Въ Олонецкомъ краѣ былины сохранились между русскимъ населеніемъ уѣздовъ Петрозаводскаго, Пудожскаго, Каргопольскаго, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Повѣнецкаго, Вытегорскаго и Лодейнополюскаго ¹⁾. Въ послѣднихъ двухъ онѣ извѣстны немногимъ, а потому явно забываются и переходятъ въ *побывальщины* ²⁾. Но въ первыхъ трехъ уѣздахъ и той части Повѣнецкаго, которая прилегаетъ къ Пудожскому побережью, старины очень распространены и до сего времени усердно сохранялись народомъ.—Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ каждый крестьянинъ знакомъ съ содержаніемъ былинь и именами нѣкоторыхъ богатырей. Въ Заонежьи и на Пудожскомъ побережьи у всякаго смышленнаго пожилого человѣка отыщется въ памяти одна-двѣ былины, и хотя самъ-то онъ полагаетъ, что ничего не знаетъ,—однако, при случаѣ, вдругъ припомнитъ какую-нибудь былевую пѣсню ³⁾. Главные хранители былинь здѣсь *сказители* ⁴⁾, а въ Каргопольской сторонѣ *калики*. Сказители

¹⁾ Прежде я полагалъ, что корелы совсѣмъ не знаютъ былинь; но послѣ убѣдился, что они, растерявъ и позабывъ свою лирическія и эпическія пѣсни, переняли отъ русскихъ первыя и отчасти послѣднія. Въ настоящее время я лично знаю кореляка и корелку, которымъ извѣстны старины: Василья Лазарева изъ дер. Кяменицъ Повѣнецкаго уѣзда и Дмитріеву изъ дер. Пряткохъ Петрозаводскаго уѣзда. Кромѣ того я слышалъ объ одномъ старикѣ корелякѣ, изъ Святозера, который будто бы помнитъ много былинь.

²⁾ См. № 51, часть I.

³⁾ Такъ мнѣ иногда приходилось записывать варианты отъ такихъ крестьянъ, отъ которыхъ трудно было и ожидать этого.—Сидѣлъ я въ 61 году въ избѣ у Л. Богданова и записывалъ слова Кузьмы Романова. Одинъ изъ родственниковъ Леонтія слушалъ-слушалъ слѣпого пѣвца, и вдругъ заявилъ мнѣ, что и онъ вспомнилъ былинѣ о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой (№ 50 II части), и дѣйствительно, прекрасно пропѣлъ ее мнѣ. Сталъ я его спрашивать: „Гдѣ онъ ей научился?“—У стариковъ, говорить.—„Помнишь ли еще какую-нибудь?“—Нѣтъ, больше не помню.—Другой разъ, въ 1863 году, давно знакомый мнѣ крестьянинъ Андрей Ивановъ нежданно негаданно припомнилъ превосходную старину о Иванѣ Гостиномъ сынѣ.

⁴⁾ Мы видѣли выше, что отъ себя лично они вносятъ только извѣстные обороты и любимыя слова и тѣ еще измѣненія, которыя происходятъ отъ ихъ

поютъ по охотѣ, изъ любви къ искусству, а калики по ремеслу. Первые научились своему знанію отъ знаменитыхъ «досюльныхъ» сказителей: Ильи Елустафьева, Игнатія Иванова Андреева, Ѳедора Яковлева и другихъ стариковъ, вторые отъ такихъ же стариковъ и каликъ. Сказитель обыкновенно зажиточный крестьянинъ, земледѣлецъ, рыболовъ, содержатель почтового двора. Какъ бы переходъ къ каликамъ составляютъ переходіе пѣвцы, большею частью портные, но и тѣ имѣютъ осѣдлость и не нуждаются въ деньгахъ, между тѣмъ какъ калики живутъ милостынею. Научившись былинамъ отъ предковъ, пѣвцы въ свою очередь передаютъ знаніе свое дѣтямъ. Такъ Андрей Сорокинъ еще молодой парень, а рассказываетъ превосходно и выучился этому отъ отца. Сыновья Рябинина, въ особенности младшій Иванъ, тоже многое переняли отъ Т. Г. Но у большинства сказителей врядъ ли найдутся наслѣдники, и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія.

забычивости; остальные же перемѣны въ вариантахъ слѣдуетъ приписать прежнему естественному развитію былевой поэзіи и духу времени.—

I.

К И Ж И.

К И Ж И.

I.

РЯБЕНИНЪ.

Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, крестьянинъ дер. Середки, Кижской волости, родился въ дер. Гарницахъ сосѣдняго Сѣногубскаго погоста въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII в., умеръ въ 1885 г. Изъ всѣхъ Олонецкихъ сказителей далъ наибольшее количество былинъ въ сборники Рыбникова (23 №№) и Гильфердинга (18 №№). Сравненіе Рябининскаго репертуара въ обоихъ сборникахъ показываетъ, что пѣвецъ въ 1871 г. уже не могъ припомнить для Гильфердинга слѣдующихъ былинъ, пѣтыхъ имъ Рыбникову въ 1860—62 гг.: Самсонъ (Святогоръ), Илья и Идолище, Ставеръ, Вас. Буслаевъ, Садко, Грозный, Соломонъ. Съ другой стороны Рябининъ далъ Гильфердингу пять новыхъ сюжетовъ, оставшихся неизвѣстными Рыбникову, а именно: Илья въ ссорѣ съ Владиміромъ, Добрыня и Маринка, Добрыня и Змѣй, Скопинъ, Молодецъ и худая жена. Кромѣ того былина объ Ильѣ и Калинѣ царѣ, имѣющаяся въ обоихъ сборникахъ, представляетъ тамъ и здѣсь два совершенно самостоятельные варианта, очень мало схожіе между собою. Такъ какъ Рыбниковъ дважды (въ Замѣткѣ и въ письмѣ 3 ноября 1861 г. къ Д. А. Хомякову) опредѣленно говоритъ о своихъ стараніяхъ исчерпать весь репертуаръ Рябинина и выражаетъ увѣренность, что достигъ цѣли, то можно было бы думать, не увеличился ли запасъ пѣвца за десять лѣтъ. Но предположеніе это приходится отвергнуть: три изъ этихъ пяти сюжетовъ по указанію самого Рябинина принадлежали къ его старому запасу: Добрыня и Змѣй идетъ отъ Ивана

Завьялова, Скопинъ отъ Игнатія Андреева, Молодецъ и худая жена отъ Ильи Елустафьева ¹⁾. Это доказываетъ, что исчерпать съ несомнѣнностью репертуаръ народнаго пѣвца—задача не легко достижимая даже при длительныхъ сношеніяхъ. О всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ Рябининымъ Рыбниковъ подробно говоритъ въ Замѣткѣ; свѣдѣнія о біографіи пѣвца пополняются вводной статейкой къ его былинамъ у Гильфердинга.

1.

САМСОНЪ БОГАТЫРЬ.

- Славный Самсонъ, богатырь свято-русьскій,
 Ъхалъ на добромъ конѣ богатырскомъ
 По славному раздольицу чисту полю
 И усмотрѣлъ идучись по чисту полю
- 5 Дородня добра молодца пѣхотою.
 Какъ припустить скакать коня богатырскаго
 Во всю силу лошадиную,
 Идетъ добрый молодецъ пѣхотою,
 Во слѣдъ не останется;
- 10 Поѣдетъ Самсонъ тихою вольготою,
 Добрый молодецъ во слѣдъ не наступываетъ.
 Становилъ добра коня богатырскаго
 И ожидалъ къ себѣ добра молодца;
 Оны съ эстымъ человѣкомъ въ полѣ съѣхались,
- 15 Говорили разговоръ промежду собой:
 « Что же ты, удаленькой дородній добрый молодецъ!
 « Ходишь по чисту полю пѣхотою:

---

¹⁾ См. Гильфердингъ II, 4. Прибавимъ, что былина Молодецъ и худая жена (Гильф. № 89) очень близка по тексту къ одной изъ Рыбниковскихъ (стар. изд. II, № 50), почему-то не носящей имени сказителя, но записанной въ той же дер. Середкѣ, гдѣ жилъ Рябининъ. Быть можетъ, это случайная недомолвка, и Рыбниковъ записалъ былинку изъ устъ Рябинина, но мы не рѣшились причислить ее прямо къ репертуару послѣдняго.

- « Какъ припущу на добромъ конѣ богатырскосмъ
« Ъхать во всю силу лошадиную,
20 « Ты отъ меня не остаешься;
« Когда ѣду тихою вольготою,
« Тогда ты на меня не наступываешь? »
Тутъ по Божью повелѣнницу
Супротивъ ихъ явился камень синенькой,
25 Камень синенькой, плита зеленая.
Этотъ удаленькой дороднѣй добрый молодецъ
Полагаетъ онъ малыя сумочки
Со своихъ плечъ со могучиихъ
На эту плиту на зеленую
30 И говоритъ Самсону богатырю:
— Ай же ты, славный богатырь свято-русьскій!
— Отвѣдай взять мою ношицу
— На свои на плечи на могучіи
— И побѣжать по славному раздольицу чисту полю.
35 Тутъ славный богатырь свято-русьскій
Опущался со своего добра коня,
Принимался онъ за эты за сумочки,
За эты за сумочки одной рукой,
Никакъ этыя сумочки малыя
40 На камешкѣ не сворохнутся.
Принимался онъ обѣма ручкамы бѣлыма,
Сумочки на камешкѣ не сворохнутся.
Принимался онъ со всей своей силой богатырскою,
И припаль своей грудью бѣлою
45 Ко этымъ ко сумочкамъ ко маленькимъ,
И схватилъ всей силой великою,
По колѣну онъ угрызнулъ во зеленъ камень,
Столько могъ подпустить малый духъ
Подъ эты подъ сумочки подъ малыя.
50 И говорилъ Самсонъ таковы слова:
« Отъ роду я эдакой ношицы не здымываль!
« Кто ты есть какой человекъ,
« Какого ты рода-племени,
« Откуда идешь, куда путь держишь? »

- 55 — Ай же ты, славный богатырь свято-русьскій!
 — Посланъ я ангелъ отъ Господа
 — Поотвѣдать твоей силы великія:
 — Погружена вся тягота во эти во сумочки.

Отвѣчалъ Самсонъ таковы слова:

- 60 « Аще въ небеси было бы кольцо,
 « И притянута оттуда цѣпь желѣзная,
 « Притянулъ бы я небо ко сырой земли
 « И своей бы силой богатырскою
 « Смѣшалъ бы земныхъ со небесныма;
 65 « И есть бы было кольцо во матушки сырой земли,
 « Могъ бы я повернуть матушку сыру землю,
 « Повернулъ бы краемъ къ верху
 « И опять перемѣшалъ бы земныхъ съ небесныма ».

Тутъ ангелъ Божій утаился отъ Самсона отъ богатыря, а богатырь поѣхалъ по славному раздольицу чисту полю. Затѣмъ Рябининъ побывальщиной рассказывалъ, какъ Самсонъ, подобно Святогору, наѣхалъ на судъ Божій, на кузнеца, и выковалъ ему кузнецъ—жениться въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки калѣки, которая тридцать лѣтъ лежала на гноищѣ. Самсонъ богатырь послѣ свадьбы долженъ былъ признать, что

« Суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати ».

- 70 И то поговорье впередъ пошло.

Когда жена Самсона изъ мужняго разсказа узнала, что Самсонъ хотѣлъ было разрубить ее на-попы, когда она лежала въ гноищѣ, то крѣпко озлобилась на мужа.

Съ той поры стала вывѣдывати:

- « Бояться тебя, Самсонъ, всѣ земли,
 « Всѣ земли бояться и всѣ орды.
 « Отчего жъ силенъ и славенъ,
 75 « Силенъ, и славенъ, и громокъ? »
 — Оттого я силенъ, и славенъ, и громокъ,
 — Что имѣю на головѣ семь волосовъ ангельскихъ.—
 И сдѣлался Самсонъ имянинщикомъ,
 И сталъ править имянины своему ангелу,

- 80 И заводилъ пированьице почестенъ пиръ:
Всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру напивалися,
Самсонъ богатырь пуще всѣхъ.
И стали наливать ему хмельныхъ напитковъ;
85 Собирала друзей любимыхъ
И стригла ему голову до-нага,
И связали ему ручки бѣлыя,
И выкопали очи ясныя.
Онъ какъ пробудился отъ крѣпкаго сна,
90 Во бѣлыхъ ручушкахъ не стало силы молодецкія,
Въ ясныхъ очушкахъ не стало бѣла свѣта:
« Ай же ты, жена, змѣя лютая!
« Погубила ты меня на вѣки вѣчныя ».
Дала ему крѣпостную служаночку,
95 И выгнала скитаться между дворами
Со этой крѣпостной служаночкой;
И ходилъ онъ скитаться между дворами.
Проходилъ поры времени ровно три годы,
Приотростилъ на голову желты кудри,
100 Сталъ во плечахъ имѣть силушку великую,
А столько не имѣлъ во ясныхъ очахъ свѣту бѣлаго.
Говорилъ онъ своей вѣрной служаночкѣ:
« Ай же ты, служаночка моя вѣрная!
« Веди ко во свой ¹⁾ великой градъ,
105 « Ко своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ:
« У меня ли были палаты построены
« На двѣнадцати столбахъ на каменныхъ ».
Этая дѣвица служаночка
Приводила его во великой градъ,
110 Къ тымъ палатамъ бѣлокаменнымъ.
Славный Самсонъ богатырь свято-русьскій
Не видитъ онъ въ очахъ свѣту бѣлаго,
А имѣть во плечахъ силу великую.
И услышалъ онъ въ палатахъ великое танцеваніе:

---

¹⁾ Т.-е. мой.

- 115 Сидить его жена любимая,
 Забавляется, тѣшится съ друзьями любимымы.
 Славный богатырь свято-русьскій
 Подошелъ къ столбу ко каменному
 Подъ самый подъ большой уголь,
 120 Схватилъ ручки бѣлыма,
 Порозсыпалъ палаты бѣлокаменны,
 И тутъ убило Самсона богатыря.
 И тутъ ему, Самсону, славы поють.
-

2.

СВЯТОГОРЪ.

Когда я рассказалъ Рябинину побывальщину объ Ильѣ и Святогорѣ, то онъ передалъ мнѣ, что еще учитель его, Илья Елустафьевъ, пѣлъ былиною про все знакомство Ильи и Святогора, и припомнилъ тутъ же слѣдующіе отрывки изъ этой пѣсни:

- Прочитавъ надпись на великомъ гробу,
 Говорилъ Илья таковы слова:
 « Не наше мѣсто, не намъ и спать! »
 А Святогоръ богатырь улегся въ гробъ и говоритъ Ильѣ:
 — Окутай меня каменной накрышечкой!—
 Онъ какъ накуталъ накрышечкой,
 Гробъ и сросся въ одно мѣсто.

Изъ той же былины Рябининъ припомнилъ наставленіе каликъ переходящихъ Ильѣ:

- « Приходи ко мостику калинову,
 « Услышишь заржучись жеребчика
 « Во тоя конюшенкѣ стоялыя.
 « И что крестьянинъ запроситъ за жеребчика,
 5 « Запроситъ за жеребчика пять сотъ рублей,
 « Давай ему пять сотъ рублей;

- « А ве́ди жеребчика моло́даго,
 « И станови́ во сру́бъ рубле́ный,
 « И корми́ пше́ной бѣ́лойровой,
 10 « И по́й свѣ́жей ключе́вой водо́й;
 « Положи́ на него́ золоти́у узду́
 « Со ты́ма по́водамы со шелковы́ма,
 « И води́-тко по коню́шенкѣ́ стоя́лыя.
 « Когда́-то онѣ́ стане́тъ чере́з ты́нъ по́скакива́тъ,
 15 « Когда́ стане́тъ чере́з ты́нъ по́плясыва́тъ,
 « Стане́тъ ко́нь голо́вушкой по́верты́вать,
 « Стане́тъ въ лоша́диныя въ ноз́дри онѣ́ по́фурски́вать;
 « И тогда́ ты сѣ́длай-ко добра́ коня́,
 « И полага́й на него́ до́спѣ́хи крѣ́пкіе,
 20 « Поѣ́зжай-ко ты въ раздо́льице чи́сто поле́,
 « Ё́зди ты по́ мату́шкѣ́ по свято́й Руси́,
 « Тогда́, до́брый мо́лодець, про́слависья́
 « И бу́дешь си́льный бо́гатырь свя́то-русе́скій ».

Святогоръ богатырь позвалъ Илью Муромца къ себѣ въ гости на Святыя горы и на поѣздки Ильѣ наказывалъ: «Когда приѣдемъ въ мое поселыице и приведу тебя къ батюшкѣ, ты моги нагрѣть кусокъ желѣза, а руки не подавай». Какъ приѣхали на Святыя горы къ Святогорову поселыицу и зашли въ палаты бѣлокаменные, говоритъ старикъ, отецъ Святогоровъ:— Ай же ты, мое чадо милое! Далече ль былъ?—«А былъ я, батюшка, на святой Руси!»—Что же видѣлъ и что слышалъ, сынъ мой возлюбленный, на святой Руси?—«Я что не видѣлъ, что не слышалъ, а столько привезъ богатыря со святой Руси». Отецъ-отъ Святогоровъ былъ темный ¹⁾, то говоритъ сыну: «А приведи ко́ ко мнѣ русскаго богатыря поздороваться». Илья́ тымъ вре́менемъ нагрѣлъ желѣзо, пошелъ по рукамъ ударить и давае́тъ старику въ руки кусокъ желѣза. Когда захватилъ старикъ желѣзо, сдавилъ его и говоритъ: «Крѣпкая твоя рука, Илья! Хорошій ты богатырекъ!»

¹⁾ Слѣпой.

3.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(Гильферд. № 73.)

- Когда возсіяло солнце красное
 На это небушко на ясное,
 Тогда зарождался молодой Вольга,
 Молодой Вольга Святославовичъ.
- 5 Сталь Вольга растѣть-матерѣть;
 Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
 Щукой-рыбою ходить ему въ глубокѣихъ моряхъ,
 Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
 Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
- 10 Уходили всѣ рыбы во синія моря,
 Улетали всѣ птички за оболока,
 Убѣгали всѣ звѣри въ темны лѣса.
 Сталь Вольга растѣть-матерѣть,
 Избирать собѣ дружинушку хороброу,
- 15 Тридцать молодцевъ безъ единого,
 Самъ оцѣ Вольга во тридцатѣихъ.
 Жаловалъ его родный дядюшка,
 Ласковый Владиміръ стольно-Кіевскій
 Тремя городами со крестьянами:
- 20 Первымъ городомъ—Гурчевцомъ,
 Другімъ городомъ—Орѣховцемъ,
 Третьимъ городомъ—Крестьяновцемъ.
 Молодой Вольга Святославовичъ
 Со своею дружинушкой хороброу
- 25 Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
 Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
 Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
- 30 Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ ¹⁾.

¹⁾ Совершенно мѣстный образъ: въ Заонежѣ и Пудожскомъ уѣздѣ почва чрезвычайно каменистая и нивы буквально усеяны камнями.

- Ёхаль Вольга до ратая
 День съ утра онъ до вечера,
 Со своєю дружинушкой хороброей,
 А не могъ онъ до ратая доѣхати.
- 35 Ёхаль Вольга оцѣ друкгой день,
 Друкгой день съ утра до вечера,
 А не могъ онъ до ратая доѣхати.
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сопка у ратая поскрипываетъ,
- 40 Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ.
 Ёхаль Вольга оцѣ третій день,
 Третій день съ утра до пѣбѣдья,
 Наѣхаль онъ въ чистомъ полѣ ратай:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
- 45 Съ края въ край бороздки пометываетъ;
 Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
 Коренья, каменья вывертываетъ,
 А великія-то всѣ каменья въ борозду валить;
 Кобылка у ратай соловая ¹⁾,
- 50 Сопка у ратай кленовая,
 Гужики у ратай шелковые.
 Говорилъ Вольга таковы слова:
 « Божья ти помочь, орѣтаюшко!
 « Орать, да пахать, да крестьяновати,
- 55 « Съ края въ край бороздки пометывати,
 « Коренья, каменья вывертывати! »
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Поди-тко, Вольга Святославговичъ,
 — Со своею со дружинушкой хороброю,
- 60 — Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьяновати!
 — Далече ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
 — Со своею со дружинушкой хороброю?—
 « Ай же ты, рѣтаю, рѣтаюшко!
 « Ёду къ городамъ за получкою:
- 65 « Ко первому городу ко Гурчевцу,

---

1) По разсказу другого пѣвца, кобылу ратай звали: „Обнеси голова“.

« Ко дру́тому ко городу къ Орѣховцу,
« Ко третьему городу ко Крестьяновцу ».

Говорилъ оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославговичъ!

70 — А недавно я былъ въ городѣ, третьёво-дни,

— На своей кобылкѣ соловоей,

— Увезъ я оттоль соли столько два мѣха,

— Два мѣха соли по сороку пудъ.

— И живутъ-то мужики все разбойники,

75 — Оны просятъ грошѣвъ подорожныхъ;

— А былъ я съ шалыгой ¹⁾ подорожною,

— Платилъ имъ гроши подорожные:

— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,

— А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ,

80 — А кой лежа лежитъ, тотъ и вѣкъ не стоитъ.—

Говорилъ Вольга таковы слова:

« Ай же, оратай, оратаюшко,

« Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!

« А ко славному городу ко Гурчевцу

85 « И къ тымъ городамъ за получкою ».

Этотъ оратай-оратаюшко

Гужики шелковеньки повыстенулъ ²⁾,

Кобылку изъ сошки повывернулъ,

Снялъ онъ хомутики съ кобылушки.

90 Съли на добрыхъ коней, поѣхали.

Говорить оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославговичъ!

— Оставилъ я сошку въ борозdochкѣ,

— И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,

95 — А гля-ради мужика деревенщины.

— Сколнуть ³⁾ омѣшники булатни,

— А и не чимъ мнѣ буде крестьяновати.

— Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,

— Изъ омѣшниковъ земелька повытряхнути

¹⁾ То же, что *шелепуга*: плетъ съ обвязанной пулей, кистень. *Б.*

²⁾ *Повыстенулъ*: и зѣлъ не произносится.

³⁾ Сколотять (снимуть).

- 100 — И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?—
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
105 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцевъ могучіихъ,
Приѣхали къ сошкѣ кленовые:
110 Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнутъ,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
115 Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:
120 Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнутъ,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
125 А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Говорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
130 — То немудрая дружинушка хоробрая.—
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовой:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
135 Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,

- Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
 Оратая кобылка-то рысью идетъ,
 140 А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
 У оратая кобылка-то грудью пошла,
 А Вольгинъ-отъ конь остается.
 Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
 Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
 145 « Пстой-ка ты, ратай-ратаюшко!
 « Эта кобылка конькомъ бы была,—
 « За эту кобылку пятьсотъ бы дали ».
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Глупый Вольга Святославговичъ!
 150 — Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
 — И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
 — Эта кобылка конькомъ бы была,—
 — За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
 Говорилъ Вольга Святославговичъ:
 155 « Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
 « Какъ-то тебя именѣмъ зовутъ,
 « Какъ звеличаютъ по отечеству? »
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Ай же, Вольга Святославговичъ!
 160 — А я ржи напашу, да во скирды сложу,
 — Во скирды складу, домой выволочу,
 — Домой выволочу, да дѣма вымолочу,
 — Драни надеру, да и пива наварю,
 — Пива наварю, да и мужичковъ напою.
 165 — Станутъ мужички меня покликивати:
 — « Молодой Микулушка Селяниновичъ » ¹⁾!

---

¹⁾ Въ другомъ разнорѣчїи роль Микулы приписана Вольгѣ; зато побывальщина, записанная мною въ Шалахъ, совершенно сходна съ этою. Микула Селяниновичъ уже оказался сильнѣе Вольги; а изъ продолженія былинны, которой, къ сожалѣнію, пѣвецъ не могъ припомнить вполнѣ, видно, что онъ мудрѣе Вольги. Въ городѣ, куда они поѣхали, имъ готовили засаду: разобрали мостъ

4.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(Гильферд. № 74.)

- Старый казакъ Илья Муромецъ
 Поѣхалъ на добромъ конѣ
 Мимо Черниговъ градъ:
 Подъ Черниговымъ силушки чернымъ чернѡ,
 5 Чернымъ чернѡ, какъ черна ворона.
 Припустилъ онъ коня богатырскаго
 На эту силушку великую,
 Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
 Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
 10 И подѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
 Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
 Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
 И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
 Говорить имъ Илья таковы слова:
 15 « Ай же вы, мужики Черниговцы!
 « Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою:
 « А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
 « Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ ».
 Говорили ему мужички Черниговцы:
 20 — Ай же, удаленькій дородній добрый молодецъ,
 — Славный богатырь свято-русскій!
 — Прямоѣзжею дорожкой въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
 — Окольною дорожкой цѣла тысяча.
 — Прямоѣзжая дороженька заколодѣла,

и Вольга погибъ бы тутъ со всей своею дружиною, если бы его не спасъ Микула Седяиновичъ. [Рябининъ въ другой разъ продолжалъ Рыбникову былинъ такъ: „Поѣхали къ городамъ за получкою, Пріѣхали къ рѣчкѣ Смородинкѣ; Подѣланы мосточки подѣльные, Сдѣланы подкопы великіе, И поставлены ножи все булатіе...“ *Ред.*] Потомъ Микула угощаль Вольгу у себя и послѣ угощенія отпустилъ въ Кіевъ. Было у того Микулы три дочери-полевицы: Василиса, Настасья и Марья: всѣ онѣ наслѣдовали и силу, и мудрость отцовскую. См. другія былины.

- 25 — Заколѣла дорожка, замуравѣла;
 — Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскивать,
 — Черный воронъ не пролетывать:
 — Какъ у тоя у Грязи у Черныя,
 — У тоя у березы у поклапыя,
- 30 — У славнаго креста у Леванидова,
 — У славненькой у рѣчки у Смородинки,
 — Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
 — Сидитъ Соловей во сыромъ дубу,
 — Свищеть Соловей онъ по-соловьему,
- 35 — Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по-звѣриному:
 — Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
 — Всѣ травы-муравы уклетають ¹⁾,
 — Лазуревы цвѣточки отсыхають,
 — Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежать.—
- 40 Илья Муромецъ спуцалъ коня онъ богатырскаго,
 Поѣхалъ по дорожкѣ прямоѣзжія,
 Бралъ онъ въ руку плеточку шелковеньку,
 Билъ коня онъ по тучной бедра,
 Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую.
- 45 Пошелъ его добрый конь богатырский
 Съ горы на гору перескакивать,
 Съ холмы на холму перемахивать,
 Мелки рѣченьки, озера межу ногъ спущать;
 Подбѣгаетъ онъ ко Грязи той ко Черныя,
- 50 Ко славныя березы ко поклапыя,
 Ко тому кресту ко Леванидову,
 Ко славненькой рѣчкѣ ко Смородинкѣ.
 Какъ засвищеть Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
 Засвисталъ-то Соловей по-соловьему,
- 55 Воскричалъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному:
 Темны лѣсушки къ землѣ поклонилися,
 Что есть людюшекъ, мертвы лежать,
 Ильи Муромца добрый конь потыкается.
 Онъ билъ коня по тучной бедра,

---

¹⁾ Поблѣкнуть.

- 60 Билъ коня, самъ выговаривалъ:
 « Ай же ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
 « Ты итти не хошь, али нести не мошь ¹⁾?
 « Не слыхалъ ты, видно, посвисту соловьеваго,
 « И не слыхалъ ты покрику звѣринаго,
 65 « И не видалъ, видно, ударовъ богатырскихъ,
 « Что ты, собака, на корзнь потыкаешься! »
 Становилъ коня онъ богатырскаго,
 Свой тугій лукъ разрывчатый отстегивалъ
 Отъ праваго отъ стремечка булатняго,
 70 Накладывалъ-то стрѣлочку каленую
 И натягивалъ тетивочку шелковеньку,
 Спускалъ-то онъ въ Соловья во разбойника:
 Вышибъ ему правое око со косицею ²⁾,
 Паль-то Соловей на сыру землю.
 75 Старый казакъ Илья Муромецъ
 Пристенулъ ³⁾ его ко правому ко стремени,
 Ко правому ко стремечку булатному.
 Онъ поѣхалъ по раздольицу чисту полю
 Ко этому ко гнѣздышку къ Солдвьевому.
 80 И со этого со гнѣздышка Соловьяго
 Усмотрѣла его больша дочь Невеюшка,
 Говорить Невея таково слово:
 — Ъдетъ нашъ батюшка раздольицемъ чистымъ полемъ ⁴⁾,
 — И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскомъ,
 85 — И везетъ онъ мужичища деревенщину,
 — Ко стремени булатному прикована.—
 Посмотрѣла его друга дочь Ненилушка,
 Говорить Ненила таковы слова:
 « Ъдетъ нашъ батюшка раздольицемъ чистымъ полемъ,
 90 « И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскомъ,

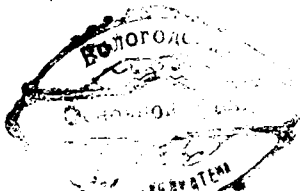
1) Хошь вм. хочешь, мошь вм. можешь.

2) Вискомъ.

3) Пристегнулъ.

4) Стихъ, конечно, таковъ:

Ъдетъ нашъ батюшка раздольицемъ,
 Раздольицемъ—чистымъ полемъ. *В.*

« И везеть онъ мужичища деревенщину,
 « Ко стремени булатному прикована ».
 Посмотрѣла Пелька, его третья дочь,
 Говорила Пелька таковы слова:

- 95 — Ёдетъ мужичище деревенщина
 — Раздолыицемъ чистымъ полемъ,
 — И везеть-то государя батюшку
 — Къ стремени булатному прикована:
 — Ему выбито право око со косицею.
 100 — Ай же, мужевья наши любимые!
 — Хватайте-тко рогатины звѣрины,
 — Бѣжите-ка въ раздолыице чисто поле,
 — Побейте мужичища деревенщину!—
 Эти зятевья Соловьиные
 105 Похватали рогатины звѣрины,
 Выбѣгали во раздолыице чисто поле,
 Оны хочуть бить мужичища деревенщину.
 Воскричалъ Соловей имъ во всю голову:
 « Ай же, зятевья мои любимые!
 110 « Побросайте-тко рогатины звѣрины,
 « Вы ведите-тко богатыря свято-русскаго
 « Во мое во гнѣздышко Соловьее,
 « Кормите ѣствушкой сахарнею,
 « Пойте его питьицемъ медвянымъ,
 115 « Дарите ему дары драгоцѣнные» ¹⁾.

.....
 Не поѣхалъ въ гнѣздышко Соловьее,

---

¹⁾ Побывальщина такъ замѣщаетъ этотъ пропускъ:

Какъ поѣхалъ онъ ко зятю ко большему,
 Старшая сестра была догадлива,
 Поднимала въ верѣхъ подворотенку,
 Подворотня вѣсомъ-то ста пудовъ,
 Хочетъ спустить на буйную головушку,
 Хочетъ убить Илью Муромца.
 Ильѣ-то было не къ суду пришло,
 Увидалъ онъ надъ собою подворотенку.
 Отбивалъ ю ручкой правую,
 Убивалъ-то сестрицу большую.

- А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову ко князю ко Владиміру.
 Приѣхалъ онъ ко князю на широкій дворъ,
 120 Становилъ онъ коня посередъ двора,
 Шелъ онъ въ палату бѣлокаменну.
 А Владиміръ князь вышелъ со Божьей церкви,
 Отъ той отъ обѣденьки Христоськія.
 Садился онъ за столики дубовые,
 125 За тыя за скамеечки окольныя,
 Ъсти ѣствушекъ сахарныхъ,
 Нити питьицевъ медвяныхъ.
 Илья Муромецъ спелъ въ палату бѣлокаменну;
 Онъ крестъ кладетъ по-писаному,
 130 Поклонъ-то ведетъ по-ученому,
 На всѣ на три на четыре на сторонки поклоняется,
 Самому-то князю Владиміру въ особину
 И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
 Сталъ Владиміръ князь выпрашивать:
 135 — Ты откушенный, дородній добрый молодець,
 — Тобя какъ молодца именѣмъ назвать,
 — Звеличать удалаго по отечеству?—
 Говорилъ ему Илья таковы слова:
 140 « Есть я изъ города изъ Муромля,
 « Со славнаго съ села Карачарова,

[Самъ Рябининъ позднѣе пѣлъ собирателю это мѣсто въ такомъ видѣ:

Старый казакъ Илья Муромецъ
 Подъѣхалъ ко гнѣздышку Соловьеву.
 Его добрый конь богатырскій
 Перескочилъ въ ворота Соловьевыя
 И ударилъ головушкой въ задній тынъ.
 Тутъ его большая дочь Невѣюшка
 Отдернула каточки надъ воротами,
 И спустила желѣзный брусъ въ девяносто пудъ,
 И не могла угодить въ буйну голову.
 Тутъ Илья соходилъ съ добра коня,
 Порастрепалъ гнѣздо Соловьево,
 Пораздернулъ дочерей Соловьевыхъ,
 Показнилъ зятѣй Соловьевыхъ,
 Соловья повезъ въ столепъ Кіевъ градъ.] *Ред.*

« Именемъ меня Ильей зовутъ,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ ».

Сталъ Владиміръ повыспрашивать:

145 — А давно ли ты новыѣхалъ изъ Муромля,
— Ты которою дорожкой ѣхалъ въ стольно-Кіевъ-градъ?—

Говорилъ ему Илья таковы слова:

« Стоялъ-то я заутрену во Муромлѣ,
« Поспѣвалъ-то къ обѣднѣ въ стольно-Кіевъ-градъ.

150 « Дѣло мое дороженькой замѣшкалось:

« Ёхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
« Прямоѣзжею мимо славенъ Черниговъ-градъ,
« Мимо славную рѣченку Смородинку ».

Говорилъ Владиміръ таковы слова:

155 — Во глазахъ, мужикъ, ты посмѣхаешься,
— Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься:
— Подъ городомъ Черниговомъ стоитъ силушка невѣрная,
— У рѣчки у Смородинки Соловей разбойникъ Одихман-
тєвъ сынъ,

— Свищетъ-то Соловей по-соловьему,

160 — Кричитъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному.—

Говорилъ Илья таковы слова:

« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Соловей разбойникъ на твоємъ дворѣ

« И прикованъ онъ ко правому ко стремячку къ булат-
нему » ¹⁾.

165 Тутъ Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболѣю на одно ушко,
Скорешенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ,

170 Подходить онъ къ Соловью къ разбойнику,

Говорилъ онъ Соловью таковы слова:

— Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему,

---

¹⁾ Стихъ опять таковъ:

И прикованъ онъ ко правому ко стремячку,
Ко стремячку ко булатному. Б.

- Воскричи-тко ты, злодѣй, по-звѣриному!—
 Говорилъ Соловей князю Владиміру:
- 175 « Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 « Я сегодня не у васъ вѣдь обѣдаю,
 « Не васъ я хочу и слушати,
 « А обѣдаю у стараго казака Ильи Муромца,
 « И его хочу я слушати ».
- 180 Говорилъ Владиміръ Ильѣ Муромцу:
 — Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
 — Прикажи-тко засвистать по-соловьему,
 — Прикажи-тко воскричать по-звѣриному!—
 Говорить Илья Соловью разбойнику:
- 185 « Засвищи-тко ты, Соловей, по-соловьему,
 « Воскричи-ка, Соловей, по-звѣриному! »
 Говорилъ Соловей Ильѣ Муромцу:
 « Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
 « Мои раночки кровавы запечатались,
- 190 « И не ходять уста мои сахарнія:
 « Не могу я засвистать по-соловьему
 « И не могу я воскричать по-звѣриному ».
 Говорилъ Илья князю Владиміру:
 « Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
- 195 « Наливай-ка ты чару зелена вина,
 « Не малую стопу—полтора ведра,
 « И разводи-тко медамы стоялыма,
 « Подноси-тко ты къ Соловью ко разбойнику:
 « Тутъ уста его сахарнія расходятся,
- 200 « И онъ засвищетъ намъ по-соловьему,
 « Воскричитъ онъ намъ по-звѣриному ».
 Владиміръ князь стольно-Кіевскій
 Скорешенько шелъ въ палату бѣлокаменну,
 Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,
 205 И не малую стопу—полтора ведра,
 Разводилъ-то медамы стоялыма,
 Подносилъ-то къ Соловью ко разбойнику.
 Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ
 Принималъ онъ эту чару одной рукой,

210 Испиваль эту чару за единый духъ.

Говорилъ ему Илья Муромецъ:

« Засвищи-тко ты, Соловей, столько въ полсвиста со-
ловьяго,

« Закричи-тко столько въ полкрика звѣринаго » ¹⁾.

Какъ засвисталъ Соловей по соловьему,

215 Закричалъ, злодѣй, онъ по звѣриному;

Отъ этого отъ посвиста соловьяго,

Отъ этого отъ покрика звѣринаго

Очень великъ шумъ пошелъ:

Темные лѣса къ землѣ поклонились,

220 На теремахъ маковки покривились,

Околенки хрустальныя поразсыпались,

Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ,

А Владиміръ князь столько-Кіевскій

Стоить—куньей шубонькой укрывается.

225 Ильѣ Муромцу это дѣло не слюбилося.

Садился-то Илья на добра коня,

Ѣхалъ Илья въ раздольице чисто поле,

Срубилъ Соловью буйну голову,

Рубилъ ему головку, выговаривалъ:

« Полно-тко тобѣ слезить отцевъ-матерей,

« Нолно-тко вдовить женъ молодыхъ,

« Полно спущать сиротать малыхъ дѣтушекъ!»

Тутъ Соловью и славу поють ²⁾.

¹⁾ Стихи слѣдуетъ раздѣлить и дополнить по вышеприведеннымъ образцамъ. *Б.*

²⁾ То-есть, тутъ Соловью и конецъ. *Б.*

5.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ДОЧЬ.

(Гильферд. № 77).

- На славной на Московской на заставы
Стояло двѣнадцать богатырей безъ одинаго.
По нихъ, по славной Московской заставы,
Иѣхотою никто не прохаживаль,
5 На добромъ конѣ никто не проѣзживаль,
Сѣрый звѣрь не прорыскиваль,
Птица черный воронъ не пролетываль.
Проѣхала паленичища удалая,
Конь подъ нею какъ сильна гора,
10 Паленица на конѣ какъ сѣнна копна;
И надѣта на головушку у ней шапочка пушистая.
Пушистая шапочка и завѣсистая:
Спереду-то не видать лица румянаго,
И сзади не видно шеи бѣлыя.
15 Она ѣхала, собака, насмѣялася,
Не сказала Божьей помочи богатырямъ,
Проѣхала въ раздольце въ чисто поле,
Стала по соловьему посвистывать,
И стала-то во всю голову покрикивать,
20 Кличетъ-выкликаетъ поединщика,
Супротивъ себя да супротивника:
« Ежели Владиміръ князь стольно-Кіевскій
« Не дасть онъ мнѣ поединщика,
« Супротивъ меня да супротивника,
25 « Самого-то я Владимира подъ мячъ ¹⁾ склоню,
« Подъ мячъ склоню, да голову срублю,
« Черныхъ мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
« Божьи церкви всѣ на дымъ спущу ».
Стоять богатыри, пораздумались.

¹⁾ Мечъ.

- 30 Говорить-то старый казакъ Илья Муромецъ:
 « Ай же вы, братъица мои крестовые,
 « Дружинушка добрая, хоробрая!
 « Стоимъ мы на славной Московской на заставы ¹⁾;
 « По той ли по славной Московской заставы
- 35 « Пѣхотою никто не прохаживаль,
 « На добромъ конѣ никто не проѣзживаль,
 « Сѣрый звѣрь не прорыскиваль,
 « Птица чернѣй воронъ не пролетываль:
 « Проѣхала паленичища удалая,
- 40 « Ъхала, собака, въ глазахъ насмѣялася,
 « Не сказала Божьей помочи богатырямъ.
 « На головкѣ у ней шапочка пушистая,
 « Пушистая у ней шапочка и завѣсистая:
 « Спереду-то не видать лица румянаго
- 45 « И сзади не видно шеи бѣлыя.
 « Ъздить-то она по раздольицу чисту полю,
 « Посвистываетъ она по соловьему,
 « Покрикиваетъ она во всю голову,
 « Выкликаетъ она поединщика,
- 50 « Супротивъ себя да супротивника.
 « Кого же намъ послать въ раздольице въ чисто поле
 « Поотвѣдати-то силы у поганаго? »
 — Послать молода Алешеньку Поповича.—
 Повыѣхаль Алеша во чисто поле,
- 55 Посмотрѣль на паленицу за ²⁾ сыра дуба,
 То не смѣй онъ къ паленицы и подѣхати;
 Поскорешенько Алеша поворотъ держаль,
 Говорилъ-то Алеша таковы слова:
 « Ай же, братъица мои крестовые!

¹⁾ Дополнено тѣмъ же пѣвцомъ въ другой разъ:

« Думаемъ думушку крѣпкую:
 Какъ бы намъ сохранить стольно-Кіевъ градъ,
 И какъ бы намъ оберечь каменна Москва,
 И какъ бы намъ сохранить святая Русь,
 Чтобъ не ѣздили татары на святой Руси,
 Не побивали бѣ мужичковъ святорусьскіихъ. *Ред.*

²⁾ Изъ-за.

- 60 « Хоть былъ-то я въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
 « Посмотрѣлъ на паленицу за сыра дуба,
 « И не смѣй я къ паленицы и подѣхати,
 « И не смѣлъ-то ея силушки отвѣдати ».
 — Послать молода Добрынюшку Никитинца. —
- 65 Пovýхалъ Добрыня во чисто поле,
 Подѣхалъ къ паленицы ко удалыя,
 То не смѣй у ней онъ силушки отвѣдати,
 Поскорешеньку Добрыня цоворотъ держалъ,
 И прѣхалъ онъ на Скать-гору высокую,
- 70 И говорилъ-то Добрыня таковы слова:
 « Хоть былъ-то я въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
 « Посмотрѣлъ на паленицу на удалую:
 « На правѡй-то рукѣ сидитъ соловей,
 « На лѣвѡй-то рукѣ жавроленочекъ.
- 75 « Не смѣлъ я къ паленичицѣ подѣхати,
 « Не смѣлъ я у ней силушки отвѣдати » ¹⁾.
 Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
 « А на бою-то мнѣ-ка смерть не писана:
 « Поѣду я въ раздольице чисто поле,
- 80 « Поотвѣдаю я силы у погананаго ».
 Садится-то Илья на добра коня,
 Поѣзжаетъ онъ со Скать-горы высокія.
 Говорилъ ему Добрынюшка Никитинецъ:
 — Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
- 85 — Поѣзжаешь ты въ раздольице чисто поле,

¹⁾ Стихи 53—77 имѣли въ другой разъ у Рябниина такой вариантъ:

« Намъ кого послать въ раздольице чисто поле?
 « Послать молода Алешеньку Поповича:
 « Такъ Алеша силой не силенъ,
 « Силой не силенъ, напускомъ смѣлъ;
 « Убьетъ его паленичище удалое,
 « Не будетъ богатыря на Святой Руси.
 « Послать молода Добрынюшку Никитинца:
 « Силушка въ Добрынюшкѣ великая,
 « И собой Добрыня очень обворотистый,
 « Столько Добрыня напускомъ застойсливый,
 « Застойсливый и задумсливый“. *Ред.*

- На этии побои на смертныя,
 — На этии удары на тяжелые:
 — Намъ куда велишь итти, да куда ѣхати?—
 Говорилъ-то старый казакъ Илья Муромецъ:
- 90 « Ай же, братица мои крестовые!
 « Поѣзжайте-тко на гору Сорочинскую,
 « Посмотрите-тко на драку богатырскую:
 « Когда надо мною будетъ безвременнице,
 « Поспѣшайте-то, братица, ко мнѣ на выруку ».
- 95 Онъ ѣхалъ по раздольицу чисту полю
 И подъѣхалъ онъ подъ гору Сорочинскую,
 Сходилъ тамъ съ добра коня богатырскаго,
 И вшелъ-то онъ на гору Сорочинскую;
 Посмотрѣлъ на паленичище удалое:
- 100 Ъздитъ паленица по чисту полю,
 Ъздитъ паленица въ полѣ, тѣшится,
 Шутить она шуточку не малую,—
 Кидаеть она палицу булатную
 Подъ эвтую подъ облаку ходячую,
- 105 Подъѣзжаетъ-то она на добромъ конѣ,
 Подхватить эту паличку одной рукой,
 То какъ лебединымъ перышкомъ иоигрываетъ;
 И не велика эта палица булатная,
 Вѣсомъ-то она да девяноста пудъ.
- 110 У стараго казака Ильи Муромца
 Его сердце богатырское приужахнулось.
 Сходилъ онъ со горы Сорочинскія,
 Приходилъ онъ къ доброму коню богатырскому,
 Паль-то онъ на бедра лошадиныя,
- 115 И говорилъ-то онъ таковы слова:
 « Ай же ты, мой бурушко косматенькой!
 « Послужи-тко ты мнѣ вѣрою и правдою,
 « Послужи по старому и по прежнему,
 « Чтобъ не побилъ бы насъ поганый во чистымъ полѣ
- 120 « Не срубилъ бы онъ моей буйной головушки,
 « Не распласталъ бы моей онъ груди бѣлыя.
 « Хоть на бою мнѣ смерть не писана,

- « Переступить сила черезъ великъ законъ ».
Садился-то Илья на добра коня,
125 Онъ ѣхалъ раздольищемъ чистымъ полемъ
И наѣхалъ паленичищу удалую,
Онъ подѣхалъ къ паленицы со бѣла лица.
Становили оны коней богатырскіихъ,
Оны сдѣлали стоворъ да промежду собой,
130 Что разѣхаться съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Приударити во палицы булатнія.
Разѣхались съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
135 Приударили во палицы булатнія,
Оны другъ друга били нежалухою
И со всея силы богатырскія,
И били оны другъ друга по бѣлымъ грудямъ,
Какъ подъ нима были dospѣхи очень крѣпкіе:
140 У нихъ палицы въ рукахъ-то погибалися,
По макомкамъ ¹⁾ отломилися;
Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
Оны другъ друга не били, не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
145 Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
Оны сдѣлали стоворъ да промежду собой,
Что разѣхаться съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Приударить надо въ копыя Муржамецкія.
150 Какъ разѣхались съ раздольица чиста поля,
Приударили во копыя Муржамецкія,
Оны другъ друга били по бѣлой груди,
По бѣлой груди били нежалухою
И со всея силы богатырскія;
155 Подъ нима dospѣхи были очень крѣпкіе:
У нихъ копыя въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ копыя отломилися;

¹⁾ По маковки *Б*.

- Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
 Оны другъ друга не били, не ранили,
 160 Ни котораго мѣстечка не кровавили.
 Становили добрыхъ коней богатырскихъ
 И сходили со добрыхъ коней на матушку сыру землю:
 Надо биться молодчамъ имъ боемъ-рукопашкою
 И отвѣдать надо силушки великой.
- 165 Эта паленичища удалая
 Она была зла-догадлива,
 Подходила ко богатырю могучему,
 Старому казаку Ильѣ Муромцу,
 Подхватила-то его на косу бодру ¹⁾
- 170 И здынула выше головы,
 И ступила на бѣлую грудь,
 И беретъ свою рогатину звѣриную,
 Заносила руку правую выше головы
 И спустить хотѣла ниже пояса.
- 175 Тутъ по Божьему повелѣнію
 Рука правая въ плечі застоялася,
 Въ очахъ у ней свѣтъ помущается;
 Она стала у богатыря выпрашивать:
 « Ты скажи-то мнѣ, богатырь свято-русскій:
 180 « Какъ-то молодца по имени зовуть,
 « Звеличаютъ удалаго по отчеству? » ²⁾
 На бою-то Ильѣ смерть не написана.
 Разгорѣлось его сердце богатырское:
 Какъ отмахнетъ свою руку правую,
- 185 И сшибъ онъ паленицу со бѣлой груди.
 Онъ скорешенько скочилъ да на рѣзвы ноги,
 Схватилъ-то паленицу за желты кудри,
 Здынулъ онъ паленицу выше головы,
 Спустилъ-то на матушку сыру землю,
- 190 Ступилъ онъ паленицы на бѣлы груди,

¹⁾ Бодру.

²⁾ Изъ послѣдующихъ словъ паленицы видно, что она, въ случаѣ побѣды, никакъ не стала бы спрашивать объ имени и отчествѣ побѣжденнаго; поэтому я эти четыре стиха почитаю вставными.

Береть свой ножъ булатнѣй во бѣлы руки,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ю хочетъ ниже пояса.

Права рученька его въ плечѣ застоялася,

195 Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается;

Сталь у паленицы выпрашивати:

— Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка ¹⁾,

— Ты съ коѣй земли, да ты съ коѣй Литвы,

— Какъ паленицу именемъ зовутъ,

200 — Звеличаютъ удалую по отечеству?—

Говорила паленица таковы слова:

« Ай же ты, старая базыга ²⁾ ново-древняя!

« Тобѣ просто ³⁾ надо мною насмѣхатися,

« Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,

205 « Во рукахъ держишь кинжалище булатнее!

« Есть бы была я на твоей бѣлой груди,—

« Пластала бы я твои груди бѣлыя,

« Доставала бы твое сердце со печенью,

« И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,

210 « Ни твоего роду и ни племени ».

Береть свой ножъ булатнѣй во бѣлы руки,

Заносилъ онъ ручку правую выше головы

И спустить ю хочетъ ниже пояса.

Права рученька его въ плечѣ застоялася,

215 Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается,

Сталь у паленицы выпрашивати:

— Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка,

— Ты съ коѣй земли, да ты съ коѣй Литвы,

— Какъ паленицу именемъ зовутъ,

220 — Звеличаютъ удалую по отечеству?—

Говорила паленица таковы слова:

« Ай же ты, старая базыга ново-древняя!

« Тобѣ просто надо мною насмѣхатися,

« Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,

¹⁾ Проповѣдай, повѣдай. *Б.*

²⁾ Хрычѣ. *Б.*

³⁾ Легко. *Б.*

- 225 « Во рукахъ держишь кинжалище булатнее!
 « Есть бы была я на твоей бѣлой груди,—
 « Пластала бы я твои груди бѣлыя,
 « Доставала бы твое сердце со печенью,
 « И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
- 226 « Ни твоего роду и ни племени ».
 Беретъ свой ножъ булатнѣй во бѣлы руки,
 Заносилъ онъ ручку правую выше головы
 И спустить ю хочетъ ниже пояса.
 Права рученька его въ плечѣ застоялася,
- 235 — Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается,
 Сталъ у паленицы выспрашивати:
 — Скажи-ка мнѣ, паленица, попровѣдай-ка,
 — Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
 — Какъ паленицу именемъ зовутъ,
- 240 — Звеличаютъ удалую по отчеству?—
 Говорила паленица и заплакала:
 « Ай же, удаленнѣй дородный добрый молодецъ!
 « Есть-то я изъ темной орды, хороброй Литвы,
 « Есть-то я вдовина дочь ¹⁾);
- 245 « У меня была матушка калачница,
 « Калачи пекла, поторговывала,
 « Тымъ меня и воспитывала;
 « И я возрасла до полного до возраста,
 « Имѣю силу великую въ могучихъ плечахъ;
- 250 « Избирала я коня богатырскаго,
 « И послала меня матушка
 « На славну на святую Русь
 « Проповѣдати про батюшка ».
 Старый казакъ Илья Муромецъ
- 255 Скорешенько соскочить со бѣлыхъ со грудей,
 Беретъ ю за ручушки за бѣлыя
 И за нея за перстни за злаченые,
 Становилъ-то ю да на рѣзвы ноги,
 Цѣловалъ онъ ю во уста во сахарныя

---

¹⁾ И Ванька—«Удовкинъ», т.-е. вдовинъ сынъ.

- 260 И говорилъ онъ съ ней таковы слова:
 — Жилъ я въ хороброй Литвы
 — По три году поры-времени,
 — Выхаживалъ дани-выходы отъ князя Владиміра,
 — И жилъ я у твоей родителя-у-матушки,
 265 — Спалъ я на кровати на тесовыя,
 — На той на перинкѣ на пуховой,
 — У нея у самой на правой ручкѣ. —
 И называлъ ю дочерью себѣ любимую.
 Оны сѣли на добрыхъ коней богатырскихъ
 270 И поѣхали по славну по раздольицу чисту полю,
 И въ раздольицѣ чистомъ полѣ разѣхались.
 Старый казакъ Илья Муромецъ
 Послѣ бою, послѣ драки великія
 Пораздернулъ шатеръ бѣленькій полотняный,
 275 Легъ онъ спать да прохлождатися.
 А паленица-то удалая,
 Она ѣздитъ во чистомъ полѣ,
 Сама она да и пораздумалась:
 « Хоть я ѣздила на матушку святую Русь,
 280 « То я сдѣлала насмѣшку на Святой Руси:
 « Онъ назвалъ мою-то матку б.....
 « А меня-то назвалъ вы.....й.
 « А поѣду я ко городу ко Кіеву
 « И наѣду я богатыря въ чистомъ полѣ,
 285 « Убью-то я богатыря въ чистомъ полѣ,
 « Не спущу этой насмѣшки на святой Руси ».
 Подъѣзжаетъ къ шатру бѣленькому полотняну,
 Бьетъ она рогатиной звѣриной по бѣлу шатру
 Со всея со силы богатырскія.
 290 Отлетѣлъ-то шатеръ бѣленькой въ чистѣ поле:
 Спитъ Илья Муромецъ, высыпается,
 Не прохватится ото сна богатырскаго.
 Реветь-то его добрый конь, бурушко косматенькій,
 Бьетъ во матушку во сыру землю
 295 Правою ногою переднею:
 Мать сыра земля продрыгиваетъ,

- Илья Муромецъ онъ спить, не прохватится,
 Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
 Эта паленичища удалая
- 300 Бьетъ рогатиной звѣриною по его бѣлой груди:
 У Ильи-то чуденъ крестъ на воротѣ,
 Не малый крестъ—полтора пудѣ.
 Пробудился онъ отъ звона отъ крестоваго,
 Скинулъ ¹⁾ свои очи ясныя:
- 305 Стоитъ паленичища на добромъ конѣ
 Надъ верхомъ, какъ сильна гора,
 И бьетъ его рогатиной звѣриной по бѣлой груди.
 Отмахнулъ свою онъ руку правую,
 Онъ отшибъ коня-то отъ бѣлой груди;
- 310 Скорешенько скочилъ Илья на рѣзвы ноги,
 Схватилъ онъ паленицу за желтыя кудри,
 Здынулъ онъ паленицу выше головы,
 Спустилъ онъ паленицу о сыру землю,
 Спустилъ онъ паленицу, выговаривалъ:
- 315 — Не твой-то кусъ, да не тобѣ-то ѣсть
 — И не тобѣ убить Илью Муромца!—
 Ступилъ онъ паленицы на лѣву ногу
 И подернулъ паленицу за праву ногу
 Онъ ю на двое порѣзорвалъ.
- 320 Первую частиночку рубилъ онъ на мелкія куски
 И рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
 Кормилъ эту частиночку сѣрымъ волкамъ;
 А дрѣтую частиночку рубилъ онъ на мелкія куски,
 Рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
- 325 Кормилъ онъ частиночку чернымъ воронамъ.
 Тутъ паленицы и славу поють.

---

¹⁾ Вскинулъ.

6.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ и ИДОЛИЩЕ.

- Приѣзжалъ Одолище ¹⁾ поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
 Со грозою со страхомъ со великіимъ,
 Ко тому ко князю ко Владиміру,
 И становился онъ на княженецкій дворъ,
 5 Посылалъ посла ко князю ко Владиміру,
 Чтобы князь Владиміръ стольно-Кіевскій
 Ладилъ бы онъ ему поединщика,
 Супротивъ его силушки супротивника.
 Приходилъ посланникъ ко Владиміру
 10 И говорилъ посланникъ таковы слова:
 « Ты, Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 « Ладъ-ка ты поединщика во чисто поле,
 « Поединщика и супротивника съ силушкой великою,
 « Чтобы могъ онъ съ Идолищемъ поправиться. »
 15 Тутъ Владиміръ князь ужаснулся,
 Приужаснулся да и закручинился.
 Говоритъ Илья таковы слова:
 « Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
 « На бою мнѣ-ка смерть не написана,
 20 « Поѣду я въ раздольице чисто поле
 « И убью-то я Идолища поганого ».
- Обуль Илья лапотники шелковые,
 Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
 На головушку надѣлъ шляпку земли греческой
 25 И пошелъ онъ ко Идолищу къ поганому.
 И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
 Не взялъ съ собой палицы булатнія
 И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя;
 Идетъ-то дорожкой—пораздумался:
 30 « Хоть иду-то я къ Идолищу поганому,
 « Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не времячко,

---

¹⁾ Идолище.

- « И съ чимъ мнѣ съ Идолицемъ будетъ поправиться? »
 На тую пору на то времячко,
 Идетъ ему въ стрѣту каличище Иванище,
 35 Несетъ въ рукахъ клюху девяноста пудъ.
 Говорилъ ему Илья таковы слова:
 « Ай же ты, каличище Иванище!
 « Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,—
 « Сходить мнѣ къ Идолицу къ поганому? »
- 40 Не дастъ ему каличище Иванище,
 Не дастъ ему клюхи своей богатырской.
 Говорилъ ему Илья таковы слова:
 « Ай же ты, каличище Иванище!
 « Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
- 45 « Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,—
 « Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется ».
 Разсердился каличище Иванище,
 Здынулъ эту клюху выше головы,
 Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
- 50 Пошелъ каличище,—заворыдалъ.
 Илья Муромецъ одва досталъ клюху изъ сырой земли.
 И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
 Ко этому Идолицу поганому,
 Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.
- 55 Говорилъ ему Идолице поганое:
 — Ай же ты, калика перехожая!
 — Какъ великъ у васъ богатырь, Илья Муромецъ?—
 Говорить ему Илья таковы слова:
 « Толь великъ Илья, какъ и я ».
- 60 Говорить ему Идолице поганое:
 — По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
 — По многу ли Илья вашъ пива пьетъ?²—
 Говорить Илья таковы слова:
 « По стольку ѣстъ Илья, какъ и я,
- 65 « По стольку пьетъ Илья, какъ и я ».
 Говорить ему Идолице поганое:
 — Экой вашъ богатырь Илья:
 — Я вотъ по семи ведръ пива пью,

— По семи пудъ хлѣба кушаю.—

70 Говорилъ ему Илья таковы слова:

« У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,

« У ёго была корова ѣдучая:

« Она много пила-ѣла и лопнула.—

Это Идолищу не слюбилося:.

75 Схватилъ свое кинжалище булатнее

И махнулъ онъ въ калику переходящую

Со всея со силушки великія.

И пристранился Илья Муромецъ въ сторонущу малешенько,

Пролетѣлъ его мимо-то булатній ножъ,

80 Пролетѣлъ онъ на вонную сторону съ простѣночкомъ.

У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,

Схватилъ съ головушки шляпку земли греческой,

И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,

И разсѣкъ онъ Идолище на полы.

85 Тутъ ему Идолищу славу поють.

7.

ИЛЬЯ, ЕРМАКЪ и КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Отсылалъ Татаринъ Турицъ на святую Русь,

Отсылалъ онъ Турицъ и наказывалъ:

« Поѣзжайте-ка, Турицы, на святую Русь,

« И ко славному ко городу ко Кіеву,

5 « Что ни будь вы тамъ да попровѣдайте,

« Что дѣется на матушкѣ святой Руси ».

И съѣхались Турицы на святую Русь,

И пріѣхали Турицы въ стольно-Кіевъ-градъ:

Хоть отдалі-то Турицы поганые

10 Посмотрѣли на князя на Владиміра,

И пріѣхали къ Татарину поганому.

Сталъ Татаринъ у нихъ спрашивать:

« Гдѣ же вы, мои Турицы, были-побыли,

- « Что же вы, мои Турицы, видѣли? »
- 15 Говорятъ ему Турицы таковы слова:
 — То мы побыли на матушкѣ святой Руси,
 — Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
 — То мы видѣли во городѣ во Кіевѣ,
 — Какъ со матушки съ Божьей церкви
- 20 — Шла дѣвица душа красная,
 — На рукахъ книгу несла во-евангеліе.
 — Причитаючись она да слезно плакала.—
 Говорилъ Татаринъ таковы слова:
 « Ай вы глупые Турицы, неразумные!
- 25 « Не дѣвица тутъ шла душа красная,
 « А тутъ шла мать пресвятая Богородица,
 « На рукахъ книгу несла во-евангеліе:
 « Она вѣдала надъ Кіевомъ невзгодѣшку,
 « Ту она и слезно плакала ».
- 30 Снаряжается царь Калинъ со своею силушкой великою,
 Посылаетъ онъ посла въ стольно-Кіевъ-градъ,
 Ко ласкову ко князю ко Владиміру;
 Посылалъ посла, ему наказывалъ:
 « Поѣзжай-ка ты, посолъ, въ стольно-Кіевъ-градъ
- 35 « Ко ласкову князю ко Владиміру на широкій дворъ,
 « И спущай-ка ты коня на посыльный дворъ,
 « Самъ поди въ палату бѣлокаменну,
 « Креста не клади по писаному,
 « Поклоновъ не веди по ученому
- 40 « И не бей челомъ на всѣ стороны,
 « Ни самому-то князю Владиміру,
 « Ни его князьямъ подколѣннымъ ¹⁾,
 « И полагай-то ты грамоту посыльную на золотъ стулъ,
 « И пословесно князю выговаривай:
- 45 « Очистилъ бы онъ улицы стрѣleckія
 « И всѣ большіе дворы княжевецкіе,
 « Чтобы было гдѣ стоять царю Калину

---

¹⁾ *Колѣно* значить старшій въ семьѣ; слѣдовательно *подколѣнные князья*—младшіе, удѣльные князья.

« Со своею силушкой великою ».

- Приѣзжалъ посоль въ стольно-Кіевъ градъ,
50 Ко князю Владиміру на широкій дворъ,
Спускаетъ коня на посыльный дворъ,
Самъ идетъ въ палату бѣлокаменну;
На пята онъ дверь поразмахивалъ,
Креста онъ не клалъ по писаному
55 И не велъ поклоновъ по ученому,
Ни самому-то князю Владиміру
И не его князьямъ подколѣннымъ,
Полагалъ онъ грамоту посыльную на золотъ стулъ,
И пословечно онъ, собака, выговаривалъ:
60 « Ты Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Пріочишти-тко улицы стрѣлецкія
« И всѣ двory княженецкіе,
« Чтобы было гдѣ жить царю Калину
« Со своею силушкой великою ».

- 65 Поскорешенько посоль поворотъ держалъ,
Садился онъ скорехонько на добра коня
И онъ поѣхалъ по раздольицу чисту полю.

А Владиміръ князь въ палатахъ княженецкіихъ
Онъ сидитъ, да пріужахнулся;

- 70 Говоритъ Владиміръ таковы слова:
— Какъ на почестный пиръ-пированьице
— Съѣзжаются многіе русскіе могучіе богатыри
— Ко славному ко князю ко Владиміру;
— Какъ теперь вѣдаютъ на Кіевѣ невзгодушку,
75 — Такъ не ѣдутъ оны ко князю ко Владиміру,
— Сидятъ въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ,
— Во комнатахъ во богатырскіихъ!—

- На пята тутъ двери растворилися,
Приходитъ молодець въ палату бѣлокаменну,
80 Крестъ онъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки покланяется,
Самому князю Владиміру въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.

- 85 Самъ онъ пословечно выговаривать:
« Ласковый Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Посланъ я изъ застави Московской!
« У русскихъ у могучіихъ богатырей
« Есть подогнано Литвы много поганья
90 « Ко славному ко городу ко Кіеву.
« Такъ ты накладывай первы мисы чиста серебра,
« Другія мисы красна золота,
« Третьи мисы скатна жемчуга,
« Отошли-тко эты мисы во чисто поле
95 « Ко тому Татарину поганому,
« Чтобы далъ намъ поры-времени на три мѣсяца
« Очистить улицы стрѣleckiя
« И всѣ великіе двory княженецкіе ».
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
100 Шелъ скорешенько на погреба глубокіе,
Накладывалъ первы мисы чиста серебра,
А другія мисы красна золота,
А третьи мисы скатна жемчуга;
И повезъ тихій Дунаюшка Ивановичъ
105 Эты мисы ко Татарину поганому.
Даль-то имъ Татаринъ поры-времени,
Поры-времени далъ на три мѣсяца
Пріочистить улицы стрѣleckiя
И всѣ великіе двory княженецкіе.
110 Въ тую порушку въ то времячко
Ко славному ко князю ко Владиміру
Приходитъ ошѣ молодецъ въ палату бѣлокаменну,
На пятау онъ двери поразмахивать,
Крестъ онъ кладетъ по писаному,
115 Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ три-четыре на сторонки поклоняется,
Самому князю Владиміру въ особину
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
Самъ онъ пословечно выговаривать:
120 « Дядюшка Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице

«Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
 «Поотвѣдать мнѣ-ка силушки поганаго».
 Говорилъ ему Владиміръ, князь стольно-Кіевскій:

- 125 — Ай же ты, любимый мой племянникъ,
 — Молодой Ермакъ Тимоѣевичъ!
 — Не дамъ тобѣ прощеньица-благословленьица
 — Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
 — Поотвѣдать силушки поганаго:
- 130 — Ты, Ермакъ, младешенекъ,
 — Младешенекъ, Ермакъ, глупешенекъ.
 — Молодой Ермакъ, ты лѣтъ двѣнадцати,
 — На добромъ конѣ-то ты не ѣзживаль,
 — Въ кованомъ сѣдлѣ ты не сиживаль,
- 135 — Да и палицы въ рукахъ не держиваль:
 — Ты не знаешь спонаровки богатырскія:
 — Тобя побьетъ Литва поганая;
 — И не будетъ-то у насъ богатыря,
 — То намъ нѣ на кого будетъ понадѣяться.—
- 140 Говоритъ Ермакъ, поклоняется:
 «Ай же ты, дядюшка мой рѣднѣй,
 «Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 «Когда не дашь мнѣ прощеньица-благословленьица
 «Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
 145 «Поотвѣдать силушки поганаго,
 «Такъ дай-ка мнѣ прощеньице-благословленьице
 «Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
 «Посмотрѣть столько на силушку поганую.»
 Далъ ему дядюшка прощеньице-благословленьице
- 150 Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
 Посмотрѣть на силушку поганую.
 Шелъ онъ во свою палату бѣлокаменну,
 Одѣваль-то одежицу забранную;
 И шелъ онъ Ермакъ на широкій дворъ,
 155 Сѣдлалъ добра коня богатырскаго,
 Засѣдлывалъ коня, улаживалъ,
 Подкладывалъ онъ потникъ шелковенькій,
 Покладалъ на потникъ сѣделышко Черкасское,

- Подтянулъ подпружики шелковыя,
 160 Полагалъ стремяночки желѣза булатнаго.
 Пряжечки полагалъ чиста золота,
 Не для красы, Ермакъ, для угожества,
 А для-ради укрѣпы богатырскія:
 Подпруги шелковыя тянутся,—они не рвутся,
 165 Стремяночки желѣза булатнаго гнутся,—они не ломаются,
 Пряжечки красна золота они мокнуть,—не ржавѣютъ.
 Садился Ермакъ на добра коня,
 Беретъ съ собой палицу булатную,
 Беретъ вострое копье онъ Муржамецкое;
 170 Онъ повыѣхалъ въ раздольице чисто поле,
 Посмотрѣлъ на силушку погананаго:
 Нагнано-то силушки чернымъ черно,
 Чернымъ черно, какъ чернаго ворона;
 И не можетъ пропекать красное солнышко
 175 Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ;
 Вѣшнимъ долгимъ денечкомъ
 Сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати,
 Меженнымъ ¹⁾ долгимъ денечкомъ
 Черну ворону этой силы не обграть ²⁾,
 180 Осеннимъ долгимъ денечкомъ
 Сѣрой птицы вокругъ не облетѣть.
 Посмотрѣлъ Ермакъ на силушку великую:
 Его сердце богатырско не ужаснулось.
 Онъ зоветъ себѣ Бога на помощь,
 185 Въѣхалъ-то онъ въ силушку великую,
 Сталъ онъ эту силушку конемъ топтать,
 Конемъ топтать, копьемъ колоть.
 Бьетъ онъ эту силушку, какъ траву косить,
 И бился цѣлыя сутки,
 190 Не ѣдаючись и не пиваючись,
 И добру коню отдоху не даваючись;
 А въ немъ силушка велика не уменьшилась,

---

¹⁾ *Межень*—жаркая лѣтняя пора.

²⁾ *Грать*—каркать.

- И въ немъ сердце богатырско не ужъхнулось;
Въ двадцать четыре часика положенныхъ
195 Побилъ онъ эту силушку великую:
Этой силы стало въ полѣ мало ставиться.
На той Московской на заставы,
На славной на Скать-горы на высокія,
Стояло двѣнадцать богатырей безъ единого.
200 Говорилъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
« Ай же, братица мои крестовые,
« Славные богатыри святорусскіе!
« Мы стоимъ на славной Московской на заставы,
« Думаемъ мы думушку великую,
205 « Какъ намъ приступить къ этой силушкѣ поганого;
« А молодой Ермакъ Тимовеевичъ
« Бьется онъ цѣлыя суточки,
« Не ѣдаючись и не пиваючись,
« И добру коню отдуху не даваючись.
210 « Поѣзжай-ка ты, Алешенька Поповичъ, во чисто поле,
« Наложит-ко храпы крѣпкіе
« На него на плечики могучія,
« Окрѣпит-ко его силушку великую,
« Говорит-ко ты ему таковы слова:
215 « Ты, Ермакъ позавтракалъ,
« Оставь-ка намъ пообѣдати ».
Выѣхалъ Алеша Поповичъ въ чисто поле
Ко славному богатырю святорусскому,
Наложилъ онъ храпы крѣпкіе
220 На него на плечики могучія:
Онъ первые храпы пооборвалъ;
Налагалъ Алешенька Поповичъ храпы другіе:
Онъ другіе храпы пооборвалъ;
Налагалъ Алеша храпы третій:
225 Онъ и третій храпы пооборвалъ.
Поскорешенько Алеша поворотъ держалъ,
Приѣзжалъ на Скать-гору высокую,
Говорилъ Алеша таковы слова:
— Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!

- 230 — Хоть-то былъ я во раздольицѣ чистомъ полѣ,
 — То я не могъ приунять богатыря святорусскаго
 — И не могъ укротить его силушки великія:
 — Онъ трой храпы мои пооборвалъ.—
 Говорилъ Илья Муромецъ таковы слова:
- 235 « Поѣзжай-ка ты, Добрынюшка Микитинецъ,
 « Поскорешенько въ раздольице чисто поле,
 « Наложит-ко храпы крѣпкіе
 « На него на плечики могучія,
 « Окрѣпит-ко его силушку великую,
- 240 « Говори-тка ему таковы слова:
 « Ты, Ермакъ, позавтракалъ,
 « Оставь-ка намъ пообѣдати ».
 Выѣзжалъ Добрыня во чисто поле
 Ко славному богатырю святорусскому,
- 245 Наложилъ онъ храпы крѣпкіе
 На него на плечики могучія:
 Онъ первые храпы пооборвалъ;
 Налагалъ Добрыня храпы другіе:
 Онъ другіе храпы пооборвалъ;
- 250 И налагалъ Добрыня храпы третьи:
 Онъ и третій храпы пооборвалъ.
 Поскорешенько Добрыня поворотъ держалъ,
 Приѣзжалъ на Скать-гору высокую,
 Говорилъ Добрыня таковы слова:
- 255 — Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
 — Хоть то былъ я во раздольицѣ чистомъ полѣ,
 — То не могъ я приунять богатыря святорусскаго
 — И не могъ укротить его силушки великія:
 — Онъ трои храпы мои пооборвалъ.—
- 260 Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ
 Самъ скорешенько садился на добра коня,
 Онъ ѣхалъ скоро на скоро въ раздольице чисто поле,
 Подъѣхалъ къ богатырю святорусскому,
 « Наложилъ онъ свои храпы крѣпкіе
- 265 На него на плечики могучія,
 Прижималъ его къ своему ретивому сердечушку,

Говорилъ онъ ему таковы слова:

« Ай же, младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ!

« Ты, Ермакъ, позавтракалъ,

270 « Оставь-ка намъ пообѣдати,

« Прикрати-тки свою силушку великую ».

Тутъ молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ,

Со этихъ побоевъ со великихъ,

Со этихъ съ ударовъ со тяжелыхъ,

275 Кровь-то въ немъ была очень младая,

Тутъ молодой Ермакъ онъ представился.

Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ

Бхалъ онъ на Скатъ-гору высокую,

Бралъ свою дружинушку хоробрую,

280 Двѣнадцать богатырей безъ единого,

Самъ-то Илья во двѣнадцатыхъ.

Поѣхали раздольищемъ чистымъ полемъ:

Отъ нихъ Литва поганая въ побѣгъ пошла.

Тутъ они скрывали ¹⁾ Татарина поганого.

285 Этотъ-то Татаринъ поганый

Даваеъ имъ заповѣдь великую

И пишеть съ ними заповѣдь онъ крѣпкую:

Будеть платить дани-выходы

Князю Владиміру исконъ до вѣку.

8.

ДОБРЫНЯ и ВАСИЛІЙ КАЗИМИРОВЪ.

(Гильферд. № 80).

У ласкова князи у Владиміра

Быль хорошъ пиръ—пированьице

На многихъ князей, на бояръ,

На русскихъ могучихъ богатырей.

¹⁾ Скрутили, захватили въ полонъ, по объясненію пѣвца.

- 5 Всѣ на пиру наѣдались,
 Всѣ на пиру напивались,
 Всѣ на пиру порасхвастались:
 Богатырь хвастать силушкой великою,
 Иный хвастать добрымъ конемъ,
 10 Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
 А разумный хвастаетъ родной матушкой,
 А безумный хвастаетъ молодой женой.
 Самъ Владиміръ князь по горенкѣ похаживать,
 Пословечно государинъ выговаривать:
 15 «Красное солнышко на вечерѣ,
 «Хорошъ честенъ пиръ идетъ на веселѣ,
 «И всѣ добры молодцы порасхвастались;
 «А мнѣ, князю Владиміру, чѣмъ будетъ похвастати?
 «Кого послать, братцы, изъ васъ повыѣхать
 20 «Во дальнія во земли въ Сорочинскія
 «Къ королю-то Бутеяну Бутеянову:
 «Отнести-то надоть дани-выходы
 «За старые годы и за нынѣшни,
 «И за всѣ времена за досюлешны,
 25 «Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ,
 «Двѣнадцать лебедей и двѣнадцать креченей,
 «И отвезти още грамоту повинную?»
 Всѣ богатыри за столикомъ утихнули,
 Приутихнули да приумолкнули,
 30 Приумолкнули всѣ, затулялися,
 Большая тулица за среднюю,
 А средняя тулица за меньшую,
 А отъ меньшей тулицы отвѣтовъ нѣтъ.
 35 Изъ за этихъ за столичковъ дубовыхъ,
 Изъ за этихъ скамеечекъ окольнихъ
 Вышелъ старый Пермилъ сынъ Ивановичъ,
 Понизешенько онъ князю поклоняется:
 — Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 — Бласлови мнѣ-ка, государинъ, словцо вымолвить!
 40 — Знаю я, кого послать повыѣхать
 — Во этия во земли во дальнія,

- Во этыя во земли Сорочинскія
— Къ королю-то Бутеяну Бутеянову
— Отнести дани и выходы
45 — За старыя годы и за нынѣшни,
— И за всѣ времена за досюлешны,
— Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ,
— И още отвезти грамоту повинную:
— Послать молода Васильюшка Казимірова.—
50 Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Береть онъ чару во бѣлы руки,
Наливаетъ онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медамы онъ стоялыма,
55 Подносилъ къ Васильюшку Казимірову.
Молодой Васильюшка Казиміровичъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется:
Онъ скорешенько вставалъ-то на рѣзвы ноги,
Принималъ эту чарочку въ бѣлы руки,
60 Принималъ эту чарочку одной рукой,
Выпивалъ эту чарочку однимъ духомъ,
Понизешенько самъ князю поклоняется:
— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Везу я дани-выходы:
65 — Столько дай-ка мнѣ во товарищахъ
— Моего-то братца крестоваго,
— Молода Добрынюшку Микитинца.—
Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Наливалъ онъ чару зелена вина,
70 Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медамы онъ стоялыма,
Подносилъ къ Добрынюшку Никитинцу.
Молодой Добрынюшка Никитинецъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется:
75 Онъ скорешенько вставалъ-то на рѣзвы ноги,
Принималъ эту чарочку въ бѣлы руки,
Принималъ эту чарочку одной рукой,
Выпивалъ эту чарочку однимъ духомъ,

Понизешенько самъ князю поклоняется:

80 « Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!

« Ъду я въ товарищахъ съ Васильюшкомъ Казиміровымъ

« И везу я дани-выходы:

« Столько дай-ка намъ още ты во товарищахъ

« Моего-то братца крестоваго,

85 « Молода Иванушка Дубровиця,—

« Ему Иванушку коней сѣдлатъ,

« Ему Иванушку разсѣдлывать,

« Ему плети подавать и плети принимать ».

Владиміръ князь стольно-Кіевскій

90 Наливаетъ чару зелена вина,

Не малую стопу—полтора ведра,

Разводилъ медамы онъ стоялыма,

Подносилъ Иванушку Дубровицю.

Молодой Иванушка Дубровичъ

95 Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется:

Онъ скорешенько вставалъ-то на рѣзвы ноги,

Принималъ эту чарочку одной рукой,

Выпивалъ эту чарочку однимъ духомъ,

100 Понизешенько онъ князю поклоняется:

« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!

« Ъду я въ товарищахъ къ Васильюшку Казимірову

« И къ молоду Добрынюшку Микитинцу ».

Становились оны на рѣзвы ноги,

105 И говорилъ Васильюшка Казиміровъ:

— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!

— Поди-тко ты на погреба глубокіе,

— Неси-тко ты дары драгоцѣнные:

— Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,

110 — И още неси ты грамоту повинную.—

Владиміръ князь стольно-Кіевскій

Скорешенько пошелъ на погреба глубокіе,

Принесъ онъ дары драгоцѣнные:

Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,

115 И още принесъ онъ грамоту повинную.

Бралъ-то дары Васильюшко подъ пазушку.

- И оны Господу Богу помолилися,
 На всѣ стороны низко поклонилися,
 Самому Владиміру въ особину,
- 120 И выходили изъ палаты бѣлокаменной
 На славный стольно-Кіевъ градъ;
 И оны думали думушку съ общая:
 Надо итти въ свои палаты бѣлокаменны,
 Сѣдлатъ-то коней богатырскіихъ
- 125 И одѣвать собѣ одѣжицы дорожнія,
 Хотя дорожнія одѣжицы, драгоцѣнныя.
 Оны сдѣлали сговоръ промежду собой,
 Гдѣ съѣхаться въ раздольицѣ чистомъ полѣ,—
 На тыхъ на дороженькахъ крестовыхъ
- 130 У славнаго у сыра дуба у Невина,
 У того у камня у Латыря.
 Пошли они въ палаты бѣлокаменны.
- Молодой Добрынюшка Микитинецъ
 Какъ вошелъ въ свои палаты бѣлокаменны
- 135 Ко своей родителю ко матушкѣ,
 Къ честной вдовы Офимѣ Александровны,
 Говорилъ-то ей Добрыня таковы слова:
 « Свѣтъ ты государыня, родна моя матушка,
 « Ты честна вдова Офимья Александровна!
- 140 « Ты безсчастнаго спородила Добрынюшку!
 « Лучше бы ты спородила Добрынюшку
 « Бѣлымъ камешкомъ горючімъ,
 « Ты бы выстала на Скать-гору высокую,
 « Ты бы бросила въ Кіянъ-море глубокое:
- 145 « Тамъ лежалъ бы этотъ камешекъ вѣкъ по вѣку,
 « Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
 « Нѣтъ, такъ бы спородила Добрынюшку
 « На гору Сарачинскую деревинкою,
 « Не для красы, не для угожества,
- 150 А для ради приѣзда богатырскаго:
 « Ко этому бы ко деревцу
 « Съѣзжались русскіе могучіе богатыри,
 « И стояло бы эта деревиночка вѣкъ по вѣку,

- « Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
- 155 « Още нѣтъ, такъ бы Добрынюшку спородила
 « Во славную во матушку Нѣпру рѣку,
 « Во Нѣпру рѣку да гоголинкою:
 « Стояла бы тамъ эта гоголиночка вѣкъ по вѣку,
 « Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости ».
- 160 Говорила честна вдова и заплакала:
 — Ай же ты, свѣтъ мое чадо милое,
 — Молодой Добрынюшка Никитинецъ!
 — Есть бы знала надъ тобою невзгодушку,
 — Тобя возрастомъ бы Добрынюшку спородила
- 165 — Во старого казака въ Илью Муромца;
 — А силушкой Добрынюшку спородила
 — Во славнаго Самсона во богатыря:
 — Тобя бы смѣлостью Добрынюшку спородила
 — Во смѣлаго богатыря Алешеньку Поповича;
- 170 — Красотою бы спородила Добрынюшку
 — Во славнаго во князя во Владиміра.—
 Стоитъ Добрынюшка и покланяется:
 « Свѣтъ ты государыня, родная моя матушка,
 « Честная вдова Офимья Александровна!
- 175 « Дай-ка мнѣ прощеньице съ благословеньицемъ
 « На тые на вѣки нерушимые ».
- Сидитъ она—горько заплакала,
 И дала ему прощеньице съ благословеньицемъ
 На тые на вѣки нерушимые.
- 180 Пошелъ Добрынюшка Никитинецъ,
 Одѣлъ собѣ одежицу дорожную,
 Хоть дорожную одежицу, драгоцѣнную,
 И бралъ съ собой одежицы запасныя,
 Не маленьенько одежицы онъ бралъ—на двѣнадцать лѣтъ;
- 185 Сшелъ-то Добрынюшка на широкій дворъ,
 Сталъ добра коня Добрынюшка засѣдывать,
 Сталъ засѣдывать да сталъ улаживать.
 Подъ сѣделышко Черкасское
 Полагалъ потничекъ онъ шелковенькій,
- 190 И полагалъ-то онъ сѣделышко Черкасское,

- Черкасское сѣделышко не держаное:
 Обсажено тое сѣделышко есть камешкомъ,
 Дорогимъ камешкомъ самоцвѣтнымъ,
 Самоцвѣтнымъ камешкомъ обзолоченымъ;
- 195 Онъ подпруженки подтягивалъ шелковеньки,
 Стремяночки полагалъ желѣза онъ булатняго,
 Прижечки-то полагалъ красна золота,
 Все не для красоты, для убожества,
 А для-ради крѣпости богатырскія:
- 200 Подпруженки шелковеньки тянутся, такъ они не рвутся,
 Булатъ-желѣзо гнется-то, не ломится,
 Пряжечки красна золота они мокнутъ, не ржавѣютъ.
 Садится тутъ Добрыня на добра коня,
 Хотитъ ѣхати Добрыня съ широка двора.
- 205 Говоритъ его родитель-матушка,
 Честна вдова Офимья Александровна:
 — Ай же ты, моя любезная семеюшка,
 — Молода Настасья дочь Микулична!
 — Ты чего сидишь во теремѣ, въ златомъ верху?
- 210 — Али надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
 — Закатается-то наше красное солнышко
 — За эти за лѣсушки за темные
 — И за тыя за горы за высокія:
 — Съѣзжаетъ-то Добрыня съ широка двора.
- 215 — Поди-ка ты скоренько на широкій дворъ,
 — Зайди-ка ты къ Добрынѣ съ бѣла личика,
 — Подойди къ нему ко правому ко стремячку булатному,
 — Говори-ка ты Добрынѣ не съ упадкою:
 — « Куда, Добрыня, ѣдешь, куда путь держишь,
- 220 — « Скоро ль ждаты намъ велишь, когда сожидать,
 — « Когда велишь въ окошечко посматривать? »—
 Молода Настасья Микулична
 Скорешенько бѣжала на широкій дворъ
 Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
- 225 Въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
 Зашла она къ Добрынѣ съ бѣла личика,
 Подошла къ нему ко правому ко стремячку булатному,

- И говорила-то ему да не съ упадкою:
 — Свѣтъ ты моя любимая сдержавушка,
 230 — Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
 — Далече ли ѣдешь, куда путь держишь?
 — Скоро ль ждать намъ велишь, когда сожидать,
 — Ты когда велишь въ окошечко посматривать?—
 Говорить-то ей Добрыня таковы слова:
 235 « Ай же ты, любимая семеюшка,
 « Молода Настасья Микулична!
 « Когда ты стала у меня выпрашивать,
 « Я стану про то тебѣ высказывать:
 « Перво шесть годовъ поры-времени—то жди за меня,
 240 « Друго шесть годовъ поры-времени—пожди за себя;
 « Исполнится того времени двѣнадцать лѣтъ,
 « Тогда прибѣжитъ мой богатырскій конь
 « На вашъ ли на вдовиный дворъ,
 « Ты въ тую пору-времячко
 245 « Сходи-тко въ мой зеленый садъ,
 « Посмотри на мое сахарное на деревцо:
 « Налетитъ тогда голубъ со голубушкою,
 « И будутъ голубъ со голубушкою погуркивать:
 « Побить-то Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
 250 « Поотрублена его буйна головушка
 « И пораспластаны Добрынины груди бѣлыя.
 « Такъ въ тую пору-времячко
 « Хоть вдовой живи, а хоть за мужъ поди,
 « Не ходи-тко только за мужъ за богатыря,
 255 « За смѣлаго Олешеньку Поповича,
 « За того за бабьяго насмѣшника:
 « Олешенька Поповичъ мнѣ названный братъ ».

Только видѣли молодца на конѣ сядучись,
 А не видѣли со двора его поѣдучись.
 260 Со двора-то онъ поѣхалъ не воротамы,
 То онъ съ города-то ѣхалъ не дорожною,
 Ёхалъ черезъ стѣны городовыя.
 Какъ онъ повыѣхалъ въ раздольице чисто поле,

- Похотѣлъ онъ испытать добра коня богатырскаго,
 265 Поотвѣдать его силушки великія:
 Бралъ онъ плеточку шелкову во праву руку,
 Билъ-то онъ плеткою по тучной бедра
 Изъ всея силушки великія,
 Давалъ ему удары онъ тяжелые,—
 270 Пошелъ его добрый конь чистымъ полемъ,
 Сталъ онъ по раздольицу поскакивать,
 Съ горы на гору онъ перескакивать,
 Съ холмы на холму перемахивать,
 Мелкія озерка-рѣченьки промежъ ногъ спущалъ.
 275 Такъ не молвія ¹⁾ тутъ по чисту полю промолвила,
 Проѣхалъ-то Добрыня на добромъ конѣ.
 Подѣхалъ онъ къ сыру дубу ко Невину,
 Ко славному ко камени ко Латырю,
 Наѣхалъ-то своихъ братищевъ крестовыхъ,
 280 Дружинушку хоробрую.
 Оны съѣхались молодцы, поздоровкались,
 Становили добрыхъ коней богатырскихъ,
 Сходили молодцы съ добрыхъ коней,
 Погуляли оны по полю пѣхотою,
 285 Оны думушку-то думали за общая,
 Оны звали собѣ Бога на помочъ
 И во вторыхъ еще Пречисту Богородицу.
 Садились молодцы-то на добрыхъ коней,
 Брали оны вѣрный планъ во ясны очи
 290 И поѣхали раздольищемъ чистымъ полемъ.

Въ день ѣдутъ по красному по солнышку,
 Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
 Времячко-то идетъ день за день,
 День за день, какъ трава растеть,
 295 Годъ за годъ, какъ вода текеть,
 Прошло-то поры-времячка по три году.
 Съѣхали во орды-то во дальныя,

¹⁾ Вмѣсто „молнія“.

- Во эту во землю въ Сорочинскую,
 Во тыя мѣста во невѣрныя.
 300 Приѣхали къ королю Бутеяну на широкъ дворъ,
 Соскочили молодцы оны съ добрыхъ коней.
 Молодой Васильюшка Казиміровъ
 Отстенуль ¹⁾ свое копые мурзамецкое
 Отъ праваго отъ стремени булатнаго,
 305 Спустилъ копые во матушку сыру землю вострымъ кон-
 цемъ,
 Онъ пристегивалъ добрыхъ коней и привязывалъ,
 А никого онъ къ конямъ не приказывалъ,
 Да и не спущалъ онъ коней на посыленъ дворъ.
 Бралъ онъ даровья подъ пазушку,
 310 Самъ пошелъ въ палаты бѣлокаменны
 Со своей дружинишкой хороброю;
 Пришелъ онъ въ палату бѣлокаменну,
 На пята онъ двери поразмахивалъ,
 Ступилъ онъ своей ножкой правою во эту палату бѣло-
 каменну,
 315 Ступилъ онъ со всея со силы богатырскія:
 Всѣ столики въ палатѣ сворохнулись,
 Всѣ околени хрустальны поразсынались,
 Всѣ Татаровья другъ на друга оглянулись.
 Какъ вошли оны въ палату бѣлокаменну,
 320 Оны Господу Богу помолилися.
 Крестъ-отъ клали по писаному,
 Вели оны поклоны по ученому,
 На всѣ на три, на четыре на сторонки покланялися,
 Самому-то королю въ особину
 325 И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
 Полагали оны дани-выходы на золотъ столъ
 Къ королю-то Бутеяну Бутеянову:
 Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
 И положили още грамоту повинную.
 330 Король Бутеянъ Бутеяновичъ

---

¹⁾ Отстенуль.

- Принимаетъ эти дани за двѣнадцать лѣтъ
 И принимаетъ грамоту повинную,
 И относитъ на погребѣ глубокіе;
 И садитъ онъ богатырей съ собою за единый столъ,
 335 То не ѣствушкой кормитъ ихъ сохарнею,
 Да и не питьцемъ поитъ онъ ихъ медвянымъ,
 Говорилъ имъ король таковы слова:
 -- Ай же вы, удаленьки дородни добры молодцы,
 — Богатыри вы святорусскіе!
- 340 — Кто изъ васъ гораздъ играть въ шашки-шахматы,
 — Во славны во велеи ¹⁾ во нѣмецкія?—
 Говорилъ ему Васильюшка Казимировичъ:
 « Ай же, король Бутеянь Бутеяновичъ!
 « Я не зналъ твоей утѣхи королевскія
 345 « И не зналъ твоей ухватки богатырскія,—
 « А у насъ всѣ игроки дома оставлены;
 « Столько мы надѣмся на Спаса и Пресвятую Богородицу,
 « Во третьихъ на младаго Добрынюшку Микитинца ».
 Приносили къ нимъ доску шашечну.
- 350 Молодой Добрынюшка садился за золотъ столъ,
 Сталъ играть съ королемъ въ шашки-шахматы,
 Во славны во велеи во нѣмецкія.
 Со тоя онъ великія горячности
 На той дощечкѣ на шашечной
- 355 Просмотрѣлъ ступень шашечный,—
 Король обыгралъ Добрынюшка Микитинца первый разъ,
 И говоритъ Добрынюшка Микитинецъ:
 « Ай же, братица мои крестовые, дружинюшка хоробрая!
 « Не бывать-то намъ на святой Руси,
 360 « Не видать-то намъ свѣту бѣлаго:
 « Проигралъ я свои головушки молодецкія
 « Во славныя во шашки во шахматы
 « И во эты во велеи во нѣмецкія! »
 Сыгралъ Добрынюшка-то другой разъ,
 365 Другой-то разъ короля пообыгралъ,

---

¹⁾ Тавлеи—Г.

- Сыграли оны и третій разъ,
 Третій разъ онъ короля пообыгралъ.
 Это дѣло королю не слюбилось,
 Не слюбилось это дѣло, не въ любви пришло.
- 370 Говорилъ ему король таковы слова:
 — Вы удаленьки дородни добры молодцы,
 — Богатыри вы святорусскіе!
 — Кто изъ васъ гораздъ стрѣлять изъ луку изъ каленаго,
 — Прострѣлить бы стрѣлочка каленая
- 375 — По тому острою по ножовому,
 — Чтобы прокатилася стрѣлочка каленая
 — На двѣ стороны вѣсомъ равна
 — И попала бы въ колечико серебряно. —
 Говорилъ ему Васильюшка Казиміровичъ:
- 380 « Ай же, король Бутеянъ Бутеяновичъ!
 « Я не зналъ твоей утѣхи королевскія
 « И не зналъ твоей ухватки богатырскія, —
 « А у насъ всѣ стрѣлки дома оставлены;
 « Столько есть надѣюшка на Спаса и на Пресвяту Бого-
 родицу,
- 385 « Во третьихъ на младаго Добрынюшка Микитинца ». —
 Говорилъ король Бутеянъ Бутеяновичъ:
 — Ай же вы, слуги мои вѣрные, богатыри могучіе!
 — Подите-ка на погреба глубокіе,
 — Несите-тко мой тугій лукъ разрывчатый. —
- 390 Идутъ туда три богатыря могучіихъ
 И несутъ тугій лукъ разрывчатый,
 Подносятъ къ Добрынюшку Микитинцу.
 Молодой Добрынюшка Микитинецъ
 Принимаетъ этотъ лукъ одной рукой,
- 395 Одной рукой, ручкой правою;
 Сталь Добрынюшка онъ стрѣлочки накладывать,
 Сталь Добрынюшка тетивочки натягивать,
 Сталь тугій лукъ разрывчатый покрывать,
 Шелковыя тетивочки полопывать.
- 400 Онъ порозорвалъ этотъ лукъ и весь повыломалъ,

- И королю говорилъ не съ упадкою,
И говорилъ Добрыня таковы слова:
« Дрянное лученышко пометное:
« Не съ чего богатырю святорусскому повыстрѣлить! »
- 405 Этотъ король Бутеянь Бутеяновичъ
Послалъ дружинишку хоробрую на погреба глубокіе,
Десять сильныхъ богатырей,
Принести самолучшій тугій лукъ,
Что было съ чего богатырю святорусскому повыстрѣлить.
- 410 Идутъ десять могучіихъ богатырей на погреба глубокіе,
На носилочкахъ несутъ королевскій лукъ,
Подшли къ молоду Добрынюшку Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Принимаетъ этотъ лукъ одной рукой,
- 415 Одной рукой, ручкой правою;
Сталъ Добрынюшка онъ стрѣлки накладывать,
Сталъ Добрынюшка тетивочки натягивать,
Сталъ королевскій тугій лукъ покрякивать,
Шелковыя тетивочки полопывать.
- 420 Онъ порозорвалъ этотъ лукъ и весь повыломалъ,
И королю говорилъ не съ упадкою,
И говорилъ Добрыня таковы слова:
« Дрянное лученышко пометное:
« Не съ чего богатырю святорусскому повыстрѣлить!
- 425 « Ай же, мой братецъ крестовый,
« Молодой Иванушка Дубровичъ!
« Поди-тко скоренько на широкъ дворъ
« Къ моему коню ко богатырскому,
« Подойди ко правому ко стремячку къ булатному,
- 430 « Отстени-ка ¹⁾ мой тугій лукъ разрывчатый
« Отъ праваго отъ стремячка булатнаго,
« Завозное лученышко, дорожное ²⁾ ».
Шелъ Иванушка на широкій дворъ.
Подошелъ къ доброму коню богатырскому

¹⁾ Отстегни.

²⁾ Дорожное.

435 И ко правому ко стремячку къ булатному,
 Отстенулъ онъ тугій лукъ разрывчатый,
 Положилъ его подъ правую подъ пазушку,
 Пошелъ онъ во палату бѣлокаменну.
 У молода Добрынюшка Микитинца

440 Въ тотъ тугій лукъ разрывчатый въ тупой конецъ
 Введены были гуселышка яровчаты.
 Какъ сыгралъ Иванушка Дубровичъ въ гуселышка яров-
 чаты,

Вси тутъ игроки пріумолкнули,
 Вси скоморохи пріослухались:

445 Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
 На бѣлоемъ не видано.
 Приносиль-то тугій лукъ разрывчатый,
 Подавалъ Добрынюшкѣ Микитинцу.
 Молодой Добрынюшка Микитинецъ

450 Бралъ свой тугій лукъ разрывчатый,
 И скорешенько становился на рѣзвы ноги,
 И становился супротивъ ножа булатнаго,
 И наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
 Натянулъ тетивочку шелковеньку,

455 И спустилъ онъ тетивочку шелковеньку
 Во эту ю во стрѣлочку каленую;
 Прокатилась эта стрѣлочка каленая по острою по ножо-
 вому

На двѣ стороны вѣсомъ равна,
 Пролетѣла прямо въ колечико серебряно.

460 И сдѣлалъ онъ три выстрѣла,
 И не сдѣлалъ ни великой, ни малой ошибочки:
 И во всѣ три выстрѣла
 Пропустилъ онъ стрѣлочку каленую
 По тому острою по ножовому въ колечико серебряно.

465 Сталъ стрѣлять король Бутеянь Бутеяновичъ
 Въ тое колечико серебряно
 И по тому острою по ножовому:
 Первый разъ стрѣлилъ, черезъ перѣстрѣлилъ,
 Дрѣтвой разъ стрѣлилъ, не дострѣлилъ,

- 470 А третій разъ стрѣлилъ и попасть не могъ.
Королю это дѣло не слюбилось,
Не слюбилось это дѣло, не въ любви идетъ.
Говорить король таковы слова:
— Ай же вы, богатыри святорусскіе!
- 475 — Кто изъ васъ гораздъ бороться объ одной ручкѣ?
— Подите-ка на мой широкій дворъ
— Съ моима могучима богатырмы поборотися.—
Говорилъ ему Васильюшка Казиміровичъ:
« Ай же, король Бутеянь Бутеяновичъ!
- 480 « Я не зналъ твоей утѣхи королевскія
« И не зналъ твоей ухватки богатырскія,—
« А у насъ всѣ борцы дома оставлены;
« Столько есть надѣюшка на Спаса и Пресвятую Богородицу,
« Во третьихъ на младаго Добрынюшка Микитинца ».
- 485 Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Пошелъ онъ на широкій дворъ
Съ Татарами поганыма боротися;
А король Бутеянь-то Бутеяновичъ,
Да Васильюшка Казиміровъ съ Иванушкомъ Дубровичемъ
- 490 Пошли на балконы королевскіе
Смотрѣть на борьбу богатырскую.
Вышелъ Добрыня на широкій дворъ,
Посмотрѣлъ какъ на Татаровой поганныхъ,—
Стоять Татаровья престрашные,
- 495 Престрашные Татаровья, преужасные:
Во плечахъ у нихъ такъ велика сажень,
Межу глазами велика пядень,
На плечахъ головушки какъ пивной котель.
У Добрыни сердечушко ужахнулось,
- 500 Сталъ Добрыня онъ по двору похаживать,
Сталъ онъ ручушекъ къ сердечушку пошибывать,
Говорилъ Добрыня громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ онъ, во всю голову:
« Ай же, братыца мои крестовые, дружинушка хоробрая!
- 505 « Не бывать-то намъ на святой Руси,

- « Не видать-то намъ свѣту бѣлаго:
« Побьютъ-то насъ Татаровья поганые! »
Пошли къ Добрынюшкѣ Татаровья,
Сталъ Добрынюшка Татаровей отпихивать,
510 Сталъ онъ Татаровей оттолыкивать:
По двое ихъ, по трое стало по двору кататися.
Пошло къ Добрынюшкѣ цѣлыми десятками,
Добрынюшка видитъ,—есть дѣло не малое,—
Схватилъ онъ Татарина за ноги,
515 Сталъ онъ Татариномъ помахивать,
Сталъ онъ Татаровей поколачивать:
Какъ отворились-то ворота на широкъ дворъ,
Пошло оттуда силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
520 Воскричалъ тутъ Добрыня громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ кричалъ онъ, во всю голову:
« Ай же, братъица мои крестовые!
« Поспѣвайте ко мнѣ, братъица, на выручку! »
Молодой Иванушка Дубровичъ
525 Онъ скорешенько бѣжалъ на широкій дворъ:
Во тоя въ великой во горячности
Схватилъ онъ въ руки желѣзну ось,
Сталъ онъ желѣзной осью помахивати
И сталъ онъ Татаровей поколачивать.
530 Вышли они на темну орду,
Силушки стали бить, какъ трава косить,
Бились молодцы цѣлы сутки
И не ѣдаючись оны, не пиваючись.
Прошло-то поры-времячки двадцать четыре часику,
535 Силушки видъ въ нихъ не уменьшилось,
Сердце богатырское не утихнуло,
А въ орды стало силы мало ставиться.
Говорилъ король Бутянь Бутеяновичъ:
— Ай же ты, богатырь святорусскій,
540 — Молодой Васильюшка Казиміровичъ!
— Уйми своихъ богатырей святорусскіихъ.
— Оставь мнѣ-ка силы на посѣмена,

— И возьми-ка дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ:

— Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,

545 — И возьми-тко още грамоту повинную.

— А буду платить дани князю Владиміру исконъ до
вѣку.—

Молодой Васильюшка Казиміровичъ

Скорешенько онъ шелъ на широкій дворъ,

Садился на коня на богатырскаго,

550 Проѣхалъ онъ по этой по темной орды,

Наѣхалъ богатыря святорусскаго

Молода Добрынюшка Микитинца,

Налагалъ онъ храпы крѣпкіе

На него на плечики могучія,

555 И говорилъ Васильюшка Казиміровичъ:

« Остановись-ка, Добрынюшка Микитинецъ!

« Ужò вѣдь ты позавтракалъ:

« Оставь мнѣ-ка пообѣдати! »

Молодой Добрынюшка Микитинецъ

560 Послушаетъ Васильюшка Казимірова,

Остановилъ свою силушку могучую,

Покинулъ Татарина въ сторону.

Тутъ Васильюшка Казиміровичъ

Подѣхалъ къ Иванушку Дубровичу,

565 Наложилъ онъ храпы крѣпкіе

На него на плечики могучія,

Становилъ Иванушка Дубровича,

И говорилъ Васильюшка Казиміровичъ:

« Ты, Иванушка, позавтракалъ:

570 « Оставь-ка мнѣ пообѣдати,

« Украти свою силушку великую,

« Установи свое сердце богатырское,

« Оставь поганому силы на посѣмена!»

Иванушка Дубровичъ Васильюшка послушаетъ,

575 Бросилъ онъ ось желѣзную въ сторону.

И идутъ оны къ королю въ палату бѣлокаменну,

И берутъ оны дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ:

Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей

- И взяли грамоту повинную,
 580 Что платить князю-то Владиміру
 Дани-выходы отнынѣ и до вѣку.
 Говорилъ король таковы слова:
 — Садитесь-ка со мною за единый столъ,
 — Станемъ мы ѣсть ѣствушки сахарнія,
 585 — Испивать мы питьицевъ медвяныхъ.—
 Говорилъ ему Васильюшка Казиміровичъ:
 « Ты глупый король, Бутеянъ Бутеяновичъ!
 « Не учествовалъ молодецъ пріѣдучись,
 « А не ужаловать ти молодецъ поѣдучись!»
 590 Взяли оны дани подъ пазушки,
 Выходили молодцы на широкъ дворъ,
 И садились на добрыхъ коней богатырскихъ,
 И поѣхали по славному раздольицу чисту полю.
 Оны ѣдутъ-то на матушку святую Русь,
 595 Брали оны вѣрный (планъ) во ясны очи:
 Въ день ѣдутъ по красному по солнышку,
 Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
 Времячко-то идетъ день за день:
 День за день, какъ трава растеть,
 600 Годъ за годъ, какъ вода текеть,—
 Прошло-то поры-времячка по три году.
 И пріѣхали къ дорожкамъ ко крестовымъ,
 Ко славному сыру дубу ко Невину,
 Ко славному ко каменю ко Латырю.
 605 Тутъ молодцы оны разѣхались:
 Васильюшка Казиміровъ поѣхалъ ко Царю-граду,
 Иванушка Дубровичъ къ Іеросалиму,
 А Добрынюшка Микитинецъ къ стольну Кіеву.
 И молодой Добрынюшка Микитинецъ
 610 Со дальнія пути со дороженьки
 Похотѣлъ онъ раздернуть шатеръ бѣленькій полѣтняный
 И лецѣ ¹⁾ онъ спать да прокладатися.
 Онъ насыпалъ пшены лишь бѣлояровой

¹⁾ Лечь.

- Добру коню богатырскому,
615 Легъ въ шатеръ бѣленькій полотняный,
Легъ спать, да не поспѣлъ уснуть;
А на тую пору-времячко
На этотъ сырой дубъ прилетитъ голубъ со голубушкой,
И голубъ со голубушкой стали оны прогуркивать:
- 620 « Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
« Спишь ты да проклаждаешься,
« Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
« Твоя-то молода жена Настасья Микулична
« За мужъ идетъ за славнаго богатыря,
625 « За того Олешеньку Поповича. »
Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
Онъ скорешенько скочилъ тутъ на рѣзвы ноги,
Отъ добра коня отъ богатырскаго
Страхнулъ тутъ пшену бѣлоярову,
- 630 Сдернулъ свой шатеръ бѣленькій полотняный,
Онъ скорешенько сѣдлалъ добра коня,
Садился тутъ Добрыня на добра коня,
Ѣхалъ по чисту полю по раздольицу широкому,
Ѣхалъ на добромъ конѣ не жалухою,
- 635 Не жалѣлъ онъ добра коня богатырскаго:
Скакалъ его-то конь богатырский
Во всю-то пору лошадиную.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Пріѣхалъ онъ на свой на широкій дворъ,
- 640 Онъ скорешенько сходилъ со добра коня,
Онъ оставилъ коня по двору похаживать,
Самъ онъ шелъ въ палату бѣлокаменну
Во свою во комнату во богатырскую.
Пришелъ къ своей ко родителю-матушкѣ,
- 645 Ко честной вдовы Офимѣ Александровны,
Понизешенько онъ ей поклоняется:
« Здравствуешь, честна вдова Офимья Александровна!
« Я пріѣхалъ со раздольица чиста поля;
« Вчерась мы съ Добрынюшкой въ чистомъ полѣ разѣѣхались:

- 650 « Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
 « Меня послалъ ко стольну Кіеву;
 « Поклонъ послалъ Добрынюшка Микитинецъ,
 « Велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкій дворъ,
 « Сходить тобѣ велѣлъ на погреба глубокіе,
 655 « Подать велѣлъ лапотики шелковые,
 « Подать велѣлъ платице скоморовчато
 « И подать велѣлъ гуселышка яровчаты;
 « Сходить велѣлъ онъ мнѣ-ка-ва на почестный пиръ
 « Ко славному ко князю ко Владимиру,
 660 « И ко смѣлому къ Олешенькѣ Поповичу,
 « И къ молоды Настасьи Микуличной ».
 Говорила честна вдова, сама заплакала:
 — Ай же ты, мужикъ-деревенщина!
 — Во глазахъ ты, мужикъ, насмѣхаешься
 665 — И во глазахъ ты, собака, подлыгаешься:
 — Есть бы была эта славунка на святой Руси,
 — Что есть-то живъ Добрынюшка Микитинецъ,
 — Да онъ ѣздитъ по раздольицу чисту полю,
 — Не дошло бъ тебѣ, мужику, насмѣхаться
 670 — Надъ моимъ дворомъ надъ вдовинымъ,
 — Во глазахъ собакъ подлыгаться.—
 Онъ опять говорить ей, поклоняется:
 « Вчерась мы съ Добрынюшкой въ чистомъ полѣ разѣха-
 лись:
- « Добрынюшка поѣхалъ ко Царю граду,
 675 « Меня послалъ ко стольну Кіеву;
 « Поклонъ послалъ Добрынюшка Микитинецъ,
 « Велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкій дворъ,
 « Сходить тобѣ велѣлъ на погреба глубокіе,
 « Подать велѣлъ лапотики шелковые,
 680 « Подать велѣлъ платице скоморовчато
 « И подать велѣлъ гуселышка яровчаты;
 « Сходить велѣлъ мнѣ-ка-ва на почестный пиръ
 « Ко славному ко князю ко Владимиру,
 « И ко смѣлому къ Олешенькѣ Поповичу,
 685 « И къ молоды Настасьи Микуличной ».

Говорила честна вдова таковы слова:

— Ай же ты, мужикъ-деревенщина!

— Во глазахъ ты, мужикъ, насмѣхаешься

— И во глазахъ ты, собака, подлыгаешься:

690 — Есть бы была эта славушка на святой Руси,

— Что есть-то живъ Добрынюшка Микитинецъ,

— Да онъ ѣздитъ по раздольицу чисту полю,

— Не дошло бъ тебѣ, мужику, насмѣхатися

— Надъ моимъ дворомъ надъ вдовинымъ,

695 — Во глазахъ собакъ подлыгаться.—

Третій разъ говорить онъ, поклоняется:

« Честная вдова Офимья Александровна!

« Мы вмѣстѣ съ Добрынюшкой грамоты училися,

« Платица носили съ одного плеча,

700 « И хлѣба мы съ Добрынюшкой кушали по одному.

« Вчерась мы съ Добрынюшкой разѣхались:

« Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,

« Меня послалъ ко стольну Кіеву,

« Поклонъ послалъ Добрынюшка Микитинецъ,

705 « Велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкой дворъ,

« Сходить тобѣ велѣлъ на погреба глубокие,

« Подать велѣлъ лапотки шелковые,

« Подать велѣлъ платице скоморовчато,

« И подать велѣлъ гуселышка яровчаты;

710 « Сходить велѣлъ онъ мнѣ-ка-ва на почестный пиръ

« Ко славному ко князю ко Владиміру,

« И ко смѣлому къ Олешенькѣ Поповичу,

« И къ молоды Настасьи Микуличной ».

Сидитъ она и пораздумалась:

715 — Не прозналъ мужикъ-деревенщина

— Святымъ духомъ, самъ собой, про лапотки шелковые,

— И про платице скоморовчато, и про гуселышка яровчаты!—

Брала она золоты ключики,

Пшла-то на погреба глубокие,

720 Принесла ему лапотки шелковые,

И платице скоморовчато, и гуселышка яровчаты.

Какъ обуль Добрынюшка лапотики шелковые,
 Какъ и тутъ было;
 Какъ надѣль на себя платице скоморовчато,
 725 Какъ и тутъ было.

Тутъ пошелъ Добрынюшка Микитинецъ
 Къ князю ко Владиміру на почестенъ пиръ,
 Пошелъ въ палату бѣлокаменну,
 Не спрашивалъ ни придверниковъ, ни приворотниковъ,
 730 И никакихъ сторожевъ строгіихъ могучіихъ,
 И вшелъ прямо въ палату бѣлокаменну на почестенъ пиръ,
 И сажился близко печку близъ кирпичную,
 И зыгралъ онъ въ гуселышка яровчаты:
 Выигрывалъ хорѹшенько изъ Царя-града,
 735 А изъ Царя-града до Іеросалима,
 Изъ Іеросалима ко той земли Сорочинскія.
 На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
 Всѣ скоморохи пріослухались:
 Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано

740 И на бѣлоемъ игры не видано.
 Князю Владиміру игра весьма слюбилася,
 Ставалъ Владиміръ князь на рѣзвы ножки,
 Наливалъ-то онъ чару зелена вина,
 Не малую стопу—полтора ведра,
 745 И разводилъ онъ медамы стоялыма,
 Иодносилъ къ молодой скоморошины.
 Молода скоморошина скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы
 ноги,

Бралъ онъ эту чарочку въ бѣлы руки,
 Выпивалъ онъ эту чарочку однимъ духомъ,
 750 И сажился близко печку кирпичную;
 И выигралъ онъ въ гуселышка яровчаты:
 Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,
 А изъ Царя-града до Іеросалима,
 А изъ Іеросалима ко той земли Сорочинской.
 755 На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
 Всѣ скоморохи пріослухались:
 Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,

На бѣлоемъ не видано.

Князю Владиміру игра весьма слюбилася,

760 И говоритъ онъ князю Олешенькѣ Поповичу:

— Олешенька Поповичъ! Ставай-ка на рѣзвы ноги,

— Наливай-ка чару зелена вина,

— Подноси-тко къ молодой скоморошины.—

Олешенька Поповичъ ставалъ на рѣзвы ноги,

765 Наливалъ-то онъ чару зелена вина,

Не малую стопу—полтора ведра,

Разводилъ медамы стоялыма,

Подносилъ къ молодой скоморошины.

Молода скоморошина скорешенько ставаетъ на рѣзвы ноги,

770 Беретъ эту чарочку одной рукой,

Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,

И садился онъ близко печку кирпичную;

И выигралъ онъ въ гусельшка яровчаты:

Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,

775 А изъ Царя-града до Іеросалима,

Изъ Іеросалима ко той землѣ Сорочинской.

На пиру игроки всѣ приумолкнули,

Всѣ скоморохи приослухались:

Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,

780 На бѣлоемъ не видано.

Князю Владиміру игра весьма слюбилася,

И говорилъ Владиміръ таковы слова:

— Ай же, Настасьюшка Микулична!

— Наливай-ка чару зелена вина

785 — И подноси-тко къ молодой скоморошины.—

Молода Настасья Микулична

Скорешенько ставала на рѣзвы ножки,

Наливала она чару зелена вина,

Не малую стопу—полтора ведра,

790 Разводила медамы стоялыма,

Подносила къ молодой скоморошины.

Молода скоморошина скорешенько ставаетъ на рѣзвы ноги,

Беретъ эту чарочку одной рукой,

Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,—

- 795 На ногахъ стоять скоморохъ, не пошатнется,
И говоритъ скоморохъ, не мѣшается.
Видитъ князь Владиміръ, что дѣло есть не малое,
Подходитъ къ молодой скоморошины,
И зоветъ его онъ за единый столъ:
- 800 — Садись-ка съ нама ты за единый столъ:
— Перво тебѣ мѣстечко подлѣ меня,
— А другое мѣстечко подлѣ князя Олешеньки Поповича,
— А третье мѣстечко избирай-ка себѣ по любви.—
Говорилъ молодой скоморошина:
- 805 « Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Мѣсто не по любви мнѣ подлѣ тебя,
« И не люблю мнѣ мѣсто подлѣ князя Олешеньки Поповича,
« А люблю мнѣ мѣсто напротивъ молодой княгини
« Настасьи Микуличной ».
- 810 Засадился скоморошина за единый столъ,
Напротивъ молодой княгини Настасьи Микуличной,
И говорилъ онъ князю Владиміру:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Выпилъ я чарочку отъ князя отъ Владиміра;
- 815 « Позволь мнѣ-ка налить чарочку зелена вина
« И поднести князю Владиміру?»
Позволилъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій.
Наливалъ скоморошина чарочку зелена вина
И подносилъ-то князю Владиміру;
- 820 Принималъ Владиміръ чарочку одной рукой,
Выпивалъ чарочку однимъ духомъ.
Говорилъ молодой скоморошина:
« И выпилъ я чарочку отъ князя ¹⁾ Олешеньки Поповича,
« Позволь мнѣ-ка налить еще чарочку зелена вина
- 825 « И поднести князю Олешенькѣ Поповичу.»
Позволилъ ему Владиміръ князь стольно-Кіевскій.
Наливалъ скоморошина чарочку зелена вина
И подносилъ князю Олешенькѣ Поповичу;
Принималъ Олешенька чарочку одной рукой,

¹⁾ Жениха. Л.

- 830 Выпивалъ чарочку однимъ духомъ.
Говорилъ молодой скоморошина:
« Поднесъ я чарочку князю Владиміру,
« И поднесъ я чарочку князю Олешенькѣ Поповичу;
« А позволъ-ка мнѣ налить чарочку зелена вина,
835 « Поднести молодой княгини Настасьѣ Микуличной? »
Позволилъ ему Владиміръ князь стольно-Кіевскій.
Наливалъ скоморошина чарочку зелена вина,
Разводилъ медамы стоялыма,
И подносилъ Настасьѣ Микуличной,
840 И въ тую чарочку спустилъ обручный злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ оны обручались
Съ молодой Настасьею Микуличной.
Настасья Микулична скорешенько ставала на рѣзвы ножки,
Принимала эту чарочку одной рукой
845 И стала пить эта чарочка зелена вина.
Говорилъ тутъ молодой скоморошина:
« Если хошь добра, такъ пей до дна,
« А не хошь добра, такъ не пей до дна! »
Настасья Микулична, она была женщина не глупая,
850 Испила эту чарочку до донышка,—
Къ нея ¹⁾ ко устамъ ю сахарніимъ
Прикатился ея злаченъ перстень.
Какъ возьметъ она на правую на ручушку,
Со тыя со чарочки злаченъ перстень повытряхнеть,
855 И усмотрѣла свой обручный злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ обручалася
Съ молодымъ Добрынюшкомъ Микитинцемъ.
Какъ она тяпнула чарочкой о золотъ столъ,
Оперлася въ него плечика могучія,
860 И скочила-то она черезъ золотъ столъ,
И беретъ его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,

¹⁾ Здѣсь, какъ и ниже (ст. 859 и 862), и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, по особенности Олонецкаго говора встрѣчаемъ въ мѣстоименіи вставное *и*. См. статью Рыбникова «Объ особенностяхъ Олонецкаго подрѣчія», глава *Произношеніе*, II, 2. *Ред.*

- И цѣловала его во уста сахарнія,
 И называла-то любимою сдержавушкой,
 865 Говорила она рѣчь ему умильную:
 — Ай же, свѣтъ моя любимая сдержавушка,
 — Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
 — У бабѣ волосъ дологъ, а умъ коротенькій:
 — Я не послушала твоего наказу богатырскаго,
 870 — Сдѣлала я дѣло не повелѣно,
 — Побоялась я князя Владиміра.
 — Сталъ ко мнѣ Владиміръ похаживать,
 — Сталъ меня замужъ за Олешеньку посватывать,
 — И сталъ мнѣ-ка Владиміръ князь пограживать:
 875 — « Ежели не пойдешь замужъ за Олешеньку Поповича,
 — « Такъ не столько во городѣ во Кіевѣ,
 — « Не будетъ тебѣ мѣста и за Кіевомъ ».
 — Побоялась я угрозы княженецкія,
 — Пошла замужъ за богатыря Олешеньку Поповича.—
 880 Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
 Онъ скорешенько скочилъ тутъ на рѣзвы ноги,
 Схватилъ онъ Олешеньку за желты кудри,
 Стукнулъ Олешу о кирпиченъ мостъ:
 Сталъ Олешенька по мосту погалзывать ¹⁾.
 885 Говорилъ Добрыня князю Владиміру:
 « Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
 « Свою жену-то ....., ...
 « А чужую жену замужъ даешь?
 « Мужъ въ лѣсъ по дрова, а жена замужъ пошла! »
 890 Сталъ Владиміръ князь Добрыню уговаривать,
 Сталъ Добрынюшка униматися.

Тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
 Съ молодой Настасьюшкой Микуличной
 Пошелъ въ свои палаты бѣлокаменны,
 895 Ко своей родителю ко матушкѣ,
 Ко честной вдовы Офимѣ Александровны.

---

¹⁾ Елозить.

Пришелъ, матушкѣ поклонъ принесъ:

« Прости меня, родитель-матушка,

« Что не признался я тобѣ, прѣдучись съ раздольица чи-
ста поля,

900 « Ушелъ-то я безъ толку на почестенъ пиръ ».

Тутъ честная вдова Офимья Александровна

Скорешенько ставала на рѣзвы ноги,

Брала его за ручушки за бѣлыя,

За него за перстни за злаченные,

905 И цѣловала его во уста его во сахарнія,

Прижимала его къ ретивому сердечушку

И прикладывала ко бѣлому ко личушку.

Молода Настасья дочь Микулична

Скорешенько снимала съ него одежды дорожныя

910 И одѣвала-то одежду драгоцѣнную, что валучшую.

Честная вдова Офимья Александровна

Посылала скоро конюховъ любимыхъ на широкій дворъ

Убрать добра коня Добрынина,

Насыпать-то ему пшениы бѣлойровой,

915 Наливать-то ему свѣжей ключевой воды.

Тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ

Съ тоя съ пути со дороженьки

На покой улегся съ молодой Настасьей Никуличной.

Честная вдова Офимья Александровна

920 Завела она хорошъ почестенъ пиръ

Своему сыну любимому,

Молоду Добрынюшкѣ Микитинцу:

Стали править за шесть годовъ годинъ да именинъ,

Стали оны ѣсть ѣствушку сахарною,

925 Испивать стали питьицевъ медвяныхъ,

Стали оны жить да быть, долго здравствовать.

9.

ДУНАЙ - СВАТЪ.

(Гильферд. № 81).

- У ласкова князя у Владиміра
 Былъ хорошъ пиръ - пированьице
 На многихъ князей, на бояръ,
 На русскихъ могучіихъ богатырей.
- 5 Сталъ по горницы Владиміръ князь похаживать,
 Пословечно сталъ онъ выговаривать:
 « Всѣ есть добры молодцы поженены,
 « Всѣ-то красны дѣвушки замужъ даны,
 « Столько я одинъ хожу холостъ, не жененый.
- 10 « То вы знаете ль мнѣ, братцы, супротивницу,
 « Чтобы лицомъ-то была супротивъ меня ¹⁾,
 « Очушки-то у ней ясныхъ соколовъ,
 « Бровушки-то у ней черныхъ соболей,
 « Походочка была бы лани бѣлыя,
- 15 « Бѣлыя лани напольскія,
 « Напольскія лани златорогія,
 « Чтобы было мнѣ съ кѣмъ жить да быть,
 « Жить да быть, вѣкъ коротати,
 « И вамъ, молодцамъ, было бы кому поклоняться ».
- 20 Всѣ молодцы за столомъ умолкнули,
 Приумолкнули всѣ, затулялися ²⁾,
 Большая тулица за среднюю,
 Средняя тулица за меньшую,
 Отъ меньшей тулицы отвѣту нѣтъ.
- 25 За тыхъ за столиковъ дубовыхъ,
 Изъ за тыхъ скамеечекъ окольнѣихъ
 Вышелъ старый Пермилъ сынъ Ивановичъ,
 Понизешенько онъ князю поклоняется:

---

¹⁾ Владиміръ славился красотою и въ помѣщенныхъ выше былинахъ Добрыня желаетъ „спородаться красотою во князя во Владиміра“.

²⁾ Туляться—уклоняться, хорониться.

- Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
- 30 — Знаю я тебѣ княгиню супротивницу:
 — Лицюшкомъ-то она супротивъ тебя,
 — Очушки-то у ней ясныхъ соколовъ,
 — Бровушки-то у ней черныхъ соболей,
 — Походочка у ней лани бѣлая,
- 35 — Бѣлая лани напольскія,
 — Напольскія лани златорогія:
 — Будетъ съ кѣмъ тебѣ князю жить да быть,
 — Жить да быть, вѣкъ коротати,
 — И намъ молодцамъ будетъ кому поклоняться.
- 40 — Во той есть во славной Литвы,
 — У того есть у короля Литовскаго
 — Дочь прекрасная Опракса королевична;
 — Сидитъ она во теремѣ въ златомъ верху,
 — На ню красное солнышко не оппекетъ,
- 45 — Буйные вѣтрушки не оввѣютъ,
 — Многіе люди не обгальются ¹⁾.—
 Говорилъ Владиміръ таковы слова:
 « Ай же ты, Пермилъ сынъ Ивановичъ!
 « Кого мнѣ-ка послать посвататься
- 50 « За меня за князя за Владиміра
 « На прекрасной на Опраксы королевичны? »
 Говорилъ Пермилъ таковы слова:
 — Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
 — Я про то знаю, кого послать посвататься
- 55 — За тебя за князя за Владиміра
 — На прекрасной на Опраксы королевичны:
 — Послать тихія ²⁾ Дунаюшка Ивановича;
 — Онъ Дунаюшка во послахъ бывалъ,
 — Онъ Дунай много земель знавалъ,
- 60 — Онъ Дунаюшка говорить гораздъ:
 — Ему Дунаюшку и посвататься.—
 Владиміръ князь стольно-Кіевскій

¹⁾ Не обзарятся, не глазѣютъ. *Б.*

²⁾ Дунай здѣсь называется *тихимъ*, потому что таково (*тихий* и *блгый*) постоянное прозвище рѣки Дуная у Славянъ. *Б.*

- Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
65 Подносилъ-то онъ ко тихому Дунаюшку Иванову.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,
Принимаетъ эту чарочку одной ручкой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
70 Самъ говоритъ таковы слова:
«Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ъду я за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ,
« Посвататься за тебя за князя за Владиміра
« На прекрасной на Опраксы королевичны.
75 « Столько дай мнѣ во товарищахъ
« Моего-то братца крестоваго,
« Молода Васильюшка Казимірова ».
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Наливаетъ онъ чару зелена вина,
80 Не малую стопу—полтора ведра,
Подносилъ къ Васильюшку Казимірову.
Молодой Васильюшка Казиміровъ
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,
Принимаетъ эту чарочку одной рукой,
85 Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ
Самъ говоритъ таковы слова:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ъду я въ товарищахъ съ Дунаюшкой,
« Только дай намъ още въ товарищахъ
90 « Василья паробка Заморскаго:
« Ему Васильюшку коней сѣдлатъ,
« Ему Васильюшку разсѣдлывать,
« Плети подавать, плети принимать. »
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
95 Наливалъ онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Подносилъ къ Василью паробку Заморскому.
Васильюшка паробка Заморскій
Къ дѣлу онъ идетъ, не ужахнется,

- 100 Принимаетъ эту чарочку одной рукой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
« Ъду я въ товарищахъ къ Васильюшку Казимірову
- 105 « И къ тихія Дунаюшку Ивановичу. »
Оны шли въ свои палаты бѣлокаменны,
Сѣдлали добрыхъ коней богатырскіихъ,
Садились на добрыхъ коней, поѣхали
Во славную во эту въ хоробру Литву.
- 110 Пріѣхали къ королю на широкій дворъ,
Становили коней посередь двора.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Со своей дружинушкой хороброей
Шелъ онъ во палату бѣлокаменну,
- 115 На пятау онъ дверь-то поразмахивалъ,
Крестъ онъ клалъ по писаному,
Поклонъ онъ велъ по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторонки покланяется,
Самому-то королю въ особину
- 120 И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ.
Сталъ король у нихъ выпрашивать:
— Вы отколешны, удаленьки дородни добры молодцы?—
Говорилъ Дунай таковы слова:
« Есть мы со славной матушки со святой Руси
- 125 « Отъ ласкова князя отъ Владиміра ».
Король садить-то ихъ за столики дубовые,
За тыя за скамейки за окольные,
Кормилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
Поилъ-то ихъ питьицемъ медвянымъ.
- 130 Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Поднесъ къ тихому Дунаюшку Иванову.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
- 135 Беретъ онъ эту чарочку одной рукой,

- Онъ за этой чарочкой посватался
 За того за князя за Владиміра
 На прекрасной на Опраксы королевичны.
 Говорилъ ему король таковы слова:
- 140 — Глупый Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Онъ не знай ¹⁾ кого послать ко мнѣ посвататься,
 — Изъ крестьянъ ко мнѣ крестьянина богатаго,
 — Изъ бояръ мнѣ-ка боярина хорошаго,
 — Изъ богатырей богатыря могучаго:
- 145 — Онъ послалъ ко мнѣ холопину дворянскую!
 — Ай же вы, мои слуги вѣрные!
 — Вы берите-тко Дунаюшка за ручушки за бѣлыя,
 — За него за перстни за злаченые,
 — Ведите-тко на погреба глубокіе
- 150 — За него за рѣчи неумильныя.—
 Тихій Дунаюшка Ивановичъ
 Видитъ онъ: дѣло есть не малое,
 Скорешенько онъ скочить черезъ золотъ стулъ,
 Схватилъ онъ Татарина за ноги,
- 155 Сталъ онъ Татариномъ помахивать,
 Сталъ онъ Татаръ поколачивать.
 Король по застолью бѣгаетъ,
 Куньей шубой укрывается:
 — Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
- 160 — Садись-ка со мной за единый столъ,
 — Сдѣлаемъ съ тобой мы сватовство
 — За того за князя за Владиміра
 — На моей-то дочери любимыя,
 — На прекрасныя Опраксы королевичны.—
- 165 Говорилъ Дунай таковы слова:
 « Не учествовалъ молодецъ пріѣдучись,
 « То не ужаловать ти молодецъ уѣдучись:
 « Я въ честь возьму Опраксу за князя за Владиміра,
 « А не въ честь Опраксу за товарища,
- 170 « За того возьму за паробка любимаго.»

¹⁾ Сокращеніе изъ *знае*—знаеть.

- Пошелъ тихій Дунаюшка по терему,
 Сталъ онъ замочиковъ отщалкивать,
 Сталъ онъ дверцы выставливать,
 Пришелъ-то онъ въ теремъ, во златы верхи,
 175 Ко прекрасныя Опраксы королевичной.
 Прекрасная Опракса королевична
 Ходить по терему, злату верху,
 Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
 Въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чеботовъ,
 180 У ней русая коса пораспущена.
 Говорилъ ей Дунай таковы слова:
 « Ай же ты, Опракса королевична!
 « Идешь ли ты замужъ за князя за Владиміра? »
 Говорила она таковы слова:
 185 — Три года я Господу молилася,
 — Чтобъ попасть мнѣ замужъ за князя за Владиміра.—
 Тихій Дунаюшка Ивановичъ
 Беретъ ю за ручушки за бѣлыя,
 За нея за перстни за злаченныя,
 190 Цѣловалъ ю въ уста во сахарнія
 За нея за рѣчи за умильные.
 Приводилъ ю на широкій дворъ;
 Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 По славну по раздольицу чисту полю.
 195 Говорить ему Опракса королевична:
 — Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
 — Есть у меня сестрица родимая,
 — Молода Настасья королевична:
 — Она ѣздитъ въ чистомъ полѣ паленицею,
 200 — Имѣетъ въ плечахъ силушку великую;
 — Ежели наѣдетъ васъ въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
 — Съ ней не дѣлайте противности великія.—
 Раздернули шатры бѣлые въ чистомъ полѣ,
 Становили добрыхъ коней богатырскихъ,
 205 Насыпали имъ пшены бѣлояровой.
 Наѣхала Настасья королевична

- Изъ того раздольца чиста поля,
 Накатилася за нима, какъ сильна гора.
 Тихій Дунаюшка Ивановичъ
 210 Поздравствовалъ Настасью королевичну
 И говорилъ ей таковы слова:
 « Ай же ты, Настасья королевична!
 « Идетъ твоя сестрица родимая,
 « Прекрасная Опракса королевична,
 215 « За славнаго за князя за Владиміра;
 « А ты поди-тко замужъ за меня,
 « За тихія Дунаюшка Ивановича ».
 Пошла она за тихія Дунаюшка Ивановича.

- Приѣхали оны въ стольно-Кіевъ градъ,
 220 Ко князю ко Владиміру на шірокъ дворъ,
 Ихъ срѣтаетъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій
 И ведетъ ихъ во палаты бѣлокаменны;
 Накормилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
 Напоилъ-то ихъ питьищемъ медвянымъ.
 225 Сходилъ съ нима во матушку въ Божью церкву,
 Принимали-то оны златы вѣнцы,
 Выходили со матушки съ Божьей церкви,
 Пришли оны въ палаты бѣлокаменны;
 Владиміръ князь стольно-Кіевскій
 230 Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированье
 На всѣхъ на князей, на бояръ,
 На русскіихъ могучихъ на богатырей
 И на всю паленицу удалую.
 Стали испивать хмѣльныхъ напитковъ.
 235 Тихій Дунаюшка Ивановичъ
 Пьетъ напитки, да похваляется:
 « Досталъ-то я княгину про князя про Владиміра,
 « Досталъ княгину про тихія Дунаюшка Ивановича ».
 Говоритъ ему Настасья королевична:
 240 — Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
 — Не хвастай своею храбростію великою:
 — На твою-то молодецкую головушку

- Я кладу свое колечико серебряно,
— Три разъ изъ лука калену стрѣлочку повыстрѣлю,
245 — Пропущу-то скрозь колечико серебряно,
— И не сроню-то я колечика съ головушки.—
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Скорешенько ставаль на рѣзвы ноги,
И выходилъ съ ней Дунай въ чисто поле,
250 Полагаль себѣ колечико серебряно
На свою ли на головку молодецкую.
Молода Настасья королевична
Три разъ она прострѣлила въ колечико серебряно,
Пропустила стрѣлочку каленую
255 И не сбила колечика съ головушки.
Тихій Дунаюшка Ивановичъ
Становиль Настасью королевичну,
Полагаль ей колечико серебряно на головушку,
Беретъ свой тугій лукъ разрывчатый въ бѣлы руки,
260 Налагалъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку.
Тутъ ему Настасья королевична молилася:
— Ай же, тихій Дунаюшка Ивановичъ!
— У меня съ тобой есть во чревѣ чадо посѣяно,
265 — Принесу тобѣ я сына любимого:
— По колѣнца ножки въ серебрѣ,
— По локоточки рученьки въ золотѣ,
— На головушкѣ по косицамъ будутъ звѣзды частыя.
— За глупыя слова мои за женскія
270 — Копай ты въ матушку сыру землю меня по поясъ,
— Бей-ко ты меня по нагу тѣлу
— За мои за рѣчи неумильныя.—
Говорилъ Дунай таковы слова:
« Все это отвертки есть женскія! »
275 Спустилъ какъ онъ стрѣлочку каленую
Да во самое во темячко,
Убилъ онъ Настасью королевичну,
Убилъ онъ, самъ пораздумался:
« Пораспластать мнѣ было ѡй чрево женское,—

- 280 « Есть ли у меня что съ ней посѣяно? »
 Какъ распластать ей чрево женское,
 Такъ съ ней во чревѣ чадо посѣяно:
 По колѣнца ножки въ серебрѣ,
 По локоточки рученьки въ золотѣ,-
 285 На головушкѣ по косицамъ звѣзды частыя.
 Тутъ Дунаюшка и раздумался:
 « Что я сдѣлалъ двѣ головки безповинныхъ! »
 Бралъ въ руки саблю вострую,
 И палъ-то онъ на саблю вострую,
 290 Самъ говорилъ таковы слова:
 « Гдѣ пала Настасина головушка
 « И гдѣ протекла Настасья рѣка,
 « И тутъ протеки-тко Дунай рѣка ».

Исподъ эвтого сподъ мѣстечка
 295 Протекали двѣ рѣченьки быстрыхъ,
 И на двѣ струечки оны расходилися,
 И още оны въ мѣсто сходилися.

 10.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

(Гильферд. № 83).

- Молодой Иванушка Годиновичъ
 Поѣзжалъ жениться въ Золоту орду
 На прекрасной Настасѣ Митріевичной.
 Говорилъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій:
 5 « Ай же ты, Иванушко Годиновичъ,
 « Крестничекъ мой любимый!
 « Поѣзжаешь ты жениться въ Золоту орду
 « На прекрасной Настасѣ Митріевичной:
 « Что же будешь братъ съ собой?—
 10 « Силу [армію] великую,

« Али будешь братъ безсчетну золоту казну,

« Али будешь братъ одежи драгоцѣнныя? »

Говорилъ ему Иванушка Годиновичъ:

— Ай же ты, крестовый мой батюшка!

15 — Намъ не войскомъ братъ Настасью Митріевичну,

— И не дракой братъ Настасью Митріевичну,

— Не купить-то намъ безсчетной золотой казной,

— Да и не надоть мнѣ одежи драгоцѣнныя:

— А столько дай-ка мнѣ въ товарищахъ

20 — Паробка любимаго Васильюшка Заморскаго,

— Чтобъ ему Васильюшку коней сѣдлатъ,

— Да ему Васильюшку разсѣдлывать,

— Ему плеть подавать, да и плеть принимать.—

Владиміръ князь стольно-Кіевскій

25 Даетъ паробка Васильюшка Заморскаго.

Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,

День за день, какъ трава растеть,

Годъ за годъ, какъ вода текеть,

Пріѣхалъ въ Золоту орду Иванушка Годиновичъ,

30 Сталъ посватывать Настасью Митріевичну.

А съ другой стороны, съ хороброй Литвы

Наѣзжаетъ царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ

И сталъ сватать Настасью Митріевичну.

Не пошла она за сына царскаго,

35 А пошла за Иванушка Годиновича.

Иванушко Годиновъ сынъ

Взялъ въ любви Настасью Митріевичну.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали

Со своимъ со паробкомъ любимымъ

40 И со своей Настасьей Митріевичной.

Оны ѣхали раздольцемъ-чистымъ полемъ

На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,

Ускоряли-то дорожкой скоро на скоро:

Оны день ѣдутъ по красному по солнышку,

45 А ночь ѣдутъ по свѣтлomu по мѣсяцу.

Отпускалъ Иванушка Годиновичъ

- Паробка любимаго Васильюшка Заморскаго
Къ своему крестовому ко батюшку,
Ко славному ко князю ко Владимиру,
50 Отпускалъ Васильюшку, наказывалъ:
« Ты скажи, Васильюшка Заморскій,
« Что въ любви везу Настасью Митріевичну ».
Изъ того раздольица чиста поля
Наѣхалъ царскій сынъ Ѳеодоръ Ивановичъ,
55 Говорилъ Настасьѣ Митріевичной:
— Прекрасная Настасья Митріевична!
— Пошла ты за мужъ за Ивана Годиновича,
— За того работника князя Владиміра:
— А поди ты за мужъ за меня, за сына царскаго,
60 — И такъ будешь ты царицей, не работницей.—
Какъ сталъ ю сватать путемъ дорогою
Царскій сынъ Ѳеодоръ Ивановичъ,
И пошла она за сына за царскаго.
И взяли оны двое—обневолили
65 Молода Иванушка Годиновича,
Привязали его ко сыру дубу,
Самы пораздернули шатеръ бѣлополотняный,
Спать оны легли, да проклаждатися,
Въ разныя забавы заниматься.
70 Какъ оны спали-проклаждалися,
Выходили оны изъ бѣла шатра;
По Божьему по повелѣнію
Полетѣло черезъ ихъ три бѣлыхъ три лебеди.
Говорила прекрасная Настасья Митріевична:
75 — Ай же ты, Ѳеодоръ Ивановичъ!
— Захотѣлось на поносѣ мнѣ мяса лебединаго:
— Застрѣли-ка бѣлую лебедушку.—
Онъ беретъ скорешенько каленый лукъ разрывчатый,
Натянулъ тетивочки шелковеньки,
80 Наложилъ онъ стрѣлочки каленыя:
Этая стрѣлочка каленая,
Къ верху стрѣлочка поднималася,
И въ верху она свивалася,

- И пала прямо въ темя Ѳедору Ивановичу,
85 И убила до смерти Ѳедора Ивановича.
Тутъ стоитъ Настасья Митріевична,
Закручинилась и запечалилась:
Отъ бережка она откачулася,
А къ другому не прикачулася.
90 Говорить Настасья Митріевична:
— Ай же ты, Иванушка Годиновичъ!
— Прости меня во женскія во глупости,
— Возьми меня опять за себя.—
Говорилъ ей Иванушка Годиновичъ:
95 « Исполню я три заповѣди женскіихъ,
« Тогда возьму тебя за себя ».
Отвязала она его отъ сыра дуба.
Бралъ-то онъ свою саблю вострую,
Отрубилъ-то ей ножки рѣзвыя,
100 Рубилъ-то ей ножки, выговаривальъ:
« Зачѣмъ эти ноженъки рѣзвыя
« Оплетали Татарина поганого! »
И отрубилъ ей ручки бѣлыя,
Рубилъ-то ей ручки, выговаривальъ:
105 « Зачѣмъ эти рученьки бѣлыя
« Обнимали Татарина поганого! »
И отрубилъ ей уста сахарнія,
Рубилъ-то ей уста, выговаривальъ:
«Зачѣмъ эти уста сахарнія
110 « Цѣловали Татарина поганого,
« Того ли Ѳедора Ивановича! »
Садился Иванушка на добра коня
И ѣхаль Иванушка въ стольный Кіевъ градъ.
Тамъ Владиміръ стольно-Кіевскій
115 Ждетъ его съ прекрасною Настасьею Митріевичной,
А пріѣхаль Иванушка самъ собой.
Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Отводилъ его въ покои во особе:
Сталъ у его онъ выпрашивати:
120 — Какъ же, Иванушка Годиновичъ,

— Гдѣ жъ ты дѣлъ прекрасную Настасью Мятрѣвичну?—
 Отвѣчалъ ему Иванушка Годиновичъ:
 « Ай же ты, крестовый мой батюшка,
 « Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 125 « Всякій молодецъ на вѣкъ женится,
 « А не всякому женитьба удадается! »

11.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

(Гильферд. № 82.)

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
 Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву.
 Король молодца любить-жалуетъ,
 Королевна молодца во любви держить.
 5 Загулялъ добрый молодецъ, порасхвастался,
 Что ходилъ молодецъ изъ орды въ орду ¹⁾...
 Ходилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Ко славныя ко матушкѣ ко Пучай рѣкѣ,
 Стрѣлялъ-то онъ гусей, лебедей,
 10 Стрѣлялъ малыхъ перелетныхъ утушекъ.
 И по славныя по матушкѣ Пучай рѣкѣ
 Пловеть-то колода бѣлодубовая:
 На этой колоды бѣлодубовой
 Сидѣла на ней бѣлая лебедушка.
 15 Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Бралъ онъ свой тугій лукъ разрывчатый,
 Накладывалъ онъ стрѣлочку каленую
 И натягивалъ тетивочку шелковую,
 Хотитъ подстрѣлить бѣлую лебедушку.
 20 Бѣлая лебедушка поднималася

---

¹⁾ Пропускъ.

И становилася на матушку сыру землю
 Супротивъ Михайлы Потыка сына Иванова,
 Проязычила она языкомъ человѣческимъ...

(*Не кончено.*)

12.

Т О Ж Е.

(Гильферд. № 82.)

- Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Ъздилъ онъ во славну во темну орду,
 Относилъ-то дани-выходы
 За старые года и за нынѣшніе,
 5 И за всѣ времена за досюлешны,
 Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ:
 Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать крѣченей,
 Отвозилъ-то грамоту повинную
 Ко царю Лиходѣю Лиходѣеву.
 10 Воротилъ назадъ онъ дани-выходы:
 Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать крѣченей,
 Жаловалъ его царь Лиходѣй Лиходѣевичъ
 Трема кораблямы со Татарамы.
 И поѣхалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 15 По славному по синему по морюшку.
 Увидѣлъ онъ лебедку на синѣмъ морѣ,
 Говорилъ-то Татаровьямъ поганымъ:
 «Ай же вы, Татаровья поганые!
 «Можете ли злучить¹⁾ эту лебедку на синѣмъ морѣ,
 20 «Чтобъ не ранену лебедку, не кровавлену?»
 Говорятъ ему Татаровья поганые:
 — Ай же, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Долиною море долинешенько,

¹⁾ Залучить, захватить.

- Широкою море широкошенько:
 25 — Не излучить-то намъ лебедки на синемъ морѣ,
 — Чтобъ не раненой лебедки, не кровавленной.
 — Если бъ плавала лебедка по быстрѣй рѣкѣ,
 — Излучили бы лебедушку не ранену и не кровавлену.—
 Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 30 Беретъ-то свой тугій лукъ разрывчатый,
 Натянулъ онъ тетивочку шелковеньку,
 И наложилъ-то онъ стрѣлочку каленую,
 Хотитъ подстрѣлить эту бѣлую лебедушку.
 Этая бѣлая лебедушка
 35 Поднималася отъ синя моря
 На своихъ на крыльяхъ лебединныхъ,
 Садилась она на черленъ корабль,
 Обвернулась красной дѣвицей.
 Подходилъ-то къ ней Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 40 Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыя
 И за ней ¹⁾ за перстни за злаченые,
 Цѣловать хотитъ въ уста ю во сахарнія.
 Говорить-то ему красна дѣвица:
 — Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 45 — Не цѣлуй меня, красну дѣвушку:
 — Есть я роду невѣрнаго,
 — Есть я роду некрещенаго.
 — Когда свезешь на славную святую Русь,
 — И будемъ во славномъ стольно-Кіевѣ,
 50 — И сходимъ во матушку Божью церкву,
 — И доставишь во вѣрушку крещѣнную,
 — Тогда мы съ тобой примемъ золоты вѣнцы,
 — Тогда меня цѣлуй красную дѣвушку.—
 Приѣхали оны во стольно-Кіевъ градъ,
 55 Сходили во славную во матушку Божью церкву,
 Доставлялъ онъ ю во вѣрушку крещѣнную,
 Принимали оны золоты вѣнцы;
 Стали жить да быть, долго здравствовать.

---

¹⁾ За ней=за нея=за ея. *Ред.*

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ

- 60 Сталь ѣздить во раздолбице чисто поле
 На добромъ конѣ на богатырскомъ.
 И наѣхалъ онъ станъ разбойницкій въ чистомъ полѣ;
 Во томъ стану во разбойницкомъ
 Сидить красная дѣвушка подъ окошечкомъ,
 65 Плачетъ она причитаючись,
 Русую косу прижимаючись:
 — Вчерась моя косынька была призаплетена,
 — Сегодня моя косынька порастреплена,
 — Порастреплена въ полону сидить,
 70 — Въ полону сидить подъ неволею,
 — Во томъ стану во разбойницкомъ.—
 Услыхалъ то Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Повыломилъ онъ дверцы дубовыя,
 Вралъ эту дѣвушку подъ правую подъ пазушку,
 75 Садился на добра коня богатырскаго,
 Приѣхалъ Михайла въ стольно-Кіевъ градъ,
 Привозилъ-то эту красну дѣвушку.
 Усмотрѣла его молода жена,
 Прекрасная Марья Лебедь Бѣлая,
 80 Стала она да усомлятися:
 « Что ѣздитъ мой мужъ по Кіеву за б.....ы ¹⁾. »

---

¹⁾ Пропѣвши эту старину, пѣвецъ припомнилъ пропуски, которые по его словамъ нужно размѣстить такъ: послѣ 57-го стиха —

Принимали оны золоты вѣнцы,
 Оны заповѣдь великую покладали между собой:
 « Который, де, изъ насъ впереди помретъ,
 « Живому съ мертвымъ въ одинъ гробъ лежи
 « На трое сутокъ на времени.»
 Стали жить да быть, долго здравствовать.

Послѣ стиха 81-го—

И сдѣлалась она нездоровая,
 И тутъ она скоро преставилась.
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Сковалъ три прута мѣдныхъ и три желѣзныхъ,
 Сковалъ клещи желѣзные
 И приказалъ сколотить домовище великое,
 Чтобы въ одно домовище двоимъ лежи.

- Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Уходилъ онъ на царевъ кабакъ,
 Сталъ онъ упиваться въ зеленѣ вино.
- 85 На тую пору на времячко
 Изъ той изъ Литвы изъ поганой
 Приѣхалъ царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ,
 Сталъ онъ звать за себя Марью Лебедь Бѣлую;
 И пошла за него за мужъ Марья Лебедь Бѣлая.
- 90 Оны сѣли на добрыхъ коней, уѣхали,
 А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Сидитъ—пьетъ да проклаждается,
 Надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
 И приходитъ во царевъ кабакъ
- 95 Старый казакъ Илья Муромецъ,
 Говорилъ Илья таковы слова:
 — Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Ты пьешь зелено вино, проклаждаешься,
 — Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
- 100 — Твоя же молода жена,
 — Прекрасная Марья Лебедь Бѣлая

Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Зачѣмъ берешь съ собой три прутика мѣдныхъ,
 — Три желѣзныхъ и клещи желѣзные?—
 Отвѣтъ держалъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 « Ради того беру съ собой прутья мѣдные и желѣзные,
 « И клещи беру желѣзные,
 « Чтобы къ моему ко гробу не плавала змѣя подземельная
 « И не точила бы моего тѣла бѣлаго. »
 Положили ихъ въ одно домовище
 И спускали въ могилу глубокую.
 И ко тоему гробу приплываетъ змѣя подземельная.
 Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Беретъ клещи онъ желѣзные,
 Прихватилъ тую змѣю подземельную,
 И билъ ю прутьями мѣдными,
 И билъ ю прутьями желѣзными.
 И обернулась она Марьей Бѣлой Лебедью,
 И дала заповѣдь великую
 Не дѣлать впредь никакихъ пакостей.

- За мужъ ушла за Татарина поганого,
— За царскаго сына Өедора Иванова.—
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
- 105 Обулъ себѣ лапотики шелковенькіе,
Клюку онъ бралъ кости рыбьея,
Подсумокъ одѣлъ черна бархата,
На головку шляпку земли греческой,
И пошелъ онъ въ эту во темнѹ орду.
- 110 Приходилъ онъ къ Татарину поганому
Къ тому Өедору Иванову на широкъ дворъ,
Становился подъ окошечко косявчето,
Воскричалъ-то онъ во всю голову:
« Ай же ты, царскій сынъ Өедоръ Ивановичъ!
- 115 « Сотвори-тко ты мнѣ милостинку,
« Да не рублями я беру, не полтинками,
« А беру я цѣлыми тысячами ».
Какъ посмотрѣла въ окошечко
Его-то молода жена, Марья Лебедь Бѣлая,
- 120 И говорить она таковы слова:
— Ай же, мой любимый мужъ, Өедоръ Ивановичъ!
— Пришелъ ко мнѣ прежній мужъ:
— Веди его въ палаты бѣлокаменны,
— Садись-ка съ нимъ за единый столъ,
- 125 — Корми-тко его ѣствушкой сахарнею,
— Пой-ка его питьицемъ медвянымъ
— И дари-тко ему дары драгоцѣнные.—
И выходилъ-то царскій сынъ на широкій дворъ,
И просилъ къ собѣ въ палаты бѣлокаменны.
- 130 И заходили въ палаты бѣлокаменны,
Садилися за столики дубовые,
И ѣли они ѣствушки сахарніа,
Пили они питьица медвяныя.
Этотъ царскій сынъ Өедоръ Ивановичъ
- 135 Во эты во хмѣльны во напитокки
Спускалъ да зелья спящаго,
Спящаго зѣлья, забудущаго.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,

- Гдѣ ѣлъ да пилъ, тутъ и спать уснулъ.
- 140 Взяли Михайла Потыка сына Ивановича,
Стащили его во глубокъ погребъ,
Приковали къ стѣны на гвоздики.
У этого у сына у царскаго была сестра родная,
Сестра родная, дочь царская,
- 145 Прекрасная Анна королевична:
Она въ Михайлу Потыка влюбилася
И взяла—отняла его отъ стѣны прикована,
Стада его раночекъ кровавыхихъ заращивать,
Стала его добра молодца удабривать,
- 150 И ввела его во силушку богатырскую,
Во прежнюю храбрость великую.
Царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ
Поѣхалъ съ молодой женой
Съ Марьею Лебедью Бѣлою
- 155 По своему по городу погуливати.
А его сестра, дочи царская,
Прекрасная Анна королевична
Говорить Михайлы Потыку сыну Иванову:
— Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
- 160 — Поди-тко по нашему по городу:
— Гдѣ сусстигнешь сына царскаго
— Со своей со прежней молодой женой,
— Гдѣ ихъ сусстигнешь, тутъ и смерти предай.—
И сама за нимъ въ слѣдъ пошла засматривать..
- 165 Какъ онъ насмотрѣлъ ихъ по царству ѣдучись,
Такъ и увидѣла его Марья Лебедь Бѣлая,
И говорить своему мужу Ѳедору Иванову:
— Мой прежній мужъ опять живъ идетъ:
— Наливай-ка чару зелена вина
- 170 — Да спусти ему зелья спящаго.—
Царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ
Наливалъ ему чару зелена вина
И спущалъ ему зелья спящаго;
И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
- 175 Хотѣтъ эту взять чару зелена вина;

- И говоритъ ему дочи царская:
 — Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 — Не пей-ка этой чары зелена вина:
 — Если выпьешь, и самъ погинешь, и меня стубишь.—
- 180 Не пошелъ онъ за чарой зелена вина,
 Вынималъ-то саблю булатную,
 Убивалъ онъ сына царскаго
 И убилъ Марью Лебедъ Бѣлую.
 А взялъ за себя дочи царскую
- 185 Прекрасную Анну королевичну.
 И тутъ-то они стали жить да быть,
 Добра наживать, отъ лиха избывать.

13.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

(Гильферд. № 86).

- Ходили калики перехожіе изъ орды въ орду,
 Сорокъ каликъ со каликою.
 Лапотики на ножикахъ у нихъ были шелковые,
 Подсумочки сшиты черна бархата,
- 5 Во рукахъ были клюхи кости рыбьей,
 На головушкахъ были шляпки земли греческой.
 Приходили оны въ хоробру Литву,
 Ко тому королю Литовскому на широкій дворъ,
 Становились подъ косявчето окошечко
- 10 И попросили-то они милостины:
 « Ай же ты, король Литовскій!
 « Сотвори-тко намъ милостину, каликамъ перехожіимъ:
 « Не рублямы мы беремъ и не полтинамы,
 « Беремъ-то мы цѣлыма тысячами ».
- 15 Отъ ихъ отъ покриковъ богатырскіихъ
 Околенки во теремахъ поразсыпались,

Маковки во термахъ покривились.
 Король вводилъ ихъ во палаты бѣлокаменны,
 Кормилъ онъ ихъ ѣствушкой сахарнею
 20 И поилъ ихъ питьемъ медвянымъ,
 И дарилъ имъ дары драгоцѣнные.
 Говорилъ король таковы слова:
 « Не калики есте перехожіи,
 « Есть вы русскіе могучіе богатыри...—
 (*Не кончено; Рябининъ не помнилъ далѣе.*)

14.

СТАВЕРЪ.

У ласкова князя у Владиміра
 Былъ хорошъ пиръ-пированье
 На всѣхъ на князей и на бояръ,
 На русскіихъ могучихъ на богатырей
 5 И на всю паленицу удалую.
 Красное солнышко на вечера,
 Всѣ молодцы пьяны-веселы,
 Всѣ на пиру прирасхвастались,
 А только сидитъ одинъ Ставеръ сынъ Годиновичъ,
 10 Не ѣстъ не пьетъ и не хвастаетъ.
 Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
 Налилъ ему чару зелена вина,
 Не малую стопу—полтора ведра,
 Разводилъ медамы настоялыма,
 15 Подносилъ ко Ставрѣ сыну Годиновичу,
 А самъ говорилъ таковы слова:
 « Что же ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ,
 « Не ѣшь не пьешь и не кушаешь,
 « Самъ ты сидишь—ни чимъ не хвастаешь?
 20 « Или не чимъ тебѣ, молодцу, похвастати? »

- Говорить Ставеръ сынъ Годиновичъ:
 — Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 — Ощѣ есть у Ставра чимъ похвастати:
 — Мои добрые молодцы не старятся,
 25 — Мои добрые конюшки не держатся,
 — Моя золота казна не тощится;
 — Да още есть у Ставра чимъ похвастати,—
 — Есть у Ставра молода жена,
 — Молода Василиста Микулична:
 30 — Всѣхъ-то князей-бояръ приѣбманеть,
 — самого тебя Владиміра съ ума сведеть.—
 Говорилъ Владиміръ таковы слава:
 « Ай же, мои слуги вѣрные!
 « Берите-тко Ставра сына Годиновича
 35 « За него за ручушки за бѣлыя,
 « За него за перстни за злаченые,
 « И ведите-ка на погреба холодные
 « За него за рѣчи неумильныя».
 Взяли Ставра сына Годиновича
 40 За него за ручушки за бѣлыя,
 За эти за перстни за злаченые,
 И свели его на погреба холодные.

- Провѣдала его молода жена,
 Молода Василиста Микулична,
 45 Что ей любимый мужъ, Ставеръ сынъ Годиновичъ
 Въ полону сидитъ на погребѣ холодномъ.
 Въ тотъ часъ Василиста Микулична
 Пошла по палаты бѣлокаменной,
 По своей по комнаты по богатырской,
 50 Воскричала-то она во всю голову,
 Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:
 « Ай же вы, служанки мои вѣрные!
 « Поспѣвайте-ка ко мнѣ скоро на скоро,
 « Рубите-тко мои косы русыя,
 55 « Несите-ка мнѣ платица посыльные
 « Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырскаго. »

Подбѣгали къ ней служаночки вѣрныя,
 Скорѣиенько отрубили ей ты косыньки русыя,
 Одѣли ей одежицы посыльныя
 60 И засѣдлали ей добра коня богатырскаго.

Садилась Василиста Микулична
 На добра коня богатырскаго,
 Поѣхала она посломъ въ стольно-Кіевъ градъ.

Приѣхала ко князю Владимиру на широкъ дворъ,
 65 Шла она во палату бѣлокаменну,
 На пятѹ дверь поразмахивать.
 Ступила своей ножкой правою
 Во славную во гридню княженецкую:
 Столики во гриднѣ постряхнулися,
 70 Околенки хрустальны поразсыпались.

Полагала она грамоту посыльную на золотъ столъ,
 Называлась посломъ со славной земли Гленскія.
 Тутъ она у князя у Владимира
 Посваталась на прекрасной дочери любимой.

75 Говорить дочѣ князя Владимира:

« Батюшка, Владиміръ стольно-Кіевскій!

« Не выдай дѣвчины за женщину:

« Походочка у посла-то частенькая,

« На мѣсто сядетъ, ноги жметъ, вещицы бережетъ,

80 « А гдѣ на рукахъ были жуковины, тутъ и мѣсто знать. »

Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

— Ай же вы, слуги мои вѣрные!

— Истопите-тка парную баенку,

— Умыться и попариться послу во парной во баенкѣ;

85 — Я самъ схожу съ посломъ во парную во баенку.—

Истопили парную баенку,

Приходилъ посолъ во парную во баенку,

Скоро на скоро умылся и упарился,

И на стрѣту идетъ ко князю ко Владимиру.

90 Говорить Владиміръ стольно-Кіевскій:

— Что же ты, посолъ земли Гленскія,

— Скоро умылся во парной во баенкѣ?—

« Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!

- « Мое дѣло есть дорожное
 95 « И мое дѣло есть посыльное:
 « Мнѣ не долго проклаждатися во баенкѣ ».
 Пришли они въ палату бѣлокаменну,
 И просить она борца-поединщика,
 Поборотся ей надо объ одной ручкѣ ¹⁾)...
 100 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Какъ отдать Ставра, не видать Ставра,
 — А не отдать Ставра, разгнѣвить посла.—
 Приводили Ставра на широкъ дворъ
 Со славнымъ посланникомъ боротися.
 105 Середи двора они становилися,
 На борьбу-рукопашку сходилися.
 Тотъ посоль земли Гленскія
 Поборолъ Ставра сына Годиновича.
 Здынула она его со матушки со сырой земли,
 110 Становила его на рѣзвы ноги,
 Брала его за ручушки за бѣлыя,
 За него за перстни за злаченые,
 Цѣловала во уста во сахарнія,
 Называла его любимую семеюшкой,
 115 Семеюшкой, законною сдержавушкой,
 Говорила ему таковы слова:
 « Ай же, Ставръ сынъ Годиновичъ!
 « Не учись-ка впредь женою хвастати:
 « Самъ ты погинешь и меня сгубишь! »
 120 Тутъ они садились на добрыхъ коней,
 Поѣхали во свои палаты бѣлокаменны,
 Стали жить да быть, да долго здравствовать.

---

¹⁾ Здѣсь очевидно пропускъ: я обратилъ на это вниманіе пѣвца, онъ отвѣчалъ мнѣ, что Василиста поборола всѣхъ борцовъ поединщиковъ. Илья Муромца еще не было при князѣ Владимірѣ, а Добрынюшка Никитичъ былъ слабе и меньшей дочери Микулы Селяниновича, Настасьи. Тогда Василиста потребовала Ставра.

15.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

(Гильферд. № 84.)

- У ласкова князя у Владиміра
 Былъ хорошъ пиръ-пированьице
 На всѣхъ на князей и на бояръ,
 На всѣхъ могучіихъ русскихъ богатырей.
- 5 Было на томъ пиру двѣ вдовы:
 Первая вдова честна Блудова жена,
 А другая вдова была купецъ-жена.
 Ко честной вдовы честно-Блудовой жены
 Подносили къ ей чару зелена вина,
- 10 И не малую стопу—полтора ведра.
 Честная вдова честно-Блудова жена
 Поскорешенько вставала на рѣзвы ноги,
 Брала эту чарочку во бѣлы руки,
 За этой за чарочкой посваталась
- 15 За своего за сына за любимаго,
 За того Хотинушку за Блудовича,
 У честной вдовы у купецъ-жены
 На прекрасной купецъ-вдовы дочери.
 Честная вдова купецъ-жена
- 20 Поскорешенько вставала на рѣзвы ноги,
 Брала отъ ей чарочку въ бѣлы руки,
 Назадъ-то ей чарочку повыплеснула,
 Кунью шубоньку всю облила,
 К...., б.... оклескивала ¹⁾),
- 25 Говорила-то она таковы слова:
 « Глупая ты вдова, честно-Блудова жена:
 « Дойдетъ ли Офимьюшку взять за себя,
 « Да за своего Хотинушку за Блудовича?
 « Сидить-то моя Офимьюшка во теремѣ,
 30 « Во славномъ во теремѣ, въ златомъ верху:

---

¹⁾ Оклескивать, давать кличку, обзывать.

- « На ню красное солнышко не ѡпекётъ,
 « На ню буйные вѣтры не ѡввѣютъ,
 « Многіе люди не обгальятъ.
 « Какъ твой-то сынъ, Хотинка Блудовичъ,
 35 « Ъздитъ Хотинка по городу,
 « Уродуетъ ¹⁾ со своимъ со паробкомъ любимымъ,
 « Ищетъ бобоваго зерненка,
 « А гдѣ бы-то Хотинушкѣ обѣдъ сочинить».
 Честная вдова честно-Блудова жена,
 40 Со честна пира пошла она не весела,
 Прикручинивши пошла, припечаливши,
 Приклонила буйну голову къ сырой земли,
 Очи ясные втопила во сыру землю.
 Подходить-то ко своему ко терему высокому.
 45 Со того со терема высокаго,
 Со того окошечка косявчета,
 Скрозъ это хрустальное стеколышко,
 Усмотрѣлъ-то Хотинушка Блудовичъ,
 Что идетъ его матушка съ честна пира,
 50 Со честна пира идетъ она не весела;
 Выскочить Хотинушка на крутой крылецъ,
 Говорилъ Хотинушка таковы слова:
 « Свѣтъ ты, моя родимая матушка!
 « Что же ты идешь съ честна пира не весела?
 55 « Али мѣсто было въ пиру не по любви,
 « Али чарою тебя пообнесли,
 « Али пьяница-дуракъ приобгалился? »
 Говорить вдова таковы слова:
 — Свѣтъ ты, мое чадо милое,
 60 — Молодой Хотинушка Блудовичъ!
 — Мѣсто въ пиру мнѣ было по любви,
 — Чарою меня не пообнесли,
 — Да и пьяница-дуракъ не приобгалился;
 — Насмѣялась надо мною честная вдова,
 65 — Честная вдова купецъ-жена.

¹⁾ Уродовать. юродствовать.

- Подносили ко мнѣ чару зелена вина,
 — И не малую стопу—полтора ведра;
 — Я за этой чарочкой посваталась
 — За тебя Хотинушку за Блудовича
 70 — У честной вдовы у купецъ-жены
 — На прекрасной Офимьѣ купецъ-дочери.
 — Честная вдова купецъ-жена
 — Брала мою чарочку въ бѣлы руки,
 — Назадъ чарочку повыплеснула,
 75 — Мою кунью шубоньку облила,
 — Меня к....., б.... оклёскивала,
 — Говорила она мнѣ таковы слова:
 — « Глупая ты вдова, честно-Блудова жена!
 — « Дойдетъ ли Офимьюшку взять за себя,
 80 — « Да за своего Хотинушку за Блудова?
 — « Сидить-то моя Офимьюшка во теремѣ,
 — « Во славномъ во теремѣ, въ златомъ верху:
 — « На ню красное солнышко не оппекётъ,
 — « На ню буйные вѣтры не овѣвѣютъ,
 85 — « Многіе люди не обгалятся.
 — « А твой-то сынъ, Хотинка Блудовичъ,
 — « Ъздитъ Хотинушка по городу,
 — « Уродуетъ со своимъ со паробкомъ любимымъ,
 — « Ишетъ бобовьяго зерненка,
 90 — « А гдѣ бы-то Хотинушкѣ обѣдъ сочинить. » —
 Говорилъ Хотина таковы слова:
 « Свѣтъ ты, моя родимая матушка!
 « Въ честь я Офимью за себя возьму,
 « А не въ честь Офимью за товарища,
 95 « За своего ли за паробка любимого ».
- Повернется Хотина на одной ножкѣ,
 Скоро шелъ въ палаты бѣлокаменные,
 Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
 Шапочку соболью на одно ушко,
 100 Хватилъ паличку булатную подъ пазушку.
 Скоро шелъ Хотина на широкъ дворъ,
 Садился на добра коня на сѣдлана;

- Повыѣхаль Хотина во чисто поле,
Сталь онъ по чисту полю поѣзживати:
- 105 Сердце въ немъ разгорается,
Кровь-то въ немъ распылалася,—
Браль-то онъ плеточку шелковую,
Биль-то коня по тучной бедры,
Даваль ѣнъ удары великіе,
- 110 Да со всея силы богатырскія.
Такъ онъ ѣздилъ по раздольицу чисту полю,
Шуточки шутилъ онъ не малыя:
Бьдалъ палицу булатную подъ облаку,
Подъѣзжалъ-то Хотина на добромъ конѣ,
- 115 Подхватываль-то паличку одной рукой,
Какъ лебединымъ перышкомъ ноигрываль;
Не малая та паличка булатная:
Вѣсомъ-то она да девяноста пудъ.
Онъ разѣѣхался съ раздолья изъ чиста поля
- 120 Ко славному ко терему, злату верху,
Биль-то онъ палицей булатнеей
По славному по терему, злату верху,
Биль-то онъ палицей нежалухою
Со всея со силы богатырскія:
- 125 Палица въ рукахъ погибалася,
По маковкамъ она отломила,ся,
Во теремѣ околѣнки разсыпались,
На теремѣ всеѣ маковки покрѣвились.
Соскочить Хотина со добра коня,
- 130 Подходить онъ ко терему, злату верху,
Сталь онъ замочиковъ отщалкивать,
Сталь онъ дверцы выставливати;
Приходить онъ во теремъ, во златой верѣхъ:
Ходить Офимьюшка купецъ-дочѣ
- 135 По славному по терему, по злату верху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ.
У ней русая коса-то пораспущена.
Говориль Хотина ѣй Блудовичъ:

- 140 « Ай же ты, Офимьюшка, купецъ-дочи!
 « Идешь ли ты за мужъ за Хотинушка,
 « За того Хотину за Блудовича? »
 Говорить Офимья таковы слова:
 — Три года я Господу молилася,
 145 — Чтобъ попасть мнѣ за мужъ за Хотинушка
 — За того Хотину за Блудовича. —
 Бралъ-то онъ за ручушки за бѣлыя,
 За нея за перстни за злаченные,
 Цѣловаль ю во уста во сахарнія
 150 За нея за рѣчи за умильные,
 Вывелъ ю со терема, злата верха.
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 По славному по городу по Кіеву.
 Молодой Хотинушка Блудовичъ
 155 Приѣхалъ во свои въ палаты бѣлокаменны
 Ко своей ко родимой ко матушкѣ,
 Самъ-отъ говорилъ таковы слова:
 « Свѣтъ ты, моя родимая матушка,
 « Честна вдова, честно-Блудова жена!
 160 « Въ любви-то я Офимьюшку взялъ за себя ».
 Сходили-то во матушку Божью церквѣ,
 Оны Господу Богу помолилися,
 Ко Господнему кресту приложилися,
 Приняли собѣ оны чудны вѣнцы,
 165 Стали жить да быть, много здравствовать.

16.

Д Ю К Ъ.

(Гильферд. № 85.)

Снаряжался Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Изъ славнаго богатаго Волянъ-города,
 Изъ тоя Индѣюшки богатыя;

- Снаряжался Дюкѣ во стольно-Кіевѣ градѣ,
 5 Посмотрѣть хотѣть на князя на Владиміра
 И на русскихъ на могучихъ на богатырей.
 Говорить ему родна матушка,
 Честна вдова Настасья Васильевна:
 « Молодой Дюкѣ Степановичѣ, княженецкій сынѣ!
 10 « Хоть ты сряжаешься во стольно-Кіевѣ градѣ,
 « Посмотрѣть хотѣшь на князя на Владиміра
 « И на русскихъ на могучихъ на богатырей,
 « А охочь ты упиваться въ зелено вино:
 « Такъ ты не хвастай-ка своимъ художествомъ¹⁾
 15 « Супротивъ русскихъ могучихъ богатырей ».
- Садился Дюкѣ на добра коня,
 То онѣ ѣхалѣ по раздольицу чисту полю
 Ко славному ко городу ко Кіеву.
 И пріѣхалѣ къ князю ко Владиміру на широкій дворѣ,
 20 Вшелѣ-то онѣ въ палаты бѣлокаменны,
 Крестѣ-отѣ онѣ клалѣ по писаному,
 Поклоны велѣ по ученому,
 На всѣ на три на четыре на сторонки поклоняется,
 И спросилѣ-то онѣ про князя про Владиміра.
 25 Владиміра-то въ домѣ не случилось:
 Ушелѣ-то князь Владимірѣ во Божію церкву,
 Господу Богу помолитися,
 Ко Господнему кресту приложитися.
 Идетѣ Дюкѣ Степановичѣ, княженецкій сынѣ,
 30 По славному по городу по Кіеву.
 И заходилѣ онѣ во матушку во Божію церкву,
 Крестѣ-отѣ онѣ кладетѣ по писаному,
 Поклоны ведетѣ по ученому,
 На всѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
 35 Самому князю Владиміру въ особину
 И всѣмъ его князьямъ подколѣбнымъ.
 По правѣ руку Владиміра

¹⁾ Отъ *худоба*, небольшое хозяйство, имѣніе; *художество* здѣсь то же самое, что въ другихъ былинахъ „животишки сиротскіе“.

- Стоить молодой Добрынюшка Никитинецъ,
 По лѣвъѣ руку Владиміра
- 40 Стоить Чурилушка Пленковичъ.
 Владиміръ князь сталъ у молодца выпрашивать:
 « Ты скажи-тко, молодецъ, провѣдай-ка,
 « Ты кой орды, да изъ коей земли,
 « Тебя какъ-то молодца именемъ зовуть,
 45 « Звеличать намъ удалого по отечеству? »
 Отвѣчасть Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ:
 — Есть я изъ Галицы проклятыя,
 — Изъ тоя Индѣюшки богатыя,
 — Со славнаго съ богата Волянъ-города,
 50 — Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ.—
 Говорить Чурила таковы слова:
 « Ай же ты, Владиміръ стольно-Кіевскій!
 « Во глазахъ мужикъ-то усмѣхается,
 « Во глазахъ-то онъ да подлыгается:
 55 « Походочка-то есть въ немъ не Дюкова,
 « Поговорюшка не Дюкова,
 « Долженъ быть холопина дворянская ».
 Это слово Дюку не слюбилося,
 Не слюбилося то слово, не къ любви пришло.
- 60 Оны Господу какъ Богу помолилися,
 Ко Господнему кресту да приложилися,
 Выходили-то со матушки со Божьей церкви,
 То пошли оны по городу по Кіеву,—
 Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
- 65 Сталъ загадочки Владиміру отгадывать ¹⁾,
 Говорилъ-то Дюкъ да таковы слова:
 « Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 « Ощѣ въ Кіевѣ у васъ все не по нашему:
 « У васъ настланы мосточки кирпичныя
 70 « И порученки ²⁾ положены калиновы;
 « Пойдешь по мосточикамъ кирпичнымъ,

¹⁾ Загадки отгадывать—задавать загадки.

²⁾ Порученки—перила.

- « Мѣдное гвоздьс-то приуциплется,
 « Цвѣтное-то платьє призабрызжется.
 « Какъ во нашей во славной Индѣюшки въ богатыхъ
 75 « И во славномъ богатомъ Волинъ-городѣ,
 « У моей у родителя-матушки,
 « У честной вдовы Настасьи у Васильевны
 « Настланы у ней мосточки калиновы,
 « Порученки положены серебряны,
 80 « И настланы-то у ней сукна кармузинныя:
 « И пойдешъ по мосточикамъ калиновымъ,
 « По этимъ по сукнамъ кармузиннымъ,
 « Мѣдное гвоздьс не ущиплется,
 « Цвѣтно платьице на насъ да не забрызжется».
 85 Къ тымъ рѣчамъ Владиміръ князь не примется.
 Какъ вошли оны въ палаты бѣлокаменны
 Ко ласкову ко князю ко Владиміру
 И во этия во гредни во столовыя,
 И сажалися за столики дубовые
 90 И за тыя за скамеечки окольныя,
 Стали истъ-то ѣствушку сахарною,
 Подносили калачиковъ имъ пшениныхъ.
 Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Беретъ калачикъ въ руки пшениный,
 95 Корочку кругомъ кусалъ,
 А середочку-то онъ кобелямъ бросалъ.
 Самъ онъ говоритъ таковы слова:
 « Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 « У васъ все въ Кіевѣ не по нашему:
 100 « Сдѣланы-то бочечки дубовыя,
 « И набиваны обручики еловые,
 « И положено-то свѣжей ключевой воды,—
 « Тутъ у васъ и калачики мѣсятъ;
 « Покладены-то печечки кирпичныя,
 105 « Топлены-то дрова еловыя,
 « Подѣланы помялышки сосновыя,—
 « Тутъ у васъ и калачики пекутъ.
 « Какъ во нашей въ Индѣюшки богатыхъ

- « И во славномъ во богатомъ Волянъ-городѣ,
 110 « У моей у родителя у матушки,
 « У честной вдовы Настаси у Васильевны,
 « Сдѣланы-то бочечки серебряныя,
 « И обручики набиты золоченыя,
 « И положено медовъ туды стоялыхихъ,—
 115 « И тутъ у ней калачики мѣсятъ;
 « Подѣланы-то печечки кирпичныя,
 « И топятся дровца дубовыя,
 « И сдѣланы помялышки шелковыя,
 « И тутъ у насъ калачики пекутъ ».
- 120 Владиміръ князь ко этимъ рѣчамъ не примется.
 Подносили имъ хмельные напитки,
 Наливали чару зелена вина,
 Подносили-то къ Дюку Степановичу;
 Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 125 Беретъ-то эту чарочку во бѣлы руки,
 Подносилъ онъ ко устамъ сахарнымъ;
 Эта водочка ему не понравилась,
 Черезъ золотъ стулъ всю повыплескалъ
 По той по славной по горенкѣ,
 130 Самъ онъ говорилъ да таковы слова:
 « Ты Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 « У васъ въ Кіевѣ все не по нашему:
 « У васъ бочечки подѣланы дубовыя,
 « Набиваны обручики еловые,
 135 « Туды водочкой винцѣ у васъ положено,
 « И во этихъ во погребѣхъ глубокіихъ
 « Водочкой винцѣ-то призадохнулось.
 « Какъ во нашей въ Индѣюшки богатыя
 « И во славномъ богатомъ Волянъ-городѣ,
 140 « У моей родителя у матушки,
 « У честной вдовы Настаси у Васильевны,
 « Сдѣланы-то бочечки серебряныя,
 « И обручики набиты золоченыя,
 « Туды водочкой винцѣ у ней положено,
 145 « И на цѣпи на мѣдныя повѣшено,

- « Туды подведены вѣтры буйные:
« Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
« Пойдутъ воздуха по погребамъ,—
« Никогда тамъ водочкой винцѣ не задохнется:
150 « Какъ чарочку-то выпьешь,
« По другой душа горитъ ».
Владиміръ князь ко этимъ рѣчамъ онъ не примется.
Ко этимъ ко столикамъ дубовымъ
Подходить Чурилушка Пленковичъ
155 Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ.
Говорилъ ему Чурила таковы слова:
« Что же ты, холопина дворянская, порасхвастался
« Своимъ имѣньемъ и богатствомъ?
160 « Ударимъ-ка со мною о великъ закладъ
« На три году поры-времени,
« Чтобъ проѣздить намъ по городу по Кіеву
« На добрыхъ на коняхъ богатырскихъ,
« На собѣ носить одежицу бы смѣнную,
165 « Смѣнную одежицу-то каждый день,
« Каждый день носить одежа снова на ново,
« Снова на ново да что ни лучшая ».
Говорить ему Дюкъ таковы слова:
« Просишь ты, Чурила Пленковичъ,
170 « Бить со мною о великъ закладъ:
« Какъ живешь ты въ своемъ стольно-Кіевѣ,
« Кладовыя-то полны одежицы наполнены;
« А мое вѣдь дѣло есть дорожное,
« Мое платье, стало, здѣсь завозное ».
175 И ударилъ съ нимъ Дюкъ Степановичъ о великъ закладъ
На три году поры-времени,
Чтобъ проѣздить имъ по городу по Кіеву
На добрыхъ на коняхъ богатырскихъ,
На себѣ носить одежицу бы смѣнную,
180 Смѣнную одежицу-то каждый день,
Каждый день носить одежа снова на ново,
Снова на ново одежа драгоцѣнная.

- Тутъ Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Скорешенько сажился на черленый стулъ,
185 Скоро онъ писалъ письма скорописчаты,
Писалъ-то онъ эты письма, запечатывалъ,
Полагалъ во сумки переметныя,
И выходилъ-то Дюкъ на широкій дворъ
Къ своему коню ко богатырскому,
190 Полагалъ онъ эты сумки переметныя
Подъ славное сѣделишко Черкасское
И отпускалъ добра коня да во чисто поле.
Поехалъ-то его добрый конь чистымъ полемъ
Во славную Индѣюшку въ богатую.
195 Прибѣгаетъ добрый конь на широкій дворъ,
На широкой дворъ на княженецкій.
Усмотрѣли его Дюковы конюхи любимые,
Что прибѣжалъ-то добрый конь отъ Дюка Степановича,
И сказали его родителю-матушки,
200 Честной вдовы Настасьи Васильевны:
« Видно, нѣтъ жива Дюка Степановича ».
Тутъ она скорешенько бѣжала на широкой дворъ,
Подходила ко добру коню,
Сама горько она заплакала,
205 И говорила-то она таковы слова:
— Мой любимый сынъ Дюкъ Степановичъ
— Положилъ буйну головушку
— На матушкѣ на святой Руси! —
И подходятъ къ ему конюхи любимые,
210 И стали какъ добра коня разсѣдывать,
И подъ этымъ сѣделишкомъ Черкасскимъ,
На томъ на потницкѣ семиполковомъ
Нашли оны сумки за печатями,
Подають оны честной вдовы Настасьи Васильевны.
215 Беретъ она скоренько во бѣлы руки,
Скоро на скоро сумочки распечатала,
Она вскорѣ-то смотрѣла эти письма скорописчаты,
Весьма-то она дѣло взрадовалася,
Что живъ-то ея любимый сынъ,

- 220 Дюкѣ Степановичѣ, княженецкій сынѣ.
Приказала своимъ конюхамъ любимымъ
Насыпать коню пшены бѣлояровой,
Подносить велитъ свѣжей ключевой воды;
Сама скоренько шла въ палаты бѣлокаменны,
225 Брала-то она золоты ключи,
Шла она во погреба глубокіе,
Съ собою брала-то оцѣнщиковъ,
Оцѣнщиковъ брала и разцѣнщиковъ.
И складали, и укладывали одежицу драгоцѣнную
230 И дали смѣты на три году поры-времени,
Всякой день носить одежда снова на ново,
Снова на ново одежда драгоцѣнная.
Приказала своимъ конюхамъ любимымъ
Сѣдлатъ коня да богатырскаго:
235 Подъ сѣделышко Черкасское
Полагали потничекъ оны шелковенькій,
Шелковенькій потничекъ не дѣржанный,
И подъ этотъ потничекъ полагали письма скорописчаты,
И ко этому сѣделышку Черкасскому
240 Привязали-то одежи драгоцѣнныя,
И отпускали коня въ стольно-Кіевъ градъ.
Шелъ-то добрый конь чистымъ полемъ,—не замѣшкался,
Онъ скорешенько прибѣжалъ въ стольно-Кіевъ градъ
Ко князю ко Владиміру на широкій дворъ.
245 Выходилъ Дюкѣ Степановичѣ на широкъ дворъ.
Отъ этого сѣделышка Черкасскаго
Онъ снимаетъ одежицу драгоцѣнную,
Изъ-подъ потничка шелковенькаго
Вынимаетъ онъ письма скорописчаты
250 Отъ своей родителя отъ матушки,
Отъ честной вдовы Настаси Васильевны.
Пришелъ въ палату бѣлокаменну
И одѣлъ одежи драгоцѣнныя.
И поѣхали по городу по Кіеву
255 Съ молодымъ Чурилушкой Оплениковымъ
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ.

- Стали оны ѣздить-то день за день,
 День за день и още годъ за годъ,
 Проѣздили поры-времени по три году,
 260 Послѣдній день поѣхали къ заутрени Христосьскія ¹⁾,
 Молодой Чурилушка Пленковичъ
 Надѣлъ-то онъ одежицу драгоцѣнную:
 Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
 Другая строчена краснымъ золотомъ;
 265 Въ пуговики воплетано по доброму по молодцу,
 Въ петельки воплетано по красной по дѣвушкѣ:
 Какъ застенутся, такъ обоймутся,
 А разстенутся ²⁾, и поцѣлуются.
 Поглянулъ Владиміръ на праву руку
 270 На молода Чурилушку на Пленкова,
 Говорилъ-то Владиміръ таковы слова:
 — Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 — Прозакладаль все свое имѣніе-богачество!—
 А молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 275 Онъ одѣлъ одежицу драгоцѣнную:
 Строчечка строчена въ одежицѣ чистымъ серебромъ,
 Другая строчена краснымъ золотомъ;
 Въ пуговики воплетано по доброму по молодцу,
 Въ петелки воплетано по красной по дѣвушкѣ:
 280 Какъ застѣнутся, такъ обоймутся,
 А разстѣнутся, и поцѣлуются;
 На головушкѣ у Дюка сдѣлана шляпонька:
 Спереду такъ введено красно солнышко,
 И сзади введенъ свѣтѣль мѣсяць,
 285 А на верховьицѣ шляпы быдто жаръ горить.
 Говорилъ ему тихій Дунаюшка Ивановичъ:
 « Ты Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
 « Посмотри-тко теперъ на лѣву руку:
 « Молодой Чурилушко Опленковичъ
 290 « Прозакладаль свою буйную головушку ».

¹⁾ Заутреня въ 1-й день Пасхи у Заонежанъ называется Христосьскою, а у Пудожанъ Воскресенскою.

²⁾ Застегнуты, разстегнуты.

- Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 По славному по городу по Кіеву
 И ко ласкову князю ко Владиміру.
 Приѣхали оны на широкій дворъ,
 295 И сѣдилися за столики дубовые,
 За этия скамеечки окольныя,
 Ъсть-то оны ѣствшки сахарнія,
 Испивать-то стали питицею медвяныхъ.
 Подходить-то Чурилушка Пленковичъ,
 300 Подходить онъ ко столикамъ дубовымъ
 Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
 Въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
 Говорилъ Чурилушка таковы слова:
 — Что же ты, холопина дворянская, расхвастался
 305 — Своимъ великимъ имѣніемъ-богачествомъ?
 — Ударимъ-ка со мною ты въ великъ закладъ,
 — Чтобы на своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ
 — Намъ разѣхаться съ раздолья чиста поля
 — И скочить намъ черезъ матушку славную Нѣпру рѣку.—
 310 Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Говоритъ ему вѣдь таковы слова:
 « Ай же ты, Чурила Пленковичъ!
 « Тобѣ просто бить со мною въ великъ закладъ:
 « Какъ твой-есть богатырскій конь
 315 « Стоитъ у своихъ у конюховъ любимыхъ,
 « Ъсть-то онъ пшену бѣлоярову,
 « Испиваетъ свѣжу ключеву воду,
 « А мое-то есть конишечко дорожное,
 « Дорожное конишечко заѣжено ».
 320 Тутъ его сердце приужахнулось,
 Скоренько онъ бѣжалъ да на широкій дворъ,
 Паль-то онъ на стену ¹⁾ на лошадиную,
 Самъ-отъ онъ лежалъ, да выговаривалъ:
 « Ай же ты, мой добрый конь богатырскій!
 325 « Не смѣю бить въ великъ закладъ, закладаться,

¹⁾ На стегну.

« Чтобы намъ съ Чурилушкой Оплєнковымъ
 « Скорчить черезъ матушку Нѣпру рѣку
 « На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ ».

Проязычилъ ему добрый конь языкомъ человѣческимъ:

- 330 — Не бойся-тко страха, Дюкъ Степановичъ,
 — Бейся съ нимъ въ великъ закладъ:
 — Перенесу я черезъ матушку Нѣпру рѣку
 — На своихъ на подложныхъ крылахъ лошадиныхъ,
 — Не уступлю я братьямъ большѣмъ,
 335 — А не столько что братцу меньшему:
 — Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
 — А средній братъ у Добрыни Микитинца,
 — А я третій братъ у Дюка Степановича,
 — А четвертый ужъ братъ у Чурилы Оплєкова.—
 340 Тутъ онъ спелъ въ палату бѣлокаменну,
 И ударили оны во великъ закладъ,
 И стали добрыхъ коней засѣдывать.
 Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Самъ выходилъ на широкій дворъ
 345 И своими руками добра коня засѣдывалъ,
 Засѣдывалъ онъ и улаживалъ.
 И садился Дюкъ на добра коня
 И поѣхали оны съ молодымъ Чурилушкою Оплєнковымъ
 По славному раздольицу чисту полю,
 350 И поразѣхались съ раздольица чиста поля
 Во всю-то оны пору лошадиную,
 И скочили черезъ матушку Нѣпру рѣку
 На добрыхъ на коняхъ богатырскихъ:
 Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 355 Скорчилъ черезъ матушку Нѣпру рѣку
 На добромъ конѣ на богатырскомъ
 За цѣлый за помахъ лошадиный
 И за цѣлую за версту онъ за мѣрную;
 И взглянулъ онъ на правую на ручушку,
 360 Какъ нѣтъ подлѣ него товарища
 Молода Чурилушки Оплєкова:
 Чурила-то Пленковичъ посередъ Нѣпры приогрюшился

Со добрымъ конемъ со богатырскимъ.

Молодой Дюкъ Степановичъ скорешенько поворотъ держалъ,

365 Черезъ матушку Нѣпру рѣку повыскочилъ

И Чурилушку Оplenкова за желты кудри повытащилъ

Изъ матушки изъ Нѣпры рѣки,

И посадилъ того Чурилу на крутой берегъ,

И говорилъ онъ Чурилы таковы слова:

370 « Ай же, Чурилушка Пленковичъ!

« Не твое-то дѣло есть охвастати,

« Да не твое дѣло бить о великъ закладъ,

« А твое дѣло столько ходить тобѣ по Кіеву,

« По Кіеву ходить тобѣ за бабамы».

375 И приѣхали оны въ стольно-Кіевъ градъ.

Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій

Сталъ посылать общѣнщиковъ

Во тую Индѣюшку богатую,

Его Дюково имѣніе описывать и общѣнивать.

380 Отправляютъ туда тихаго Дунаюшку Иванова,

Во вторыхъ още Василья Казимірова,

А во третьихъ смѣлаго богатыря Алешеньку Поповича.

Сѣли оны на добрыхъ коней, поѣхали

И приѣхали въ Индѣюшку богатую,

385 Ко Дюку Степановичу на широкій дворъ.

Не спускали оны коней на посыльный дворъ,

Ставили оны коней середі двора,

Пошли оны въ палату бѣлокаменну,

На пята оны двери поразмахиваютъ,

390 Вопли-то въ палату бѣлокаменну,

Оны Господу Богу помолилися,

Крестъ оны клали по писаному,

Поклонъ-то вели по ученому,

На всѣ на три на четыре на сторонки поклонялися.

395 Честной вдовы Настасьи Васильевной въ особину:

« Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,

« Дюкова Степанова матушка! »

Говоритъ она таковы слова:

— Не есть я Дюковая матушка,

- 400 — А есть я Дюковая рукомойница.—
 Вошли оны во другой покой,
 Опять низенько поклоняются:
 « Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
 « Дюкова Степанова матушка! »
- 405 Говорить она таковы слова:
 — Не есть я Дюковая матушка,
 — А есть я Дюковая портомойница.—
 Вошли оны во третій покой,
 Опять низенько поклоняются:
- 410 « Здравствуешь, честна вдова Настасья Васильевна,
 « Дюкова Степанова матушка! »
 Говорить она таковы слова:
 — Не есть я Дюковая матушка,
 — А есть я Дюковая стольница.—
- 415 Проводили ихъ красныя дѣвушки ко Дюковой матушки;
 Поклоняются оны и удивляются:
 « Здравствуешь честна вдова Настасья Васильевна,
 « Дюкова Степанова матушка! »
 Отвѣтъ держить Дюкова матушка:
- 420 — Вы удаленькіе дородни добры молодцы!
 — Не знаю вамъ имени, ни изотчины,
 — Вы зачѣмъ сюда пріѣхали?
 — Знать, сиротскаго имѣнница описывать?—
 Говорятъ оны таковы слова:
- 425 « Послалъ-то насъ самъ Дюкъ Степановичъ
 « Описать свое имѣніе-богачество. »
 Кормила ихъ ѣствушками сахѣрными,
 Поила ихъ питьицами медвяными:
 Чарочку выпьютъ, губы слипаются,
- 430 А другую выпьютъ, по третьей душа горить,
 А четверта чарочка съ ума вонъ нейдетъ.
 Повела ихъ она во погреба глубокіе,
 Посадила ко сбруи лошадиной описывать и общѣнивать.
 Описывали оны, общѣнивали
- 435 Эту сбрую лошадиную ровно три года,
 По три года общѣнивали и по три дни,—

- Не могли общѣнить этой сбруи лошадиныя.
 Повела ихъ она на погреба глубокіе
 Описывать-общѣнивать имѣніе-богачество.
- 440 Тутъ бочки висятъ чиста серебра,
 А другія висятъ красна золота,
 А третьи висятъ скатна жемчуга.
 Эты мужики общѣнщики
 Не могутъ оны смѣты дать,
- 445 Описать того имѣнія-богачества.
 Тутъ писалы оны въ стольно-Кіевъ градъ
 Ко славному ко князю ко Владиміру:
 « Ты славный Владиміръ, стольно-Кіевскій!
 « Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ
- 450 На эты на бумаги (на гербовыя)
 « Да на чернила-перья продай още Черниговъ градъ,
 « Тогда можешь Дюково имѣніе описывать ».

17.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.

- Во славномъ во Новѣ-градѣ
 Жилъ Васильюшка Буслаевичъ.
 Говоритъ Васильюшка Буслаевичъ:
 « Есть бы у меня была дружинюшка хоробряя,
- 5 « Тридцать молодцовъ безъ единаго,
 « Самъ-то я, Васильюшка, въ тридцатыхъ,
 « Такъ ѣхаль бы я биться со всимъ Новымъ-градомъ ».
- Молодой Васильюшка Буслаевичъ
 Садился-то онъ на черленый стулъ,
 10 Писалъ-то онъ письма скорописчаты,
 Шелъ-то Василій на широкій дворъ,
 Садился на добра коня не сѣдлана,
 Ёхаль по дорожкамъ по крестовымъ,

Рыль ¹⁾ эти письма скорописчаты:

- 15 « Кто хочетъ сладко ѣсть, да красно носить,
« Тотъ поди на дворъ къ Василью ко Буслаеву ».
Молодой Васильюшка Буслаевичъ
Въ ноченьку спать на кроваткѣ тесовой,
На перинкѣ на пуховой;
- 20 Его рѣдная матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимоѣевна
По утрышку ранешенько по терему похаживаетъ,
На свой на широкій дворъ посматриваетъ:
Нашло-то къ нимъ силушки на дворъ чернымъ черно,
25 Чернымъ черно, какъ чѣрна ворона;
Подходитъ къ своему сыну любимому
Ко тому Васильюшкѣ Буслаеву,
Говорить она таковы слова:
— Спишь ты, Васильюшка, проклаждаешься,
- 30 — Надъ собою незгудушки не вѣдаешь:
— Набралось къ тоби на дворъ силушки чернымъ черпо,
— Чернымъ черно, какъ чѣрна ворона.—
Молодой Васильюшка Буслаевичъ
Скорешенько ставалъ на рѣзвы ноги,
- 35 Бралъ-то черленый вязъ въ бѣлы руки,
Выходилъ Василій на широкій дворъ,
Говорилъ Василій таковы слова:
« Кто можетъ мой черленый вязъ повытерпѣть,
« Тотъ ступай къ Василью на широкій дворъ
- 40 « Сладко ѣсть и краснò носить ».
Пошли мужички со двора, заохкали:
— А будь ты проклять, Василій Буслаевичъ!
— Сладко мы не ѣли и красно не носили,
— А нажили усы ²⁾ собѣ вѣчныя.—
- 45 Тутъ опять Васильюшка Буслаевичъ
Пришелъ въ свои палаты бѣлокаменны
И сѣдился Василій на черленый стулъ,

---

¹⁾ Рыть—бросать.

²⁾ Усы—усобица.

- Писалъ-то онъ письма скорописчаты,
И сядилъ Василій на добра коня,
50 Ъхалъ по дорожкамъ по крестовымъ,
Рылъ тыя письма скорописчаты.
Въ этихъ письмахъ у него было написано:
« Кто хочетъ сладко ѣсть, да краснѣ носить,
« Тотъ поди на дворъ къ Василью ко Буслаеву ».
- 55 Пріѣзжали къ Василью на широкій дворъ,
Ко его палатамъ бѣлокаменнымъ
Тридцать молодцевъ безъ одинаго,
Самъ-то Васильюшка въ тридцатыхъ.
Свелъ онъ ихъ во теремъ, во златой верѣхъ,
60 Кормилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
Поилъ-то ихъ питьищемъ медвянымъ,
Дарилъ-то имъ дары драгоцѣнные.
Тутъ оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Идетъ къ нимъ силушки на стрѣту чернымъ черно,
65 Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Напередъ этой силушки великія
Идетъ старчище Елизарище:
На головушку надѣтъ колоколъ девяноста пудъ.
Говорить ему Васильюшка Буслаевичъ:
70 « Ай же ты, крестовый мой батюшка!
« Не дано тоби у меня о Христовѣ дни,
« А дамъ тоби яичко о Петровѣ дни! »
Билъ его палицей булатней по головушкѣ
И раскололъ ему колоколъ девяноста пудъ.

.....

Изъ другихъ разнорѣчій извѣстно, что Василій побилъ мужиковъ Новгородскихъ. За это Мамелфу Тимоѣевну позвали въ судъ и крѣпко тамъ разобидѣли. Къ сожалѣнію этого мѣста Рябининъ не помнилъ, а изъ поѣздки Василья въ Іерусалимъ въ памяти у него уцѣлѣлъ только слѣдующій отрывокъ:

.....

Пріѣзжалъ Васильюшка Буслаевичъ
Ко бѣлу горючу ко камешку.

- На этомъ на камешкѣ подписано:
 « Кто на эту гору захаживаль,
 5 « Тотъ оттуль живъ не выхаживаль;
 « Кто скочить черезъ этотъ бѣль горючъ камень,
 « Тотъ буде живъ,
 « А не скочить, не бывать живу ».
 Вся его дружинушка хоробрая
 10 Перескочила черезъ бѣль горючъ камень.
 Славный Васильюшка Буслаевичъ
 Онъ скорешенько скочилъ черезъ бѣль горючъ камень
 Похотѣлось ему Васильюшкѣ
 Скочить назадъ черезъ горючъ камень:
 15 И задѣлъ каблучкомъ за горючъ камень,
 Тутъ ему Василью и славу поютъ.

18.

С А Д К О.

- Жиль-былъ Садко, богатый гость.
 Все-то у Садка по небесному:
 На небѣ солнце, во теремѣ солнце,
 На небѣ звѣзды, во теремѣ звѣзды,
 5 На небѣ мѣсяцъ, во теремѣ мѣсяцъ,—
 Все-то у Садка по небесному.
 Говорить Садко, богатый гость:
 « Ай же, слуги мои вѣрные!
 « Возьмите безсчетной золотой казны по надобью,
 10 « Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ ».
 Тутъ-то его слуги вѣрные
 Брали золотой казны по надобью,
 Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ:
 На другой день товару больше того.
 15 Говорилъ Садко, богатый гость:
 « Ай же, слуги мои вѣрные!

« Возьмите золотой казны по надобью,
« Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ ».

Тутъ-то слуги его вѣрные

- 20 Брали золотой казны по надобью,
Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ:
На третій день товару больше того.
Опять говорилъ Садко, богатый гость:

« Ай же, слуги мои вѣрные!

- 25 « Возьмите золотой казны по надобью,
« Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ ».

Тутъ-то слуги его вѣрные

Брали золотой казны по надобью,
(Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ.

- 30 Тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Строилъ онъ себѣ черленъ корабль:
Корму въ ёмъ строилъ по гусиному,
А носъ въ ёмъ строилъ по орлиному,
Въ очи выкладывалъ по камешку,

- 35 По славному по камешку по яхонту;
Нагрузилъ-то онъ товару на черленъ корабль,
Поѣхалъ онъ по славну по синю морю:
Всѣ-то корабли вверхъ идутъ,
А Садковъ-то корабль остается...

(Не кончено; дальше Рябинычъ не могъ припомнить.)

19.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Не сине-то море колыбается,
Не сырой-то боръ разгорается,
Воснылалъ-то Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Что надоть казнить Новгородъ да Опсково.

- 5 По горенкѣ на честномъ пиру похаживать,
Пословечно государь онъ выговаривать:

- « Досталъ я перфилушку изъ Царя-града,
 « Повывелъ я туманъ изъ синя моря,
 « И повывелъ я измѣну съ каменной Москвы:
- 10 « Хочу вывести измѣнушку со Опскова ».
 Говорить его большій сынъ Иванушка Ивановичъ:
 — Батюшка нашъ, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Досталъ ты перфилушку изъ Царя-града,
 — Повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы;
- 15 — А не вывелъ ты тумана изъ синя моря,
 — Да и не повывести измѣнушки со Опскова:
 — У тебя измѣнникъ за столомъ сидитъ,
 — Онъ ѣстъ да пьетъ съ одной чашечки.—
 Говорить-то Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
- 20 « Мнѣ скажи-тко про измѣнника великаго ».
 Молодой Иванушка Ивановичъ закручинился,
 Закручинился онъ и запечалился:
 — На братца мнѣ-ка сказать, братца не видать;
 — На себя сказать, мнѣ живу не бывать.—
- 25 Говорилъ Иванушка Ивановичъ:
 — Батюшка нашъ, Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 — Какъ мы шли-то съ Новгорода до Опскова,
 — Мы-то шли по правую руку Волхова,
 — А по лѣвую руку Волхова шелъ Ѳедоръ Ивановичъ,
- 30 — Такъ онъ дѣлалъ измѣнушку великую:
 — Казнилъ онъ только стараго да малаго,
 — А что ни лучшій онъ народъ садилъ во погреба,
 — Опосля онъ выпускаетъ ихъ на бѣлый свѣтъ.—
 Говорить тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
- 35 Громкимъ голосомъ, да во всю голову:
 « Ай же вы, мои слуги вѣрные,
 « Палачи мои немилосливые!
 « Берите-ка моего сына царскаго,
 « Того ли Ѳедора Иванова,
- 40 « За него за ручушки за бѣлыя,
 « За него за перстни за злаченые,
 « Ведите-тко на поле на Куликово,
 « На это-то на мѣсто на торговое,

« Срубите-тко ему буйную головушку
45 « За него измѣнушку великую ».

Всѣ тутъ палачи затулялися,
Не смѣютъ подойти ко сыну ко царскому
И не смѣютъ казнить сына царскаго.
Молодой Иванушка Скурлатовъ сынъ,
55 Скорешенько ставаль онъ на рѣзвы ноги,
Подходилъ-то онъ ко сыну ко царскому,
Ко тому ли Ѳедору Ивановичу,
Береть его за ручушки за бѣдыя,
За него за перстни за злаченые,
55 Повелъ его на поле на Куликово,
На этое на мѣсто на торговое,
Положить его на плаху на дубовую,
Срубить-то ему буйную головушку.—
Этая царица Московская,
60 Молода Настасьюшка Романовна,
Видитъ: дѣло есть не малое,
Не стало у ней сына любимаго;
Бѣжить она по славной каменной Москвы
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
65 Въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Ко своему ко братцу ко любимому,
Ко тому Микитушкѣ Романовичу,
На пятау она дверь поразмахивасть.
Поглянулъ туда Микитушка Романовичъ,
70 Говориль-то Микита таковы слова:
« Подошла-то ко мнѣ гостейка незваная,
« Незваная гостейка и нежданая! »
Говорить ему Настасья Романовна:
— Ай же ты, мой братецъ родимый,
75 — Молодой Микитушка Романовичъ!
— Сидишь-то ты во теремѣ, златомъ верху,
— Видно, надо мной незгодушки не вѣдаешь:
— Не стало моего сына любимаго,
— Того ли Ѳедора Ивановича,—

- 80 — Повелъ его Иванушка Скурлатовъ сынъ
— На тое на поле на Куликово,
— На мѣсто на торговое,
— Срубить-то ему буйная головушка.—

Молодой Микитушка Романовичъ

- 85 Онъ скорешенько скочилъ какъ на рѣзвы ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Хватилъ паличку булатную подъ пазушку.
Бѣжить-то Микита на широкой дворъ,
90 Онъ садился на добра коня не сѣдлана,
Бѣхалъ онъ по славной каменной Москвы,
Бѣхалъ Микитушка онъ улицмы,
Перемахивалъ Микита переулками,
И кричалъ Микитушка во всю голову,
95 Во всю голову кричалъ громкимъ голосомъ:
« Если кто показнить сына царскаго,
« Того я разжалую;
« Кто не показнить сына царскаго,
« Того я пожалую ».
100 Скурлатовъ сынъ Иванушка разслушался,
Поразслушался и пораздумался:
« Царскій сынъ-то не простой мужикъ,
« Чѣмъ нибудь меня, можетъ, и пожалуетъ! »
Молодой Микитушка Романовичъ,
105 Онъ скорешенько наѣхалъ на добромъ конѣ,
Соскочилъ-то Микита со добра коня
На своего на крестничка любимаго:
Стоить дѣтинушка Скурлатовъ сынъ,
Во рукѣ онъ держитъ ножъ булатный;—
110 Молодой-то Федоръ Ивановичъ
Положенъ на плаху на дубовую;—
Хочетъ онъ срубить ему буйну головушку.
Молодой Микитушка Романовичъ
Беретъ онъ крестничка за ручушки за бѣлыя,
115 За него за перстни за злаченые,

- Становиль-то онъ его на рѣзвы ноги,
Цѣловаль его во уста во сахарнія,
Называль его крестничкомъ собѣ любимымъ.
И схватиль-то онъ дѣтинушку Скурлатова,
120 Положилъ его на планку на дубовую,
Срубиль ему буйную головушку,
Срубиль головушку, выговариваль:
« Не твой-то кусъ, да не тобѣ-то ѣсть,
« И не тобѣ собакѣ насмѣхатися,
125 « И не тобѣ казнить сына царскаго! »
Говориль-то Федоръ Ивановичъ:
— Ай же ты, мой крестовый батюшка,
— Молодой Микитушка Романовичъ!
— Самъ-то погинешь, и меня сгубишь:
130 — Нашъ батюшка—Грозный царь Иванъ Васильевичъ.—
Говориль ему Микитушка Романовичъ:
« Не убойся-тко ты, крестничекъ любимый:
« Ты живъ,—и я буду живъ ».
Охватилъ его шубонькой куньею,
135 Садился на добра коня
И поѣхали по славной каменной Москвы;
Пріѣхаль въ свои палаты бѣлокаменны,
Ко своей сестрицы ко родимыя,
Къ молодой Настасьюшкѣ Романовны.
140 Молода Настасьюшка Романовна
Обозрила своего сына любимого:
Тутъ ей сердце взрадовалось,
Тутъ ей слезушки-то пріутихнули;
Она шла по славной каменной Москвы
145 Во свои палаты бѣлокаменны.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Схватился за своего за сына за любимого:
Не стало своего сына любимого.
Онъ дѣлалъ повелѣніе въ каменной Москвы
150 И во всемъ царствѣ Московскомъ,
Чтобы народъ-люди постилися,
И ходили бы во матушку Божью церкву,

- Господу Богу молилися,
И носили бы одежды опальные.
- 155 Идетъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Во матушку Божью церкву
Со своей царицею Московскою,
Настасьей Романовной,
И со своимъ сыномъ любимымъ
- 160 Иванушкой Ивановичемъ.
Приходитъ онъ во Божью церкву
Въ одежды опальные.
Молодой Микитушка Романовичъ
Приходитъ во матушку Божью церкву
- 165 Что ни лучшія въ одежды драгоценныя,
Пришелъ къ царю, да и проздравствовалъ:
— Здравствуй, батюшка, Грозный царь Иванъ Василь-
евичъ
— Со своей любимой семейшкой, моей сестрицей лю-
бимой,
— Царицей Московскою Настасьей Романовной,
- 170 — Со своимъ любимымъ со дѣтушками:
— Съ Иванушкой Ивановичемъ и Ѳедоромъ Ивановичемъ!—
- Говорилъ ему Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
« Ай же ты, Микитушка Романовичъ!
« Что ты въ глазахъ насмѣхаешься,
175 « Надо мною ты подлыгаешься?
« Али надо мной незгодушки не вѣдаешь,
« Что не стало у меня сына любимого,
« Того ли Ѳедора Ивановича?
« Уведенъ онъ на поле на Куликово
- 180 « У того Иванушки Скурлатова,
« Положенъ на плашку на дубову,
« Срублена ему буйна головушка
« За него измѣнушку великую. »
Говорилъ ему Микитушка Романовичъ:
185 — Есть бы кто тебѣ сына жива привелъ,
— Того чѣмъ бы ты пожаловалъ?—

Говорилъ ему Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

« Есть бы кто ко мнѣ сына жива привелъ,

« Дарилъ бы я города съ пригородкамы,

190 « Села дарилъ бы со приселкамы,

« Бояръ дарилъ бы со крестьянамы,

« И дарилъ бы я безсчетну золоту казну,

« Силу (армію) дарилъ бы великую

« И дарилъ бы я одежицы драгоцѣнныя ».

195 Молодой Микитушка Романовичъ

Выпустилъ сына царскаго изъ подъ нравыя съ-подъ па-
зушки.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ

Не цѣлуетъ онъ сына любимаго,

А цѣлуетъ онъ Микитушка Романовича,

200 И говоритъ онъ Микиты таковы слова:

« Ай же ты, Микитушка Романовичъ!

« Чимъ тебя теперь пожаловать?

« Города ли ты берешь съ пригородкамы,

« Али села берешь со приселкамы,

205 « Бояръ ли ты берешь со крестьянамы,

« Али силушку (армію) великую,

« Али безсчетную золоту казну,

« Али одежицы берешь драгоцѣнныя? »

Говорилъ ему Микитушка Романовичъ:

210 — Не беру я городовъ съ пригородкамы,

— Не надо мнѣ селъ со приселкамы,

— Не надо мнѣ бояръ со крестьянамы,

— Не надо мнѣ силы (арміи) великія,

— Не надо мнѣ безсчетной золотой казны,

215 — Да и не надо мнѣ одежицы драгоцѣнныя:

— У меня силушка велика въ могучихъ плечахъ,

— Есть безсчетной золотой казны по надобью,

— Одежица драгоцѣнная на мнѣ-то не держится,

— Есть подъ Микитой богатырскій конь.

220 — А ты пожалуй-ка Микитину вотчину:

— Кто коня угналъ, кто жену увелъ,

— Да ушелъ въ Микитину вотчину,

— Того въ Микитиной вотчины не взыскивати.—
 Тутъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 225 Пожаловалъ его Микитиной вотчиной:
 Кто коня угналъ, кто жену увель,
 Да ушелъ въ Микитину вотчину,
 Того въ Микитиной вотчины не взыскивати.

20.

С К О П И Н Ъ.

(Гильферд. № 88.)

Когда владѣль Москву Грозный царь Иванъ Васильевичъ
 Въ тую порушку, въ тое времячко
 Обошла Москву Литва поганая.
 Садился тутъ Скопинъ на добра коня,
 5 Ъхалъ Скопинъ онъ въ Новгородъ,
 Служилъ заутрену Пречистой Богородицы,
 На заутрену онъ положилъ пятьсотъ рублей,
 На обѣдню полагалъ онъ цѣлу тысящу.
 Собиралъ онъ мужиковъ Новгородскихъ,
 10 Говорилъ-то таковы слова:
 « Ай же, мужики Новгородскіе!
 « Собирайте-ка мнѣ силы сорокъ тысячей
 « Повыгнать изъ Москвы Литва поганая. »
 Эти мужики Новгородскіе
 15 Ему силушки собрали сорокъ тысячей.
 Садился тутъ Скопинъ на добра коня,
 Ъхалъ съ силушкой великой къ каменной Москвы;
 Становилъ онъ эту силушку въ чистомъ полѣ,
 Самъ проѣхалъ по славной каменной Москвы
 20 Ко тому Микитушкѣ Романову,
 Приходилъ къ нему въ палату бѣлокаменну,
 Говорилъ-то онъ Микиты таковы слова:

Вшелъ-то Микита на широкій дворъ,
 Бралъ добра коня онъ богатырскаго,
 Бралъ коня да онъ засѣдывалъ,
 И садился Микита на добра коня,
 60 Бралъ онъ въ руки палицу булатную,
 И повыѣхалъ за славну каменну Москву,
 Биться онъ съ Литвою со поганою.....

(Не кончено.)

21.

ДВА КОРОЛЕВИЧА ИЗЪ КРЯКОВА.

(Гильферд. № 87.)

Изъ того изъ города изъ Крякова,
 Изъ того села ли изъ Березова,
 Изъ того подворья богатырскаго
 Охвѣчъ ѣздитъ молодецъ былъ за охвотою
 5 Во славное раздольице чисто поле,
 Охвѣчъ-то былъ стрѣлять гусей, лебедей,
 Малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ утушекъ.
 Молодой Петръ Петровичъ, королевскій сынъ,
 Онъ проѣздилъ день съ утра до вечера
 10 По славному по раздольицу чисту полю,
 Не наѣхалъ ни гуся, ни лебедя,
 Ни малаго перелетнаго утеныша.
 Ощѣ ѣздилъ дрѹгой день съ утра до пабѣдья.

« Ко своей силушкѣ великія;
 « Со своей силушкой великою
 « Подъѣзжай ко славной каменной Москвы,
 « А я выѣду на своемъ добромъ конѣ.
 « Повыведемъ поганцевъ съ каменной Москвы,
 « Очистимъ дворы княжецкіе
 « И всѣ улицы стрѣлецкія ». — Ред.

- Подъѣхалъ онъ ко синему ко морюшку
 15 И насмотрѣлъ-то онъ на синѣмъ морѣ,
 На той на тихой забереги,
 На зеленомъ на затресѣи ¹⁾
 Плаваютъ двѣ бѣлыя лебедушки, колыблются.
 Становилъ-то онъ коня богатырскаго,
 20 Отъ праваго отъ стремячка булатнаго
 Свой тугій лукъ разрывчатый отстегивалъ,
 То онъ стрѣлочки каленыя накладывалъ,
 Тетивочки шелковеньки натягивалъ,
 Хотѣтъ подстрѣлить двухъ бѣлыхъ лебедушекъ.
 25 Эти бѣлыя лебедушки
 Проязычили языкомъ человѣческимъ:
 « Ты удаленькій дородній добрый молодецъ,
 « Славный богатырь свято-русскій!
 « Хотъ ты подстрѣлишь двухъ бѣлыхъ лебедушекъ,
 30 « Не укрятуешь ²⁾ плеча ты могучаго
 « И не утѣшишь сердца богатырскаго.
 « Не двѣ бѣлыя мы есть-то не лебеди,
 « Есть-то мы двѣ дѣвушки двѣ красныхъ,
 « Двѣ прекрасныхъ Настасьи Митріевичны,
 35 « Со тоя мы со славной съ Золотой орды,
 « Летаемъ мы отъ пана ³⁾ поганаго по три году,
 « Улетѣли мы за синее морюшко.
 « Поѣзжай-ко ты раздольцемъ чистымъ полемъ,
 « Ко славному ко городу ко Кіеву;
 40 « И подѣзжай къ сыру дубу крякновисту,
 « Насмотри-ка ты птицу во сыромъ дубу:
 « Сидить-то птица черный воронъ во сыромъ дубѣ,
 « Перьяце у ворона чернымъ черно,
 « Крыльце у ворона бѣлымъ бѣло,

---

¹⁾ *Заберега* — та часть водъ, которая захвачена берегомъ; *затресье* — та часть водъ, которая покрыта трестомъ (сагех пана).

²⁾ Укрятуешь — укротишь.

³⁾ Въ каждомъ почти уѣздѣ Олонецкой губерніи есть преданія о набѣгахъ иноземцевъ; иноземцевъ этихъ вообще называютъ панами, потому что самыя жестокия опустошенія здѣсь были сдѣланы Литовцами.

- 45 « Перьяца распушены до матушки сырой земли.
 « Эдакой птицы на свѣтѣ не видано,
 « На бѣломъ не слыхано ».
 Стоитъ богатырь, пораздумался:
 — Хоть я подстрѣлю двухъ бѣлыхъ лебедушекъ,
- 50 — Такъ не укрятую плеча могучаго
 — И не утѣшу сердца богатырскаго. —
 Снимаетъ эты стрѣлочки каленыя,
 Отпускаетъ онъ тетивочки шелковеньки,
 Свой тугій лукъ разрывчатый пристегиваль
- 55 Ко правому ко стремену къ булатному,
 Беретъ въ руки онъ плеточку шелковеньку,
 Бьетъ-то онъ коня да по тучной бедра,
 То онъ ѣхаль по раздольицу чисту полю
 Ко славному ко городу ко Кіеву.
- 60 И подѣхаль ко сыру дубу крякновисту,
 И насмотрѣль онъ птицу черна ворона:
 Сидить-то птица черный воронъ во сыромъ дубѣ,
 Перьяца у ворона чернымъ черно,
 Крыльица у ворона бѣлымъ бѣло,
- 65 Перьяца распушено до матушки сырой земли.
 Эдакой птицы на свѣтѣ не видываль,
 На бѣломъ не слыхиваль.
 Становиль онъ коня богатырскаго,
 Свой тугій лукъ разрывчатый отстегиваль
- 70 Отъ праваго отъ стремячка булатнаго,
 Налагаетъ онъ стрѣлочку каленую,
 Натянулъ тетивочку шелковеньку,
 И говорилъ-то онъ таковы слова:
 — Я подстрѣлю эту птицу черна ворона,
- 75 — Расточу его я кровь-то по сыру дубу,
 — Тушицу его спущу я на сыру землю,
 — Перьяца распущу я по чисту полю,
 — По славному раздольицу широкому. —
 Проязычить птица языкомъ человѣческимъ:
- 80 « Ты удаленькій дородній добрый молодець,
 « Славный богатырь святорусскій!

- « Ты слыхалъ ли поговорье на святой Руси:
 « — Въ кельѣ старца убить, то-есть не спасенье,
 « — Черна ворона подстрѣлить, то не корысть получить?—
- 85 « Хоть ты подстрѣлишь птицу черна ворона
 « И расточишь мою кровь-то по сыру дубу,
 « Тушу мою спустишь на сыру землю
 « И перьицо распустишь по славной по долинушкѣ,
 « По раздольицу широкому чисту полю,—
- 90 « Не укрятуюшь плеча ты могучаго,
 « Не утѣнишь сердца богатырскаго.
 « Поѣзжай-ка раздольицемъ чистымъ полемъ
 « Ко славному ко городу ко Кіеву,
 « Ко ласковому князю ко Владиміру.
- 95 « У ласкова князя у Владиміра
 « Хорошъ честѣнь пиръ-пированьице;
 « Надъ собой онъ князь незгодушки не вѣдасть:
 « Ъздитъ паленичища въ чистомъ полѣ
 « На добромъ конѣ на богатырскомъ;
- 100 « Она кличетъ-выкликаетъ поединщика,
 « Супротивъ себя да супротивника.
 « Говорить-то паленица таковы слова:
 « — Ежели Владиміръ стольно-Кіевскій
 « — Не пошлетъ ко мнѣ онъ поединщика,
- 105 « — Супротивъ меня да супротивника,
 « — Самого Владиміра подъ мечъ склоню,
 « — Подъ мечъ склоню, голову срублю,
 « — Черныхъ мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
 « — Божьи церкви я всѣ на дымъ спущу ». —
- 110 Стоить молодецъ, онъ пораздумался:
 — Слыхалъ я поговорье на святой Руси:
 — Въ кельѣ старца убить, то-есть не спасенье,
 — Черна ворона подстрѣлить, то не корысть получить.—
 — Хоть подстрѣлю я птицу черна ворона,
- 115 — И расточу его я кровь-то по сыру дубу,
 — Тушицу его спущу я на сыру землю,
 — Перьицо-то распуцу я по чисту полю,
 — По славному раздольицу широкому,

- То не укрятую плеча я могучаго
 120 — И не утѣшу сердца богатырскаго.—
 Снимаетъ онъ стрѣлочку каленую
 И отпустилъ тетивочку шелковую,
 Свой тугій лукъ разрывчатый пристегиваль
 Ко правому ко стремячку булатному
 125 И поѣхаль по раздольицу чисту полю.
 Поѣхаль молодецъ, самъ пораздумался:
 « Прямоѣжею дорогою поѣхать въ стольно-Кіевъ градъ,
 « То не честь мнѣ-ка хвала отъ богатырей
 « И не выслуга отъ князя отъ Владиміра.
 130 « Если бы поѣхать во раздольице чисто поле,
 « Поотвѣдать мнѣ-ка силы у Татарина,
 « То побьетъ меня Татаринъ во чистомъ полѣ,
 « Не бывать-то молодцу на святой Руси,
 « Не видать мнѣ молодцу-то свѣта бѣлаго ».
 135 Іонъ зоветъ себѣ да Бога на помощь,
 Спустилъ-то добра коня раздольицемъ чистымъ полемъ,
 Іонъ наѣхаль паленичищу въ чистомъ полѣ.
 Оны съѣхались, да поздоровкались,
 Становили добрыхъ коней богатырскихъ,
 140 Оны сдѣлали сговоръ да промежду собой,
 Что разѣхаться съ раздольица чиста поля
 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,
 Приударить надо въ палицы булатнія.
 Разѣхались оны съ раздольица чиста поля
 145 На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,
 Приударили во палицы булатнія,
 Оны другъ-то друга били нежалухою,
 Нежалухою-то били по бѣлымъ грудямъ,
 Со всея били со силы богатырскія;
 150 Подъ нима dospѣхи были крѣпкіе:
 У нихъ палицы въ рукахъ-то погибалися,
 По маковкамъ отломилися,
 Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
 Оны другъ друга не били и не ранили,
 155 Ни котораго мѣстечка не кровавили.

- Становили добрыхъ коней богатырскихъ,
Оны сдѣлали стоворъ да промежду собой,
Что разъѣхаться съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,
160 Приударить надо въ копыа Муржамецкія.
Разъѣхались оны съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ,
Приударили во копыа Муржамецкія;
Оны другъ-то друга били нежалухою,
165 Нежалухою-то били по бѣлымъ грудямъ
И со всея били силы богатырскія;
Подъ нима доспѣхи были крѣпкіе:
У нихъ копыа въ рукахъ-то погибалися,
По маковкамъ копыа отломилися,
170 Оны другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
Оны другъ друга не били и не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ коней богатырскихъ,
Выходили добры молодцы съ добрыхъ коней:
175 Надо биться боемъ-рукопашкою,
Поотвѣдать другъ у друга силушки великія.
Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
Онъ весьма обученъ былъ бороться объ одной ручкѣ;
Онъ подходитъ къ паленицы ко удалыя,
180 То онъ схватить паленицу на косу бедру,
Здынулъ онъ паленицу выше головы,
Спустилъ онъ паленицу на сыру землю,
Ступилъ онъ паленицы на бѣлы груди,
Беретъ свое кинжалище булатнее,
185 Заносилъ онъ ручку правую выше головы,
Спустить хотѣтъ онъ ниже пояса.
Ручка правая въ плечѣ застоялася,
Во ясныхъ очушкахъ свѣтъ помущается,
То онъ сталъ у паленицы выпрашивать:
190 « Скажи-тко, паленица, провѣдай-ка:
« Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
« Какъ тебя паленицу именемъ зовутъ,

«Звеличаютъ удалую по отечеству?»

Говорила паленица таковы слова:

- 195 — Ахъ ты старая базыга, ново-древная!
 — Тобѣ просто надо мною насмѣхаться,
 — Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,
 — Во рукахъ держишь кинжалище булатнее;
 — Есть бы былъ я на твоей бѣлой груди,
 200 — Пласталъ бы я твои груди бѣлыя,
 — Доставалъ бы твое сердце со печенью
 — И не спросилъ бы ни батюшка, ни матушки,
 — Ни твоего роду и ни племени. —

Беретъ свое кинжалище булатнее,

- 205 Заносилъ онъ ручку правую выше головы
 И спустить ю хочетъ ниже пояса.
 Ручка правая въ плечѣ застоялася,
 Въ ясныхъ очушкахъ свѣтъ помущается,
 Сталъ у паленицы выпрашивать:

- 210 « Скажи-тко, паленица, провѣдай-ка:
 « Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
 « Какъ тебя паленицу именемъ зовутъ,
 « Удалую звеличаютъ по отечеству? »

Говорила паленица таковы слова:

- 215 — Ахъ ты старая базыга, ново-древная!
 — Тобѣ просто надо мною насмѣхаться,
 — Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,
 — Во рукахъ держишь кинжалище булатнее!
 — Есть бы былъ я на твоей бѣлой груди,
 220 — Пласталъ бы я твои груди бѣлыя,
 — Доставалъ бы твое сердце со печенью
 — И не спросилъ бы ни батюшка, ни матушки,
 — Ни твоего роду и ни племени. —

Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,

- 225 Беретъ свое кинжалище булатнее,
 Заносилъ онъ ручку правую выше головы
 И спустить ю хочетъ ниже пояса.
 Ручка правая въ плечѣ застоялася,
 Въ ясныхъ очушкахъ свѣтъ помущается,

230 Сталь у паленицы выпрашивать:

« Скажи-тко, паленица, провѣдай-ка:

« Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,

« Какъ тебя паленицу именемъ зовутъ,

« Удалую величаютъ по отчеству? »

235 Говорила паленица и заплакала:

— Ты удаленькій, дородній добрый молодець,

— Славный богатырь святорусский!

— Когда ты у меня сталь выпрашивати,

— Я стану тебѣ про то высказывать.

240 — Есть я со тоя со темной Литвы,

— Отъ тыхъ Татаровей поганиныхъ;

— А увезенъ былъ маленькимъ робеночкомъ

— Изъ того изъ города изъ Крякова,

— Изъ того села да изъ Березова,

245 — Со тоя со улицы съ Рогатицы,

— Со того подворья богатырского,

— Молодой Лука Петровичъ, королевскій сынъ.

— Увезли меня Татаровья поганые

— Маленькимъ робеночкомъ во эту во темну орду,

250 — И возросъ я тамъ до полного до возраста,

— И имѣю въ плечахъ силушку великую.

— Избиралъ собѣ коня я богатырского

— И поѣхалъ я на матушку святую Русь

— Поискать себѣ-то роду-племени

255 — Поотвѣдати собѣ-то отца-матери. —

Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,

Онъ скорешенько соскочить со бѣлыхъ грудей,

Беретъ его за ручушки за бѣлыя,

За него за перстни за злаченые,

260 Становилъ его да на рѣзвы ноги,

Цѣловалъ его во уста въ сахарнія,

Называлъ-то братцемъ собѣ роднымъ.

Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали

По славному раздольицу чисту полю,

265 Ко славному ко городу ко Крякову,

Ко тому селу да ко Березову,

- Ко той улицы ко Рогатицы
 И къ тому подворью богатырскому.
 Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
 270 Приѣхалъ онъ на свой на шірокъ дворъ,
 И онъ скорешенько соскочить со добра коня
 И бѣжитъ въ свою палату бѣлокаменну.
 Молодой Лука Петровичъ, королевскій сынъ,
 Какъ онъ соскочить со добра коня,
 275 Сталъ онъ по двору похаживать,
 Сталъ добра коня поваживать.
 Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ,
 Пришелъ въ свою палату бѣлокаменну
 Ко своей къ родителю ко матушкѣ,
 280 Самъ-отъ говоритъ да таковы слова:
 « Свѣтъ ты, государыня рѣдная матушка,
 « Честная вдова Настасья Васильевна!
 « Былъ-то я въ раздольцѣ чистомъ полѣ,
 « Наѣхалъ въ чистомъ полѣ Татарина,
 285 « Кормилъ-то его ѣствушкой сахарнею,
 « Поилъ его питьицемъ медвянымъ.»
 Говоритъ ему родная матушка,
 Честная вдова Настасья Васильевна,
 Сама слезно заплакала:
 290 — Свѣтъ ты, мое чадо милое,
 — Молодой Петрой Петровичъ, королевскій сынъ!
 — Какъ былъ ты во раздольцѣ чистомъ полѣ,
 — Да наѣхалъ во чистомъ полѣ Татарина,
 — Ты бѣ не ѣствушкой кормилъ его сахарнею
 295 — И не питьицемъ поилъ его медвянымъ:
 — Билъ бы его палицей булатнею,
 — Да кололъ бы его копьемъ вострымъ.
 — Этые Татаровья поганые
 — Увели братца у тя роднаго маленькимъ робеночкомъ,
 300 — Молода Луку Петровича. —
 Говорилъ Петрой Петровичъ таковы слова:
 « Свѣтъ ты, моя родная матушка!
 « Не Татарина наѣхалъ я въ чистомъ полѣ,

- « А наѣхалъ братца собѣ роднаго,
 305 « Молода Луку Петровича.»
 Молодой Лука Петровичъ, королевскій сынъ,
 Онъ по двору похаживаетъ,
 Добра коня поваживаетъ
 И нейдетъ въ палаты бѣлокаменны.
 310 Тутъ честна вдова Настасья Васильевна
 Скорешенько бѣжала на широкъ дворъ,
 Брала его за ручушки за бѣлыя,
 За него за перстни за злаченые,
 Цѣловала во уста его сахарнія,
 315 Называла она сыномъ собѣ роднымъ
 И вела въ палаты бѣлокаменны;
 Кормила-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
 Поила-то питьицемъ медвянымъ.
 Тутъ оны стали жить да быть,
 320 Долго здравствовать ¹⁾.

22.

ГОРЮШКО.

(Гильферд. № 90.)

- У батюшки у матушки жилъ молодецъ,
 Одинакій сынъ во дрокушкѣ;
 Бѣлъ сладко, и носилъ красно, работалъ легко.
 Похотѣлося дородню добру молодцу
 5 Сходить на чужую дальнюю сторонущку
 Людей посмотрѣть и себя показать.
 Унимали молодца отецъ-матушка:

---

¹⁾ Можно полагать, что эти „два брата Петровича“ суть лица, извѣстныя въ нашихъ пѣсняхъ подъ именемъ „братьевъ Сбродовичей“, о которыхъ см. 2-й выпускъ Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ. Л.

- Онъ отца-матушки не слушаетъ,
 Снаряжается во путь во дороженьку;
 10 Шубоньку сшилъ онъ собѣ куньюю,
 По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
 По рукавчикамъ и околъ ворота
 Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
 Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:
 15 Спереду-то не видать лица румянаго
 И сзади не видать шеи бѣленькой;
 Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
 Дорогихъ-то соболей заморскихъ;
 Кушачокъ онъ опоясалъ семишолковый,
 20 Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
 Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
 Вокругъ носика-то носа яйцо кати,
 Подъ пятѹ подъ пятѹ воробей лети;
 Денежекъ-то взялъ онъ пятьдесятъ рублей,
 25 Пятьдесятъ рублей онъ взялъ да со полтиною.
 Онъ пошелъ на чужу дальню на сторонѹшку,
 Приходить-то онъ ко городу ко чужему:
 Городъ чужъ, люди не знаѹмы,
 Не знаетъ онъ, куда бы пріютиться.
 30 Подошелъ-то ко царѣвому ко кабаку,
 Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
 Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ,
 Ясны очѹшки втопилъ онъ во сыру землю.
 Изъ того царѣва изъ кабака
 35 Выходила бабища курвѣжища,
 Турыжная бабища, ярыжная ¹⁾):
 Станомъ ровна и лицомъ бѣла,
 У ней кровь въ лица быдто у заяцы,
 Въ лица ягодицы ²⁾ цвѣту макова.
 40 Она стала вокругъ молодца похаживать:
 « Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?

---

¹⁾ Турыжная—потаскушка; ярыжная—развратная.

²⁾ Ягодица—щека.

- « Али городъ тебѣ чужъ, люди не знаемы,
« Не знаешь ты, куда пріютитися?
« Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
45 « Испей-ка чарочку зелена вина:
« Тутъ-то, молодецъ, пораскуражишься,
« Со мною ли, молодецъ, позабавишься.»
Онъ послушалъ этой бабищи курвяжищи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
50 Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ още другую,
Выпивалъ молодецъ още третью.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
55 Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обвалился молодецъ онъ на царевъ кабакъ.
Подшли тутъ къ нему голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишолковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
60 Съ него шапочку-то сняли соболиную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотики липовы,
Поношены тьи, брошены,
65 Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену,
На головушку одѣли колпачокъ липовый,
Поношенный тотъ, брошенный.
Пробудился онъ ото сна молодецкаго,
70 Пораскинулъ свои очи ясныя:
Съ него снята одежица драгоцѣнная,
Надѣта одежица липова,
Поношена, да тая брошена.
Сидитъ тутъ молодецъ—закручинился,
75 Закручинился—сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
Подходила къ нему бабища курвяжища,

- Турыжная бабица, ярыжная,
80 Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Не кручинься-тко, дородній добрый молодецъ,
« Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
« Испивай-ка чару зелена вина:
« Тогда ты, молодецъ, раскуражишься
85 « И со мною, молодецъ, позабавишься.»
Подносила ему чару зелена вина,
Подносила она друтую,
Подносила она третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился.
90 Онъ пошелъ по городу похаживать,
Сталъ по чужему погуливать,
Гулялъ день съ утра до вечера.
И загулялъ онъ ко хозяину къ басонщику,
Онъ задался во работушки въ басонскія.
95 Живетъ онъ поры-времячки день за день,
День за день живетъ, да годъ за годъ,
Прожилъ онъ поры-времени три года.
Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ нажилъ со полтиною;
100 Одежицу собѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
Шубоньку сшилъ онъ себѣ куньюю,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
105 Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше гѣловы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзаду не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскіихъ;
110 Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковый,
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то носа яицѣ кати,
Подъ пятѣ подъ пѣту воробей лети.
115 Пошелъ молодецъ по городу похаживать,

- Онъ пошелъ по чужему погуливать,
Гулялъ день съ утра до вечера,
И не знаетъ онъ, куда пріютится.
Подошелъ-то ко цареву ко кабаку.
- 120 Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонивъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того цареваго изъ кабака
Выходила бабища курвяжища,
- 125 Турыжная бабища, ярыжная;
Станомъ ровна и лицомъ бѣла,
У ней кровь въ лицѣ будто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похаживать:
- 130 « Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?
« Али городъ тебѣ чужъ, люди не знаемы,
« Не знаешь ты, куда пріютится?
« Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
« Испей-ка чарочку зелена вина:
- 135 « Тутъ ты, молодецъ, пораскуражишься,
« Со мною ли, молодецъ, позабавишься ».
Онъ послушался этой бабищи курвяжищи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
- 140 Выпивалъ онъ еще дрѹгую,
Выпивалъ молодецъ еще третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
- 145 Обвалился молодецъ онъ на царевъ кабакъ.
Подошли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишелковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболиную,
- 150 Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотики липовы,

- Поношены тыи, брошены,
Рогожку одѣли липову,
155 Поношену тую, брошену,
На головушку одѣли колпачокъ липовый,
Поношенный тотъ, брошенный.
Сидить тутъ молодецъ—закручинился,
Закручинился—сидить, самъ запечалился,
160 Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мость.
Подходила къ нему бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная,
Она стала вокругъ молодца похаживать:
165 « Не кручинься-тко, дородній добрый молодецъ,
« Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
« Испивай-ка чару зелена вина:
« Тогда ты, молодецъ, раскуражишься
« И со мною, молодецъ, позабавишься ».
170 Подносила къ нему чару зелена вина,
Подносила ему другую,
Подносила она третьюю:
Тутъ молодецъ пораскуражился.
- Онъ пошелъ по городу похаживать,
175 Сталъ по чужему погуливать,
Гулялъ день съ утра до вечера,
И загулялъ онъ ко хозяину къ басонщику,
Онъ задался во работушки въ басонскія.
Живетъ онъ поры-времячки день за день,
180 День за день живетъ, да годъ за годъ:
Прожилъ онъ поры времени три года.
Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей нажилъ со полтиною;
Одежицу собѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
185 Шубоньку сшилъ онъ собѣ куньюю,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;

Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:

- 190 Спереду-то не видать лица румянаго
И сзади не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскихъхъ:
Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковый,
195 Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ:
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то носа лицѣ кати,
Подъ пятѹ подъ пѣту воробей лети.

Пошелъ молодецъ по городу похаживать,

- 200 Онъ пошелъ по чужему погуливать,
Гулялъ день съ утра до вечера,
И не знаетъ онъ, куда пріютиться.
Подошелъ-то ко цареву ко кабаку,
Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
205 Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ.
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того царскаго изъ кабака
Выходила бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная;
210 Станомъ ровна и лицомъ бѣла,
У ней кровь въ лицѣ быдто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?
215 « Али городъ тебѣ чужъ, люди не знаемы,
« Не знаешь ты, куда пріютиться?
« Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
« Испей-ка чарочку зелена вина:
« Тутъ ты, молодецъ, пораскуражишься,
220 « Со мною ли, молодецъ, позабавишься. »
Онъ послушался этой бабищи курвяжищи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ още дрѹгую,

- 225 Выпивалъ молодецъ още третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обвалился молодецъ онъ на царевъ кабакъ.
- 230 Подошли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишелковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболиную,
Сапоженьки разули сафьянные,
- 235 Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ:
Обули лапотики липовы,
Поношены тыи, брошены,
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену,
- 240 На головушку одѣли колначокъ липовый,
Поношенный тотъ, брошенный.
Сидить тутъ молодецъ—закручинился,
Закручинился—сидить, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
- 245 Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
Подходила къ нему бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная,
Она стала вокругъ молодца похаживать:
« Не кручинься-тко, дородній добрый молодецъ,
250 « Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
« Испивай-ка чару зелена вина:
« Тогда ты, молодецъ, раскуражишься
« И со мною, молодецъ, позабавишься ».
Подносила къ нему чару зелена вина,
- 255 Подносила ему другую,
Подносила она третьюю:
Тутъ молодецъ пораскуражился.
Встаетъ молодецъ на рѣзвы ноги,
Палъ молодецъ о кирпиченъ мостъ,
- 260 Обвернулся молодецъ сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ онъ по раздольицу чисту полю:

А Горюшко за нимъ въ слѣдъ собакою.
 Палъ онъ о матушку сыру землю,
 Обвернулся молодець яснымъ соколомъ,
 265 Полетѣлъ онъ по подболочью:
 А Горюшко за нимъ въ слѣдъ чернымъ ворономъ.
 Тутъ молодець онъ прѣставился:
 Свезли-то на могилу на родительску,
 Положили во матушку сыру землю;
 270 Горюшко сидитъ, само заплакало:
 « Ты хорошъ-то быть, дородній добрый молодець!
 « А я още пойду на чужую сторонушку,
 « Найдутъ-то я много лучше тебя! »

II.

ЧУКОВЪ.

Абрамъ Евтихievъ Чуковъ (у Рыбникова *Чукоевъ*), по прозванію Бутылка, крестьянинъ дер. Горка, Пудожгорскаго погоста Римской волости Повѣнецкаго уѣзда. Свѣдѣнія о немъ см. въ «Замѣткѣ» Рыбникова и у Гильфердинга II, 442—443, а также во вступительной статьѣ послѣдняго (I, 13, 36, 40). Мы сочли возможнымъ зачислить за этимъ сказателемъ 19 былинъ, тогда какъ Рыбниковъ напечаталъ прямо съ его именемъ лишь 9 (всѣ въ III томѣ, настоящ. изд. №№ 23, 24, 25, 27, 32, 33, 35, 36, 37), да косвенно далъ понять въ «Замѣткѣ», что двѣ былины I тома (24 и 77, настоящ. изд. №№ 25 bis и 33 bis) записаны кѣмъ-то другимъ у того же пѣвца и составляютъ дублиеты къ записаннымъ позднѣе самимъ собирателемъ отъ Чукова текстамъ (№№ 15 и 52 III тома). Къ этимъ 11 былинамъ 6 ¹⁾ присоединены по прямому указанію Гиль-

---

¹⁾ Стар. изд. I, 25, 38, 49, 65; II. 16, 20. Настоящ. изд. №№ 26, 28 bis, 29, 31, 28, 30. При этомъ одно указаніе (I, 38 = 28 bis) извлекается изъ вступит. статьи Гильферд., стр. 40.

Фердинга, а двѣ ¹⁾ лично нами, по соображеніямъ, изложеннымъ ниже въ примѣчаніяхъ къ нимъ. 4 изъ этихъ 19 представляютъ дублиеты, записанные не Рыбниковымъ, и потому напечатаны петитомъ при подлинныхъ Рыбниковскихъ записяхъ.

23.

ЖЕНИТЬБА ВЛАДИМИРА.

- Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
 Жилъ былъ славный Владиміръ князь.
 Похотѣлъ тутъ князь пожениться
 За славнымъ за синемъ моремъ,
 5 У того короля у Литовскаго,
 На той Настасѣ королевичной.
 Вызываетъ онъ сватовъ, добрыхъ молодцевъ,
 Добрыхъ молодцевъ, братьевъ родимыхъ,
 Родимыхъ братьевъ, любимыхъ:
 10 Одного звали Федоромъ Ивановичемъ,
 А другаго Васильемъ Ивановичемъ.
 Приходили они ко князю Владиміру,
 Брали они молодыхъ коней,
 Брали сѣделышка черкасскія,
 15 И сѣдлали они молодыхъ коней;
 Брали они плеточки шелковыя,
 И бросали они плеточки шелковыя;
 Брали въ руки тросточки дубовыя,
 Садились они на добрыхъ коней.
 20 Видѣли молодцевъ сядучи,
 А не видли удалыхъ поѣдучи:
 Далече они ѣдутъ въ чистомъ полѣ,
 Въ чистомъ полѣ одна пыль стоитъ;
 Куда махнутъ тросточкой дубовой,

---

¹⁾ Стар. изд. II, 40, 55. Настоящ. изд. №№ 32 bis и 34.

- 25 Туда стануть улицы съ проулками,
Туда станетъ чистая дороженька.
Пріѣхали за славно за сине море
Ко тому королю ко Литовскому;
Становились они среди двора,
- 30 Выходили они со добрыхъ коней,
Брали коней за поводъ шелковые,
Вязали ко столбичкамъ точеныимъ,
Ко тымъ колечкамъ золоченыимъ.
Говорить тутъ Ѳедоръ Ивановичъ:
- 35 « Ай же ты, братецъ родимый мой!
« Ай же, товарищъ любимый мой,
« На дворѣ ты постой, жеребцевъ погляди;
« Пойду я въ терема высокіе,
« Въ его палаты красовитыя ».
- 40 Пошелъ онъ въ терема высокіе,
Во тыя палаты красовитыя,
Отворяетъ онъ двери кленовыя,
Снимаетъ онъ шляпу пуховую,
Полагаетъ на стопку золоченую;
- 45 Крестъ онъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Поклоняется онъ на двѣ стороны,
Говорить королю таковы слова:
« Здравствуй, король Литовскій! »
- 50 Говорить тутъ король по-Литовскій:
— Ты зачѣмъ зашелъ, удалый добрый молодецъ,
— Во мои палаты красовитыя?—
Говорить тутъ Ѳедоръ Ивановичъ:
« Я не пѣша пришелъ, на конѣ пріѣхалъ,
- 55 « Со своимъ со любезнымъ товарищемъ,
« Со любезнѣйшимъ братцемъ родимымъ:
« Первое дѣло—себя показать,
« Другое дѣло—тебя посмотриѣть,
« Третье дѣло—есть сватовство
- 60 « На твоей любимыя на дочери,
« На той Настасѣ королевичной,

- « За славнаго князя за Владиміра. »
Закручинился король тутъ, запечалился,
Не хочетъ дать Настасьи королевичной
65 За этого князя за Владиміра.
Отъ этого князя отъ Владиміра
Пріѣзжали лакеи молодые,
Привозили писемечко строгое,
Отдавали удалымъ добрымъ молодцамъ,
70 Говорили они таковы слова:
« Ай же ты, Ѳеодоръ Ивановичъ,
Ай же ты, Василій Ивановичъ!
« Буде честью отдастъ, то честью везите;
« Буде честью не отдастъ,—возьмите безъ чести ».
75 Выходила тутъ Настасья королевична
На свое переное крылечушко
Въ своемъ уборѣ дѣвочьемъ,
Въ своемъ нарядѣ господскомъ,
Говорила она таковы слова:
80 « Ай же ты, Василій Ивановичъ,
« Ай же ты, Ѳеодоръ Ивановичъ!
« Буде естъ ума разума въ головушкахъ,
« Возьмите-ко вы батюшка родимаго,
« Моего короля любимаго,
85 « Стащите его вы во чисто поле,
« Закопайте-ко вы во сыру землю,
« Закопайте его до бѣлыхъ грудей.
« Можетъ, въ ту пору король обзумѣется,
« Можетъ въ ту пору король образумится,
90 « Можетъ быть, меня Настасью королевичну
« Отдастъ за князя за Владиміра.
« Хоть я не была во городѣ во Кіевѣ,
« Но знаю все имѣнїе и богатество.
« У этого у князя у Владиміра
95 « Стоять палаты красовитыя,
« Стоять луга гряновитые;
« У моего батюшка родимаго,
« У моего короля любимаго,

- « Палатишки стоять пустешеньки,
100 « Лужишка посѣяны низешеньки,
« Низешеньки лужишка, нелюбешеньки! »
Въ это время король по-Литовскій
Стоялъ за дверями дубовыми,
За этими порогами сѣченными,
105 Повыслушалъ ея таковы слова,
У своей Настасьи королевичной,
Говорилъ онъ сватамъ таковы слова:
« Возьмите вы Настасью королевичну,
Посадите на молодого жеребчика ».
110 Тутъ видли Настасью справляючи,
Видли Настасью и сядучи,
А не видли королевичной поѣдучи.
Далече ѣдетъ она въ чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ одна пыль стоитъ.
115 Приѣхали ко граду ко Кіеву,
Ко славному князю ко Владиміру.
Выходитъ тутъ Владиміръ князь
Во своемъ уборѣ господскомъ,
Во своемъ снаряждѣ молодецкомъ,
120 Со великою со радостью
Стрѣчаетъ онъ Настасью королевичну.
Бралъ онъ Настасью королевичну
За ручки бѣлыя, за ея перстни злаченые,
Опускаетъ онъ съ молодого жеребца;
125 Бралъ онъ ее за груди нѣжныя,
Цѣловалъ въ уста печальныя,
Проводилъ въ палаты бѣлокаменны,
Въ тѣ палаты красовитыя.
Пиръ онъ провелъ по честному,
130 И людей накормилъ до сытешенька,
А сватовъ напоилъ до пьянешенька.
Всѣ люди идутъ да похваляются:
« Вотъ у насъ есть солнышко Владиміръ князь,
« Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
135 « Нѣтъ такового во всей Руси,

« И нѣтъ таковаго въ каменной Москвы ».
 Тутъ вѣкъ о Владиміръ старину поють,
 Синему морю на тишину,
 А всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

24.

ИЛЬЯ И ИДОЛИЩЕ.

- Бздилъ Илья Муромецъ по чисту полю,
 Наѣхалъ-то старчища Пилигримища.
 И самъ говоритъ таковы слова:
 « Ай же ты, старчище Пилигримище!
- 5 « Дай-ко ты мнѣ своихъ платьевъ старческихъ,
 « Дай-ко мнѣ клюху сорока пудовъ;
 « Добромъ буде не дашь, силомъ возьму ».
 Сокрутился онъ старчищемъ Пилигримищемъ
 И пошелъ по полю по чистому.
- 10 Во ту ли пору, во то время
 Бздило Идолище подь облакой,
 Шибало свою палицу стопудовую,
 На конѣ гоняло и само подхватывало.
 И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
- 15 « Ты дай-ко мнѣ, Господи, дожжичка
 « Частенькаго и то меленькаго,
 « Чтобы подмочило у Идолища добра коня крылатаго;
 « Опустилось бы Идолище на сыру землю,
 « Поѣхало бъ Идолище по чисту полю. »
- 20 Даль тутъ Господь дожжичка
 Частенькаго и то меленькаго,
 Подмочило у Идолища добра коня крылатаго;
 Опустилось Идолище на сыру землю
 И поѣхало по чисту полю,
- 25 И увидѣло старчища Пилигримища:

- Шляпа у него тридцати пудовъ,
 Клюха у него сорока пудовъ.
 И говорить Идолище таковы слова:
 — Какъ по платицу, старчище Пилигримище,
 30 — А по походочкѣ быть старому казаку Илью Муромцу:
 — Хоть кто хошь тутъ быдѣ, а жива не спущу.—
 Какъ змахнулъ своей палицей булатной
 Во того старчища Пилигримища,
 А Илья на ножку былъ повертокъ,
 35 Увернется подѣ гриву лошадиную:
 Пролетѣла палица во сыру землю.
 Какъ скочить изъ-подѣ гривы лошадиныя,
 Змахнулъ клюхой сорока пудовъ,
 Ударилъ Идолище въ буйну голову
 40 И убилъ Идолище проклятое.
 Тутъ по три дня было пированьице
 Про стараго казака Илью Муромца,
 Что убилъ Идолище поганое.
 Тутъ вѣкъ про Илью старину поють,
 45 Синему морю на тишину,
 А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Запис. въ Петрозаводскѣ, 29 іюня 1863 г.).

25.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

(Гильферд., № 148.)

- Добрынюшкѣ матушка говорила:
 « Что молодѣ сталъ ѣздить во чисто поле,
 « На ту гору Сорочинскую,
 « Топтать-то молодыхъ змѣенышей,
 5 « Выручать-то полоновъ русскіихъ.
 « Не купись, Добрыня, во Пучай рѣкѣ;

- « Пучай рѣка есть свирѣлая:
 « Середня струйка какъ огонь сѣчетъ. »
 Добрынюшка матушки не слушался,
 10 Идетъ на конюшенку стоялую,
 Беретъ онъ своего добра коня;
 Сѣдлалъ бурка въ сѣделышко черкасское,
 Потнички клалъ на потнички,
 А на потнички кладетъ войлочки,
 15 А на войлочки кладетъ черкасское сѣделышко.
 Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 А тринадцату клалъ ради крѣпости,
 Чтобъ добрый конь сподъ сѣдла не выскочилъ,
 Добра молодца съ добра коня не вырутилъ ¹⁾.
 20 Подпруги были шелковые,
 Пряжки у сѣдла красна золота,
 Шпеньки ²⁾ у подпруговъ все булатныя:
 Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
 Красно золото не ржавѣтъ,
 25 Молодецъ на конѣ сидитъ—не старѣтъ.
 Какъ былъ онъ во чистомъ полѣ,
 На тыхъ горахъ на высокихъ,
 Потопталъ младыхъ змѣенышевъ,
 Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
 30 Богатырско его сердце нажадѣлося ³⁾,
 Нажадѣлося и распотѣлося.
 Онъ приправилъ своего добра коня,
 Добра коня ко Пучай рѣкѣ,
 Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
 35 Снимаетъ съ себя платье цвѣтное,
 Забрелъ за струечку за первую,
 И забрелъ за струечку за среднюю,
 И самъ говорилъ таково слово:
 « Мнѣ Добрынюшкѣ матушка говаривала,

---

¹⁾ Не выбросилъ.

²⁾ Пряжечныя шпильки.

³⁾ Возжаждало, пожелало, отъ жада ти, чувствовать жажду, желать.

- 40 « Мнѣ Никитичу матушка наказывала,
 « Что не ѣзди далече во чисто поле,
 « На тую гору Сорочинскую,
 « Не топчи-ко младыхъ змѣнышевъ,
 « Не выручай полоновъ русскіихъ,
 45 « Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣкѣ;
 « Что Пучай рѣка есть свирѣпая:
 « Середня струйка какъ огонь сѣчетъ.
 « А Пучай рѣка есть кротка, смирна:
 « Она будто лужа дождевая ».
- 50 Не успѣлъ Добрыня въ часъ слово смолвити,
 Какъ въ тую пору, въ то время,
 Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
 Тучи нѣтъ, а только дождь дожить,
 Дождя-то нѣтъ, свищеть молвія,
 55 Молвіи нѣтъ, искры сыпятся,—
 Летить змѣище-Горынчище,
 О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
 Хочетъ змѣя его съ конемъ сожечь,
 Сама говоритъ таково слово:
- 60 — Теперечь Добрыня во моихъ рукахъ;
 — Захочу—Добрыню теперь потоплю,
 — Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
 — Въ хобота возьму и въ нору снесу,
 — Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру.
- 65 Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ,
 Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
 Нырнетъ на бережекъ на здѣшній;
 Нѣту у Добрынюшки добра коня,
 И нѣтъ его платьевъ цвѣтныхъ,
 70 И нѣтъ меча бурзameцкаго,
 Только что лежитъ на землѣ пуховъ колпакъ,
 Насыпанъ колпакъ земли греческой,
 По вѣсу колпакъ цѣло три пуда.
 Какъ припадаетъ змѣя къ быстрой рѣкѣ,
 75 Онъ хватилъ колпакъ земли греческой,
 Шибнетъ во змѣю во проклятую,

- Ошибъ змѣѣ двѣнадцать всѣхъ хоботовъ,
 Упала змѣя во ковыль траву.
 На крестѣ былъ у Добрынюшки булатенъ ножъ,
 80 Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
 Скочилъ на змѣнины груди бѣлыя,
 А змѣя Добрынѣ ему змолится:
 — Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитиничъ!
 — Мы положимъ заповѣдь великую,
 85 — Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
 — Не носить людей больше русскіихъ,
 — Не копить мнѣ полоновъ русскіихъ;
 — А тебѣ не ѣздить во далече во чисто поле,
 — Не топтать ти младыхъ змѣенышевъ,
 90 — Не выручать полоновъ русскіихъ.—
 Положили они заповѣдь великую.
 Какъ спустилъ змѣю сподъ колѣнъ своихъ,
 Тая змѣя она проклятая
 Поднялась она вверхъ подъ облаку;
 95 Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
 Увидала она князеву племянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну
 Идучись по улицы широкія,
 Припадала змѣя ко сырой земли,
 100 Схватила она князеву племянницу,
 Унесла во нору во глубокую.
 Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
 По три дня онъ билиць-волшебницъ скликивалъ,
 Не могъ билиць онъ докликатися,
 105 Кто бы могъ съѣздить во далече во чисто поле,
 Достать князеву племянницу.
 Говоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
 « Что, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
 « Накинъ-ко эту службу великую
 110 « На того Добрыню на Никитича:
 « У того Добрыни у Никитича
 « Со змѣей вѣдь заповѣдь положена;
 « Онъ съѣздить во далече во чисто поле,

- « Онъ достанетъ намъ Забаву Путятичну
115 « Безъ бою, безъ драки-кроволитія. »
Накинулъ онъ службу великую
На того Добрыню на Никитича.
Онъ пошелъ домой Добрыня, закручинился.
Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:
120 — Что же ты, Добрынюшка Никитиничъ,
— Идешь съ пиру, самъ кручинишься?
— Знать мѣсто было тамъ не по чину,
— Чарой на пиру тебя приобнесли,
— Аль дуракъ на пиру надсмѣялся де? —
125 Говорилъ Добрынюшка Никитиничъ:
« Мѣсто было мнѣ-ка по чину,
« Чарой на пиру меня не обнесли,
« И дуракъ надо мной не надсмѣялся де;
« А накинулъ службу де великую
130 « Тотъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
« Что съѣздить во далече во чисто поле,
« Сходить на ту гору Сорочинскую,
« Сходить во нору во глубокую,
« Достать-то князеву племянницу,
135 « Молоду Забаву дочь Путятичну. »
Говорила родна его матушка:
— Ложись-ко спать рано съ вечера:
— Утро будетъ оно мудрое,
— Мудренѣе утро будетъ вечера.—
140 Онъ ставалъ по утрушку ранешенько,
Умывался по утрушку бѣлешенько,
Снаряжался хорошихонько;
Обсѣдлалъ онъ дѣдушкова добра коня,
Садился скоро на добра коня;
145 Провожала его родна матушка,
На прощеньице плетку подала:
— Ахъ ты ей, рожоно мое дитятко!
— Возьми-ко плеточку шелковую.
— Когда будешь во далечѣ во чистомъ полѣ,
150 — На тоя горы на Сорочинскія,

- Потопчешь молодыхъ змѣнышевъ,
— Тыи молодые змѣныши
— Подточать они у коня щеточки ¹⁾, —
— И бей бурка промежу уши,
155 — И бей бурка промежу ноги,
— Промежу ноги да между заднія:
— Что станетъ твой бурушко поскакивать,
— Змѣнышевъ отъ ногъ отряхивать,
— Притопчетъ всѣхъ до одинаго. —
160 Какъ будетъ онъ во далечѣ во чистомъ полѣ,
На тья горы Сорочинскія,
Потопталъ онъ молодыхъ змѣнышевъ,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ;
Тыи же молодые змѣныши
165 Подточили у бурка они щеточки,
Что не можетъ онъ бурушко поскакивать,
Змѣнышевъ отъ ногъ онъ отряхивать.
Онъ бралъ де плеточку шелковую,
Бьетъ бурка промежу уши,
170 И бьетъ бурка промежу ноги,
И промежу ноги, ноги заднія:
И сталь его бурушко поскакивать,
Змѣнышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ до одинаго.
175 Выходила змѣя тутъ проклятая
Изъ тоя норы изъ глубокия,
Говорила змѣя ему проклятая:
« Ахъ ты ей, Добрыня сынъ Никитиничъ!
« Ты зачѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
180 « Притопталъ всѣхъ малыхъ дѣтушекъ? »
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай же ты, змѣя проклятая!
— Черти ли тебя несли чрезъ Кіевъ градъ,
— Зачѣмъ взяла князеву племянницу,
185 — Молоду Забаву дочь Путятичну?

---

¹⁾ Мѣсто надъ ковытомъ.

- Отдай ее безъ драки, кроволитіа!—
Говорить ему змѣя проклятая:
« Не отдамъ я князевой племянницы
« Безъ драки, безъ бою-кроволитіа. »
- 190 Заводила она бой-драку великую.
Дрался со змѣей онъ трои сутки,
И не могъ Добрыня змѣи перебить;
Хочетъ Добрыня отъ змѣи отстать,
Съ небесъ ему гласъ гласить:
- 195 — Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Дрался ты съ змѣей трои сутки,
— Подерись съ змѣей еще три часу:
— Ты побьешь змѣю проклятую.—
Дрался онъ съ змѣей еще три часу,
- 200 Онъ убилъ змѣю-то проклятую:
Тая змѣя кровью пошла.
Стоялъ у змѣи онъ трои сутки,
Не могъ онъ крови той переждать,
Хочетъ Добрыня отъ змѣи отстать,
- 205 А съ небесъ Добрынѣ гласъ гласить:
— Ай же ты, Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Стоялъ ты у змѣи трои сутки,
— Постой еще у змѣи три часу;
— Возьми ты копье бурзамецкое,
- 210 — Ты бей копьемъ о сыру землю,
— Самъ къ копыю приговаривай:
— « Разступись-ко, матушка сыра земля!
— « На четыре разступись на четверти,
— « Пожри-ко всю кровь змѣиную. »—
- 215 Стоялъ онъ у змѣи еще три часу,
Бралъ копье бурзамецкое,
Билъ копьемъ о сыру землю,
Самъ къ копыю приговаривалъ:
« Разступись-ко, матушка сыра земля!
- 220 « На четыре разступись на четверти,
« Пожри-ко всю кровь змѣиную. »
Разступилась матушка сыра земля,

- На четыре разступилась на четверти,
Пожрала всю кровь змѣиную.
- 225 Тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Опустился онъ во нору во глубокую,
Самъ говорилъ таково слово
Молодой Забавы дочь Путятичной:
« Ай же ты, Забава дочь Путятична!
- 230 « За тебя я эдакъ странствую.
« Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру. »
У тоя змѣи у проклятыя
Наношено силы сорокъ тысячей,
235 Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Сорокъ королей, сорокъ королевичей,
А простой-то силы и смѣты нѣтъ.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
« Вы всѣ цари, всѣ царевичи,
240 « Всѣ короли, всѣ королевичи!
« А вамъ всѣмъ воля вольная,
« Куда вздумаете, туда пойдете. »
Повезъ онъ князеву племянницу
По той ли по пути по дороженькѣ;
245 Наѣхалъ онъ бродъ лошадиный,
По колѣну у ней во землю угрязнуто ¹⁾.
Онъ догналъ Алешеньку Левонтьевича,
Самъ говоритъ таковы слова:
« Ай же ты, Алешенька Левонтьевичъ!
- 250 « Возьми-ка Забаву дочь Путятичну,
« Отвези-ка ю во Кіевъ городъ,
« Ко ласкову князю ко Владиміру. »
Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадинымъ,
Догналъ поленицу, женщину великую,
255 Ударилъ своей палицей булатной
Тую поленицу въ буйну голову:

---

¹⁾ Лошадиный бродъ — слѣдъ, онъ былъ глубокъ: по колѣна вдавливался грязь.

- Поленица назадъ не оглянется,
 Добрыня на конѣ приужахнется.
 Приѣзжалъ Добрыня къ сыру дубу,
 260 Толщиною дубъ былъ шести сажень,
 Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
 Да расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ ¹⁾,
 Самъ говоритъ таково слово:
 « Силы у Добрыни есть по-старому,
 265 « А смѣлость у Добрыни не по-старому. »
 Онъ назадъ Добрынюшка воротился,
 Догналъ поленицу, женщину великую,
 Ударилъ своей палицей булатной
 Тую поленицу въ буйну голову:
 270 Поленица назадъ не оглянется,
 Добрыня на конѣ приужахнется.
 Назадъ Добрынюшка воротится,
 Приѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
 Толщиной дубъ сажень двѣнадцати,
 275 Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
 Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
 Самъ говоритъ таково слово:
 « Силы у Добрыни есть по-старому,
 « А смѣлость у Добрыни не по-старому. »
 280 Онъ догналъ поленицу, женщину великую,
 Ударилъ своей палицей булатной
 Тую поленицу въ буйну голову;
 Поленица назадъ приоглянется,
 Сама говоритъ таково слово:
 285 — Я думала, комарики покусываютъ,
 — Ажно ²⁾ русскій могучій богатырь пощалкиваетъ.—
 Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
 Посадила его во глубокъ карманъ,
 Везла она Добрыню трои сутки;
 290 Испровѣщится какъ ей добрый конь,

¹⁾ На тонкую дрань.

²⁾ Анъ, а между тѣмъ.

- Ей добрый конь голосомъ человѣческимъ:
 « Ай ты ей, Настасья дочь Никулична!
 « Не могу везти васъ съ богатыремъ:
 « Конь у богатыря противъ меня,
 295 « А сила у богатыря супротивъ тебя. »
 Говорила Настасья дочь Никулична:
 — Я повыздыну богатыря изъ карманчика.
 — Ежели богатырь онъ старій,
 — Я богатырю голову срублю;
 300 — А ежели богатырь онъ младій,
 — Я богатыря въ полонъ возьму;
 — А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
 — Я теперь за богатыря замужъ пойду.—
 Повыздынетъ Добрыню изъ карманчика,
 305 Добрыня ей тутъ въ любовь пришелъ.
 Поѣхали ко граду ко Кіеву,
 Ко ласкову князю ко Владиміру,
 Приняли они по злату вѣнцу.
 Тутъ по три дня было пированье,
 310 Про молода про Добрыню про Никитича,
 Что досталь онъ князеву племянницу.
 Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
 Синему морю на тишину,
 Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

25 bis.

- Добрынюшки матушка говорила:
 « Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
 « На ту гору Сорочинскую,
 « Топтать-то молодыхъ змienenшей,
 5 « Выручать-то полоновъ русскіихъ.
 « Не купись, Добрыня, во Пучай рѣки.
 « Пучай рѣка есть свиріпья:
 « Средняя струйка какъ огонь сичеть. »
 Добрынюшка матушки не слушался,
 10 Идетъ на конюшенку стоялую,
 Беретъ онъ своего добра коня;
 Сѣдлалъ бурка во сѣдлышко Черкасское,
 Потнички клалъ на потнички,
 А на потнички кладетъ войлочки,

- 15 А на войлочки кладеть Черкасское сидѣлышко.
 Всѣхъ подтягиваль двинадцать тугихъ подпруговъ,
 А тринадцатую клаль ради крѣпости,
 Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
 Добра молодца съ добра коня не вырутилъ.
- 20 Подпруги были шелковыя,
 Пряжки у сѣдла красна золота,
 Шпенки у подпруговъ все булатныя:
 Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
 Красно золото не ржавиеть,
- 25 Молодецъ на кони сидитъ—не стариеть.
 Какъ былъ онъ во чистомъ поли,
 На тыхъ горахъ на высокихъ,
 Потопталъ младыхъ зминышей,
 Повыручилъ полоновъ русскихъ,
- 30 Богатырско его сердце пожадѣлося,
 Пожадѣлося и распотѣлося.
 Онъ приправилъ своего добра коня,
 Добра коня ко Пучай рѣки,
 Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
- 35 Снималь съ себя платье цвитное,
 Забрелъ за струечку за первую,
 И забрелъ за струечку за среднюю,
 И самъ говорилъ таково слово:
 « Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
- 40 « Мнѣ Никитичу матушка наказывала,—
 « Что не изди далече во чисто поле,
 « На тую гору Сорочинскую,
 « Не топчи-ко младыхъ зминышей,
 « Не выручай полоновъ русскихъ,
- 45 « Не куплись, Добрыня, во Пучай рѣки,
 « Что Пучай рѣка есть свирипая:
 « Середня струйка какъ огонь сичеть,—
 « А Пучай рѣка есть кротка, смирна;
 « Она будто лужа дождевая. »
- 50 Какъ въ тую пору, въ то время
 Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
 Тучи нѣтъ, а только дождь дождитъ,
 Дождя-то нѣтъ, искры сыпятся,—
 Летитъ Змище-Горынчище,
- 55 О двинадцати змия о хоботахъ.
 Хочетъ змия его съ конемъ сожечь,
 Сама говорить таково слово:
 — Тепереча Добрыня въ моихъ рукахъ,
 — Захочу—Добрыню теперь потоплю,
- 60 — Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
 — Въ хобота возьму и на Русь возьму,
 — Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру.—

- Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ:
 Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
 65 Нырнетъ на бережекъ на здѣшній;
 Нѣту у Добрынюшки добра коня,
 И нѣтъ его платьевъ цвѣтныхъ,
 И нѣтъ меча бурзаецкаго,
 Только что лежитъ на земли пуховъ колпакъ,
 70 Насыпанъ колпакъ земли греческой,¹⁾
 По вѣсу колпакъ пѣло три пуда.
 Онъ хватилъ колпакъ земли греческой,
 Махнулъ во змию во проклятую,
 Ошибъ змиѣ двенадцать всѣхъ хоботовъ,
 75 Упала змия во ковыль траву.
 Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
 Скочилъ на зминины груди бѣлыя,
 А змия Добрынѣ сму взмолился:
 — Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитичъ!
 80 — Мы положимъ заповѣдь великую,
 — Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
 — Не носить людей больше русскіихъ,
 — Не копить мнѣ полоновъ русскіихъ,
 — А тебѣ не издѣть далече во чисто поле,
 85 — Не топтать ти младыхъ змиенышей,
 — Не выручать полоновъ русскіихъ. —
 Положили они заповѣдь великую.
 Тая змия она проклятая
 Поднялась она вверхъ подъ облаку,
 90 Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
 Увидала она князеву племянницу,
 Припадала змия ко сырой земли,
 Схватила она князеву племянницу,
 Унесла во нору во глубокую.
 95 Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
 По три дня онъ билиць-волшебницъ скликивалъ,
 Не могъ билиць онъ докликатися,
 Кто бы могъ съездить далече во чисто поле.
 Говоритъ Алешенька Леонтьевичъ:
 100 «Что, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
 «Накинь-ко эту службу великую
 «На того Добрыню на Никитича:
 «У того Добрыни у Никитича
 «Со змией вѣдь заповѣдь положена;

¹⁾ У Добрыни былъ „колпакъ земли Греческой“, *πίτακος*, т.-е. дорожный, съ широкими полями, такъ что изъ него можно было сдѣлать большой кулъ; Добрыня и насыпалъ его землею, пескомъ, чтобы бросить въ Горынича; но пѣвецъ, смѣшавъ то и другое, передаетъ, что колпакъ былъ „насыпанъ земли греческой“. — Б.

- 105 « Онъ достанетъ намъ Забаву Путятичну
 « Безъ бою, безъ драки-кровопролитія. »
 Накинулъ онъ службу великую
 На того Добрыню на Никитича.
 Онъ пошелъ Добрыня, закручинился,
 110 Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:
 — Что же ты, Добрынюшка Никитичъ,
 — Идешь съ пиру—самъ кручинившись?
 — Знать, мѣсто было тамъ не по чину,
 — Чарой на пиру тебя приобнесли,
 115 — Аль дуракъ на пиру надсмѣялся де?—
 Говорилъ Добрынюшка Никитичъ:
 « Что мѣсто мнѣ было по чину,
 « Чарой на пиру меня не обносили,
 « И дуракъ надо мной не надсмѣялся де;
 120 « А накинулъ службу, де, великую
 « Тотъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
 « Что съѣздить далече во чисто поле,
 « Сходить на тую гору Сорочинскую,
 « Сходить во нору во глубокою,
 125 « Достать-то князеву племянницу,
 « Молоду Забаву дочь Путятичну. »
 Говорила родна его матушка:
 — Ложись-ко спать рано съ вечера:
 — Утро будетъ оное мудрое,
 130 — Мудренѣе утро будетъ вечера.—
 Онъ вставалъ по утрушку ранешенько,
 Умывался по утрушку бѣлешенько,
 Снаряжался хорошихонько;
 Обсаждалъ онъ дѣдушкова добра коня;
 135 Садился скоро на добра коня;
 Провожала его родна матушка,
 На прощаньицѣ плетку подала:
 — Ахъ ты ей, рожоно мое дитятко!
 — Возьми-ко плеточку шелковую,
 140 — И бей бурка промежу уши,
 — И бей бурка промежу ноги,
 — Промежу ноги да между заднія:
 — Что станеть твой бурушко поскакивать,
 — Змиенышей отъ ногъ отряхивать,
 145 — Притопчетъ всѣхъ до единого.—

Какъ будетъ онъ далече во чистомъ поли,
 На тыя горы Сорочинскія,
 Потопталъ онъ молодыхъ змиенышей,
 Повыручилъ полоновъ русскіихъ;
 150 Тыи же молодые змиеныши
 Подточили у бурка они щеточки,

- Что не может онъ бурушко поскакивать,
 Змиенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать.
 Онъ бралъ, де, плеточку шелковую,
 155 Бьетъ бурка промежу уши,
 И бьетъ бурка промежу ноги,
 Промежу ноги да между заднія:
 И сталъ его бурушко поскакивать,
 Змиенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
 160 Притопталъ онъ всѣхъ до единого.
 Выходила змия тутъ проклятая
 Изъ тыя изъ норы изъ глубокия,
 Говорила змия ему проклятая:
 — Ахъ ты ей, Добрыня сынъ Никитиничъ!
 165 — Ты зачѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
 — Притопталъ всѣхъ малыхъ дѣтушекъ?—
 Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
 « Ай же ты, змия да проклятая!
 « Черти ли тебя несли черезъ Кіевъ градъ,
 170 « Зачѣмъ взяла князеву племянницу,
 « Молоду Забаву дочь Путятичну?
 « Отдай ее безъ драки-кровопролитія! »
 Говорила змия ему проклятая:
 — Не отдамъ я князевой племянницы
 175 — Безъ бою, безъ драки-кровопролитія.—
 Заводила она бой-драку великую,
 Дрался со змией онъ трои сутки,
 Онъ убилъ змию-то проклятую,
 Спустился во нору во глубокую,
 180 Много тамъ сидитъ царей, царевичевъ,
 Много королей, королевичевъ,
 Простой-то силы и смѣты нѣтъ,
 Пасчиталъ онъ силы сорокъ тысячъ.
 Говоритъ онъ князевой племянницы,
 185 Молодой Забавы дочь Путятичной:
 « За тебя я этакъ странствую!
 « Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
 « Ко ласкову князю ко Владиміру;
 « А вамъ всѣмъ, господа, воля вольная! »
 190 Повезъ онъ князеву племянницу,
 По той-то пути по дороженьки;
 Увидалъ онъ бродъ лошадиный,
 По колѣну у ней въ землю угрязнуто.
 Онъ догналъ Алешеньку Леонтьевича,
 195 Вручилъ ему князеву племянницу,
 Тую ль Забаву дочь Путятичну,
 Велѣлъ свезти ко граду ко Кіеву,
 Къ ласкову князю ко Владиміру.
 Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадинымъ.

- 200 Догналъ паленицу, женщину великую.
Ударилъ своей палицей булатной
Тую паленицу въ буйну голову:
Паленица назадъ не оглянется,
Добрыня на кони приужахнется.
- 205 Приѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной былъ дубъ шести сажень,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говорить таково слово:
- 210 « Сила у Добрыни все по-старому,
« А смѣлость у Добрыни не по-старому. »
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Догналъ паленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатной
- 215 Тую паленицу въ буйну голову:
Паленица назадъ не оглянется,
Добрыня на кони приужахнется.
Приѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ сажень двенадцати,
- 220 Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говорить таково слово:
« Сила у Добрыни все по-старому,
« А смѣлость у Добрыни не по-старому. »
- 225 Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Догналъ паленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатной
Тую паленицу въ буйну голову,—
Паленица назадъ приоглянется,
- 230 Сама говорить таково слово:
— Я думала, что комарики покусываютъ,
— Ажно русскіи могучіи богатыри пощелкиваютъ!—
Какъхватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ,
- 235 Везла она Добрыню трое сутки;
Испровѣщится какъ ей добрый конь:
« Ахъ ты ей, Настасья дочь Никулична!
« Не могу везти васъ съ богатыремъ:
« Конь у богатыря противъ меня,
- 240 « А сила у богатыря супротивъ тебя. »
Говорила Настасья дочь Никулична:
— Ежели богатырь онъ старой,
— Я богатырю голову срублю;
— А ежели богатырь онъ молодой,
- 245 — Я богатыря въ полонъ возьму;
— А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
— Я теперича за богатыря замужъ пойду.—

- Повыкинетъ Добрыню изъ карманчика:
 Добрыня ей тутъ понравился.
 250 Поѣхали ко граду ко Кіеву,
 Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
 Принесли они по злату вѣнцу.
 Тутъ за три дня было пированье
 Про млада Добрыню про Никитича,
 255 Что досталъ онъ князеву племянницу.
 Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
 Синему морю на тишину,
 Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

26.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОТЪѢЗДѢ.

(Гильферд. № 149.)

- Говорить Добрыня сынъ Никитичъ
 Своей государынѣ родной матушкѣ:
 « Ахъ ты ей, государыни родна матушка!
 « Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
 5 « Спородила бы, государыня родна матушка,
 « Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
 « Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
 « Спустила бы меня во сине море:
 « Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
 10 « Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
 « Я не убивалъ бы Добрыня неповинныхъ душъ,
 « Не пролилъ бы крови я напрасныя,
 « Не слезилъ Добрыня отцовъ-матерей,
 « Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
 15 « Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ. »
 Отвѣтъ держитъ государыни его матушка:
 — Я бы рада тебя, дитятко, спородити
 — Таланомъ-участью въ Илью Муромца,
 — Силой въ Святогора богатыря,
 20 — Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,
 — Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,

- Я походкою бы тебя щепливою ¹⁾
 — Во того Чурилу во Пленковича,
 — Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
 25 — Сколько тыя статьи есть ²⁾, а другихъ Богъ не далъ,
 — Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.—
 Скоро на скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
 Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
 Провожала Добрыню родна матушка,
 30 Простилася, воротилася,
 Домой пошла, сама заплакала,
 Учала по палаты похаживать,
 Начала голосомъ поваживать
 Жалобнехонько она, съ причетью.
 35 У тыя было у стремены у правыя
 Провожала Добрыню любимая семья ³⁾,
 Молода Настасья дочь Никулична;
 Сама говорила таково слово:
 — Когда Добрынюшка домой будетъ,
 40 — Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля?—
 Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичъ:
 « Когда у меня ты стала спрашивать,
 « Тогда я стану тебѣ сказывать:
 « Сожидай Добрынюшку по три году;
 45 « Если въ три году не буду, жди друго три;
 « А какъ сполнится времени шесть годовъ,
 « Да не буду я домой изъ чиста поля,
 « Поминай меня Добрынюшку убитаго,
 « А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
 50 « Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
 « Хоть за князя поди, хоть за боярина,
 « А хоть за русскаго могучаго богатыря,
 « А только не ходи за моего брата за названнаго,
 « За смѣлаго за Алешу за Поповича.»

1) Мелкою, щегольской.—Б.

2) Сколько есть въ тебѣ статьи (качества)—вѣжливости, тѣмъ и будь доволенъ.—Б.

3) Супруга.—Б.

55 Стала дожидать его по три году.

Какъ день за днемъ, будто дождь дождить,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжить.

Прошло тому времени да три году,

60 Не бываль Добрыня изъ чиста поля.

Стала сожидать его по другое три,
Опять день за днемъ, будто дождь дождить,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжить.

65 Прошло тому времени шесть уже лѣтъ,
Не бываль Добрыня изъ чиста поля.

Во тую пору, въ то время

Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,

70 Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.

Тогда государыни родна его матушка
Желешенько она по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лице бѣлое

75 По своемъ рожеюмъ дитятки,
По молодомъ Добрыни Никитичи.

Сталъ солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Настасья Никуличной посватывать:

« Какъ тебѣ жить молодой вдовой,

80 « Молодой вѣкъ свой коротати?

« Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,

« Хоть за русскаго могучаго богатыря,

« А хоть за смѣлаго Алешу Поповича. »

Отвѣчала Настасья дочь Никулична:

85 — Я исполнила заповѣдь мужнюю,—

— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,

— Не бываль Добрыня изъ чиста поля;

— Я исполню заповѣдь свою женскую:

— Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ;

90 — Такъ сполнится времени двинадцать лѣтъ,

— Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти.—

- Опять день за днемъ, будто дождь дожить,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжить.
- 95 Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двенадцать лѣтъ,
Не бываль Добрынюшка изъ чиста поля.
Сталь солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Настасья Никуличной посватывать,
- 100 Посватывать, подговаривать:
« Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
« Молодой свой вѣкъ коротати?
« Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
« А хоть за русскаго могучаго богатыря,
- 105 « А хоть за смѣлаго Алешу Поповича. »
Не пошла замужъ ни за князя, ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Алешу Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день.
- 110 Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
А Добрыня лучился у Царя-града,
А у Добрыни конь потыкается:
« Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть!
- 115 « Зачѣмъ сегодня потыкаешься? »
Испровѣщится ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!
— Надъ собой невзгодушки не відаешь:
- 120 — Твоя молода Настасья дочь Никулична замужъ пошла
— За смѣлаго Алешу за Поповича;
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
— Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.—
- 125 Разгорячился Добрынюшка Никитичъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги между заднія.

- Что сталъ его бурушка поскакивать
 130 Съ горы на гору, съ холма на холмы,
 И рѣки, озера перескакивать,
 Широкия раздолья между ногъ пущать.
 Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летить:
 Добрый молодецъ перегонъ гонить.
 135 Не воротмы ѣхалъ, черезъ стѣну городовую,
 Мимо тую башню наугольную,
 Къ тому придворью ко вдовиному;
 На дворъ заѣхалъ безобсмыслочно,
 Въ палаты идетъ бездокладочно;
 140 Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
 Смѣло проходилъ въ палаты во вдовиныя,
 Крестъ кладетъ по писаному,
 145 Поклонъ кладетъ по ученому,
 Пречестной вдовы да онъ въ особину:
 « Ты здравствуешь, честна вдова, Мамелѣ Тимоѳеевна! »
 Вслѣдъ идутъ придверники, приворотники,
 Сами говорятъ таково слово:
 150 « Пречестна вдова, Мамелѣ Тимоѳеевна!
 « Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
 « Наѣхалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,
 « Насъ не спрашивалъ, у воротъ приворотниковъ,
 « У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 155 « Всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ. »
 Испроговорить имъ честна вдова:
 — Ахъ ты ей, удалый добрый молодецъ!
 — Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
 — Въ палаты идешь бездокладочно?
 160 — Какъ бы было живо мое чадо милое,
 — Молодой Добрыня сынъ Никитичъ,
 — Отрубилъ бы онъ тебѣ буйну голову
 — За твои поступки неумильные ¹⁾.—

¹⁾ Невѣжливые.—Б.

Говорить Добрыня сынъ Никитичъ:

165 « Не напрасно ли вы согрѣшаете?

« А я вчера съ Добрыней поразѣхался,

« Добрыня поѣхалъ ко Царю-граду,

« А я поѣхалъ ко Кіеву.

« Наказывалъ мнѣ братецъ тотъ родимый

170 « Спросить про (н)его милу семью,

« Про молоду Настасью Никуличну:

« Гдѣ же есть она, Настасья Никулична? »

— Добрынина родима семья замужъ пошла,

— Пиръ идетъ у нихъ по третій день,

175 — Сегодня имъ итти ко Божьей церкви;

— А въ тую ль было пору, въ тыя шесть лѣтъ,

— Приѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,

— Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,

— Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:

180 — Убить лежитъ во чистомъ поли,

— Буйна голова испроломана,

— Могучи плечи испрострѣлены,

— Головой лежитъ чрезъ ракетовъ ¹⁾ кустъ.

— Я жалешенько объ немъ плакала.—

185 Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:

« Наказывалъ братецъ мнѣ названный:

« Если лучится быть тебѣ на пиру во Кіевѣ,

« Ты возьми мое платье скоморошское,

« И гуселки возьми мои яровчеты ²⁾,

190 « Въ новой горенки всѣ на столики. »

Принесли они ³⁾ платье скоморошское

И гуселки ему яровчеты.

Накрутился ⁴⁾ молодецъ скоморошиной,

Пошелъ какъ на хорошъ почестной пиръ.

195 Идетъ онъ на княженецкой дворъ безобсылочно,

А въ палаты идетъ бездокладочно;

¹⁾ Ракитовъ.—Б.

²⁾ Изъ явора, яворчатые.—Б.

³⁾ Принесла она?—Б.

⁴⁾ Одѣлся (собств. накутался).—Б.

- Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 Всѣхъ онъ взащей прочь отталкивалъ;
- 200 Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія,
 Крестъ кладетъ по писаному,
 Поклонъ ведетъ по ученому,
 Солнышку Владиміру въ особину,
 Самъ говоритъ таково слово:
- 205 — Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
 — Со своей княгиной со Апраксіей! —
 Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
 « Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
 « Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
- 210 « Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцемъ,
 « И тепереча идетъ скоморошиной:
 « Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
 « У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 « Всѣхъ насъ взащей прочь толкалъ,
- 215 « Скоро проходилъ въ палаты княженецкія. »
 — Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
 — Ты зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
 — На княженецкій дворъ безобсылочно,
 — Во палаты идешь бездокладочно,
- 220 — Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
 — У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 — Скоро проходилъ въ палаты княженецкія? —
 Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
 Скоморошина въ рѣчи не вчается ¹⁾:
- 225 « Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское? »
 Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Что ваше мѣсто скоморошское
 — На той на печки на муравленой,
 — На муравленой печки—на запечки.—
- 230 Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
 На тую на печку на муравлену;

---

¹⁾ Не обращаетъ на рѣчи вниманія и не вслушивается.—Б.

- Натягивалъ тетивочки шелковыя
 На тья струночки золоченыя,
 Учалъ по стрункамъ похаживать,
 235 Учалъ онъ голосомъ поваживать,
 Играетъ-то въ Цари-гради,
 А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ ¹⁾,
 Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго.
 Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
 240 Сами говорятъ таково слово:
 «Что не быть это удалой скоморошины,
 «А кому ни надо быть русскому,
 «Быть удалому доброму молодцу!»
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 245 — Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
 — Опускайся изъ печки изъ запечки,
 — Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,
 — Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
 — За твою игру за веселую
 250 — Дамъ тебѣ три мѣста любимыхъхъ:
 — Перво мѣсто, сядь подли меня,
 — Друго мѣсто, супротивъ меня,
 — А третье мѣсто, куда самъ захошь,
 — Куда самъ захошь, еще пожалуешь.—
 255 Не сѣла скоморошина подли князя,
 Не сѣла скоморошина противъ князя,
 А садилась скоморошина въ скамеечку
 Супротивъ княжны порученыя ²⁾.
 Говорить удала скоморошина:
 260 «Что солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
 «Бласлови мни налить чару зелена вина,
 «Поднести эту чару, кому я знаю,
 «Кому я знаю, еще пожалую.»
 Какъ онъ налилъ чару зелена вина,

¹⁾ Пѣвецъ нѣсколько осмыслилъ по-своему. По сравненію съ другими былинами видимъ: Добрыня *сѣирышъ*, напѣвъ, голосъ игралъ Цареградскій, а *напѣрышъ*, содержаніе, бралъ въ Кіевѣ.—Б.

²⁾ Обрученной.—Б.

- 265 Онъ опустить въ чару свой золоченъ перстень,
Подноситъ княжны порученья,
Самъ говоритъ таково слово:
« Молода Настасья дочь Никулична!
« Прими сію чару единой рукой.
- 270 « Да выпей-ка чару единымъ духомъ:
« Буде пьешь до дна, такъ выдаешь добра,
« А не пьешь до дна, не выдаешь добра. »
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единымъ духомъ,
- 275 Да и посмотреть въ чары свой злаченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалася;
Сама говоритъ таково слово:
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Не тотъ мой мужъ, который подли меня,
280 — А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
— Сидитъ мой мужъ на скамеечки,
— Подноситъ мни чару зелена вина.—
Сама выскочить изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Упала Добрыни въ рѣзвы ноги:
- 285 — Прости, прости, Добрынюшка Никитичъ,
— Въ той вины прости меня, въ глупости,
— Что не по твоему наказу, де, я сдѣлала,
— Я за смѣлаго Алешеньку замужъ пошла.—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
- 290 « Что не дивую я разуму-то женскому,
« Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
« Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,
« Ихъ куда везутъ, они туда ѣдутъ.
« А дивую я солнышку Владиміру
- 295 « Съ молодой княгиной со Апраксіей:
« Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
« А княгини Апраксія свахою,
« Они у живого мужа жену просватали! »
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
- 300 А говорилъ Алешенька Григорьевичъ:
— Прости, прости, братецъ мой названный,

- Что я посидѣлъ подли твоей любимой семьи,
 — Подли молодой Настасьи Никуличной.—
 « Въ той вины, братецъ, тебя Богъ проститъ,
 305 « Что ты посидѣлъ подли моей любимой семьи,
 « Подли молодой Настасьи Никуличной;
 « А во другой вины тебѣ, братецъ, не прощу:
 « Какъ приѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть
 лѣтъ,
 « Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
 310 « Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
 « Убить лежить во чистомъ поли,
 « Буйна голова испроломана,
 « Могучи плечи испрострѣлены,
 « Головой лежить чрезъ ракетовъ кустъ.
 315 « Такъ тогда государыни родна матушка
 « Желешенько съ-по мнѣ плакала,
 « Слезила свои очи ясныя,
 « Скорбила свое лице бѣлое:
 « Съ этой вины тебѣ не прощу! »
 320 Ухватилъ Алешку за желты кудри,
 Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
 Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ,
 Повыдернетъ шалыгу поддорожную,
 Учалъ шалыжищемъ ¹⁾ ухаживать:
 325 «Что хлопанье и что оханье, не слышно видъ ²⁾.
 Всякъ-то, братцы, на вѣку женится,
 А не дай Богъ женидбы той Алешиной:
 Только-то Алешенька женать бывалъ,
 Женать бывалъ, съ женой сыпалъ.
 330 Тутъ взялъ Добрыня любиму семью,
 Молоду Настасью дочь Никуличну,
 Пошелъ къ государыни родной матушки,
 Тутъ сдѣлалъ онъ доброе здоровьице ³⁾.

---

¹⁾ Ручкою шалыги.

²⁾ Не разберешь хлопанья отъ оханья.

³⁾ Тутъ они поздоровались.—

Вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
335 Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

27.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ И ТУГАРИНЪ.

- Подъ стольнымъ городомъ нодъ Кіевомъ,
При ласковомъ князѣ при Владимірѣ
Объявилось новое чудовище:
Наѣзжалъ Тугаринъ Змѣвичъ.
5 Солянышко Владиміръ стольно-Кіевскій
Заводилъ свой хорошъ почестенъ пиръ
И зазвалъ Тугарина на почестный пиръ.
Ставили столы ему дубовые,
Наливали питьица медвяныя,
10 Полагали ему ѣства сахарныя.
Садился Тугаринъ за дубовый столъ,
Онъ по бѣлой лебедушкѣ заразъ глоталъ.
И сидѣлъ тутъ Алешенька Поповичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
15 « Какъ у моего государя было батюшки,
« У Левонтья попа было Ростовскаго
« Было псище-то старое,
« Старое псище-то сѣдатое,
« Хватило костице великое,
20 « Гдѣ онохватило, подавилоса:
« Подавиться Тугарину Змѣвичу
« Отъ меня Алешки отъ Поповича.»
Сталъ Тугаринъ пить зелено вино,
По цѣлой чары заразъ глоталъ.
25 Говоритъ Алеша таковы слова:
« Какъ у моего родителя было батюшки,
« У Левонтья попа было Ростовскаго
« Было коровище великое,

- « Выпило питица лоханище,
30 « Гдѣ оно выпило, тутъ и треснуло.
« И треснетъ Тугаринъ-отъ Змѣевичъ
« Отъ меня Алешки отъ Поповича.»
Эты ему рѣчи не слюбилися:
Хватилъ на столѣ ножище булатное
35 И шибнетъ въ Алешку во Поповича,—
Пролетѣлъ ножъ мимо Алешу Поповича.
Какъ у той было у печки муравленой
Стоялъ его слуга Акимъ паробокъ,
Налету онъ ножъ подхватывалъ,
40 Самъ къ ножу приговаривалъ:
« Ахъ ты ей, Алешенька Левонтьевичъ!
« Самъ ли ты пойдешь, али меня пошлешь.
« Съ Тугариномъ супротивиться?»
Говорилъ Алешенька Левонтьевичъ:
45 — Не куда уйдетъ гагара безногая.—
Уѣзжалъ Тугаринъ во чисто поле.
Къ тому же времени на другой день
Выѣзжалъ Алеша во чисто поле,
Стрѣтилъ Тугарина Змѣевича,
50 И убилъ Тугарина Змѣевича.
Тутъ вѣкъ про Алешу старину поють,
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.
(Записано въ Петрозаводскѣ, 29 іюня 1863 года.)
-

28.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

(Гильферд. № 150.)

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимира,
Было пированіе—почестный пиръ

- На многи князи да на бояра,
 5 На всѣхъ тѣхъ гостей званыхъ-бранныхъ,
 Званыхъ-браныхъ гостей, приходящихъ.
 Всѣ на пиру наѣдались,
 Всѣ на честномъ напивались,
 Всѣ на пиру порасхвастались:
 10 Иной хвалится—есть—добрымъ конемъ,
 Иной хвастаетъ шолковымъ портомъ ¹⁾,
 Иной хвалится—села со приселками,
 Иной хвалить города съ пригородками,
 Умный хвастаетъ родной матушкой,
 15 А безумный хвастаетъ молодой женой.
 Изъ того стола изъ-за дубова
 Не золота-звонка труба вострубила,
 Испроговорилъ Владимиръ стольно-Кіевскій:
 « Не чѣмъ мнѣ, Владимиру, похвастати,
 20 « Нѣту у меня золотой казны.
 « Первой русскій славный богатырь,
 « Старый казакъ Илья Муромецъ!
 « Съѣзди-ко ты въ Золоту Орду,
 « Пovýправъ-ко тамъ дани-выходы,
 25 « Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
 « За тринадцать лѣтъ съ половиною.
 « Другой русскій славный богатырь,
 « Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 « Съѣзди-ко ты во Турецію,
 30 « Пovýправъ-ко тамъ дани-выходы,
 « Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
 « За тринадцать лѣтъ съ половиною.
 « Третій русскій славный богатырь,
 « Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
 35 « Съѣзди-ко ты да во Швецію,
 « Выправъ-ко тамъ дани-выходы,
 « Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
 « За тринадцать лѣтъ съ половиною. »

¹⁾ Платьемъ, одежей.—Б.

Собиралися три русскихъ три могучихъ три богатыря
 40 Ко тому кресту къ Леванидову.
 Тутъ они крестами побраталися;
 Который же изъ нихъ былъ большей братъ?
 Старый казакъ Илья Муромецъ былъ большей братъ;
 А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средней братъ;
 45 Молодой Добрыня сынъ Никитичъ былъ мѣньшей братъ.
 Говорить старый казакъ Илья Муромецъ:
 « Ай вы ей, мои братъица крестовые!
 « Который пораньше да повыѣдетъ
 « Ко стольному городу ко Киеву,
 50 « Ко другому ѣхать на выручку. »
 Отправился перво старый казакъ
 Илья Муромецъ въ Золоту Орду,
 Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ въ Турецію.
 А молодой Добрыня сынъ Никитичъ во Швецію.

55 Какъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
 Взыскалъ свои дани-выходы,
 Привезъ ко солнушку Владимиру.
 Говорилъ Владимиръ стольно-Кіевскій:
 « Что пишетъ мнѣ Бухарь царь заморскій:
 60 « Пришли ты ко мнѣ дани-выходы,
 « Выходы-дани за двѣнадцать годъ,
 « За тринадцать лѣтъ съ половиною;
 « Если не пришлешь даней-выходовъ,
 « Разорю я весь вашъ Кіевъ градъ.
 65 « Такъ отвезти надо ему дани-выходы. »
 Говорилъ Михаила Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій!
 — Напиши-ко скорописчетые ёрлыки,
 — Что отпущены дани-выходы
 70 — За Михайлой Потыкомъ сыномъ Ивановымъ;
 — А я поѣду безъ выходовъ.—

Пріѣхалъ ко Бухарю ко царю ко заморскому.
 Спрашивалъ Бухарь царь заморскій:

- « Ты откудашной, удалый-добрый молодецъ,
 75 « Ты коей орды, ты коей земли,
 « Какъ тебя именёмъ зовутъ,
 « Нарекаютъ по отечеству? »
 Говорить удалый-добрый молодецъ:
 — Что я есть изъ града изъ Кіева,
 80 — Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ;
 — Привезъ тебѣ дани-выходы
 — Отъ того отъ солнышка Владимира.—
 « Такъ гдѣ жъ у тебя дани-выходы? »
 Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 85 — Что были у меня дани-выходы
 — Навалены монетою мѣдною;
 — Все телѣжачки поразсыпались,
 — Колесочка разломались;
 — Такъ остались мужики тамъ починивать.—
 90 Такъ говоритъ Бухарь царь заморскій:
 « Съ эдакихъ съ великихъ со радостей
 « У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются? »
 Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Что у насъ въ Россіи забавляются,—
 95 — [Играютъ въ карты беліартовы]
 — Играютъ въ шашачки кленовыя
 — На тыхъ дощечкахъ на дубовыхъхъ.—
 Такъ говорилъ Бухарь царь заморскій:
 « Что станемъ играть въ шашачки кленовыя. »
 100 Оны стали играть въ шашки кленовыя.
 Тотъ Бухарь царь заморскій
 Положилъ на дощечки ¹⁾ дани-выходы,
 А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Положилъ на дощечку добра коня:
 105 Повыигралъ Бухарь царь заморскій
 Со Михайлы Потыка сына Иванова.
 Наставили дощечку оны другую;
 Тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ

---

¹⁾ Т.-е. поставилъ на конъ.—Б.

- Положилъ на дощечку буйну голову,
 110 А тотъ Бухарь царь заморскій
 Положилъ свои дани-выходы
 Да и положилъ Михайлина добра коня;
 Сыграли дощечку оны другую:
 Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
 115 Раззадорился Бухарь царь заморскій,
 Наставили дощечку оны третьюю;
 Положилъ полъ-царства полъ-имянства ¹⁾), де,
 А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Положилъ на дощечку дани-выходы;
 120 Сыграли дощечку оны третьюю:
 Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
 Тутъ дубова дверь да отворяласи,
 Появился старый казакъ Илья Муромецъ,
 Самъ говорить таково слово:
 125 « Ты ей же, братецъ мой крестовый!
 « Сидишь—играешь-забавляешься,
 « Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
 « Твоя что Марья, Лебедь Бѣлая,
 « Подоленка королевична
 130 « Уѣхала во землю Политовскую
 « Со тымъ королемъ Политовскімъ ».
 Разсердился Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 Тяпнетъ дощечку дубовую,
 Броситъ въ дверь во кленовую,—
 135 Что повылетятъ вонъ двери съ ободвериньями;
 Отправился во землю Политовскую,
 Самъ говорилъ таково слово:
 — Ай же, ей же, братецъ ты крестовый!
 — Получай полъ-царства, полъ-имянства ихъ
 140 — Со Бухаря царя со заморскаго,
 — А я уѣду во землю Политовскую.—
 Онъ уѣхалъ во землю Политовскую.

---

¹⁾ Половину всего имущества. — Б.

- Приѣзжаетъ къ королю Политовскому.
 Заѣзжаетъ онъ на широкой дворъ,
 145 Закрычалъ голосомъ богатырскимъ,
 Что всѣ терема пошатилися,
 Всѣ околени стали сыпаться,
 Что самъ король приужахнулся.
 Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
 150 Та Подоленка королевична,
 Выбѣгала на крылечко на переное,
 Выносила чару питье въ забудущихъ ¹⁾,
 Сама говоритъ таково слово:
 « Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 155 « У насъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
 « Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
 « Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.
 « Прими-ко сію чару единой рукой,
 « Да выпей-ко сію чару единымъ духомъ,
 160 « Да поѣдемъ мы ко граду ко Кіеву,
 « Ко ласкову князю ко Владимиру ».
 Михайла до вина былъ упачливый ²⁾,
 Онъ принялъ чару единой рукой,
 Да и выпилъ чару единымъ духомъ:
 165 Гдѣ онъ выпилъ, да и въ сонъ заснулъ.
 Хватила Михайлу за желты кудри,
 Тащила Михайлу во чисто поле,
 Бросила Михайлу черезъ плечо:
 « Гдѣ былъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 170 « Тутъ стань бѣленькій горючій бѣлый камшокъ! »
 Тутъ Михайла да окаменѣлъ.

Стосковалися братица крестовые,
 Старый казакъ Илья Муромецъ,
 Да молодой Добрыня сынъ Никитиничъ:

¹⁾ Которыя кидали въ забытку, въ безпамятство.—*В*

²⁾ Падкій.—*В*.

- 175 Накрутились они тутъ каликами,
 Пошли искать брата крестоваго.
 Идучись они по широкой дороженьки,
 Сустигли Старчища Пиригристища:
 Ключа у него сорока пудовъ.
- 180 Говорятъ они, калики переходяи:
 « Пойдемъ съ нами, Старчища Пиригристища! »
 Пошли они во землю Политовскую.
 Пришли къ королю Политовскому,
 Становились къ нему подъ окошечко,
- 185 Закрывали голосомъ богатырскимъ,
 Попросили они милостыни:
 Что всѣ терема пошатились,
 Всѣ околенки стали сыпаться,
 Всѣ во-о градѣ приужахнулись.
- 190 Говорить-то Марья, Лебедь Бѣлая:
 « Ай ты ей, король Политовскій!
 « Зови каликъ въ полаты бѣлокаменны,
 « Корми каликъ теперь до сыта,
 « Да и пой каликъ теперь до пьяна,
- 195 « Да ѣ дари каликъ теперь до любви:
 « Это есть не калики переходяи,
 « А есть русски могучи богатыри ».
 Отпустили каликъ переходяихъ.
 Пошли они, калики переходяи,
- 200 Ко бѣлому горячему ко каменю;
 Говорить имъ калика переходяя,
 Тотъ Старчища Пиригристища:
 « Станемте-тко, братцы, животовъ дѣлить! »
 Говорить старый казакъ Илья Муромецъ:
- 205 — Дѣли-ко ты, Старчища Пиригристища.—
 Сталъ дѣлить Старчища Пиригристища,
 Дѣлить онъ на четыре да на четверти.
 Говорятъ калики переходяи:
 « Что жо ты не такъ дѣлишь животы?
- 210 « Кому изъ насъ теперь четверта часть? »
 Говорить Старчища Пиригристища:

- « Кто здыметъ ¹⁾ маленький горючій этотъ камешокъ,
 « Да и броситъ этотъ камень черезъ плечо,
 « Тому изъ насъ, братцы, четверта часть ».
- 215 Прискочилъ какъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
 Хватилъ этотъ горючій бѣлый камешокъ,
 По колѣнъ Добрынюшка въ землю угрызъ;
 Прискочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
 Здынулъ ¹⁾ онъ камень по грудямъ себѣ,
- 220 По грудямъ, казакъ, онъ въ землю угрызъ.
 « Здымай-ко ты, Старчищо Пиригrimiщо! »
 Какъ прискочилъ Старчищо Пиригrimiщо,
 Хватилъ онъ камень конечь руки ²⁾,
 Бросилъ камень черезъ плечо,
- 225 Самъ ко камению приговариваль:
 « Гдѣ былъ бѣленькій горючій этотъ камешокъ,
 « Тутъ повыскочи Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ! »
 Тутъ повыскочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Самъ говорилъ таково слово:
- 230 — Фу, фу-фу, братцы, какъ я долго спалъ!—
 Говорилъ Старчищо Пиригrimiщо:
 « Если бы не я, такъ и вѣкъ бы спалъ!
 « Ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 « Какъ будешь во градѣ во Кіевѣ,
- 235 « Ты поставь свѣчу Николы угоднику ».
 Тутъ пошли домой братьица крестовый,
 А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Пошолъ къ королю Политовскому.

Приходилъ какъ онъ на широкій дворъ,
 240 Закрывалъ голосомъ богатырскимъ;
 Услыхала Марья, Лебедь Бѣлая,
 Выбѣгала на крылечко переное,
 Выносила чару питьево забудущихъ,
 Говорила Михайлы сыну Иванову:

---

¹⁾ Подыметъ; поднялъ.—Б.

²⁾ За конечь руками.—Б.

- 245 « Прими-ко сію чару единой рукой,
« Да выпей-ко всю чару единымъ духомъ,
« Да поѣдемъ-ко ко солнышку Владимиру ».
Онъ принялъ какъ чару единой рукой,
Да и выпилъ всю чару единымъ духомъ:
250 Да гдѣ онъ выпилъ, да и въ сонѣ заснулъ.
Хватила тутъ Марья, Лебедь Бѣлая,
Тащила Михайлу во глубокъ погребъ,
Прибила Михайлу тутъ на стѣну;
Не хватило гвоздя ему сердечнаго ¹⁾:
255 Побѣжала она въ торгъ на ярмонку,
Покупать гвоздя ему сердечнаго.
А тоя жъ Настасья королевична
Прибѣжала смотрѣть на богатыря:
Богатырь ей тутъ пондравился.
260 Положилъ онъ заповѣдь великую,
Что отрубить-то Марьи буйну голову,
А взять замужъ Настасью королевичну.
Тащила Настасья гвоздя съ него нектями ²⁾,
А прибила тутъ Татарина мертваго,
265 Мертваго она, мерзлаго,
А завернула Михайлу въ шубу черныхъ соболей,
Провела въ покои въ особые.
Увидалъ государь родной батюшко:
— Молода Настасья королевична!
270 —Кого ведешь въ шубы черныхъ соболей?—
« А была со мной маленька служаночка,
« Увидала русскаго богатыря,
« Гдѣ она увидала, испугалася:
« Такъ веду я ю въ покои въ особые ».
275 Какъ заростилъ эти раночки кровавыя,
Тоя Настасья королевична
Пошла къ королю Политовскому:
« Ты ей, государь родной батюшко!

¹⁾ Въ сердце ему.—Б.

²⁾ Ногтями.—Б.

- « Дай-ко мнѣ коня богатырскаго,
 280 « Съѣздить во чисто поле поляковать! »
 Накрутился богатырь въ платьѣ цвѣтное,
 Садился скоро на добра коня,
 Повыѣхалъ онъ во чисто поле.
 Заѣзжалъ онъ скоро на широкій дворъ,
 285 Закрывалъ голосомъ богатырскимъ;
 Услыхала Марья, Лебедь Вѣлая,
 Выбѣгала на крылечко переное,
 Выносила чару питья забудущаго,
 Подносила Михайлы сыну Иванову:
 290 « Ты прими сію чару единой рукой,
 « Да выпей-ко чару единымъ духомъ! »
 Онъ принялъ тутъ чару единой рукой,
 Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ,—
 Тоя же Настасья королевична
 295 Отворила косивчето окошечко:
 « Ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 «Ты, знать, порушилъ свою заповѣдь? »
 Услыхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Смахнулъ своей саблей востроей
 300 Да отнесъ онъ Марьи буйну голову;
 А взялъ замужъ Настасью королевичну;
 Поѣхалъ ко граду ко Кіеву,
 Ко солнышку ко Владимиру.
 Тутъ по три дни было пированьице
 Про того Михайлу Потыка Иванова,
 Что сказнилъ свою Марью, Лебедь Вѣлую,
 305 Ту Подоленку королевичну.
 Тутъ вѣкъ про Михайлу старину поютъ,
 Синему морю на тишину,
 А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

28 bis.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
 У славнаго князя у Владиміра
 Было пированьице—почестенъ пиръ
 На многихъ князей да бояръ,

- 5 На всѣхъ тыхъ гостей званныхъ-бравыхъ
Званныхъ-бранихъ, приходящихъ.
Вси на пиру наидалися,
И вси на пиру порасхвастались:
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
10 Иной хвастаетъ золотой казной.
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
« Что не чимъ мнѣ Владиміру похвастаться,
« Нѣтъ у меня золотой казны!
« А ты, первый русской сильный богатырь,
15 « Старый казакъ Илья Муромецъ,
« Сызди-ка ты въ Золоту орду,
« Пovýправъ-ка тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
« Другой русской сильный богатырь,
20 « Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
« Сызди-ка ты въ Турцію,
« Пovýправъ-ка тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
« Третій русской сильный богатырь,
25 « Молодой Добрыня сынъ Никитичъ,
« Сызди-ка ты да въ Швецію,
« Пovýправъ-ка тамъ дани-выходы
« За двѣнадцать лѣтъ съ половиною. »
Собирались три русскихъ
30 Три могучихъ богатыря
Ко кресту ко Леванидову:
Тутъ они крестами побраталися.
Кто же изъ нихъ былъ большой братъ,
Кто же изъ нихъ былъ средній братъ,
35 А кто изъ нихъ былъ меньшей братъ?
Старой казакъ Илья Муромецъ былъ большой братъ,
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средній братъ,
А молодой Добрыня сынъ Никитичъ былъ меньшей братъ.
Кто же изъ нихъ пораньше всихъ
40 Да повѣдетъ къ другому на выручку?
А старый казакъ Илья Муромецъ
Отправился онъ въ Золоту орду;
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Отправился онъ въ землю Турецкую;
45 А Молодой Добрыня сынъ Никитичъ
Отправился онъ въ землю во Свицкую.
Воротился прежде всихъ
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Ко солнышку ко князю Владиміру:
50 Привезъ ему дани-выходы
За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.
Благодарилъ его Владиміръ стольно-Кіевскій

- И говорилъ Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
 « Что пишеть мни Бухарь, царь заморскій,
 55 « Что просить онъ съ меня дани-выходы
 « За двѣнадцать лѣтъ съ половиною. »
 Говорить Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
 — Что вы пишете къ Бухарю, царю заморскому,
 — Что отпущены у меня дани-выходы
 60 — Съ Михайлою Потыкомъ сыномъ Ивановичемъ;
 — А я поѣду да безъ выходовъ. —
 Приѣхалъ къ Бухарю, царю заморскому,
 И здравствуетъ Бухари, царя онъ заморскаго.
 Спрашивалъ Бухарь, царь заморскій:
 65 — Что откуда и какой добрый молодецъ,
 — Ты коей орды, ты коей земли?—
 « Я есть изъ города изъ Кіева
 « Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 « Отъ того отъ солнышка-Владиміра;
 70 « Привезъ тебѣ дани-выходы
 « За двѣнадцать лѣтъ съ половиною. »
 Говорить Бухарь, царь заморскій:
 — Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Гдѣ жъ у тебя дани-выходы
 75 — За двѣнадцать лѣтъ съ половиною?—
 « Отправлены монетою все мѣдною,
 « Такъ дорогою телѣжки поломались,
 « Остались мужики тамъ починивать. »
 Говорилъ Бухарь, царь заморскій:
 80 — Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Съ такихъ съ великихъ радостей
 — У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются?—
 [« Играютъ въ карты билиартовы »]
 « Играютъ въ шашечки кленовыя
 85 « На тыхъ на дощечкахъ на дубовыхъ. »
 Они ставили дощечку первую:
 Тотъ Бухарь, царь заморскій,
 Положилъ на дощечку дани-выходы,
 А тотъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 90 Положилъ на дощечку добра коня,
 И проигралъ Михайло онъ добра коня.
 Наставили дощечку они другую:
 Тотъ Бухарь, царь заморскій,
 Положилъ на дощечку дани-выходы,
 95 И положилъ на дощечку Михайлова добра коня,
 А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
 Положилъ на дощечку буйну голову.
 Сыграли дощечку они другую,
 Повыигралъ Михайло своего добра коня
 100 И дани-выходы съ царя заморскаго.

- Наставили дощечку они третію;
 Тотъ Бухарь, царь заморскій,
 Положилъ полцарства, полъ-имѣнства ли,
 А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
- 105 Положилъ на дощечку дани-выходы.
 Сыграли дощечку они третію,
 Такъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
 Какъ въ тую пору, въ то время
 Дубова дверь да отворялася,
- 110 Молодой Добрыня сынъ Никитичъ является,
 Самъ говоритъ да таково слово:
 — Ахъ ты ей же, братецъ мой крестовый!
 — Сидишь играешь-забавляешься,
 — Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь.
- 115 — Твоя же Марья Лебедь Бѣлая,
 — Та Подоленка да королевичны,
 — Уѣхала въ землю Политовскую
 — Съ тымъ королемъ Политовскіимъ.—
 Разгорячился Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
- 120 Онъ тяннетъ дощечку дубовую,
 Бросилъ въ дверь во кленовую,
 Повыкинетъ вонъ дверь со водверьемъ,
 Самъ говорилъ Добрынюшки Никитичу:
 «Получай-ка съ Бухаря, со царя со заморскаго,
- 125 «Представъ ко солнышку ко Владиміру,
 «А я поѣду въ землю Политовскую
 «Къ тому королю Политовскому.»
 Приѣхалъ онъ на широкій дворъ,
 Закричалъ голосомъ богатырскіимъ.
- 130 Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
 Та Подоленка королевичны,
 Наливала чару питья забудущаго,
 Выбѣгала на крылечко переное,
 Говорила Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
- 135 — Ужъ ты ей, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — У насъ волосъ дологъ да умъ коротокъ,
 — Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
 — Насъ куда везутъ, мы туда идемъ.
 — Ты прими-ка чару питья зелена вина,
- 140 — Прими-ка сію чару единой рукой,
 — Выпей сію чару единымъ духомъ,
 — Да и пойдемъ ко граду ко Кіеву.—
 Михайла до вина былъ упачливый ¹⁾,
 Принялъ чару единой рукой
- 145 Выпилъ чару единымъ духомъ:
 Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.

1) Упачливый — падохъ.

- Тая жъ ли Марья Лебедь Бѣлая
 Хватила Михайлу за желты кудри,
 Тащила его во чисто поле,
 150 Бросила Михайлу черезъ плечо,
 Сама говорить таково слово:
 — Тутъ стань бѣленькой горячой да камешекъ!—
 Тутъ Михайла да окаменѣлъ,
 Сталъ бѣленькой горячой тутъ камешекъ.
- 155 Воспомнили братья крестовые,
 Сжаловались по Михайлы Потыку сыну Ивановичу.
 Старый казакъ Илья Муромецъ
 И молодой Добрыня сынъ Никитичъ
 Пошли искать братца крестоваго.
- 160 Накрутились въ каликъ переходящихъ.
 Идучись до земли Политовскія,
 Сустигли старичища пилигринища,
 Ключа у него сорока пудовъ
 [Пригласили его во компанію],
- 165 Пришли они въ землю Политовскую
 Къ тому королю Политовскому
 Подъ тое окошечко косяшчето,
 Попросили они тутъ милостыни.
 Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
- 170 Та Подоленка королевичны,
 Говорила королю Политовскому:
 — Ахъ же ты, король Политовскій!
 — Зови каликъ въ палаты бѣлокаменны,
 — Корми ты каликъ теперь до сыта
- 175 — И напой ты каликъ до пьяна,
 — И дари ты каликъ теперь до любви.—
 Подарилъ онъ злата многое множество,
 И пошли вонъ изъ земли Политовской калики переходящ.,
 Пришли къ бѣлому ко камени.
- 180 Говорилъ старичище пилигринище:
 « Станемте-ка, братцы, животовъ дѣлать. »
 Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
 — Дѣли-ко ты, старичище пилигринище.—
 Дѣлилъ старичище пилигринище,
- 185 На четыре дѣлитъ онъ на четверти.
 Говорятъ калики переходящ.:
 — Кому дѣлишь четверту часть?—
 Говорилъ старичище пилигринище:
 « Тому изъ насъ, братцы, четверта часть,
- 190 « Кто броситъ этотъ камень черезъ плечо. »
 Тутъ прискочилъ молодой Добрыня сынъ Никитичъ,
 Ухватилъ онъ камень до колѣнъ своихъ,
 И по колѣнъ Добрынюшка въ землю угрызъ.
 Прискочилъ старый казакъ Илья Муромецъ:

- 195 Поднялъ камень по грудямъ своимъ,
И по груди казакъ въ землю увязъ.
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Сдымай-ка ты, старичище пилигринище!—
Хватилъ онъ камень конецъ кукшы,
- 200 Бросилъ камень черезъ плечо,
Самъ ко камению приговаривалъ...
Гдѣ былъ бѣленькой горючей камешекъ,
Тутъ повыскочилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
« Фу, фу, братцы, я кдѣ долго спалъ! »
- 205 Говорить старичище пилигринище:
— Если бы не я, такъ и вѣкъ бы спалъ.—
Говорить старичище пилигринище:
« Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
« Когда будешь ты во гради во Києви,
- 210 « У ласкова князя у Владиміра,
« Ты поставь свѣчу Никола угоднику. »
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Простился со братьями со крестовыми,
Пошелъ въ землю Политовскую
- 215 Къ тому королю Политовскому;
Зашелъ онъ на широкій дворъ,
Закричалъ голосомъ богатырскимъ.
Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
Та Подоленка королевичны.
- 220 Наливала чару питья забудущаго,
Выбѣгала на крылечко переное,
Подносила Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
— Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Прими-ка сію чару единой рукой,
- 225 — Да и выпей сію чару единымъ духомъ,
— Да и поѣдемъ ко граду ко Києву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру.—
Михайла до вина былъ упачливый,
Принялъ чару единой рукой
- 230 И выпилъ чару единымъ духомъ;
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Хватила Марья Лебедь Бѣлая
Его Михайлу за желты кудри,
Стащила его во глубокъ погребъ,
- 235 Прибила Михайлу да на стѣну;
Побѣжала она въ торгъ на ярмарку
Покупать гвозди она сердечнаго.
У того короля Политовскаго
Была дочь его, Настасья красявая,
- 240 Пошла смотрѣть русскаго богатыря.
Принагнулъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Взмолился Настасьи королевичной:

- « Повыташи гвоздя хоть ногтями,
 « Я теперича Марьи голову срублю,
 245 « А возьму тебя, Настасью королевичну. »
 Тащила гвоздя она ногтями,
 Прибила Татарина тутъ мертваго,
 Мертваго она, мерзлаго,
 Прибила Татарина она на стѣну:
 250 А того Михайлу Потыка сына Ивановича,
 Провела въ покои въ особе.
 Увидѣлъ король Полицовскій:
 « Кого ведешь въ шубы чернаго соболя? »
 Говорила Настасья королевичны:
 255 — Была со мной маленька служаночка,
 — Увидала русскаго богатыря,
 — Гдѣ она увидала, испугалася,
 — Такъ веду я ее въ покои въ особе.—
 Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
 260 Заростилъ раночки кровавыя.
 Та жъ Настасья Лебедь Бѣлая
 У того короля Полицовскаго
 Просила коня богатырскаго
 Повыѣхать во чисто поле.
 265 Онъ далъ ей коня богатырскаго,
 Посадила Михайлу Потыка сына Ивановича.
 Повыѣхалъ онъ во чисто поле,
 Воротился на дворъ королевскій,
 Закричалъ голосомъ богатырскимъ.
 270 Услыхала Марья Лебедь Бѣлая,
 Та Подоленка королевичны,
 Наливала чару питья забудущаго,
 Выбѣгала на крылечко на переное,
 Подносила Михайлы Потыку сыну Ивановичу:
 275 — Ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 — Ты прими-ка сію чару единой рукой,
 — Да и выпей чару единымъ духомъ,
 — Да и поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
 — Ко ласковому князю ко Владиміру.—
 280 Михайла до вина былъ упачливый,
 Принялъ чару единой рукой,
 Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ.
 Услыхала Настасья королевичны,
 Отворила косяшчето окошечко,
 285 Кричала ему жалкимъ голосомъ:
 « Ты, Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
 « Ты, знать, позабылъ свою заповѣдь! »
 Услыхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
 Взмахнулъ своей саблею вострой,
 290 Отнялъ де онъ Марьи буйну голову,

Взялъ замужъ Настасью королевичну,
 Возвратился ко граду ко Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру.
 Тутъ по три дня было пированье
 295 Про того Михайлу Потыка сына Ивановича.
 Тутъ вѣкъ про Михайлу старину скажутъ,
 Синему морю на тишину,
 А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

29.

Д Ю К Ъ.

(Гильфердингъ, № 152.)

Во тоя Индѣи было во богатия,
 Тамъ жилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
 Онъ ходилъ-гулялъ по тихимъ по заводямъ,
 Стрѣлялъ сѣрыхъ гусей и стрѣлялъ лебедей;
 5 Всѣхъ повистрѣлялъ ровно триста стрѣлъ,
 Ровно триста стрѣлъ, да еще три стрѣлы.
 Триста-то стрѣламъ онъ цѣну вѣдаетъ,
 Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
 Когда билъ онъ изъ-подъ камня сподъ яхонта само-
 цвѣтнаго,
 10 Убилъ три орла и три орловица;
 Онъ не тыхъ убилъ, которы летаютъ на святой Руси,
 А тыхъ убилъ, которы летаютъ по синимъ морямъ:
 Онъ сидитъ орелъ на синенькомъ на камешки,
 Ужъ онъ рутитъ орелъ перьяца орлиныя;
 15 Когда идутъ гости-корабельщики,
 Подбираютъ это перьяце орлиное,
 Развозятъ это перьяце (на ярманку),
 Продаваютъ это перьяце орлиное
 Подороже-то атласа и рыта бархата;
 20 Покупали мужики-то индѣйскіе,
 Приносили это перьяце орлиное

- Его Дюкову-то батюшку въ подарочки,
 А онъ самъ убилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Съ тоя съ великія со радости
- 25 Пошелъ къ государыни родной матушки,
 Онъ сталъ просить прощеньице съ благословеньицомъ:
 «Ахъ ты ей, государыни родна матушка!
 «Дай-ка ты прощеньице съ благословеньицомъ
 «Ихатъ ко граду ко Кіеву,
- 30 «Ко ласкову князю ко Владиміру,
 «Мни прямой дорожкой, не окольной.»
 Говоритъ государыни родна его матушка:
 — Что не дамъ прощеньице съ благословеньицомъ
 — Ёхатъ ко граду ко Кіеву
- 35 — Ко ласкову князю ко Владиміру
 — Прямой дорожкой, не окольной.
 — На той прямой дорожки, не окольной,
 — Есть три заставы великія.
 — Первая застава великая:
- 40 — Стоять тутъ горы толкуціи;
 — Тыи жъ какъ горы врозъ растолкнутся,
 — Врозъ растолкнутся, вмѣстѣ столкнутъ,
 — Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
 — Тутъ тебѣ молодому живу не бывать.
- 45 — Есть другая великая тамъ застава:
 — Сидятъ тамъ птицы клевуціи;
 — Тые птицы тебя съ конемъ склюютъ;
 — Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
 — Тутъ тебѣ молоду живу не бывать.
- 50 — Есть третія великая тутъ застава:
 — Лежитъ Змиище-Горынчище,
 — О двинадцати змيا о хоботахъ;
 — Тоя змيا тебя съ конемъ сожретъ;
 — Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
- 55 — Тутъ тебѣ молодому живу не бывать. —
 Онъ бояринъ своей матушки не слушался,

---

1) Весь разсказъ пѣвецъ спуталъ; ср. былинну у Кириши.—Б.

- Пошелъ на конюшню на стоялую,
 Беретъ узду въ руки тесмянную,
 Одивалъ на мала бурушка-кавурушка;
 60 По колѣнъ было у бурушка въ землю зарощено ¹⁾.
 Онъ поилъ бурка питьемъ медвяннымъ,
 Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
 Сидлалъ коня въ сиделышко Черкасское,
 Онъ иотнически клалъ на потнически,
 65 На потнически кладетъ войлоцки,
 А на войлоцки Черкасское сиделышко,
 Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подируговъ,
 А тринадцатой клалъ ради крѣпости,
 Чтобы добрый конь съ-подъ сидла не выскочилъ,
 70 Добра молодца съ коня не вырутилъ.
 Подпруги были шелковыя,
 Шпенъки были вси булатныя,
 А пряжки у сѣдла красна золота:
 Тогда шелкъ не рвется и булатъ не трется,
 75 Красно золото не ржавиетъ,
 Молодецъ на кони сидитъ—самъ не стариетъ.
 Онъ садился на добра коня,
 Прощался съ государыней родной матушкой.
 Говорила ему родна матушка:
 80 — Ахъ ты ей, рожоно мое дитятко,
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Если случитъ Богъ во гради во Кіеви,
 — Ты не хвастай животинками сиротскими,
 — Сиротскими животинками вдовиными. —
 85 Первой поприщей скочилъ бурка цѣлу версту,
 Онъ ко земли бурка припадывалъ;
 Испровѣщился ему добрый конь,
 Ему голосомъ ли целовѣцскимъ:
 — Ты ей, хозлинъ мой любимый!
 90 — Опускай-ка-ся съ меня со добра коня,
 — Бери земли сыро-матерой,

---

¹⁾ Конь по колѣна заросъ въ землю.—Б.

- Подвязывай подъ нелечко подъ правое
 — И подъ другое подвязывай подъ лѣвое,
 — Чтobъ не страшно бы сидѣть на добромъ кони,
 95 — А я стану бурушко поскакивать,
 — Съ горы на гору, съ холмы на холму,
 — Рики и озера перескакивать,
 — Гдѣ широкія раздолья—между ногъ пущать.—
 А какъ прѣхали они ко первой ко заставы:
 100 А стоятъ тутъ горы толкуціи;
 Тыи жъ какъ горы врозь растолкнулись,
 И не успѣли горы вмисти столкнуться,
 Онъ первую заставу проскакивалъ.
 Добѣжалъ до другія до заставы ль:
 105 Сидятъ тутъ птицы клевуціи;
 Хотѣли его птицы съ конемъ склевать,
 Не успили птицы крылушекъ расправити,
 Онъ и другу заставу проскакивалъ.
 Онъ ко третьей заставы прискакивалъ:
 110 И лежитъ Змиище-Горынчище,
 О двѣнадцати змيا о хоботахъ;
 Не успѣла змيا хоботу расправити,
 Онъ и третью заставу проскакивалъ.
 Онъ ко граду ко Кіеву прискакивалъ,
 115 И заидетъ какъ онъ на княженецкій дворъ,
 Оставилъ своего добра коня,
 Добра коня середъ бѣла двора,
 Не привязана и не приказана;
 Самъ пошелъ во гредню во столовую.
 120 Онъ крестъ кладетъ по писанному,
 Поклонъ ведетъ да по ученому,
 На вси три-четыре на стороны,
 Княгини-то Апраксii да въ собину:
 «Здравствуешь, княгиня Апраксiя!
 125 «Гдѣ есть солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій?»
 Говоритъ княгиня тутъ Апраксiя:
 — А солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій къ обидни

сшоль. —

- Онъ пошелъ во церковь тутъ во Божию:
 По тыя по улицы по широкія
- 130 Мостовыя были черною землею изнасыпаны,
 Да ихъ подлило водою дождевою,
 Сдѣлалась грязь-та по колѣну де;
 Замаралъ онъ сапожки-ты зеленъ сафьянъ.
 Приходитъ во церковь во Божию,
- 135 Крестъ кладетъ по писаному,
 Да поклонъ ведетъ по ученому,
 На вси три-четыре стороны,
 А солнышку Владиміру да въ собину:
 «Здравствуешь, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
- 140 «Да съ своей княгиней со Апраксіей!»
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Ты откудашной, удалой доброй молодець,
 — Ты коей орды, да ты коей земли,
 — Какъ тебя именемъ зовутъ,
- 145 — Нарекаютъ тебя по отечеству? —
 Говоритъ удалый добрый молодець,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 «Я есть изъ Индѣи изъ богатыя
 «Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
- 150 «Отстоялъ дома раннюю заутреню
 «И сюда пріѣхалъ ко обѣднѣ де.»
 Говорятъ вси князи, да вси бояра,
 Тая жъ говоритъ да вся мелка чета:
 «Что не быть этому молодому боярину,
- 155 «Тому же ли Дюку Степановичу,
 «А есть какой-нибудь дѣтинушка залѣшеникъ ¹⁾:
 «Онъ убилъ купца, либо боярина,
 «Надѣлъ платье въ дѣтина не видаючи,
 «Все онъ, дѣтина, на платье поглядываетъ.»
- 160 Вышли они со Божьей со церкви,
 Вышли они на улицу на широкую,
 На ту дуброву на зеленую.

¹⁾ Залѣшанинъ.—Б.

Говорить молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:

« Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки,

165 « Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрись ¹⁾;

« Ажно въ Кіеви да не по нашему:

« Церкви-ты у васъ вси деревянные,

« У васъ маковки на церквахъ всѣ осиновыя,

« А мостовыя у васъ черною землею засыпаны,

170 « Подлило водою ихъ дождевою ди,

« Сдѣлалась грязь-то по колѣну ди;

« Замаралъ я сапожки-ты зеленъ сафьянъ. »

Какъ приходятъ тутъ въ палаты бѣлокаменны,

Садились они тутъ за дубовъ столъ,

175 За дубовъ столъ хлѣба кушати,

Они бѣлыхъ калачиковъ рушати.

Какъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Онъ мякишъ ѣсъ, въ немъ корку подъ столъ мечеть.

Говорить Владиміръ стольно-Кіевскій,

180 Самъ говоритъ да таково слово:

— Ахъ, ты на что же мякишъ ѣшь,

— Корку подъ столъ мечешь? —

Говорить молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:

« Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки,

185 « Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ;

« Ажно въ Кіеви все по не нашему:

« У васъ печечьки все каменные,

« Помялчики у васъ сосновыя,

« Пахнутъ калачики крупивчеты

190 « На тую ль на сѣру на сосновую,

« На сосновую на сѣру на капучую;

« Не могу я истъ калачиковъ крупивчетыхъ.

« Какъ у моей государыни родной матушки,

« У честной вдовы Мамелфы Тимоѣевной,

195 « Тамъ церкви есть у насъ все каменные,

« Известочкой они отбилены,

« Маковки на церквахъ самоцвѣтныя;

---

¹⁾ *Добрисъ*—добръ есть, хорошъ.

- « У насъ крышечки ли въ домахъ золоченыя,
 « Мостовыя рудожелтыми песочками изнасыпаны,
 200 « Сорочинскія суконца приразостланы,
 « Не замараешь тутъ сапожковъ-то зеленъ сафьянъ,
 « Идутчись во церковь Божію;
 « У насъ печечки ли въ домахъ все муравлены,
 « А помялчики у насъ въ домахъ все шелковыя,
 205 « е!І этъ она все калачики крупивчеты;
 « Калачикъ съѣшь—другой хочется,
 « Другой съѣшь—по третьемъ душа горитъ,
 « Третій съѣшь—четвертый съ ума нейдетъ. »
 Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 210 — Я вижу, что ты молодецъ захвасливый;
 — Ты ударь съ нашимъ Чурилой о великъ закладъ,
 — Что вамъ ихать въ чисто поле поляковать,
 — Чтобъ на всякой день были кони смѣнныи,
 — Смѣнныи кони перемѣнныи,
 215 — Снова на ново, все на три года,
 — На три года да еще на три дни,
 — Чтобы въ три года такой шерсти не было;
 — Чтобъ на всякій день платья были цвѣтныя,
 — Цвѣтныя платья перемѣнныя,
 220 — Снова на ново, все на три года,
 — И на три года, да еще на три дни,
 — Чтобы въ три года такого цвѣта не было;
 — И въ третій день вамъ итти ко Божьей церкви:
 — Который-то добрѣе у васъ выступитъ,
 225 — Другому голова рубить.—
 По тоемъ было Чурилы по Пленковичи
 А держали поруку двумя градмы:
 Первымъ Кіевомъ, другимъ Черниговымъ;
 А по томъ было по молодомъ бояринѣ,
 230 По немъ не было никакой порукушки,
 А держалъ по немъ крѣпкую поруку-ту
 Тотъ владыко Черниговскій,
 Тотъ крестовый его батюшка.
 Они не спусять домой стонять

- 235 За своимъ за платьицемъ за цвѣтнымъ.
 Закручинился бояринъ, запечалился,
 Садился скоро на ременцетъ стулъ,
 Писалъ онъ скорописцатые герлики ¹⁾,
 Полагалъ въ сумки переметныя,
- 240 Отпущалъ онъ мала бурушка-кавурушка.
 Тутъ сталъ его бурушка поскакивать
 Съ горы на гору, съ холмы на холму,
 Рѣки-озера перескакивать,
 Широки раздолья между ногъ пущать.
- 245 Какъ будетъ во Индѣи во богатыя
 У него государыни родной матушки
 На широкомъ двори,
 Заржай ²⁾ голосомъ лошадинымъ;
 Тутъ услыхала государыни родна матушка,
- 250 Выбѣгала она на крыльце на переное ³⁾,
 Увидала она своего добра коня,
 Сама говорить да таково слово:
 « Видно, нѣтъ жива рожинова дитятки,
 « Стоитъ у крыльца одинъ добрый конь. »
- 255 Увидала она сумки переметныя,
 Сама говорить да таково слово:
 « Что рожино мое дитятко захвастливо,
 « Захвастливо да—знать—захвачено. »
 Снимала она сумки переметныя,
- 260 Вынимала скорописцатые герлики,
 Полагала ему платья цвѣтныя,
 По три пары положила на всякій день,
 Ново на ново на три года,
 Ай на три года, да еще на три дни,
- 265 Отпущала мала бурушка-кавурушка.
 Какъ онъ будетъ во гради во Кіеви
 У ласкова князя у Владиміра,
 У Владиміра на широкомъ двори,

---

¹⁾ *Герлики*—ярлыки.

²⁾ *Заржалъ; заржи*—въ употребленіи прошедшаго времени.—*Б.*

³⁾ Съ перилами.—*Б.*

Заржай голосомъ лошадинымъ:

- 270 Всѣ терема пошаталися,
 Все во градѣ приужаснулися.
 Сами говорятъ таковы слова:
 «Есть какой-нибудь у насъ во градѣ уродище.»
 Услыхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 275 — Знать пришелъ малый бурушка-кавурушка. —
 Получалъ свои платья цвѣтныя.

Тутъ поѣхали они во чисто поле поляковать:

- Тотъ Чурилушка Пленковичъ
 Погналъ лошадей туды цѣлымъ стадомъ,
 280 А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Пораньше поутру повыстанеть,
 Бурка въ росы онъ повыкатаетъ,
 На бурки-то шерсть перемѣнится.
 Проѣздили они цѣло три года,
 285 Цѣло три года, да еще по три дни;
 Сегодня имъ итти ко Божьей церкви:
 «А который-то добрые изъ насъ выступить,
 «Другому изъ насъ голова рубить.»

Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ—

- 290 Во своемъ во градѣ ему дѣется—
 Приходили какъ въ церковь Божию,
 Тотъ Чурилушка Пленковичъ
 Онъ становился на крылосо ¹⁾ на правое,
 А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 295 Становился на крылосо на лѣвое.
 Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ
 Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
 Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
 Какъ отъ пуговки было до пуговки
 300 Плыветъ Змиище-Горынчище.
 Тутъ все въ церкви приужаснулися,
 Сами говорятъ таково слово:
 «Что у нашего Чурилушки Пленковича

¹⁾ Клірось-отъ, крылось-тъ.

- « Есть отмѣточка противъ молода боярина,
 305 « Противъ молода Дюка Степановича. »
 Закручинился бояринъ, запечалился,
 Повѣсилъ свою буйну голову,
 Утупилъ ясны очи во сыру землю,
 Самъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
 310 Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
 Вдругъ запили птицы пѣвуціи,
 Закричали звѣрки вси рыкуціи;
 А тутъ вси въ церкви да о зень ¹⁾ пали,
 О зень пали, а иные обмерли.
 315 Говорить Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Ахъ ты, молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
 — Приўми-тка птицы ты клевуціи,
 — Призаклиць-ка звѣрей тыхъ рыкуціихъ,
 — Оставъ людей намъ хотъ на сѣмена.—
 320 Говорилъ молодой Дюкъ Степановичъ:
 « Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
 « Не твое я сегодня ѣмъ да кушаю,
 « Не хочу я теперечу тебя слушати. »
 Говорить владыка-то Черниговскій:
 325 — Ахъ ты ей, крестово мое дитятко,
 — Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 — Приўми-тка птицы ты клевуціи,
 — Призаклиць-ка звѣрей тыхъ рыкуціихъ,
 — Оставъ людей намъ хотъ на сѣмена.—
 330 Онъ послушалъ крестоваго своего батюшки,
 Онъ приўнялъ птицъ тыхъ пѣвуціихъ,
 Призакликалъ звѣрей тыхъ рыкуціихъ,
 Самъ говорилъ таково слово:
 « Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
 335 « Намъ которому съ Чурилой голова рубить? »
 А тутъ говорилъ Чурилушка Пленковичъ:
 — Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
 — Ты ударь-ко о великъ закладъ:

¹⁾ О зень. — Б.

— Переѣхать намъ чрезъ Пучай-рѣку,
 340 — А и Пучай-рѣка на два поприща;
 — Который-то не можетъ перескочить,
 — Тому изъ насъ и голова рубить. —
 Поѣхали они чрезъ Пучай-рѣку.

Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:

345 « Твоя похвальба на передъ зашла,
 « Поѣзжай черезъ рѣку ты попереди. »

Какъ поѣхалъ Чурила чрезъ Пучай-рѣку,
 О полу-рѣки Чурила въ воду вверзился,
 А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 350 Скоро-на-скоро скочилъ чрезъ Пучай-рѣку,

Еще того скорѣе поворотъ держалъ:
 О полу-рѣки да онъ припадывалъ,
 Чурилу за желты кудри захватывалъ;
 Повытащилъ Чурилу съ конемъ съ воды,

355 Не спустить Чурилы онъ до Кіева,
 А самъ говорить таково слово:
 « Ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
 « Намъ которому съ Чурилой голова рубить? »
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій.

360 — Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
 — Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
 — А оставь намъ Чурилу хоть для памяти. —

Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 « Ахъ ты ей, Чурилушка Пленковичъ!
 365 « Пусть ты княземъ ты Владиміромъ упрошенный,
 « Пусть ты Кіевскими бабами уплаканный!
 « Не изди съ нами со бурлаками,
 « А сиди во гради во Кіеви,
 « Ты во Кіеви во градѣ между бабами! »

370 Тутъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
 Онъ сталъ отправлять туда ¹⁾ оцѣнщиковъ,
 Его Дюковыхъ животныхъ описывать:
 Онъ стараго казака Илью Муромца,

---

¹⁾ Въ Индію.

Въ другихъ молода Добрынюшку Никитича,
375 А во третьихъ Олешу Поповича.

Испроговорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

« Не посылайте-ка Олешеньки Поповича,—

« А его глазишечки поповскіе,

« Поповскіе глазишечки, завидливы,

380 « А ему оттоль да видъ не выѣхать!

« Посылайте-ко стараго казака Илью Муромца,

« Въ другихъ молода Добрынюшку Никитича;

« Не берите-ка бумаги на три мѣсяца,

« А вы берите-ка бумаги на три года,

385 « А на три года, да еще и на три дни. »

Какъ отправились они во Индѣю во богатую,

Подѣхали подѣ Индѣю подѣ богатую,

Повыстали на гору на высокую,

Увидили Индѣю тую богатую,

390 Сами говорятъ да таково слово:

« Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

« Онъ послалъ, знать, туды вѣсточку на родину,

« Чтобы зажгали Индѣю ту богатую:

« Ай, горить Индѣя та богатая! »

395 Какъ подѣхали они поближе де:

У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,

У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,

Мостовыя рудожелтыми песочками призасыпаны,

Сорочинскія суконца приразостланы.

400 Пришли они въ палаты бѣлокаменны,

Ай сидитъ жена стара-матера,

Стара-матера сидитъ жена вся въ золоти.

Они быють челомъ да поклоняются:

« Ты вздравствуешь, Дюковая матушка! »

405 Говоритъ жена стара-матера:

— Что я есть не Дюковая матушка.—

. . . . .

Пришли они въ покои въ другіе:

Сидитъ жена стара-матера,

410 Еще болѣе того она въ золоти,

- Она въ золоти, да она въ серебри.
Они быють челомъ, да покланяются:
« Ты вздравствуешь, Дюковая матушка! »
Говорить жена стара-матера:
415 — Что я есть не Дюковая матушка,
— А есть Дюкова колачница. —
Говорять послы да княженецкіе:
« Гдѣ же есть Дюковая матушка? »
Говорить жена да стара-матера:
420 — Что ушла она къ обѣдни ко долгія. —
Идетъ она изъ церкви изъ Божія,
Двое-трое ю ведутъ подъ руки,
Она бьетъ челомъ, покланяется:
— Вы здравствуйте, мужики вы общѣнники!
425 — Вы зачѣмъ сюда теперь пріѣхали?
— Знать, сиротскихъ животишичекъ описывать? —
Садилися они за дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они стали истъ калачиковъ крупичетыхъ:
Калачикъ-отъ съидять -- другаго хочется,
430 Другой съидять—по третьемъ душа горить,
Третій съидять—четвертый съ ума нейдетъ.
Вышли изъ-за стола изъ-за дубоваго;
Проводила она ихъ во погреба,
Посадила она ко сбруямъ ко лошадинымъ:
435 Писали они тутъ по три года,
По три года они писали, по три дни,
Не могли общѣнить однѣхъ сбруй лошадиныхъ.
Повела она ихъ по погребамъ да по глубокимъ:
Висятъ бочки красна золота,
440 А другія висять чиста серебра,
А третьи висять скатна жемчуга.
Повывела она на широкій дворъ:
А течетъ тутъ струйка золоченая,—
А тутъ не могли они смѣты дать.
445 Говорила мужикамъ она общѣнникамъ:
— Вы скажите-ко солнышку Владимиру,
— Пуцай попродасть на бумагу весь Кіевъ градъ,

- На чернила продасть весь Черниговъ градъ,
 — Тожно пусть прїѣдетъ животишечковъ описывать.—
 450 Какъ прїѣхали ко граду ко Кіеву,
 Къ тому ли ко солнышку ко Владиміру,
 Сами говорятъ таково слово:
 « Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
 « Наказывала тебѣ Дюковая матушка:
 455 « Велѣла на бумагу продать она весь Кіевъ градъ,
 « На чернила продать весь Черниговъ градъ,
 « Тожно прїѣхать животишечковъ описывать. »
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
 460 — За твою за великую за похвальбу
 — Ты торгуй въ нашемъ во гради во Кіеви,
 — Во Кіеви во гради вѣкъ безъ пошлыны. —
 Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Онъ поѣхалъ къ государыни родной матушки,
 465 Тутъ сдѣлалъ онъ съ ней доброе здоровьице.
 Тутъ вѣкъ про Дюка старину скажутъ,
 Синему морю да на тишину,
 А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

30.

СТАВЕРЪ.

(Гильферд. № 151.)

- Во стольномъ было городѣ во Кіеви,
 У ласкова князя у Владиміра,
 Какъ было пированіе—почестный пиръ
 На многіе князи на бѣяры,
 5 На всѣхъ-тыхъ гостей званыхъ-браныхъ,
 Званыхъ-браныхъ гостей, приходящихъ.
 Всѣ на пиру наѣдалися,

- Всѣ на честномъ напивались,
 Всѣ на пиру порасхвастались:
- 10 Инный хвалится добрымъ конемъ,
 Инный хвалится шелковымъ портомъ,
 Инный хвалится селами со приселками,
 Инный хвалится городами съ пригородками,
 Инный хвалится родной матушкой,
- 15 А безумный хвастаетъ молодой женой.
 Изъ тыя изъ земли Ляховицкія
 Сидѣлъ молодой Ставеръ сынъ Гоудиновичъ:
 Онъ сидитъ за столомъ—да самъ не хвастаетъ.
 Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
- 20 — Ай же ты, Ставеръ сынъ Гоудиновичъ!
 — Ты что сидишь—самъ да не хвастаешь?
 — Аль нѣтъ у тебя села со приселками,
 — Аль нѣтъ городовъ съ пригородками,
 — Аль нѣтъ у тебя добрыхъ комоней,
- 25 — Аль не славна твоя родна матушка,
 — Аль не хороша твоя молода жена? —
 Говоритъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ:
 « Хотя есть у меня села со приселками,
 « Хотя есть города съ пригородками:
- 30 « Да то мнѣ молодцу не похвальба;
 « Хотя есть у меня добрыхъ комоней,
 « Добры комони стоятъ—все не ѣздятся:
 « Да то мнѣ молодцу не похвальба;
 « Хоть славна моя родна матушка:
- 35 « Да и то мнѣ молодцу не похвальба;
 « Хоть хороша моя молода жена,—
 « Такъ и то мнѣ молодцу не похвальба:
 « Она всѣхъ князей-бояръ да всѣхъ повыманить,
 « Тебя, солнышка Владиміра, съ ума сведеть. »
- 40 Всѣ на пиру призамолкнули,
 Сами говорятъ таково слово:
 « Ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
 « Засадимъ-ка Ставра въ погребѣ глубокіе:
 « Такъ пуцай-ка Ставрова молода жена

- 45 « Насъ князей-бояръ всѣхъ повыманить,
 « Тебя, солнышка Владиміра, съ ума сведеть,
 « А Ставра она изъ погребѣ повыручить! »
 А былъ у Ставра тутъ свой человѣкъ.
 Садился на Ставровѣ на добра коня,
- 50 Уѣзжалъ во землю Ляховицкую
 Ко той Василисты Микуличной:
 — Ахъ ты ей, Василиста дочь Микулична!
 — Сидишь ты—пьешь да проклаждаешься,
 — Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
- 55 — Какъ твой Ставеръ да сынъ Гоудиновичъ
 — Посаженъ въ погребѣ глубокіе;
 — Похвасталъ онъ тобой, молодой женой,
 — Что «князей-бояръ всѣхъ повыманить,
 — А солнышка Владиміра съ ума сведеть. » —
- 60 Говоритъ Василиста дочь Микулична:
 « Мнѣ-ка деньгами выкупать Ставра—не выкупить;
 « Мнѣ-ка силой выручать Ставра—не выручить;
 « Я могу ли, вѣтъ, Ставра повыручить
 « Своею догадочкою женскою! »
- 65 Скорешенько бѣжала она къ (фельшарамъ),
 Подрубила волоса по-молодецки, де,
 Накрутилася Васильемъ Микуличемъ,
 Брала дружинишки хоробрыя,
 Сорокъ молодцовъ удалыхъ стрѣльцовъ,
- 70 Сорокъ молодцовъ удалыхъ борцовъ,
 Поѣхала ко-о граду ко Кіеву.
 Не доѣдутчи до-о града до Кіева,
 Пораздернула она хорошъ-бѣлъ шатеръ,
 Оставила дружину у бѣла патра,
- 75 Сама поѣхала ко солнышку Владиміру.
 Бьетъ челомъ, покланяется:
 « Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
 « Съ молодой княгиней со Опраксіей! »
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
- 80 — Ты откудашной, удалый-добрый молодець,
 — Ты коей орды, ты коей земли,

— Какъ тебя именемъ зовутъ,
— Нарекаютъ тебя по отечеству?—

Отвѣчалъ удалый-добрый молодецъ:

85 «Что я есть изъ земли Ляховицкія,
«Того короля сынъ Ляховицкаго,
«Молодой Василій Микуличъ, де;
«Я пріѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ—о сватовствѣ
«На твоей любимыя на дочери.»

90 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

— Я схожу—со дочерью подумаю. —

Приходитъ онъ ко дочери возлюбленной:

— Ахъ ты ей же, дочь моя возлюбленная!

— Пріѣхалъ къ намъ посолъ изъ земли Ляховицкія,

95 — Того короля сынъ Ляховицкаго,
— Молодой Василій Микуличъ, де,
— Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
— На тебѣ любимыя на дочери:
— Что же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлать?—

100 Говорила дочь ему возлюбленная:

«Ты ей, государь родной батюшко!

«Что у тебя теперь на разуми:

«Выдаешь дѣвчину самъ за женщину!

«Рѣчь-поговоря—все по женскому ¹⁾;

105 «Перески ²⁾ тоненьки—все по женскому;

«Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знать ³⁾;

«Стегна жметъ—все добра бережетъ.»

Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

— Я схожу посла да поотвѣдаю. —

110 Приходитъ къ послу земли Ляховицкія,

Молоду Василью Микуличу:

— Ужъ ты молодой Василій сынъ Микуличъ, де!

— Не угодно ли съ пути со дороженьки

— Сходить тебѣ во парную во баенку?—

115 Говорилъ Василій Микуличъ, де:

¹⁾ То-есть: рѣчь—поговорка у ней—все по женскому.—Б.

²⁾ Перстки, персты, пальчики.—Б.

³⁾ Гдѣ были кольца, тутъ и мѣсто видно.—Б.

- « Это съ дороги не худо бы! »
 Стопили ему парну баенку.
 Покуда Владиміръ снаряжается,
 Посолъ той поры во баенки испарился,
 120 Съ байны идетъ—ему честь отдаетъ:
 « Благодарствуй на парной на баенки! »
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Чтò же меня въ баенку не подождаль?
 — Я бы въ байну пришелъ—тебѣ жару поддалъ,
 125 — Я бы жару поддалъ и тебя обдалъ?—
 Говорилъ Василій Микуличъ, де:
 « Что ваше дѣло домашнее,
 « Домашнее дѣло, княженецкое;
 « А наше дѣло посольское,—
 130 « Недосугъ-то долго намъ чваниться,
 « Во баенки долго намъ париться;
 « Я приѣхалъ объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
 « На твоей любимыя на дочери. »
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 135 — Я схожу—съ дочерью подумаю.—
 Приходить онъ ко дочери возлюбленной:
 — Ты ей же, дочь моя возлюбленна!
 — Приѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія
 — Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
 140 — На тебѣ, любимыя на дочери;
 — Чтò же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?—
 Говорить какъ дочь ему возлюбленна:
 « Ты ей, государь мой родной батюшко!
 « Чтò у тебя теперъ на разуми:
 145 « Выдаешь дѣвчину за женщину!
 « Рѣчь-поговоря—все по женскому;
 « Перески тоненьки—все по женскому;
 « Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знать. »
 Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
 150 — Я схожу посла да поотвѣдаю.—
 Приходить ко Василью Микуличу,
 Самъ говорилъ таково слово:

- Молодой Василий Микуличъ, де!
 — Не угодно ль послѣ парной тебѣ баенки
 155 — Отдохнуть во ложни во теплыя?—
 « Это послѣ байны не худо бы! »
 Какъ шелъ онъ во ложню во теплую,
 Ложился на кровать на тесовую,
 Головой-то ложился гдѣ ногами быть,
 160 А ногами ложился на подушечку.
 Какъ шелъ туда Владиміръ стольно-Кіевскій,
 Посмотрѣлъ во ложню во теплую:
 Есть широкія плеча богатырскія.
 Говорить посолъ земли Ляховицкія,
 165 Молодой Василий Микуличъ, де:
 « Я приѣхалъ о добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
 « На твоей любимыя на дочери;
 « Чтò же ты со мной будешь дѣлать? »
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 170 — Я пойду—съ дочерью подумаю.—
 Приходить ко дочери возлюбленной:
 — Ай же, дочь моя возлюбленна!
 — Приѣхалъ посолъ земли Ляховицкія,
 — Молодой Василий Микуличъ, де,
 175 — За добрымъ дѣломъ—за сватовствомъ
 — На тебѣ, любимыя на дочери;
 — Чтò же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлать?—
 Говорила дочь ему возлюбленна:
 « Ты ей, государь родной батюшко!
 180 « Чтò у тебя теперь на разуми:
 « Выдаешь дѣвчину самъ за женщину! »
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Я схожу посла да поотвѣдаю.—
 — Ахъ ты молодой Василий Микуличъ, де!
 185 — Не угодно ли съ моими дворянами потѣшиться,
 — Сходить съ ними на широкій дворъ,
 — Стрѣлять въ колечко золоченое,
 — Во тоя въ остріи ножовыя,
 — Расколоть-то стрѣлочка на-двое,

- 190 — Чтобъ были мѣроу равненьки и вѣсомъ равны.—
 Сталъ стрѣлять стрѣлокъ перво князевый:
 Первой разъ стрѣлилъ—онъ не дострѣлилъ,
 Другой разъ стрѣлилъ—онъ перестрѣлилъ,
 Третій разъ стрѣлилъ—онъ не попалъ.
- 195 Какъ сталъ стрѣлять Василій Микуличъ, де,
 Натягивалъ скоренько свой тугій лукъ,
 Налагаетъ стрѣлочку каленую,
 Стрѣлялъ въ колечко золоченое,
 Во тоя острей во ножевая,—
- 200 Раскололъ онъ стрѣлочку на-двое,
 Они мѣроу равненьки и вѣсомъ равны.
 Самъ говоритъ таково слово:
 « Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
 «Я пріѣхалъ объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
- 205 « На твоей на любимыя на дочери;
 « Чтò же ты со мной будешь дѣлать? »
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Я схожу-пойду—съ дочерью подумаю. —
 Приходить къ дочери возлюбленной:
- 210 — Ай же ты, дочь моя возлюбленна!
 — Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія,
 — Молодой Василій Микуличъ, де,
 — Объ добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
 — На тебѣ, любимыя на дочери;
- 215 — Чтò же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлать? —
 Говорила дочь ему возлюбленна:
 « Чтò у тебя, батюшко, на разуми:
 « Выдаваешь ты дѣвчину за женщину!
 « Рѣчь-поговоря—все по женскому:
- 220 «Перески тоненьки—все по женскому;
 « Гдѣ жуковинья были—тутъ мѣсто знать. »
 — Я схожу, посла поотвѣдаю.—
 Онъ приходитъ къ Василью Микуличу,
 Самъ говорилъ таково слово:
- 225 — Молодой Василій Микуличъ, де,
 — Не угодно ли тебѣ съ моими боярами потѣшиться,

- На широкомъ дворѣ поборотися?—
 Какъ вышли они на широкой дворъ,
 Какъ молодой Василій Микуличъ, де,
 Того схватилъ въ руку, того въ другую,
 230 Третьего склеснетъ ¹⁾ въ середочку,
 По трою за разъ онъ на зень ²⁾ ложилъ,
 Которыхъ положить—тыи съ мѣста не стають.
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Ты молодой Василій Микуличъ, де!
 235 — Укроти-ко свое сердце богатырское,
 — Оставь людей хоть намъ на сѣмена!—
 Говорилъ Василій Микуличъ, де:
 « Я пріѣхалъ о добромъ дѣлѣ—объ сватовствѣ
 « На твоей любимыи на дочери;
 240 « Буде съ чести не дашь,—возьму нѣ съ чести,
 « А не съ чести возьму,—тебѣ бокъ набью! »
 Не пошелъ больше къ дочери спрашивать,
 Сталъ онъ дочь свою просватывать.
 Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
 245 Сего дни имъ итти къ Божьей церкви:
 Закручинился Василій, запечалился.
 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 — Что же ты, Василій, не весель есть?—
 Говорить Василій Микуличъ, де:
 250 « Что буде ³⁾ на разуми не весело:
 « Либо батюшко мой померъ есть,
 « Либо матушка моя померла.
 « Нѣтъ ли у тебя загусельщичковъ,
 « Поиграть во гусельшка яровчеты? »
 255 Какъ повыпустили они загусельщичковъ,
 Всѣ они играютъ,—все не весело.
 « Нѣтъ ли у тя молодыхъ затюремщичковъ? »
 Повыпустили младыхъ затюремщичковъ,
 Всѣ они играютъ,—все не весело.

¹⁾ Славить, сожметъ, скрючить.—Б.

²⁾ Наземь.—Б.

³⁾ Что-то.—Б.

- 260 Говорить Василій Микуличъ, де:
« Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
« Что посаженъ нашъ Ставеръ сынъ Годиновичъ
« У тебя во погреба глубокіе:
« Онъ гораздъ играть въ гуселышки яровчеты. »
- 265 Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Мнѣ повыпустить Ставра;
— Мнѣ не видѣть Ставра;
— А не выпустить Ставра,—
— Такъ разгнѣвить посла!—
- 270 А не смѣтъ посла онъ поразгнѣвати,—
Повыпустилъ Ставра онъ изъ погреба.
Онъ сталъ играть въ гуселышка яровчеты,—
Развеселился Василій Микуличъ, де,
Самъ говорилъ таково слово:
- 275 « Помнишь, Ставеръ, памятуешь ли,
« Какъ мы маленьки на улицу похаживали,
« Мы съ тобой сваечкой поигрывали:
« Твоя-та была сваечка серебряная,
« А мое было колечко позолоченое?
- 280 « Я-то попадывалъ тогды-сѣгды,
« А ты-то попадывалъ всегды-всегды? »
Говорить Ставеръ сынъ Годиновичъ:
— Что я съ тобой сваечкой не игрывалъ!—
Говорить Василій Микуличъ, де:
- 285 « Ты помнишь ли, Ставеръ, да памятуешь ли,
« Мы вѣдь вмѣстѣ съ тобой въ грамоты училися:
« Моя была чернильница серебряная,
« А твое было перо позолочено?
« А я-то помакивалъ тогды-сѣгды,
- 290 « А ты-то помакивалъ всегды-всегды?—
Говорить Ставеръ сынъ Годиновичъ:
— Что я съ тобой въ грамоты не учивался!—
Говорилъ Василій Микуличъ, де:
« Солнышко Владиміръ, стольно-Кіевскій!
- 295 « Спусти-ко Ставра съѣздить до бѣла шатра,
« Посмотрѣть дружинушки хоробрыя? »

Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

— Мнѣ спустить Ставра,—не видать Ставра,
Не спустить Ставра,—разгнѣвить посла!—

300 А не смѣетъ онъ посла да поразгнѣвати:

Онъ спустилъ Ставра съѣздить до бѣла шатра,
Посмотрѣтъ дружинушки хоробрыя.

Пріѣхали они ко бѣлу шатру,
Зашелъ Василій въ хорошъ-бѣлъ шатеръ,

305 Снималъ съ себя платье молодецкое,

Одѣлъ на себя платье женское,

Самъ говорилъ таково слово:

« Тепереча, Ставеръ, меня знаешь ли? »

Говоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:

310 — Молода Василиста дочь Микулична!

— Уѣдемъ мы во землю Политовскую!—

Говоритъ Василиста дочь Микулична:

« Не есть хвала добру молодцу,

« Тебѣ воровски изъ Кіева уѣхати:

315 « Поѣдемъ-ко свадьбы доигрывать! »

Пріѣхали ко солнышку Владиміру,

Сѣли за столы за дубовые.

Говорилъ Василій Микуличъ, де:

« Солнышко Владиміръ, стольно-Кіевскій!

320 « За чтò былъ засаженъ Ставеръ сынъ Годиновичъ

« У тебя во погреба глубокіе? »

Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

— Похвасталъ онъ своей молодой женой,

— Что князей-бояръ всѣхъ повыманить,

325 — Меня, солнышка Владиміра, съ ума сведеть.—

« Ай ты ей, Владиміръ стольно-Кіевскій!

« А нынче чтò у тебя теперь на разуми:

« Выдаешь дѣвчину самъ за женщину,

« За меня, Василисту, за Микуличну? »

330 Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло;

Повѣсилъ свою буйну голову,

Самъ говорилъ таково слово:

— Молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ!

— За твою великую за похвальбу
 335 — Торгуй во нашемъ городѣ во Кіевѣ,
 — Во Кіевѣ во градѣ вѣкъ безпошлинно!—
 Поѣхали во землю Ляховицкую,
 Ко тому королю Ляховицкому.
 Тутъ вѣкъ про Ставра старину поютъ,
 340 Синему морю на тишину,
 Вамъ всѣмъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

31.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

(Гильферд. № 153.)

Когдажъ-то возсіяло солнце красное,
 Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
 Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
 5 Всѣ на почестномъ напивались
 И всѣ на пиру порасхвастались.
 Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 «Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
 «Я повынесъ царенье изъ Царя-града,
 10 «Царскую порфиру на себя одѣлъ,
 «Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
 «И повыведу измѣну съ каменной Москвы!»
 Съ-по тыя было палаты бѣлокаменной
 Какъ не красное солнышко катилоса,
 15 А не скатный жемчугъ разсыпается,
 Ходить маленькой Иванушко царевичъ-государь,
 Испроговорить онъ таково слово:
 — Что не вывести измѣны съ каменной Москвы:
 — Сидить-то измѣна за однимъ столомъ,
 20 — Ись ¹⁾—пѣть измѣна одни кушанья,

¹⁾ Бсть.

— Платица носить одноцвѣтныя,
— Сапожки на ножкахъ одноличныя.—

Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

« Ужъ ты маленькой Иванушко, царевичъ-государь!

25 « Ты подай же измѣнщика мнѣ на очи:

« Я измѣнщику голову срублю».

Испроговорилъ Иванушко царевичъ государь,

Глурымъ дѣтскимъ разумомъ промолвился:

— Какъ на братца сказать, такъ мнѣ братца жаль,

— На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;

— Буде сказать мнѣ на братца своего,

— На того на Ѳедора Ивановича.—

— Ей ты, государь родной батюшка!

— Когда жъ мы брали съ тобой Царскій градъ,

35 — Ты-то ѣхалъ по краечку,

— Я-то ѣхалъ по другому,

— А братецъ мой ѣхалъ по середочки.

— Напередъ пословъ онъ поразсылалъ,

— Чтобы удалые поразбѣгались,

40 — А малые по кувыркъ-травы развалялися,

— А старые при домахъ оставалися.

— Теперичу измѣна вся повыстала.—

Разгорячился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,

Скричалъ же своимъ зычнымъ голосомъ:

45 « Ай вы ей, палачи немилостивы!

« Вы возьмите-ка Ѳедора Ивановича

« За тья за ручки за бѣлыя,

« За тые за перстни за злаченые,

« Сведите-ка Ѳедора въ чисто поле

50 « На тое болотцо на Житное,

« На тую на плашку на липову,

« Отрубите ему буйну голову!»

Во тую ли пору, во то время

Всѣ палачи поразбѣгались,

55 Которые разумны, растулялися ¹⁾,

¹⁾ Попрятались. Б.

- Остался воръ Малютушка Скуратовъ сынъ.
 Самъ говорилъ таково слово:
 « Я много казнилъ царей, царевичей,
 « Безъ счету королей, королевичей,
 60 « И тебя Ѳедора не спущу!»
 Береть его за ручки за бѣлыя,
 За тые за перстни за злаченые,
 Повель Ѳедора въ чисто поле
 На тое болотцо на Житное,
 65 Срубить Ѳедору буйну голову.
 Услыхала Авдотья Романовна,
 Его государыня родна матушка,
 Она чеботы обула на босу ногу,
 Кунью шубоньку одѣла на одно плечо,
 70 Побѣжала на горку на Вшивую ¹⁾
 Ко своему ко братцу ко родимому
 Ко тому Никиты Романовичу.
 Срѣтаеть братецъ ей родимый,
 А самъ говоритъ таково слово:
 75 « Что же ты, сестрица, не въ покрутѣ ²⁾,
 « Въ одной ты шубы черныхъ соболей?»
 Говорить Авдотья Романовна:
 — Ты ей же, братецъ мой родимый,
 — Ты ей, Никита Романовичъ!
 80 — Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
 — Нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
 — Того жъ де Ѳедора Ивановича;
 — Повель воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
 — На тое болотцо на Житное,
 85 — На тую плашку на липову,
 — Срубить Ѳедору буйну голову.—
 Какъ тотъ Никита Романовичъ,
 Онъ кидается, скоро бросается,
 Береть узду въ руки тесмянную,

---

¹⁾ Извѣстная мѣстность въ Москвѣ; нынѣ *Шивая горка*. Б.

²⁾ Отъ *крутиться*, радиться.

- 90 Одѣвалъ на мала бурушка-кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, не на уздана,
Городомъ ѣдетъ, голосомъ кричить,
Голосомъ кричить, самъ рукой машеть:
- 95 « Ты ей, воръ, Малютушка Скуратовъ сынъ!
« Не казни-ка ты молодого царевича,
« Ты не тѣмъ ли кусомъ самъ задавишься.»
Малютка, того не пытаючи,
Беретъ Ѳедора за желты кудри,
- 100 Клонить на плашку на липову,
Хочетъ срубить буйну голову.
Наѣхалъ Никита Романовичъ,
Смахнулъ саблей вострой,
Отнесъ Малютки буйну голову,
- 105 За него поступки неумильные.
Онъ бралъ, де, Ѳедора Ивановича,
Увозилъ на горку на Вшивую.
Сегодня день былъ суботній,
Завтрѣ день воскресный де,
- 110 Ъхать намъ ко ранной ко заутрени.
Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ нѣтъ жива молодого царевича,
Сокрутился онъ во платѣ во опальное,
Заложилъ лошадей вороныхъ
- 115 Подъ ты [кареты] подъ черныя,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
А тотъ Никита Романовичъ
Со тыя со великія радости
Одѣлъ на себя платѣ цвѣтное,
- 120 Платѣ цвѣтное, самолучшее,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ три-четыре стороны,
- 125 А Ивану Васильевичу въ особину:
« Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,

- « Со своей со любимой семьёй,
 « Со молодой со Авдотьей со Романовной,
 « Со своимъ со малыма дѣтушками,
 130 « Со тымъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
 « Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
 Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 — Ты ей же, шуринъ мой любимый,
 — Ты ей, Никита Романовичъ!
- 135 — Знать, ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
 — Вѣдь нѣтъ жива твоего любимого племянничка,
 — Того де Ѳедора Иванова:
 — Увелъ воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
 — На тое болото на Житное,
 140 — На тую на плашку на липову,
 — Срубить де ему буйну голову.—
 Говорить Никита Романовичъ:
 « Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 « Со своею съ молодой семьёй,
 145 « Съ молодой Авдотьей Романовной,
 « Со своимъ со малыма дѣтушками,
 « Со тымъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
 « Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
 Говорить Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 150 — Ты ей же, шуринъ мой любимый,
 — Ты ей, Никита Романовичъ!
 — Знать, ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
 — Вѣдь нѣтъ жива твоего любимого племянничка,
 — Того жъ де Ѳедора Иванова:
- 155 — Увелъ воръ Малютушка Скуратовичъ
 — На тое болото на Житное,
 — На тую на плаху на липову,
 — Срубить де ему буйну голову.—
 Третій разъ говоритъ Никита Романовичъ:
 160 « Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 « Со своею любимой семьёй,
 « Со молодой Авдотьей Романовной,
 « Со своимъ со малыма со дѣтушками,

- « Со тымъ со Ѳеодоромъ Ивановичемъ,
165 « Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты ей же, шуринъ мой любимый,
— Ты ей же, Никита Романовичъ!
— Знать, ты надо мной насмѣхался!
170 — Отстою какъ я раннюю заутреню,
— Прикажу тебѣ Никиты голову срубить.—
Самъ говоритъ таково слово:
— Какъ по ворахъ было по разбойникахъ,
— По разбойникахъ по ворахъ есть заступщики;
175 — По моемъ было рожономъ по дитятки,
— По немъ не было никакой заступшки!—
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?»
— Хоть бываетъ прощенье, да теперь взять негдѣ.—
180 Говоритъ Никита Романовичъ:
« Что не отрублена буйна голова
« Тому жъ де Ѳеодору Ивановичу,
« А отрублена буйна голова
« Тому Малюты Скуратову».
185 Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ кидается скоро, бросается
Ко тому ко Никиты ко Романовичу,
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
190 Самъ говоритъ таково слово:
— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?
— Дать тебѣ села со приселками,
— Али дать города съ пригородками,
— Али дать тебѣ золотой казны? —
195 Говоритъ Никита Романовичъ:
« Есть у меня золотой казны,
« Есть городовъ съ пригородками,
« И есть и селъ со приселками,
« То мнѣ молодцу не похвальба;
200 « А ты дай-ка мнѣ Микитину вотчину:

- « Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
 « Хоть коня угони, хоть жену уведи,
 « Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,—
 « Того добраго молодца Богъ простить.»
- 205 Онъ пожаловалъ Микитиной его вотчиной:
 Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
 Хоть коня угони, хоть жену уведи,
 Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,—
 Того добраго молодца Богъ простить.
- 210 Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажутъ,
 Синему морю на тишину,
 Вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

32.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

(Гильферд. № 154.)

- Во тоя было Москвы бѣлокаменной,
 У того царя сударь Алексѣя Михайловича Московскаго.
 Выходилъ какъ онъ изъ Божьей церкви,
 Становился онъ на Лобно сударь мѣсто,
- 5 На тую сударь зеленую дубраву,
 Говорилъ онъ, надежа-государь-царь:
 « Ай же вы, князи, думные бояра!
 « Пособите государю дума думати,
 « Надо думать крѣпка дума, не продумать.
- 10 « Мнѣ-ка пишетъ нынѣ король земли шведской:
 « Онъ просить у насъ города Смоленца,
 « Даваетъ ли намъ Хинскую землю.
 « Отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
 « Аль намъ за Смоленецъ постояти,
- 15 « Али намъ на Смоленецъ нанимати?»
 Выходилъ перво князь Астраханскій,

Онъ-то близко къ государю становился,

Онъ понизку государю поклонился:

— Ты, ай, сударь, надежа-государь-царь,

20 — Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!

— Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:

— Что Смоленецъ есть строенье не московско,

— А Смоленецъ есть строеньице литовско;

— Во Смоленцѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,

25 — Во Смоленцѣ казны нѣтъ ни копейки:

— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,

— А возьмите у нихъ Хинскую землю!—

Государю тыя рѣчи не слюбилися.

Говорилъ сударь надежа-государь-царь,

30 Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:

« Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!

« Пособите государю дума думати,

« Мнѣ-ка думать крѣпка дума, не продумати.

« Мнѣ-ка пишетъ нынѣ король земли шведской:

35 « Онъ просить у насъ города Смоленца,

« А даетъ ли намъ Хинскую землю.

« Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не одати,

« Аль намъ за Смоленецъ постояти,

« Аль намъ на Смоленецъ нанимати? —

40 Выходилъ второй князь Бухарскій,

Онъ-то близко къ государю становился,

Онъ понизку государю поклонился:

— Ты, ай, сударь надежа-государь-царь,

— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!

45 — Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:

— Что Смоленецъ есть строенье не московско,

— А Смоленецъ есть строеньице литовско;

— Во Смоленцѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,

— Во Смоленцѣ казны нѣтъ ни копейки:

50 — Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,

— А возьмемъ себѣ Хинскую землю.—

Государю тыя рѣчи не слюбилися.

Говорилъ сударь надежа-государь-царь,

- Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
- 55 « Вы, ай же, малы дѣтушки, солдаты!
 « Пособите государю дума думати,
 « Надо думать крѣпка дума, не продумать.
 « Мнѣ-ка пишеть нынь король земли шведской:
 « Онъ просить у насъ города Смоленца,
- 60 « А даетъ намъ Хинскую землю.
 « Такъ отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
 « Али намъ за Смоленецъ постояти,
 « Али намъ на Смоленецъ нанимать? »
 Выходилъ князь Данила Милославской,
- 65 Онъ-то близко къ государю становился,
 Онъ понизку государю поклонился:
 — Ты ай, сударь надежа-государь-царь,
 — Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
 — Бласлови мнѣ, государь, слово смолвити:
- 70 — Что Смоленецъ есть строенье не литовско,
 А Смоленецъ есть строеньице московско;
 — Во Смоленцѣ есть стрѣльцовъ сорокъ тысячъ,
 — Во Смоленцѣ казны есть—смѣты нѣту:
 — Не дадимъ мы туда города Смоленца,
- 75 — А не возьмемъ себѣ Хинскую землю!—
 Государю тыя рѣчи прилюбились.
 Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
 Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
 « Ты ай же, князь Данила Милославской!
 80 « Мнѣ-ка чѣмъ тебя на скорѣ пожаловать,
 « Я пожалую во Смоленцѣ воеводой. »
 Астраханскаго-то взять—повѣсилъ,
 А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

Записано 29 іюня 1863 г.

---

32 bis ¹⁾.

Вотъ я было въ Москвѣ бѣлокаменной,
 Изъ тоя было изъ Божьей изъ церкви,
 Вотъя было отъ обѣдни отъ долгой
 Выходилъ Алексѣй сударь Михайловичъ Московской.

- 5 Становился онъ на Лобно сударь на мѣсто,
 На тую сударь зеленую дубраву,
 Говорилъ асу надежа государь царь,
 Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
 „ Ай же вы, князи, думные бояра!
- 10 „ Пособите государю дума думати:
 „ Надо думать крѣпка дума, не продумати.
 „ Мни-ка пишетъ нонь король земли Шведскія:
 „ Онъ ужъ просить у насъ города Смоленска,
 „ А даетъ ли намъ Химскую землю.
- 15 „ Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдати,
 „ Али намъ за Смоленскъ постояти,
 „ Али намъ на Смоленскъ нанимати? “
 Выходятъ перво князь Востраханскій,
 Онъ поблизку государя становился,
- 20 Онъ понизку государю поклонился:
 — Ай ты, ай асу, надежа государь-царь,
 — Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
 — Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:
 — Что Смоленскъ есть строенье не Московско,
- 25 — А Смоленскъ есть строенье Литовско;
 — Во Смоленскѣ стрѣльцовъ вѣтъ нисколько,
 — Во Смоленскѣ казны нѣтъ ни копейки:
 — Отдадимъ мы туда городъ Смоленской,
 — А мы возьмемъ себѣ Химску землю!—
- 30 Государю тыи рѣчи не слюбилися.
 Говорилъ асу надежа государь-царь:
 „ Ай же вы, купцы-гости богатые!
 „ Пособите государю дума думати:
 „ Надо думать крѣпка дума, не продумати.
- 35 „ Мни-ка пишетъ нонь король земли Шведскія:
 „ Онъ у насъ просить города Смоленска,
 „ А даетъ ли намъ Химскую землю.
 „ Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдати,
 „ Али намъ за Смоленскъ постояти,
- 40 „ Али намъ на Смоленскъ нанимати? “

¹⁾ Сравненіе съ предыдущей былинной убѣждаетъ, что это—тотъ же текстъ, но, очевидно, записанный кѣмъ-то по порученію Рыбникова: онъ обозначенъ глухо „Изъ Петрозаводскаго уѣзда“, тогда какъ предыдущій носитъ прямую отмѣтку мѣста, времени и лица (см. Перечень къ III т. стар. изд.) *Ред.*

- Выходилъ второй князь Бухарской,
 Онъ поблизку государя становился,
 Онъ понизку государю поклонился:
 — Ай ты, ай асу, надежа государь-царь,
 45 — Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
 — Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:
 — Что Смоленскъ есть строенье не Московско,
 — А Смоленскъ есть строенье Литовско;
 — Во Смоленскѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
 50 — Во Смоленскѣ казны нѣтъ ни копейки:
 — Отдадимъ мы туда городъ Смоленской,
 — А себѣ возьмемъ Химскую землю!—
 Государю тыя рѣчи не слюбилися.
 Говорилъ асу надежа государь-царь:
 55 „ Ай же вы, малые дѣтушки, солдаты!
 „ Пособите государю дума-думати:
 „ Надо думать крѣпка дума, не продумати.
 „ Мнѣ-ка пишеть нонь король земли Шведскія:
 „ Онъ ужъ просить у насъ города Смоленска,
 60 „ А даетъ ли намъ Химскую землю.
 „ Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдати,
 „ Али намъ за Смоленскъ постояти.
 „ Али намъ на Смоленскъ нанимать? “
 Выходилъ третій князь Данила Милостравской,
 65 Онъ поблизку государя становился,
 Онъ понизку государю поклонился:
 — Ай ты, ай асу, надежа государь-царь!
 — Благослови намъ, государь, слово смолвити:
 — Что Смоленскъ есть строенье не Литовско,
 70 — А Смоленскъ есть строенье Московско;
 — Во Смоленскѣ стрѣльцовъ есть сорокъ тысячей,
 — Во Смоленскѣ казны есть—смѣты нѣту:
 — Ужъ мы станемъ за Смоленскъ стояти,
 — Ужъ мы станемъ на Смоленскъ нанимать,
 75 — Не дадимъ мы туда города Смоленска,
 — Не возьмемъ себѣ Химскія земли!—
 Государю тыи рѣчи прилюбилися.
 Говорилъ асу надежа государь-царь:
 „ Ай ты, ай асу, князь Данила Милостравской!
 80 „ Мнѣ-ка чѣмъ же бы ты нѣ скоро пожаловати?
 „ Я пожалуй во Смоленскѣ воеводою! “
 Астраханскаго-то князя взялъ—повѣсилъ,
 А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

33.

НАСТАСЬЯ ПОЛИТОВСКАЯ.

(Гильферд. № 155.)

- Какъ бы на соловья
Не зима бы студеная,
Не морозы крещенскіе,
Не леталъ бы младъ соловей
5 По мхамъ, по болотищамъ,
По частымъ наволокищамъ.
Какъ бы на молодца
Не служба государева
(Не наборы солдатскіе),
10 Не ходилъ бы я молодецъ
По чужой-дальней стороны,
По Свирской украины.
Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Прошелъ молодецъ къ королю въ Литву:
15 « Ты батюшко, король литовскій!
« Прими-ко меня во слуги-рабы,
« Во слуги-рабы, хоть во конюхи,
« Избавь меня отъ службы государевой. »
Положилъ онъ добра молодца во конюхи,
20 Цѣну онъ назначилъ ему по сту въ годъ.
Я во конюхахъ жилъ цѣло три году,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,
25 А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ онъ молодца во стольники,
Положилъ онъ молодцу по двѣсти въ годъ.
Я во стольникахъ жилъ три году,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
30 Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,

- А король молодца любилъ-жаловалъ,
 Пожаловалъ молодца онъ во ключники,
 Положилъ онъ молодцу по триста въ годъ.
- 35 Я во ключникахъ жилъ цѣло три году,
 Не шелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
 Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
 Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
 Не закусывалъ онъ бѣлымъ сахаромъ ¹⁾.
- 40 У того короля литовскаго
 Была дочь его Настасья красивая.
 Говорила королю литовскому:
 « Батюшко король литовскій,
 « Литовскій король, земли польскія!
- 45 « Мнѣ дай ко кроваткѣ кроватничка. »
 Говорилъ король политовскій:
 — Молодая Настасья королевична!
 — Выбирай ко кроваткѣ кроватничка,
 — Хоть изъ князей, а хоть изъ бояръ,
- 50 — Хоть изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
 — Хоть изъ тѣхъ изъ поганныхъ татаровей.—
 Говорила Настасья королевична:
 « Мнѣ не надо ко кровати кроватничка
 « Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
- 55 « Мнѣ не изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
 « Мнѣ не надо поганныхъ татаровей:
 « А ты дай ко кроваткѣ кроватничка,
 « Своего дай любимаго ключника.
 Пожаловалъ ей любимаго ключника
- 55 Стоять у кровати тесовыя,
 Постилать-то перина пуховая,
 Ей складать круто-складно зголовьице
 И натянуть соболино одѣяльице.

---

¹⁾ Древнѣйшая форма трехъ послѣднихъ стиховъ вѣроятно была т

Не пилъ молодецъ зелена вина,
 Не пилъ молодецъ пива пьянаго.
 Не закусывалъ медамы стоялыма,
 Стоялыма медамы сладкима.

- Три году служилъ я въ кроватничкахъ.
65 Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
И выпилъ молодецъ меду сладкаго,
И выпилъ молодецъ пива пьянаго,
Закусилъ молодецъ бѣлымъ сахаромъ,
Заходилъ во кружало королевское
70 И тутъ молодецъ порасхвастался:
« Я служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
« Перво три году служилъ я въ конюхахъ,
« Друго три году служилъ я во стольникахъ,
« Третье три году служилъ я во ключникахъ,
75 « Это три году служилъ во кроватничкахъ.
« Меня Богъ добра молодца миловалъ,
« А король молодца любилъ-жаловалъ.
« Это три году служилъ я у кроватички:
« Не стилалъ я перинки пуховыя,
80 « Не складалъ круто спальне зголовьице,
« Не натягивалъ соболино одѣяльице,
« А я спалъ на кровати тесовыя
« Съ молодой Настасьей королевичной.»
Схватили меня добра молодца,
85 Донесли королю политовскому,
Посадили въ тюрьму богадѣльную.
На третій день добра молодца
Повели изъ тюрьмы богадѣльные
Отрубить мнѣ-ка буйну голову.
90 Говорилъ я, удалый добрый молодецъ:
« Ай вы ей, сторожа политовскіе!
« Берите съ меня золотой казны:
« Ведите меня добра молодца
« Помимо окошко королевнино».
95 Закрывалъ я, удалый добрый молодецъ:
« Прости, молода Настасья королевична!
« Какъ ведутъ меня добра молодца
« Изъ той изъ тюрьмы богадѣльные
« Отрубить мнѣ буйну голову».
100 Закрывала Настасья королевична:

- Вы спустите его добра молодца,
 — Возьмите татарина мертваго,
 — Мертваго татарина, мерзлаго,
 — Отрубите ему буйну голову,
 105 — А донесите королю политовскому,
 — Что отрублена его буйна голова
 — За его поступки неумильные.—
 Приходилъ я къ Настасьѣ королевичны,
 Стала спрашивать меня добра молодца:
 110 — Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ!
 — Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
 — Есть ли у тебя молода жена,
 — И есть ли у тебя малы дѣтушки?—
 Говорилъ я, удалый добрый молодецъ:
 115 « Есть у меня въ домѣ отецъ и мать,
 « Есть у меня молода жена,
 « И есть у меня малы дѣтушки».
 Говорила Настасья королевична:
 — Ты возьми-ко мои золоты ключи,
 120 — Отмыкай-ка мои кованы ларцы,
 — Бери-ко себѣ золотой казны,
 — Столько бери, сколько надобно,
 — Чтобъ было твоимъ малымъ дѣтушкамъ
 — И осталось бы твоимъ младымъ внучатамъ.—
 125 Простился я съ Настасьей королевичной,
 И пошелъ молодецъ въ свою сторону.
 Тутъ вѣкъ про Настасью старину поютъ,
 Синему морю на тишину,
 И вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.
-
- 130 Не успѣлъ-то я сегодня угорѣть,
 Пришелъ вечеръ, голова стала болѣть,
 Зашумѣли самовары на столахъ.
 Поднесите мнѣ зеленаго вина:
 Отлучить бы ¹⁾ отъ угару голова.

---

¹⁾ Отлѣчить.

- 135 Мимо вашего широкаго двора
Протекала нонь широкая Нева,
Мимо вашихъ бѣлокаменныхъ палатъ
Протащили Ваньку волокомъ въ кабакъ.

33 bis.

- Какъ бы на соловья не зима бы студеная,
Не морозы крещенскіе,
Не леталъ бы я соловей
По мхамъ, по болотичкамъ,
5 По частымъ наволокищамъ ¹⁾.
Какъ бы на молодца не служба государева
[И не наборы солдатскіе],
Не ходилъ бы я молодецъ
По чужой-дальней стороны,
10 По Свирской Украйны.
Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Зашелъ молодецъ къ королю въ Литву:
„Ты батюшко, король Политовскій!
„Прими-ко меня въ слуги-рабы, хоть въ конюхи ²⁾“.
15 Я во конюхахъ жилъ цѣло три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ
20 [Нейдетъ молодецъ во царевъ кабакъ,
Не пьетъ молодецъ меду сладкаго,
Не пьетъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусываетъ молодецъ бѣлымъ сахаромъ]:
Пожаловалъ онъ молодца во стольники.
25 Я во стольникахъ жилъ три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ,
30 Пожаловалъ молодца онъ во кляшники.
Я во кляшникахъ жилъ цѣло три года,

¹⁾ Наволокъ — низменный берегъ, гдѣ судно изъ воды волочится на сушу наволоки по сѣвернымъ рѣкамъ изобилуютъ сѣнокосными травами, оттого въ пѣсняхъ называются частыми, т.-е. густыми.

²⁾ Сравни. пѣсни о Михайлѣ Потыкѣ, о Сорока каликахъ со каликою. В

Служилъ королѣвѣ фамиліею,
Вѣрой-пр.вдою служилъ неизмѣнною.

Меня Богъ добра молодца миловалъ,

Не шель молодець во царевъ кабаць,
Не пилъ молодець меду сладкаго,
Не пилъ молодець пива пьянаго.
Не закусывалъ онъ бѣлымъ сахаромъ].

40 У того короля Политовского
Была дочь его Настасья Красивая.
Говорила королю Политовскому:
„Ты ей, государь родной батюшка!
„Ты дай-ка мне молодого ключника“.

45 Говорилъ король Политовскій:
— Ай же, дочь моя Настасья Красивая!
— Выбирай себѣ молодаго ключника,
— Хоть изъ князей, а хоть изъ бояръ,
— А хоть изъ русскихъ могучихъ богатырей,
50 — А хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татариновъ.—
Говорила Настасья королевична:

55 „Миѣ не надо ко кровати кроватничка,
„Миѣ не изъ князей, миѣ не изъ бояръ,
„Не изъ русскихъ могучихъ богатырей,
„Не изъ тѣхъ изъ поганныхъ татаринѡвъ:
„А ты дай ко кровати кроватничка,
„Своего дай молодого ключника“.
Онъ далъ ей молодого ключника
Стоять у кровати тесовая,

60 Постилать-то перина пуховая,
Ей складать круто-складно зголовьицо
И натянуть одѣяло соболиное.
Тутъ служилъ молодецъ цѣло три года.

Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ
65 И выпилъ молодецъ меду сладкаго,
И напился молодецъ пива пьянаго,
И зашелъ во кружало королевское,
И тамъ молодецъ порасхвастался:
„Служилъ королю всёхъ двѣнадцать лѣтъ:
70 „Перво три года служилъ я во конюхахъ,
„Друго три года служилъ я во стольникахъ,
„Третье три года служилъ я во ключникахъ,
„Эго три года служилъ я во крватничкахъ.

75 „ Меня Богъ добра молодца миловаль,
„ А король молодца любилъ-жаловаль.
„ Это три года служилъ я у кроваточки:
„ Не стиралъ перинки пуховыя,
„ И не складывалъ круто-складное зголовнице,
„ И не натягивалъ соболина оуфалышка.

- 80 „А я спалъ на кровати тесовыя
 „Съ молодой со Настасьей королевичной.“
 Тутъ схватили меня добра молодца,
 Донесли королю Политовскому;
 Приказалъ же король Политовскій
- 85 Посадить въ тюрьму богадѣльную.
 Черезъ три дни-то молодому рѣшеніе:
 Отрубить-то ему буйну голову.
 Тыя сторожа Политовскіе
 Повели какъ меня добра молодца
- 90 Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя,
 Говорилъ я, удалой доброй молодецъ:
 „Ай вы ей, сторожа Политовскіе!
 „Берите съ меня золотой казны,
 „Вы столько берите, сколько надобно:
- 95 „А ведите меня добра молодца
 „Помимо окошко королевнино“.
 Закричалъ какъ удалой доброй молодецъ:
 „Прости-ка, Настасья королевична!
 „Ведутъ какъ меня добра молодца
- 100 „Изъ той тюрьмы богадѣльныя
 „На тую плашку на липову,
 „Срубить-то мнѣ буйну голову ¹⁾“.
 Закричала Настасья королевична:
 — Спустите-ка этого молодца,
- 105 — Возьмите поганого татарина,
 — Хоть мертваго его, мерзлаго,
 — Отрубите ему буйну голову,
 — А донесите королю Политовскому,
 — Что отрублена буйна голова
- 110 — За его постушки неумильные ²⁾.
 — Ай ты ей, удалой доброй молодецъ!
 — Есть ли у тебя въ доми отецъ и мать,
 — Есть ли у тебя молода жена,
 — Есть ли у тебя малы дѣтушки?—
- 115 Говорилъ-то удалой добрый молодецъ:
 „Что есть у меня въ доми отецъ и мать,
 „И есть у меня молода жена,
 „И есть у меня малы дѣтушки“.
 — Ай ты ей же, удалой доброй молодецъ!
- 120 — Ты бери-ка мои золоты ключи,
 — Отмыкай-ка мои кованы ларцы,

¹⁾ Сколько извѣстно по другимъ многочисленнымъ разнорѣчіямъ, пѣсня
 ло этого мѣста безпрестанно въ народѣ смѣшивается съ пѣсней о Ванькѣ
 Ключничкѣ. — Б.

²⁾ Ср. опять пѣсни о Михайлѣ Потыкѣ. — Б.

- Бери-ка себѣ золотой казны,
 — Столько бери, сколько надобно,
 — Чтобы было твоимъ малымъ дѣтушкамъ.—
 125 Онъ набралъ себѣ золотой казны,
 Столько онъ взялъ, сколько надобно.
 Тутъ вѣкъ про Настасью старину поютъ,
 Синему морю на тишину,
 130 Вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

34.

ЦАРЬ САЛАМАНЪ и КУПЕЦЪ ТЕМНЫЙ ¹⁾.

- Во тоемъ во градѣ въ Ерусалимѣ
 Стояли у обѣдни у долгиа.
 Близъ того храму великаго
 Стоялъ тутъ садъ купца темнаго ²⁾.
 5 Пришелъ въ тотъ садъ купецъ темный
 Со своею женою законною,
 Говорила жена ему возлюбленна:
 «Ты ей же, мужъ мой возлюбленный!
 «Въ нашемъ саду во прекрасномъ
 10 «Теперь новости объявились:
 «Выросли на древи у насъ яблоки». —
 Подавала съ кармана ему яблоко.
 Какъ съѣлъ купецъ тую яблоку,
 Самъ говорилъ таково слово:
 15 — Ты гдѣ, жена, взяла эти яблоки?—
 Говорила жена ему возлюбленна,
 «Что есть еще этихъ яблоковъ,

¹⁾ Эта былина (стар. изд. II, 55) можетъ быть приписана Чукову по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ „Перечнѣ“ къ II тому стоитъ: „Записанныя по порученію собирателя г. Лысановымъ, а) въ Кижской волости: №№ 16, 20, 55“... Между тѣмъ принадлежность Чукову двухъ изъ этихъ записанныхъ въ одномъ пунктѣ текстовъ подтверждается прямымъ указаніемъ Гильфердинга (его №№ 150 и 151).—Ред.

²⁾ Слѣпаго.

« Только висятъ онѣ высоко есть.

« Захватись-ко за дубъ ты руками, де,

20 « А я выстану въ дубъ тотъ высокій,

« Достану тебѣ эти яблоки ».

У самой въ дубу была люлька тамъ,

Въ этой люлечки былъ полюбовничокъ.

Ложилась она къ ему въ люлечку.

25 Во тую пору, во то время

Царь Давыдъ случился на [балкони] быть

Со своей прекрасной царицею;

Увидали слѣпаго—за дубъ держится,

Говорилъ царь Давыдъ со царицею:

30 «Если бы на сей часъ слѣпому Богъ прозрѣніе далъ,

«Что бы онъ могъ сдѣлать со своей женой?»

Говорить царица прекрасная:

— На то бы были у моей сестры отверточки.—

А сынъ во чревѣ заговорилъ: «Баба по бабѣ и судъ
судить!»

35 Мать говорить, что—я чего ни будь выпью

— И тебя во чревѣ употреблю.—

А сынъ сказалъ, что «я выломлю боку,—

« Ребро проломлю и тутъ вонъ выду!»

То сотворилъ Богъ слѣпому глаза, то увидѣлъ онъ жену свою съ полюбовникомъ въ люлкѣ, и закрычалъ: — Ахъ ты, жена, эдакая дура! какъ ты могла надъ моей главою сотворить блудъ? — То сказала ему жена: «Допусти меня только до зени, то я вся твоя; хоть ты меня бей, хоть ломи, только выслушай, что я тебѣ скажу: я ночесъ спала и видѣла во снѣ сонъ: если бы мнѣ надъ твоею главою сотворить блудъ, то бы тебѣ Богъ далъ бы глаза». То взялъ свой мужъ свою жену за правую руку, поцѣловалъ и пошли домой.

Сказалъ на то царь: «Что сей мужъ ничего со своей женой не сдѣлалъ? такъ не что ему и съ глазами дѣлать!» Два раза стушилъ—и больше не видить.

Какъ скоро пришла домой царица, родила сына и приказала лакею: «его вынести на кухню и заколотъ его, и вы-

нять изъ него сердце, и зажарить, и принести ко мнѣ, что онъ будетъ мудрый и истребитъ меня». То сей часъ вынесъ лакей на кухню; и онъ сказалъ лакею, что — «не истребляй меня; черезъ меня и ты счастливъ будешь. А сей часъ иди въ спальню: сука принесла шесть псовъ; то любого ты заколи, вынь изъ него сердце, изжарь и отнеси ей.»—То сейчасъ лакей изжарилъ и принесъ къ ней псиное сердце. То взяла на вилку: «Ахъ, какъ оно на псину пахнетъ!» То сказалъ лакей, что «я несъ и противъ спальни сронилъ на полъ, и сука схватила зубами». А онъ себя велѣлъ отнести лакею въ солому. А царица послала лакея къ кузнецу на мѣсто купить мальчика; и кузнецъ продалъ. По утру отправился къ овину за соломой и нашелъ тамъ мальчика: и сталъ растить за сына. Когда уже ему сполнилось семь лѣтъ, то онъ началъ говорить своему отцу:—Скажи-ко ты мнѣ, тятенька: ходишь ли ты къ царю?—Отвѣчалъ ему отецъ, что «хожу».—А что же ты къ нему ходишь, а къ себѣ не зовешь? — То кузнецъ къ царю шелъ и попросилъ къ себѣ откушать. Спрашивалъ у отца сынъ, что—Спросилъ ли ты у царя, что, большой ли онъ свитой будетъ?—То царь сказалъ, что «я буду всей свитой». — То съ какого приходу вамъ кушанья становить? съ большого или съ малого? — Отвѣчалъ ему царь, что «ставь съ полного приходу». То приходилъ кузнецъ домой и закручинился. То спросилъ его сынъ, что — для чего онъ такъ кручиненъ? — Отвѣчалъ ему отецъ, что «лутчи бы было не спрошано: приказалъ царь ставить кушанья съ полного приходу». Отвѣчалъ ему сынъ, что—дешевле этого кушанья и нѣту: поди и вози домой рѣпу, и парь пару.—То сейчасъ пришелъ царь, подали на столъ одну пару и печенки...
